

Научно-издательский центр «Социосфера»
Исторический факультет
Бакинского государственного университета
Факультет социальных наук и психологии
Бакинского государственного университета
Факультет управления
Белостокского технического университета
Пензенская государственная технологическая академия

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 апреля 2012 года

Пенза – Баку – Белосток
2012

УДК 94+008+316
ББК 63.5(2)
Н 30

Н 30 Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия: материалы II международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2012 года. – Пенза – Баку – Белосток: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 287 с.

Редакционная коллегия:

Гаджиев Сани Тофиг оглы, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Бакинского государственного университета.

Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Пензенской государственной технологической академии.

Рзаев Азад Ахмед Ага оглы, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Азербайджана Бакинского государственного университета.

Черевач-Филипович Катажина, доктор политологии, заместитель заведующего кафедрой экономики и социальных наук факультета управления Белостокского технического университета.

Аббасова Кызылгюль Ясин кызы, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Бакинского государственного университета.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей, посвящённые истории, культуре и проблемам взаимодействия народов Евразии. Рассматриваются вопросы этногенетических и миграционных процессов, эволюции семейно-брачных отношений в их среде и социально-экономического развития, духовности и искусства. Ряд публикаций освещает проблемы науки и образования, внутривосточного развития и международных отношений.

ISBN 978-5-91990-067-2

УДК 94+008+316
ББК 63.5(2)

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЭТНОГЕНЕЗ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Сайфутдинова Г. Б., Сафина Д. Д. Тюрки – этническая история	8
Алибек С. Н., Косанбаев С. К. Антропологический состав тюркских народов в эпоху позднего средневековья.	9
Сайфутдинова Г. Б., Ахметшин Т. М. Основные вехи этногенеза татар-мишарей.....	12
Сайфутдинова Г. Б., Шайхутдинов И. Л. Структура татарского этноса до 1552 года	13
Карсакова Г. Б. Этногенез сибирских татар на территории Сибири	14
Юрченко И. Ю. Казачество как феномен в жанре «фолк-истори» постсоветской псевдоисториографии	17
Болдырева И. И. Семейный конфликт в деле из Хэрфордшира. К вопросу о правовом положении женщины в Англии начала XI века	24
Ахмадуллин В. К. Внутренняя политика великого эмира Тимура.....	27
Ахметшина А. В. Деятельность уездных земств в организации медицинской помощи населению Уфимской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.	31
Тюняев А. А. Реконструкция северного торгового пути и вызванных им миграционных процессов (на основе системных исследований данных археологии, генетики, антропологии и лингвистики)	36
Афанасьева И. Д. Внешнеэкономическое развитие Китайской Народной Республики	44

II. КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кошкарлова Ю. А. Архетипические основы медвежьего мифа	47
--	----

Сайфутдинова Г. Б., Лопухова К. Н.	
Обычаи и обряды древних славян	50
Петрова А. С.	
Русская свадьба: вчера и сегодня	51
Гончаров С. А.	
Знахарская практика у восточных славян.....	62
Ярзуткина А. А.	
Элементы обряда «Пытанкухтаг» у науканских эскимосов (по полевым материалам)	69
Крехалева Е. А.	
Русский север: музыкально-поэтическая гармония	73
Дмитришина А. М.	
Семантика и символика цвета в изображениях навий на миниатюрах Радзивилловской летописи	78
Дюсупова Р. А.	
К вопросу об особенностях культурогенеза тюркского кочевого общества в концепции Л. Н. Гумилева.....	81
Велиева Г. Ш.	
Графическое наследие Таира Салахова.....	87
Аскерова Х. З.	
Стилистика живописи Наили и Рены Ахмедовых.....	91
Спирина М. Ю.	
Традиционное прикладное искусство в культурном взаимодействии народов Евразии	97
Sofiyeva S. X.	
Sabir azərinin “Dalanda” romanında mənavi-əxlaqi keyfiyyətlərin tənəzzülü problemi	99
Ялийев В. Х.	
Илйас яфандийевин йарадыгылыында мядани ирс проблеминин бядии тязашцрц	102
Ревко-Линардато П. С.	
Греческая философия в средневековой арабо-мусульманской культуре	106
Туйчибаева З. Ш.	
Методы Бируни, примененные в изучении вопросов религии	109
Шемякина М.К.	
Аспекты антропологического рассмотрения концепта «Возрождение» в русской традиции рубежа XIX–XX веков.....	115
Сайфутдинова Г. Б., Сахабутдинова Г. М.	
Исламское образование в Поволжье XIX – XX вв.	119

Василенко В. Г. Из истории ставропольской фельдшерской школы (конец XIX–начало XX вв.)	120
Сахаров А. В. Об организации крестьянского народного университета в уездном городе Балашове Саратовской губернии в первые годы советской власти.....	123
Рзаев А. А., Гаджиев С. Т. Совершенствование форм организации научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи.....	125
Слепцов Ю. А. Проблема сохранения эвенского языка: пути поиска решений	130
Ширинская Л. А., Клявина Е. М. Культурное наследие Верхнего Подонья: вчера, сегодня, завтра	133
Габдулина А. Ж. Культурное наследие республики Казахстан: исследование памятников прошлого	146
Саяхимова Ш. Н. Сохраним историко-культурное наследие прошлых лет	154

III. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Сайфутдинова Г. Б., Махмутова Т. И. Основные демографические изменения в Татарстане в постсоветский период.....	161
Павлов Ю. А. Национальный состав римской армии в эпоху принципата	162
Чернова Т. А. Религиозная политика правительства в Башкирии во второй половине XVII в.	176
Сайфутдинова Г. Б., Биканова Т. С. Финно-угорское население Урало-Поволжья.....	185
Мухаметзянова Э. В. Складывание концепции вещания республиканского телевидения в условиях полиэтничного региона (на примере телерадиокомпании «Башкортостан»).....	186
Бормотова Т. М. Воздействие миграции на изменение этноконфессионального ландшафта в России	189

Наушабеков С. А. Азербайджанская диаспора Казахстана	192
Кисельников А. Б. Корабль «Исида» из Нимфея	195
Беленов Н. В. «Чёрные клобуки» в Волжской Булгарии.....	198
Сайфутдинова Г. Б., Загрутдинов А. Р. Освоение русскими Казанского ханства	203
Болдырева О. Н. Взгляд Н. Н. Пальмова на взаимоотношения Калмыцкого ханства с Джунгарским ханством и Китаем в начале XVIII века	204
Aliyeva-Mamedova G. Development of Turkish-American political, economic and trade relations (1991–2007)	206
Вағрова S. R. Institusional mexanizm ali təhsil müəssisəsinin beynəlxalq əməkdaşlıq konsepsiyasının gerçəkləşdirilməsi üsulu kimi	213
Гушул Ю. В. Актуальность, проблемы и перспективы сотрудничества в международных программах продвижения книги и чтения (на материале подготовки международного фестиваля «Читающая Евразия». К 100-летию Л. Н. Гумилёва).....	219
Серёжкина Т. В. Взаимовлияние тюркской и русской культур: евразийская версия.....	224
Губаненкова С. М. Геополитические условия межкультурного диалога народов Евразии (в оценках представителей течения евразийства)	230
Ağayev T. B. Müasir Dünyanın İnkişaf Meylləri	234
Şəfiyev Ü. A. Siyasi Sosiallaşma Və İnformasiya Cəmiyyəti.....	237
Məmmədova A. N. Subyektlərin ekoloji davranışının determinasiyası sosial münasibətlərin Ekolojiləşməsinin tərkib hissəsi kimi	243
Kosayev A. I. Qloballaşma Prosesinin Bəzi Aspektləri.....	249
Cabbarov R. V., Mustafayev M. H. Postmodernizm Şəraitində Şəxsiyyətin Özünügerçəkləşdirməsinin Subyektiv Və Obyektiv Şərtləri	255

Cabbarov R. V., Mustafayev M. H.	
Şəxsiyyətin Etnik-Psixoloji Xüsusiyyətlərinə Dair.....	259
Quliyeva S. Z.	
XIX–XX Əsrlərdə Azərbaycanda Baş Vermiş	
Miqrasiya Proseslərinin Nəzəri Araşdırılması	262
Rzayeva A. S. H.	
Tarix Fakültəsində Təhsilin Ənənələri Və Yenilikləri	274
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году.....	278
Информация о журнале «Социосфера»	280
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	285

I. ЭТНОГЕНЕЗ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ТЮРКИ – ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Г. Б. Сайфутдинова, Д. Д. Сафина

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The Turks – ethnolinguistic community, formed in the territory of the Altai and steppes of Asia in the I century BC.

Key words: Turks; country; people.

В настоящее время тюркские народы расселены на территории разных государств – от Средней и Центральной Азии, Северного Кавказа, Закавказья, Средиземноморья, Южной и Восточной Европы и далее на восток – вплоть до Дальнего Востока России. Тюркоязычные народы известны с III в. до н. э., но первые упоминания этнонима *тюрк* (китайское название *ту-кю*) появились в начале VI в. в Монгольском Алтае и относились к небольшому народу, впоследствии ставшему доминирующим в Средней Азии. Слово *тюрк* значит сильный, крепкий. Наряду с земледелием, одним из традиционных занятий тюрков, у них были развиты кочевое скотоводство, а также добыча и обработка железа. Историческая родина тюрков – Центральная Азия, Алтай, Джунгария. В Средние века начался процесс миграции тюрков на запад. Современные тюрки проживают во многих развитых странах мира (США, Франция, Германия, Канада, страны Скандинавии, Австралия, Новая Зеландия), а также в Иране, России, Ираке, Китае. Антропологически современные тюрки относятся к двум большим расам – монголоидной и европеоидной, однако больше распространены переходные формы. Монголоидные черты уменьшаются, а европеоидные усиливаются от Востока к Западу, наиболее монголоидными являются якуты, киргизы, хакасы, тувинцы, алтайцы и др., наиболее европеоидными – гагаузы, казанские татары, турки, азербайджанцы и др.

Библиографический список

1. Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. – Казань, 1996.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С. Н. Алибек, С. К. Косанбаев

Южно-Казахстанский государственный университет
им. М. О. Ауезова, г. Шымкент, Казахстан

Summary. In this article authors on the basis of attraction of the main fundamental anthropological works of A. I. Yarkho, V. V. Bunik, M. F. Nestruxh, Ya.Ya.Roginsky, and also the academician of NAS of Republic of Kazakhstan. Ismailov shined anthropological structure of the Turkic people of Central Asia during an era of the late Middle Ages.

Key words: anthropological structure; Turkic people; Central Asia.

Эпоха Средневековья, особенно его поздний этап, ознаменована не только развитием письменности и выходом в свет различных историко-литературных произведений, но и сложением региональных этнокультурных образований в масштабе тюркского мира в Центральной Азии. Согласно лингвистическим и антропологическим изысканиям специалистов, большинство современных тюркоязычных народов сложилось в XV–XVI вв. Об этом, прежде всего, свидетельствует лингвистическая классификация тюркоязычных народов.

Существует более 20 классификаций языков этих народов. В них принципы дифференциации тюркских народов существенно не разнятся между собой. В основу нашей системной общности положена структура, предложенная А. Н. Кононовым [5, с. 14–17] и Н. А. Баскаковым [1, с. 189].

1. Огузская группа, которая состоит из азербайджанского, турецкого, туркменского и гагаузского языка.
2. Кипчакская группа. Она подразделяется на три подгруппы: кипчаки-половцы, кипчаки-булгары и кипчаки-ногайцы.
3. Уйгуро-огузская группа. В ее состав входят тофалары, тыва, хакасы, шорцы, шулымцы и татары Сибири.
4. Кыргызо-кипчакская группа. К ней относятся алтайцы и якуты саха.

В целом вышеперечисленные языковые группы образуют следующую условную схему с учетом становления временных рамок в диахронном аспекте, который был предложен академиком О. Исмагуловым [6]. На основе этой лингвистической схемы можно составить общую картину антропологического состава тюркоязычных народов Евразии. Правда, не так уж много антропологических работ, которые содержали бы общую сводку о физических особенностях тюркоязычных народов.

Поскольку современные тюркоязычные народы в антропологическом отношении в известной мере соотносятся с физическими

особенностями позднесредневековых тюркоязычных народов на той же территории, на которой в наше время они расселены, то вполне правомерной представляется однозначность их антропологической классификации как в синхронном, так и диахронном плане. Такая постановка вопроса позволяет считать, что за последние 500–600 лет носителями региональных этнокультурных традиций, несомненно, были и остаются те же тюркоязычные народы, которые фиксируются и в наше время. В этом отношении не безинтересной представляется антропологическая классификация и характеристика собственно тюркоязычных народов в масштабе Евразии.

Первая попытка антропологической характеристики современных тюркоязычных народов Евразии принадлежит А. И. Ярхо. На основе изучения главным образом соматологических признаков среди тюркоязычных народов им была написана специальная статья, которая называлась «Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР» за 10 лет (1924–1934 гг.) [7, с. 68]. В этой и последующей своей работе «Соянские тюрки», изданной посмертно, А. И. Ярхо дифференцировал тюркоязычные народы на ряд расовых образований первого и второго порядка, то есть большие и малые расы [8, с. 148]. Тюркоязычные народы Восточной Европы, Кавказа и Южной части Средней Азии по его антропологической характеристике принадлежали в основном к европеоидной расе, а народы, расселенные собственно в Центральной Азии, относились к монголоидной расе. Народы тюркской языковой группы Алтая, Казахстана и Притяньшанья по его классификациям принадлежали в основном к смешанному расовому типу. Правда, в последней своей книге он относил казахов к недифференцированному типу монголоидной расы. При этом антропологический тип казахов им был назван алтайским, или южносибирским [8, с. 124–125]. Последний термин укоренился в русской литературе после того, как авторы В. В. Бунак, М. Ф. Неструх, Я. Я. Рогинский опубликовали в 1941 г. первый учебник по антропологии для биологов, где расовый тип казахов был назван южносибирским, а его генезис смешанным [2, с. 294–295].

В последние годы в трудах казахстанских ученых антропологический тип казахов именуется туранским по терминологии И. Е. Деникера [3, с. 122], или тураноидным, а не южносибирским как несоответствующим географическому расселению казахов.

Антропологическая характеристика тюркоязычных народов получила отражение в работах академика О. Исмагулова, который в 1961 г. опубликовал специальную и довольно содержательную статью «Антропологический состав тюркских народов» [4, с. 171], где автору удалось выделить ряд соматологических особенностей тюркоязычных народов начиная от крайнего Севера Восточной Азии до Балканского полуострова на западе. Однако на указанном простран-

стве, как свидетельствуют соматологические материалы, собранные разными специалистами в советское время и обобщенные академиком О. Исмагуловым, имеет место бесспорная неоднородность антропологического состава тюркоязычных народов. Среди них в основном обнаружены восемь европеоидных, три монголоидных типа второго порядка и два переходных типа. В масштабе тюркоязычных народов ареал европеоидных типов простирается от Средней Азии до Балканского полуострова, а очаг распространения монголоидных типов падает на Северную Азию [4, с. 192].

Судя по обобщенным данным академика О. Исмагулова по сумме (равной пяти) высокого таксономического значения антропологических признаков, взаимоотношения 24-х тюркоязычных народов Евразии представляются весьма иллюстративными. Эти данные сами за себя говорят, что в этнокультурной основе казахского народа лежит тот же расовый тип, который на протяжении ряда веков является бесспорным и основным носителем этноисторических традиций. Следовательно, между антропологической характеристикой и материально-духовной культурой казахского народа существует прямая связь. Поэтому изучение проблемы расогенеза и этногенеза казахского народа существенно дополняет друг друга несмотря на то, что они составляют разную область науки и обладают разными объектами исследования. В конечном счете антропологию и этнологию в изучении этнокультурных истоков казахского народа объединяют единые цели. Этим объясняется смысл и значение данной статьи, связанные с позднесредневековым и современным периодом истории Казахстана. Таким образом, время окончательного формирования лингвистического, исторического и антропологического единства казахского народа вполне совпадает и оно падает на период Средневековья. Поэтому начало комплексного и системного изучения этнокультурной, этноисторической, этнолингвистической и этноантропологической общности казахского народа начинается по меньшей мере с эпохи Средневековья, а не с периода колониальной экспансии соседних держав. Следовательно, начальный этап этнографического и этнологического развития казахского народа и его предков имел место исключительно в тюркоязычной среде на современной территории Казахстана на протяжении ряда тысячелетий.

Библиографический список

1. Баскаков Н. А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Т. II. – М., 1966.
2. Бунак В. В., Неструх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. – М., 1941.
3. Деникер И. Е. Человеческие расы. – СПб., 1902.
4. Исмагулов О. Антропологический состав тюркских народов // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз ССР. Т. 12. – Алма-Ата, 1961.

5. Кононов А. К. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – 2 изд-е. – Л., 1982.
6. Смағұлұлы О., Бекетайқызы К., Оразакқызы А. О. Алтай казактары (тарихи-антропологиялық зерттеу). – Астана, 2003. – 36–39 б.
7. Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924–1934 гг.) // Антропологический журнал. – 1936. – №1. – С. 68.
8. Ярхо А. И. Саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан, 1947.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭТНОГЕНЕЗА ТАТАР-МИШАРЕЙ

Г. Б. Сайфутдинова, Т. М. Ахметшин

**Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. Ethnic culture of the Tatars - Mishars Ethnic Tatar roots go back to the local Turkic tribes that lived in Eastern Europe in the territory between the Urals and the Carpathians at the end of last and beginning of new era, continue to live today.

Key words: Mishars Tatars; Kipchaks.

Булгары и мишари – два крупных тюркских племени, говоривших на диалектах одного и того же кипчакского языка, которые явились этнической основой волжских татар. Этноним «булгары» в переводе с тюркского языка означает «речные люди», а «мишары» (мажгары, мочары, можары, мадьяры) – «лесные люди». Оба этноса прошли длительный путь становления, развития, превратившись со временем в самостоятельные народности казанских татар и татар-мишарей. Татары-мишари формировались на землях волжского правобережья, юго-западных территориях Поволжья, в районах между Волгой и Окой и в Мещерской низменности – так названной русскими, как полагают исследователи, по имени ее основных жителей. Следы мишарей на огромной территории восточной Европы наблюдались еще до нашей эры, а по среднему течению Оки со II века нашего времени. Далекими предками мишарей были «акациры», а позднее – можары, особенно народ «кипчак-татар», сыгравший значительную роль в формировании татар-мишарей как составной части татарского народа. В этом процессе участвовали также отюреченные финно-угорские племена и обулгаризованные буртасы. Именно буртасы и можары называются некоторыми исследователями в качестве прямых предшественников Сергачской (или старинной алатырской) группы мишарей – предков современных нижегородских татар. Процесс сближения татар-мишарей с казанскими татарами занял ряд столетий. Велика была в этом роль ислама и кипчакского языка, ставшего государственным языком и язы-

ком всего золотоордынского этноса, диалектами которого были, как известно, болгарский и мишарский языки.

СТРУКТУРА ТАТАРСКОГО ЭТНОСА ДО 1552 ГОДА

Г. Б. Сайфутдинова, И. Л. Шайхутдинов
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. First ethnonym Tatars appeared among the Mongol and Turkic tribes in the VI–IX centuries in the XIII century. As part of the Mongols, who created the Golden Horde, where conquered by their tribes, including the Turks, the Tatars were called.

Key words: Tatars; Tats; ethnic community.

В Золотой Орде кыпчаки ассимилировали все остальные тюрко-монгольские племена и усвоили этноним татары. Так же называли население этого государства европейские народы, русские и некоторые среднеазиатские народы. В ханствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, татарами именовали себя знатные слои кыпчакско-ногайского происхождения. Именно они сыграли главную роль в распространении этнонима. Однако среди татар в XVI в. он воспринимался как уничижительный. Татарский этнос делится на три этно-территориальные группы: волго-уральские, астраханские и сибирские татары. Сибирских татар в силу особенностей культуры и этнической истории часто выделяют в самостоятельный этнос. В наиболее многочисленную группу волго-уральских татар включают этнические группы казанских татар, мишарей и касимовских татар. Оформление этнических общностей казанских, касимовских татар и мишарей проходило в XIV – середине XVI в. Казанско-татарская народность сложилась в Казанском ханстве (1438–1552), одном из значительных политических центров Восточной Европы. Этнический облик мишарей и касимовских татар формировался в зависимом от Московской Руси Касимовском ханстве (середина XV в. – 80-е гг. XVII в.). Касимовские татары, имевшие некоторые этнокультурные особенности, являлись фактически социальной верхушкой ханства и образовали группу, переходную между казанскими татарами и мишарями. Во второй половине XVI – XVIII вв. в результате массовых миграций татар в Волго-Уральском регионе произошло дальнейшее сближение казанских, касимовских татар и мишарей, что привело к сложению общности волго-уральских татар. Астраханские татары – потомки золотоордынских групп и более ранних компонентов хазарского и кыпчакского происхождения, в XV–XVII вв. – население Астраханского ханства, частично Ногайской Орды и других ногайских княжеств, испытывавшее сильное воз-

действие ногайцев. В их составе есть другие компоненты – отатаренные таты, индийцы, среднеазиатские тюрки. С XVIII в. усиливается взаимодействие волго-уральских и астраханских татар (а также сибирских), происходит формирование единого татарского народа.

ЭТНОГЕНЕЗ СИБИРСКИХ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Г. Б. Карсакова

Кокшетауский государственный университет
им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан

Summary. This article considers the ethnogenesis of the Siberian Tartars. At the present time the ethnogenesis of the Siberian Tartars presents itself as a process of amalgamating Ugrian, Samoyed, Turkic, partly Mongolian tribes and ethnic groups, which had been a part of different ethnic communities. Kypchak and Turkic nomadic tribes, mixed up with the aboriginal Samoyed and Ugrian population of West Siberia. The ethnic processes, the main stages of the Siberian Tartars' ethnogenesis were also under consideration.

Key words: West Siberia; Siberian Tartars; ethnic groups; ethnogenesis; the Tartars; the Turks.

В начале XV в. в процессе распада Золотой Орды образовалось Сибирское ханство, центром которого первоначально была Чимга-Тура (Тюмень). После монгольских походов XIII века территория татар сибирских входила в Золотоордынское государство, образованное ханом Батыем. Наиболее ранние государственные образования сибирских татар – Тюменское ханство (в XIV веке с центром в Чимге-Туре, на месте современной Тюмени), в конце XV – начале XVI вв. – Сибирское ханство (по названию поселения Сибирь, или Кашлык). Ханство объединило многие тюркоязычные народы, сплотившиеся в его рамках в народность сибирских татар. Рост хозяйственных и культурных связей, родственность языков и другие факторы приводили к возникновению новых надплеменных этнических общностей. В XIV–XVI веках сложились основные группы сибирских татар. Татары сибирские (самоназвание) – народ в России (около 190 тыс. человек в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях) [1, с. 31]. Живут также в Казахстане, некоторых странах Средней Азии и Турции (всего около 20 тыс. человек). Этнические группы – тоболо-иртышская (включает курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских и ясколбинских татар), барабинская (включает барабинско-туражских, любейско-тунусских и теренинско-чойских татар), томская (включает калмаков, чатов и эуштинцев). В наиболее общем виде этногенез татар сибирских представляется в настоящее время

как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских племен и народностей, вошедших в состав разных групп этой этнической общности. Проникновение тюрков в эти районы происходило в основном двумя путями – с востока из Минусинской котловины и с юга из Средней Азии и Алтая. Видимо, первоначально территорию заселения татар сибирских заняли древние тюрки Тюркских каганатов. В Томском Приобье определенную роль в формировании тюркоязычного населения сыграли кыргызские и телесские племена. Автохтонными тюркскими племенами в составе татар сибирских считаются аялы, курдаки, туралы, тукузы, саргаты и др. Возможно, именно древнетюркские племена, а не кыпчаки, появившиеся позднее (в XI–XII веках), составили основной этнический компонент на первом этапе этногенеза татар сибирских [2, с. 13]. В IX–X веках на территорию Томского Приобья продвигались кимаки – носители сросткинской археологической культуры. Из их среды вышли кыпчакские племена и народности. В составе татар сибирских зафиксированы племена и роды хатанов, кара-кыпчаков, нугаев. Наличие в тоболо-иртышской группе племен мрассы и кондомы указывает на их этногенетическую связь с шорскими племенами. Позднее в состав татар сибирских вливались желтые уйгуры, бухарцы-узбеки, телеуты (в тарскую, барабинскую и томскую группы), казанские татары, мишари, башкиры, казахи. Они, за исключением желтых уйгуров, и усилили кыпчакский компонент в составе татар Западной Сибири. Подавляющую массу сибирских бухарцев составляли узбеки и таджики, кроме того, в их составе встречались уйгуры, казахи, туркмены и, видимо, каракалпаки, а в Сибири в них вливались в отдельных случаях сибирские и казанские татары. Сибирские татары населяют сельские местности южной части Тюменской и Томской и северные части Омской обл., частично города Западной Сибири. Они подразделяются на тобольских, тюменских, томских, барабинцев, чулымцев и др. в соответствии с местом расселения. Язык сибирских татар относится к кыпчакской группе тюркских языков, он распадается на ряд диалектов и говоров. В культурном отношении сибирские татары близки казанским татарам. В этногенезе сибирских татар главную роль сыграли кыпчакские тюркоязычные кочевые племена, смешавшиеся с аборигенным самодийским и угорским населением Западной Сибири [3, с. 120]. В XV–XVI вв. составляли основное население Сибирского ханства, после падения которого в 1598 г. часть племен продвинулась на восток в районы современного Томска. С сибирскими татарами смешались переселенцы из Средней Азии – т. н. сибирские бухарцы, а также часть переселившихся в Сибирь казанских татар. Этническая история татар сибирских в рамках Русского государства была непростой. Это связано с огромной территорией расселения их в Западной Сибири, определенной разобщенностью, контактами со многими

народами, со сложным социальным составом и многими другими факторами. Постепенно стабилизировались этнические территории татар сибирских, хотя отдельные их перемещения наблюдались в конце XIX–XX вв. Несмотря на возникновение у них территориальной разобщенности в составе Российского государства, существовала взаимосвязанность тоболо-иртышских, барабинских и томско-обских тюркоязычных групп, которая создавала возможность для развития консолидационных процессов татар сибирских. Татары сибирские расселены в основном в средней и южной частях Западной Сибири от Урала и почти до Енисея. Селения их разбросаны среди русских деревень, часть русских проживает в самих татарских селениях и составляет в них порой 15–30 % всего населения. Значительные группы татар сибирских живут в городах Тюмени, Тобольске, Омске, Таре, Новосибирске, Томске и др. Былая компактность их расселения в городах в татарских слободах исчезла. В городах Западной Сибири осели и многие волго-уральские татары. Все тюркские группы, относившиеся к татарам сибирским, в конце XVII века насчитывали 16 тыс. [4, с. 330]. У барабинцев исчезло представление о делении их на группы и племена, лишь в отдельных селениях сохраняются знания о тугумах – генеалогических группах. У тоболо-иртышских и томских татар ослабли, но полностью не исчезли представления о делении на субэтнические группы. По мнению одних ученых, татары сибирские – самостоятельный народ, другие ученые указывают на незавершенность их консолидации в единый этнос, считая, что они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность. Сибирские бухарцы окончательно вошли в состав татар сибирских к середине XX века. В 1960–80-е годы имели место активные процессы сближения и частичного смешения татар сибирских с волго-уральскими татарами.

Библиографический список

1. Бакиева Г. Т. Сибирские татары в составе Российского государства в XVII–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства / отв. ред. И. К. Загидуллин. – Казань, 2009. – 232 с. – С. 29–33.
2. Исхаков Д. М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. – Казань : Институт истории АН Республики Татарстан, 2002. – С. 13–14.
3. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 120. – 410 с.
4. Сибирские татары // Сибирь. Атлас Азиатской России. – М. : Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. – С. 330. – 664 с.

КАЗАЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН В ЖАНРЕ «ФОЛК-ИСТОРИ» ПОСТСОВЕТСКОЙ ПСЕВДОИСТОРИОГРАФИИ

И. Ю. Юрченко
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет);
Межвузовский центр по историческому образованию
в технических вузах РФ, г. Москва, Россия

Summary. The article deals with the Cossacks as a special phenomenon in the works of the genre "Folk History." This was the original genre in the last two decades popular in the post-Soviet pseudo-historiography. The article concluded that the nationalist roots of this phenomenon. The author notes the original interpretation of the history of the Cossacks in various representatives of the folk history. The popularity of this issue is caused by the problem of ethnic origin of the Cossacks.

Key words: Cossacks; Folk History; historiography; nationalism.

Сегодня феномен «фолк-истори» (в другом написании – «фольк-истори») остается одним из актуальных историографических и культурных явлений общественной и научной жизни не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Агрессивная пропаганда «новых учений» широкими тиражами соседствует с вялотекущей «борьбой за выживание» уважаемой академической науки в научных журналах и редких в наше время научно-популярных изданиях. Характерно, что при этом фолк-истори и ее научная критика существуют в параллельных информационных пространствах. Ученые пытаются осмыслить этот феномен и найти ему рациональные объяснения или историографические толкования [9]. Президиум РАН проводит заседания по проблеме борьбы с лженаукой, однако распространению последней, судя по всему, это не мешает [5]. Не вдаваясь далее в глубокие теоретические споры, мы рассмотрим одну прикладную проблему, а именно феномен казачества в историографическом контексте фолк-истори.

Прежде, чем перейти к рассмотрению историографической конкретики, надо отметить двойственность возможного толкования самого термина фолк-истори. Сегодня этот термин в России, как правило, употребляется во вполне определенном, хотя точно не сформулированном, значении псевдоистории, фальсификата или «симулякра» истории как элемента коммерческой массовой культуры (такого же как «желтая пресса», «популярное чтение» и т. п.). Но нельзя забывать и о первоначальном значении, связанном с фольклором, «народной», «национальной» и даже националистической версией или прочтением истории. В этой связи нельзя не упомянуть о нацистской мифологизации и намеренной фальсификации (мистификации) истории Европы и германского Рейха. С нашей точки

зрения, именно «исторический» национализм становится питательной средой для широкой популяризации псевдоисториографических концепций и теорий. Национализм, торжествующий на обломках империи, представляет собой, прежде всего, явление народной культуры, утверждающей свою независимость и самодостаточность. Политический национализм в известном смысле паразитирует на этой культурной почве. Поэтому новым национальным элитам требуется историческое обоснование своих претензий на элитарность, и «великое прошлое» (реальное или сфабрикованное) становится именно таким обоснованием. Отсюда вырастают нацистский постмодернистский оккультизм, языческая обрядность и примитивный расизм Гитлера, Гимmlера, Геббельса и их идейных вдохновителей из общества Тулле. Обращаясь же непосредственно к предмету статьи, обратим внимание на тот любопытный факт, что один из основоположников казачьего национализма – атаман П. Н. Краснов – не только активно сотрудничал с нацистами, но и впервые сформулировал типичную для жанра фолк-истории «готскую концепцию» арийского происхождения казачества. Эта концепция нашла полное одобрение у фюрера и стала идеологическим обоснованием нацистской пропаганды для привлечения казаков в ряды вермахта в годы Великой Отечественной войны. Надо сказать, что автору статьи довелось лично участвовать в археологической экспедиции при раскопках могилы германского вождя на верхнем Дону. Так что нельзя априорно отрицать возможность участия в числе прочих и готского элемента в формировании этнического облика казаков. Однако из такой возможности отнюдь не следует утверждение, что в начале XX в. казаки являли собой представителей арийской расы. При этом аргументация Краснова именно методологически близка к принятой в фолк-истории и строится на неочевидных аналогиях и чисто внешнем описании «расовых характеристик нордического типа» у современных ему казаков.

Надо отметить, что генерация национальных (народных) исторических мифов есть нормальная, здоровая функция осмысления и культурной фиксации обществом собственной картины исторического прошлого в массовом сознании. Мифологизированные исторические сюжеты всегда присутствуют в общественном бессознательном и находят свое воплощение в фольклоре. И этот факт не вызывает какого-либо раздражения у академической науки, которая не первое столетие собирает, сохраняет и изучает народное «историческое творчество» в форме сказок, былин, песен. Возмущение исторической науки вызывает спекуляция не вполне добросовестных авторов, которые пишут мифологизированную псевдоисторию «под свои интересы», эксплуатируя общественные настроения и стереотипы. При этом зачастую отходит на второй план то обстоятельство, что популярность жанра фолк-истории и его коммерче-

ский успех у читателей вызваны к жизни самим обществом, выдающим запрос на удовлетворение и компенсацию скрытых, но не подавленных националистических комплексов, возникших «на развалинах» Советского Союза и его марксистско-ленинской идеологии исторического материализма. Для новоявленных постсоветских политических и культурных элит конструирование национальных версий исторического прошлого стало одним из способов легитимизации и суверенизации в новых политических условиях. Не осталось в стороне от этих тенденций и казачество.

В последовавшие за развалом СССР два десятилетия казачий национализм получил заметное развитие и распространение почти на всем постсоветском пространстве. В некоторых странах казачий национализм представляет собой самостоятельное и самодостаточное явление. Одним из пропагандистов такого «самостийного» казачьего национализма в России стал известный «этнический казачий журнал Казарла» [4]. Можно также назвать ряд казачьих интернет-ресурсов аналогичной направленности: «Казакция.Инфо», «Майдан Казарла: форумы казачьего народа», «Вольная станица», «Казачий народ – социальная сеть» [3].

В других случаях казачий национализм может выступать в форме «защиты интересов русскоязычного населения» (например в Казахстане) или служить своеобразным «знаменем» национальной идентичности на Украине. Наличие же культурного (или политического) национализма, как мы помним, создает благодатную почву для расцвета жанра фолк-истори. Особенное значение этот фактор приобретает в условиях, когда «официальная» наука не пришла к единому мнению в трактовке феномена казачества и не дает удовлетворительного ответа на вопрос этноидентификации казаков. Этот вопрос действительно остается сегодня одним из самых дискуссионных в новейшей историографии, что было показано автором в ряде публикаций, к которым мы можем отослать заинтересованного читателя [14], а также в специальной монографии [15]. Здесь же мы можем констатировать, что пока профессиональные историки «молча» собирают факты и ведут дискуссии на страницах академических журналов, выходящих тиражом около 1000 экземпляров, слово от имени науки смело берут увлеченные дилетанты и недобросовестные псевдоисторики.

Основоположником историографии казачьего национализма и одновременно казачьей фолк-истори можно считать донского историка-самоучку Евграфа Петровича Савельева (1860–1927?). Не случайно творческое наследие Е. П. Савельева после длительного периода забвения востребовано сегодня и пользуется большой популярностью как у казачьих националистов, так и у известных представителей новейшей российской фолк-истори. Весьма показательно очередное переиздание главного труда Савельева – «Древ-

ней истории казачества» в серии «Тайны Земли Русской» со вступительной статьей «Историк, казак и провидец» признанного «авторитета» среди фолк-историков А. И. Асова [8]. Автор уже обращался ранее к подробному историографическому анализу наследия Е. П. Савельева [12], поэтому ниже мы ограничимся лишь краткой исторической справкой.

Расцвет научного и литературного творчества Савельева пришелся на переломный момент в истории страны и казачества – время Революции и Гражданской войны в России. Он стал первым основателем национальной казачьей историографии и единственным известным нам казачьим историком, работавшим и публиковавшимся в краткий период существования независимой и суверенной Донской казачьей республики – Всевеликого Войска Донского (1918–1920). Именно в этот период Савельев публиковал свой главный труд по истории казачества, в котором выдвинул и обосновал собственную концепцию истории казаков как древнего и самобытного славянского (но не русского) народа. До установления Советской власти на Дону историк успел выпустить в свет только первые три части истории казачества, охватывающих «древнюю и среднюю» историю до конца XVIII столетия. До сих пор неизвестно, успел ли Савельев закончить рукопись своей «истории», сумел ли ее опубликовать и какова дальнейшая судьба архива донского писателя-историка. Поэтому на данный момент трудно сделать какие-либо вполне определенные выводы обо всей цельной концепции казачьей истории Савельева. Однако и того, что дошло до наших дней, достаточно для утверждения приоритета этого автора в рассматриваемых областях казачьей национальной историографии. Вместе с тем в творчестве Савельева «невооруженным глазом» ясно видны и многие характерные жанровые пороки фолк-хистори. Среди таких недостатков можно выделить следующие: некритическое восприятие источников, народная этимология, наивная логика, избыточная эмоциональность и публицистичность изложения, необоснованное «удревнение» хронологии, отсутствие высшего специального исторического образования. Однако эти недостатки нельзя однозначно поставить в вину казачьему историку, если учесть обстоятельства времени и места написания «Древней истории казачества». Савельев работал в рамках своей идейной парадигмы, которую он сам сформулировал так: «Донские казаки, служившие с честью около четырех веков Московскому государству и своею доблестью и рыцарской храбростью известные всему миру, должны иметь и знать свою историю» [8, с. 221]. Такой казачий национальный подход «был не ко двору» ни до Революции, ни после установления Советской власти, а в краткий период «донской незалежности» Савельев просто не мог успеть «пройти тернистый путь в науку» и был обречен остаться в истории науки энтузиастом-дилетантом.

Наступившая после окончания Гражданской войны в СССР историографическая эпоха «единственно верного учения» вынесла за скобки любые попытки покушения дилетантов на историю. После публикации печально-знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)» никаких альтернативных взглядов в советской историографии не могло быть в принципе. Поэтому новый этап в развитии казачьего вопроса в жанре фолк-истории наступил только после развала СССР на фоне начавшихся бурных процессов казачьего ренессанса. Первым и самым значимым историографическим явлением в эти годы стала «новая хронология» академика РАН, математика по специальности, А. Т. Фоменко, одно имя которого вызывает нервное раздражение и аллергию у любого современного профессионального историка.

В своих многочисленных книгах, издаваемых под грифом «научное издание», Фоменко выдвинул воистину сенсационную концепцию всей мировой истории и участия в ней казачества. Отрицая как фальсификат всю древнюю и большую часть средневековой истории, Фоменко не только не обошел своим вниманием казаков, но и сделал их главной действующей силой мировой истории в глобальном масштабе. Достаточно мельком взглянуть на карту «Царство пресвитера Иоанна или русско-турецкая орда как главная сила XIV–XV вв.» [7, с. 269, рис. 3.4], чтобы ясно увидеть, что казакам (главной военной силе русско-турецкой орды) принадлежала большая часть мира – вся Евразия (с Китаем и Индией), Северная Африка и Аляска. Для полноты картины отметим, что, по утверждению Фоменко, именно казаки правили в «Древнем Египте» и построили Великие пирамиды и статую Большого сфинкса. На этом героическом и циклопическом фоне блекнут блестящие математические выкладки и, в общем-то, достаточно разумные идеи о родственных связях казаков с монголами, тюрками, Хазарией и Кавказом. Однако все это звучало в то время, когда официальная советская историография почти вовсе не обращала внимания на историю казачества, а школьные учебники трактовали происхождение казаков от беглых крепостных крестьян в общем русле печально знаменитой с царских времен «беглохолопской теории», которая со времени своего возникновения звучала оскорбительно для казаков. В таких условиях теории Фоменко не могли не вызвать энтузиазма у некоторой части казачьих националистов. Хороший пример подобной критики официальной советской концепции происхождения казачества и одновременно развития идей Фоменко можно видеть в произведениях И. И. Куренного [6]. Таким образом, в рамках неогиперкритицизма «новой хронологии» Фоменко (который не зря ссылается на известнейшего гиперкритика XIX в. – Каченовского) казачий национализм находит свое обоснование, по сути, в том, что до появления казаков на исторической сцене истории вообще не существовало.

Если Фоменко привлекает казаков широтой эпического размаха великой (монгольской) казачьей империи в самом недалеком прошлом, то неоязыческая концепция уже упоминавшегося А. И. Асова [2] и других поклонников Велесовой книги, напротив, удревяет историю казачества на многие тысячи лет и видит в казаках чуть ли не древнейшее племя на земле. Именно поэтому Асов с большим уважением относится к Савельеву и к его концепции древнеславянского происхождения казаков от скифов и т. п. Разделяет многие взгляды Асова и один из наиболее известных и популярных казачьих писателей-историков – В. Е. Шамбаров, чьи произведения зачастую также относят к жанру фолк-истории. Однако, на наш взгляд, собственно исторические книги Шамбарова, посвященные казачеству [10], как раз отличаются достаточной достоверностью и добросовестностью, хотя, разумеется, в силу своей откровенной пристрастности и эмоциональности не могут быть признаны научными в академическом смысле этого слова. Здесь надо, правда, отметить, что две приведенные ниже в ссылке книги Шамбарова – это фактически одна и та же книга, но изданная под разными названиями. Отдельного упоминания заслуживают произведения в жанре фолк-истории Мурада Аджи (М. Э. Аджиева) и А. А. Арцруни [1], в которых представлены версии соответственно тюркско-половецкого и армянского происхождения казачества. Подробному анализу феномена Мурада Аджи в освещении истории казачества автор уже уделял внимание в двух статьях [11; 13], где приведен полный библиографический перечень его книг.

Таким образом, мы можем видеть, что даже беглый обзор произведений в жанре фолк-истории, посвященных феномену казачества, демонстрирует широкое распространение сегодня этого своеобразного историографического явления на постсоветском пространстве и что главный вопрос, находящийся в центре внимания фолк-историков, – проблема происхождения казаков и их этноидентификации.

Библиографический список

1. Арцруни А. А. Великая Армения. Дух свободы и казачество: глубинные корни казачества. – М. : КомКнига, 2005. – 94 с.
2. Асов А. И. Русколань: Древняя Русь. (История и традиции русского казачества). – М. : Вече, 2003.
3. КАЗАКИЯ.ИНФО : Национальный казачий информационный ресурс [сайт]. URL: <http://forum.kazakia.info> (дата обращения: 01.04.2012) ; Майдан Казарла: форумы казачьего народа [сайт]. URL: <http://forum.kazarla.ru/index.php/> (дата обращения: 01.04.2012) ; Вольная станица [сайт]. URL: <http://www.fstanitsa.ru/> (дата обращения: 01.04.2012) ; Казачий народ – социальная сеть [сайт]. URL: <http://kazaknation.com/index.php> (дата обращения: 01.04.2012) и др.

4. Казарла: этнический казачий журнал / учредитель и издатель Н. Е. Ерёмичев. – Пятигорск (Ставроп. кр.). – 2009. – № 1. – 2011. – № 3 (10).
5. Кругляков Э. П. Чем угрожает обществу лженаука // Вестник Российской академии наук. – Т. 74. – 2004. – № 1. – С. 8–27.
6. Куренной Игорь. Критика традиционной истории казачества. [интернет-публ.]. URL: <http://www.newchrono.ru/frame1/Publ/kazaki.htm> (дата обращения: 01.04.2012).
7. Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М. : Факториал, 1997. – 752 с.
8. Савельев Е. П. Древняя история казачества. – М. : Вече, 2007. – 480 с.
9. См. напр.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. – М., 1998 ; Володихин Д. М. Феномен Фольк-Хистори // Международный исторический журнал. – 1999. – № 5 ; Перевалов С. М. Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестник Владикавказского научного центра. – 2002. – № 3 (начало); № 4 (окончание) ; Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и Новейшая история. – 2004. – № 3 ; мн. др.
10. Шамбаров В. Е. Казачество: История вольной Руси. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2007 ; Его же. Казачество: Путь воинов Христовых. – М. : Алгоритм, 2008.
11. Юрченко И. Ю. Казаки – тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М. Э.)) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5 (10). – С. 65–69.
12. Юрченко И. Ю. Казачий панславизм донского историка Е. П. Савельева в годы войн и революций как историографическое явление // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2011 г. – Пенза – Белосток – Прага : НИЦ «Социосфера», 2011. – С. 52–62.
13. Юрченко И. Ю. Проблема этноидентификации северокавказского казачества в интерпретации новейшего неопантюркизма в произведениях Мурада Аджи (Аджиева М. Э.) // «Наше Отечество. Страницы истории». Сб. науч. тр. Вып. 5 / под общ. ред. проф. В. С. Порохни. – М. : МАИ, 2009. – С. 284–292.
14. Юрченко И. Ю. Проблемы исследований раннего этногенеза северокавказского казачества в контексте новейших генетических исследований // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апр. 2011 г. – Пенза – Баку : НИЦ «Социосфера», 2011. – С. 21–27.
15. Юрченко И. Ю. Казаки и Умиротворение Кавказа в XIX веке (этноисторический аспект) : этническая история Северокавказского казачества в годы Большой Кавказской войны Российской Империи / LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbruken, Germany, 2011. – 255 с.

СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ В ДЕЛЕ ИЗ ХЭРФОРДШИРА. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИИ НАЧАЛА XI ВЕКА

И. И. Болдырева

Воронежская государственная медицинская академия
им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Summary. The article focuses on the early-eleventh-century Herefordshire lawsuit. It is concluded that the charter representing the case provides ambiguous information concerning Anglo-Saxon women's legal position.

Key words: Anglo-Saxon lawsuits; early medieval women; legal status.

Правовые памятники англосаксов предоставляют очень ценный материал для изучения положения женщины в эпоху раннего Средневековья. Их дополнительная ценность отчасти определяется тем, что в повествовательных источниках X – начала XI вв. (как светских, так и церковных) современницы в отличие от литературных персонажей фигурируют достаточно редко.

Важной категорией правовых свидетельств является актовый материал, в котором мы сталкиваемся с реальными историями реальных людей. От англосаксов IX – середины XI вв. сохранилось большое количество грамот. Среди них – королевские пожалования, брачные контракты, записи судебных тяжб и завещания, ставшие важным источником для изучения статуса женщины, ее правового и социально-экономического положения, а также содержащие важные подробности и детали, отразившие восприятие и место женщины в раннесредневековом английском обществе.

В историографии англосаксонские грамоты, в том числе записи судебных разбирательств, неоднократно привлекались для обоснования тезиса об относительном равенстве между полами в изучаемый период. В последнее время не все исследователи так единодушны [4, р. 74–75]. На наш взгляд, для прояснения данного вопроса весьма интересно подробно проанализировать судебный процесс, где в лице тяжущихся сторон выступают представители разных полов, на примере дела из Хэрфордшира.

Дело из Хэрфордшира является одной из немногих англосаксонских судебных тяжб, затронувших интересы женщины [2, р. 150–153; 3, р. 602–603]. Этот процесс состоялся в период правления Кнута Великого (1016–1035) и примечателен тем, что тяжба имела место между близкими родственниками, матерью и ее сыном, по инициативе последнего. Более того, дама уверенно выиграла дело, даже не явившись в суд.

Разбирательство, о котором идет речь, произошло между 1016 и 1035 гг. в суде шайра в Эйлстоунхилле, неподалеку от Хэрфорда (графство Хэрфордшир). Истцом выступил Эдвин, сын некоего вал-

лийца Энниауна. На суде присутствовали представитель церкви (епископ Этельстан), представитель короля (Тофиг Гордый), несколько крупных землевладельцев «и все тэны Хэрфордшира» («ealle þa þegnas on Herfordscire»). Судя по тексту грамоты, началом разбирательства послужили претензии, предъявленные Эдвином к матери на владение землями в Веллингтоне и Крадли («spæc þær on his agene modor æfter sumon dæle landes þæt wæs Weolintun and Cyrdesleah»).

Поскольку мать на слушанье не явилась, ее представителем назвался один из землевладельцев, Туркил Белый, заявив при этом, что не знаком с мнением самой женщины («þa he ða talu na ne siðe»). Чтобы прояснить ситуацию, в Фоли, где в то время находилась ответчица, были отправлены трое тэнов. Посланцам она заявила, что землями, принадлежащими ее сыну, не владеет («þa sæde heo þæt heo nan land hæfde þe him ahl to gebyrede»). В гневе на сына («gebeah heo swiðe eorlice wið hire sunu») она призвала к себе супругу Туркила Белого Леофлэд и в присутствии всех изложила свою волю: «Здесь находится Леофлэд, моя родственница, которой я после смерти отдаю все мои земли, мое золото, мою одежду и имущество, которым владею» («her sit Leoflæde min mage þe ic geann ægðer ge mines landes ge mines goldes gerægles ge reafes ge ealles þe ic ah æfter minon dæge»). Затем она просила тэнов огласить ее волю перед судом и выступить свидетелями, добавив, что сыну не оставляет «ни единой вещи» («næfre nan þing») из своего состояния. По возвращении в Эйлстоунхилл посланцы повторили слова женщины, а Туркил Белый поднял вопрос об официальном признании ее завещания, что и было сделано.

Таким образом, дело из Хэрфордшира началось с иска Эдвина, а завершилось оглашением завещания его матери, которое вовсе не отвечало интересам сына. В тексте грамоты нет никакой конкретной информации о дальнейшей судьбе земель, из-за которых, собственно, и возник спор. Судя по всему, иск Эдвина оказался неудовлетворенным, а его мать праздновала победу.

Однако мать Эдвина была далеко не единственным заинтересованным лицом в благоприятном для нее исходе этого разбирательства. Наследницей состояния, и, видимо, немалого, стала ее родственница Леофлэд. Складывается впечатление, что, настаивая на своей неосведомленности, супруг Леофлэд лукавил, стремясь спровоцировать скорейшее оглашение выгодного для него завещания и вместе с тем замаскировать личный материальный интерес. Если внимательнее присмотреться к тексту документа, имя Туркила фигурирует в нем целых пять раз, а имя матери Эдвина вообще не указано. Туркил Белый представляет в суде обеих женщин и ходатайствует о признании наследницей своей жены. Показательно, что именно ему мы обязаны имеющейся у нас грамотой. По окончании

слушанья не кто иной, как Туркил Белый, с согласия присутствовавших на суде, отправляется в Хэрфордский собор, чтобы оформить рассмотренное дело документально. Сохранившаяся грамота излагает ход разбирательства с позиций победившей стороны. Неудивительно, что о предыстории этого семейного конфликта Туркил ничего не сообщает, равно как и о реакции истца на решение, принятое судом. Были ли притязания Эдвина правомерны, и на чьей стороне была правда – нам остается только догадываться.

О семейном статусе матери Эдвина данная грамота также не содержит никакой информации, но, поскольку супруг женщины здесь не упомянут, скорее всего, она была вдовой. Большинство англосаксонских аристократок, чьи завещания сохранились до наших дней, принадлежали именно к этой социальной категории. Из законодательных памятников нам известно, что в позднесаксонской Англии вдовы составляли особую категорию населения, положение которой, с одной стороны, нуждалось в правовой защите от посягательств родственников и охотников за богатым приданным, но с другой – могло обеспечить авторитет и самостоятельность, особенно бездетным вдовам или вдовам, имевшим взрослых детей [1, с. 79–80].

Дело из Хэрфордшира, безусловно, подтверждает, что к концу раннего средневековья знатные англосаксонские дамы, владевшие немалым состоянием, имели шанс успешно защитить свои интересы в суде. Вместе с тем из текста грамоты совершенно очевидно, что это была не столько победа самой женщины, сколько победа Туркила Белого – человека, взявшего на себя заботы по защите интересов родственницы и при этом не забывшего о своих собственных. Судебный процесс из Хэрфордшира наглядно иллюстрирует, каким ажиотажем мог сопровождаться дележ вдовьего наследства еще при ее жизни. И даже выиграв судебную тяжбу, аристократка могла остаться безымянной для официального документа, что, принимая во внимание отсутствие у позднесаксонских женщин права подписывать грамоты, не может не восприниматься как еще одно свидетельство двойственности их правового положения.

Библиографический список

1. Болдырева И. И. Правовой статус раннесредневековой женщины в зеркале англосаксонского законодательства конца IX – середины XI вв. // Вестник Воронежского гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 78–83. – (Сер. История. Политология. Социология).
2. Anglo-Saxon Charters [text] / ed. by A. J. Robertson. – 2nd ed-n. – Cambridge, 1939.
3. English historical documents / ed. by D. Whitelock. – L., 1955. – Vol. 1. (с. 500–1042).
4. Leyser H. Medieval Women: A Social History of Women in England 450 – 1500. – L., 2004.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОГО ЭМИРА ТИМУРА

В. К. Ахмадуллин

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета, г. Нефтекамск, Республика Башкортостан, Россия

Summary. This article is devoted to the domestic policy of one of the famous governors of the medieval East – to Timur. Distribution feudal system, features of agrarian policy is described. The special attention is given to the organization of court and judicial system, tax policy. The reason for economic prosperity of the state is explained, the description of some types of manufacture and the most known goods is given.

Key words: Timur; Central Asia; Timurides; Iran; Turkic tribes; Samarkand.

Внутренняя политика Тимура отвечала интересам кочевой и оседлой феодальной знати, на которую он опирался. Оставив Среднюю Азию, кроме Ферганы, под своим непосредственным управлением, все остальные области он раздал членам своей фамилии, а также военной и духовной знати.

Собирая феодальные владения в единое феодальное государство, Тимур вместе с тем сам порождал новые владения, раздавая в суюргал, т. е. в лен или феоде, округа, области, даже целые страны. Суюргал как восточная форма лена получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом тогда подразумевали передачу в наследственное владение и управление определенной земли с правом взимания с ее жителей государственных налогов целиком или частично в пользу взимавшего. На основе суюргального пожалования и раздавал Тимур в управление отдельные части своего государства прежним властителям, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам за их заслуги. Так, завоевав крепость Ахлат, Тимур вернул ее на основе суюргального пожалования прежнему владельцу Адилю Джужу [3, с. 37]. Когда Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 г. ликвидировал династию Куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Балкана, Бадахшана, Хутталяна, Хисара, и передал его своему третьему сыну, Мираншаху. На той же суюргальной основе Мираншаху в 1393 г. был передан «престол Хулагу-хана» – бывшие владения Хулагуидов. В 1393–1394 гг. второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 г., Пир-Мухаммеду, сыну Джахангира, на том же основании Тимур передал «престол Газневидов» – земли, составлявшие Газневидский султанат.

После Мираншаха «престол Хулагу-хана» был передан сначала Мухаммед-Султану, сыну Омар-шейха, а после его смерти в 1403 г. эти земли отошли к Омару, сыну Мираншаха. На том же ос-

новании Рустэм, брат другого Пир-Мухаммеда, владел Исфаганом, а Абу Бекр, сын Мираншаха, – Багдадом.

Государство Тимура, если брать в среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединенных в единое государственное целое.

Империя Тимура была военным государством, то есть основную часть доходов приносили военные походы. Эту империю можно сравнить с Газневидским султанатом или с Сельджукской империей. Главную роль в них играла гулямская гвардия, основной источник доходов – военные походы.

В монгольской империи с крестьян взимали земельный налог, подушную подать, подводную повинность (улаг), барщинные работы и чрезвычайные налоги (аваризат).

Если принять во внимание, что все эти налоги взимались и при Тимуридах Абу-Саиде (1451–1469) и Султане Ахмеде (1469–1494), то можно быть уверенным, что они взимались и при Тимуре, тем более, что упоминания о них в разбросанном виде встречаются в источниках.

Крестьяне, кроме ренты (мал, харадж) или ренты от аренды (харадж с иджара), были обременены большим числом «незаконных», но общепринятых повинностей и сборов в пользу чиновников. Тяжелым бременем был постой иностранных послов и гонцов, направляемых властями из одного конца империи в другой, с изъятием продовольствия и всего им необходимого.

Доходы всех категорий феодальных собственников складывались из ренты с крестьян. Последние были представлены как мелкими общинными владельцами земли (общины-джамааты), так и издольщиками. Издольная рента имела место главным образом на мульковых землях (феодалов и общинников) и землях мусульманских религиозных учреждений (вакф); общинное владение сохранялось преимущественно на доменных землях государя и землях сюргалных и других условных пожалований.

В сельском хозяйстве использовался также труд рабов (главным образом пленников). Число их возрастало с каждым новым походом.

Сбором налогов было занято особое ведомство (диван), во главе которого стоял эмир Давуд. Власть главы дивана распространялась, прежде всего, на Мавераннахр. Правители же завоеванных Тимуром областей имели свой собственный штат чиновников, с помощью которого изымали налоги.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется внедрением в их среду полурабских отношений. Это в 1246 г. особо ярко отметил в своих записках Плано Карпини. Ко времени Тимура и при нем в положении ремесленников в самом Мавераннахре наступило значительное улучшение, однако по отношению к

пленным ремесленникам, привезенным в Самарканд и Шахрисабз, Тимур продолжал практиковать полурабскую зависимость.

Клавихо, рассказывая о замке Тимура в Самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки, стрелы и круглый год работали на него» [2, с. 177]. Здесь определенно говорится о корхане – большой государственной мастерской по производству оружия и доспехов, которая весьма характерна для монгольской эпохи и в которой царили жесткие формы эксплуатации. Нужно учесть, что основная часть ремесленников в Мавераннахре были лично свободны и несли лишь феодальные повинности.

Стекавшиеся в казну огромные налоги, дань, контрибуции стран позволили Тимуру тратить огромные средства на благоустройство городов Мавераннахра. В Самарканде была построена крепость, проложена большая торговая улица, утопавшая в садах, строились дворцы, мечети. Отстраивавшийся некрополь Шахи-Зинда должен был стать местом паломничества. Историк Хафизиддин Аbru приводит названия 20 каналов, 9 из которых носили имена военачальников и эмиров Тимура [1, с. 87]. Богатая земледельческая округа Самарканда снабжала город не только продовольствием, но и сырьем (хлопком), для ремесленного производства.

Самарканд, Шахрисабз, Бухара и другие города Средней Азии богатели и на транзитной торговле (главной торговой артерией был Великий шелковый путь). В развитии этих связей были заинтересованы не только купеческая верхушка, но и знать племен и землевладельцы Средней Азии.

Ремесленники и мелкие купцы были бесправны. Представительные учреждения горожан и городское самоуправление, известные в Европе того времени, в государстве Тимура, как и всюду на Востоке, полностью отсутствовали. Города, как и деревни, вместе с доходами передавались Великим эмиром в качестве сюргала.

Интересное сообщение о причинах процветания города Самарканда оставил кастильский посланец Руи Гонзалес Клавихо: «Богатство его заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях, атлас, камокан, сендале, тафте и терсенале, которых там делается очень много, в подкладках из меха и шелка, в пряностях, красках золотой и лазоревой и в разных других произведениях» [2, с. 174].

Судебная функция возлагалась, по всей видимости, на кадиев. О суде в империи Р. Г. Клавихо оставил свои замечания: «В городе Самарканде соблюдается справедливость, и ни один человек не смеет обидеть другого или сделать какое-нибудь насилие без приказа царя; а царь делает его столько, что с них довольно.

Царь всегда возит с собой судей, которые распоряжаются его станом и домом, а когда они куда-нибудь приезжают, то и всеми

людьми той страны, и их все слушаются. Эти судьи определены для разного рода дел таким образом: одни разрешают важные дела и ссоры, которые случаются между ними; другие ведут дела, касающиеся царской казны; некоторые заведуют наместниками, управляющими в разных землях и городах, зависящих от царя; другие посланниками... Они ставят три палатки и там выслушивают тех, кто к ним приходит, разрешают дела; оттуда идут и докладывают царю, а потом возвращаются и сдают дела по шести и по четырем. Когда они приказывают дать какую-нибудь бумагу, то тут же находятся их писари, которые составляют ее сейчас же... посередине прикладывают царскую печать, на которой написано буквами «правда», а посреди три знака таким образом (три овала соединенных как трилистник)» [2, с. 178–179].

При Тимуре была проведена реформа, касавшаяся феодального ополчения. Оно состояло теперь не только из кочевников, но и из оседлых жителей, взятых по набору, следовательно, из монголов, среднеазиатских тюрок и таджиков [4, с. 574].

Библиографический список

1. Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 8. – М. : Наука, 1973.
2. Клавихо Р. Г. Жизнь и деяния великого Тамерлана // Тамерлан. – М. : Крафт +, 2003.
3. Якубовский А. Ю. Тимур // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / сост., обр. и подг. текста Р. Рахманалиева. – М., 1992.
4. Всемирная история в 10 томах / под ред. Н. А. Сидоровой. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. III.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЕЗДНЫХ ЗЕМСТВ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А. В. Ахметшина

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой,
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия

Summary. The activity of uyesdny zemstv in the development of medical service system of the gubernia in the last third of the XIX – the beginning of XX century is given. The main tendencies in the development of uyesdnoy zemskoy medicine are described its quantitative and qualitative characteristics are discussed on the bases of archival and published materials. Also the article highlights the main problems in the organization of medical care for the rural population in Ufa gubernia during this period.

Key words: zemstvo; medicine; hospital; doctor; medical site; stationary system.

Согласно постановлению первого очередного Уфимского губернского земского собрания к предмету ведения уездной земской медицины относилась медицинская часть, включавшая в себя организацию и содержание уездных больниц, аптек, приемных покоев и фельдшерских пунктов [11, с. 9].

Первостепенное значение организаторы земского здравоохранения придавали формам организации медицинского обслуживания. Разъездная система, господствующая в первое десятилетие существования земств, была связана с таким явлением, как фельдшеризм. Такая система медицинской организации предоставляла фельдшерам право самостоятельного лечения.

Уфимская губерния в период становления земской медицины представляла собой территорию в 107002,1 кв. верст с населением 1 222 737 чел., которое крайне неравномерно было распределено по всей территории губернии. На это количество населения приходилось в 1876 г. 5 больниц и 7 приемных покоев [9, л. 35]. Имеющиеся уездные больницы, как правило, находились в уездных городах, поэтому многочисленные больные из отдаленных волостей вынуждены были обращаться за помощью к фельдшерам.

Развитие земской медицины при разъездной системе шло в основном по пути открытия новых фельдшерских пунктов. В Уфимской губернии в 1880 г. количество фельдшерских пунктов в 3 раза превышало количество врачебных [6, с. 36].

В первые два десятилетия существования фельдшерских пунктов они были, за редким исключением, плохо оснащены. Так, в частности, фельдшер Лазорин в отчете Уфимской губернской земской управе в конце 80-х гг. XIX в. писал: «Всем достаточно известно, что существующие фельдшерские пункты чрезвычайно плохо оборудованы с технической стороны; известно также, что они снаб-

жаются из участковых лечебниц медикаментами без всякой системы, сплошь да рядом в далеко недостаточном количестве, что фельдшер может заниматься, пожалуй, лишь только гомеопатией» [13, л. 34 об].

С 80-х гг. XIX в. в уездах Уфимской губернии начала складываться более прогрессивная смешанная система медицинского обслуживания населения. В ее основе лежало деление территории уездов на врачебные участки, а последние, в свою очередь, делились на несколько фельдшерских пунктов, периодически посещаемых участковыми врачами.

Стационарная система, как главное достижение земской медицины, предполагала деление уезда на определенное количество медицинских участков, в центре которых устраивались больницы на 10–15 кроватей со стационарами и изоляторами, родильными отделениями и амбулаториями для лечения проходящих больных [8, с. 87].

В Уфимской губернии каждый уезд делился на 6–8 медицинских участков, имевших (в среднем) площадь в 2,680 кв. верст с населением в 47 тыс. человек [12, л. 4]. Уездный город считался отдельным участком. Участок возглавлял врач, в подчинении которого находились 2–3 фельдшера.

В Уфимской губернии, в силу местной специфики, стационарная система организации медицинской помощи не стала преобладающей. Смешанная система в условиях низкой плотности населения в Уфимской губернии, где на 1 кв. версту приходился 21 житель, была самой оптимальной формой организации уездной медицины.

При формировании медицинской службы земства вырабатывали планы распределения лечебных заведений на количество населения. Пироговские съезды признали, что 1 больница требовалась на 10 тыс. населения [5, с. 4]. Однако уездным земствам Уфимской губернии так и не удалось добиться такого соотношения. Так, например, в 1888 г. в целом по губернии 1 больница приходилась на 150150,1 чел., в 1897 г. – 168972,1 чел., в 1908 г. – 66440,8 чел., в 1914 г. – 52361,1 чел.

Важным показателем развития земской медицины является увеличение числа лечебных заведений. Если в 1879 г. в Уфимской губернии имелось 6 больниц [15, л. 218] (с. Ардалионовка Уфимского уезда, Белебей, Стерлитамак, Бирск, Мензелинск, Златоуст), то в 1888 г. в уездах губернии их насчитывалось 13 [7, с. 44].

Сельские вновь открывавшиеся больницы были небольшие, около половины из них были рассчитаны на 10–20 коек. Больницы строились как в русских, так и в башкирских селениях, на что обращали серьезное внимание органы земского самоуправления [3, с. 12]. По причине недостаточного финансирования во многих из них не имелось необходимых помещений. Больницы испытывали

нужду в оборудовании, инструментах, эффективность лечения в них была низкой. Аптеки размещались преимущественно в городах и были труднодоступными для сельских жителей.

К 1914 г. в Уфимской губернии процесс децентрализации земского здравоохранения практически завершился. Уездные земские больницы в большинстве своем располагались в специальных зданиях, принадлежавших земству, но они были малы и плохо приспособлены, заразные отделения имелись не во всех лечебных заведениях.

Одновременно с увеличением больничной сети увеличивалась численность медицинского персонала уездных земств Уфимской губернии. В 1888 г. в общей сложности насчитывалось 16 врачей и 98 фельдшеров. В 1897 г. медицинский персонал уездных земств Уфимской губернии насчитывал 39 врачей и 128 фельдшеров. В 1908 г. уездные земства располагали медицинским персоналом в количестве 59 врачей и 246 фельдшеров. По данным за 1914 г., медицинский персонал уездных земств Уфимской губернии насчитывал в общей сложности 81 врача и 343 фельдшера.

Однако следует отметить, что количественный состав земского медицинского персонала не отражает в полной мере обеспеченность сельского населения медицинской помощью. Так, по данным за 1888 г., в целом по Уфимской губернии один земский врач приходился на 57410,3 чел., а один земский фельдшер – на 27885,01 чел. В 1897 г. в целом по Уфимской губернии один земский врач приходился на 56324,1 чел., один земский фельдшер на 17161,3 чел. В 1908 г. в Уфимской губернии один земский врач приходился на 46679,9 чел., а один земский фельдшер – на 11475,54 чел. По данным за 1914 г., один земский врач приходился на 38139,5 чел., а один земский фельдшер на 9006,7 чел.

Следует отметить, что в начале XX в. в связи с увеличением численности врачебного персонала появилась возможность оказания населению специализированной помощи. В земских больницах выделяются отдельные палаты и отделения – терапевтические, акушерско-гинекологические, венерологические и инфекционные. Врачами проявлялась инициатива в повышении диагностической и лечебной деятельности. Однако данная тенденция в основном была свойственна уездным земским больницам. Сельские больницы в этом отношении были во многом ущемлены.

Успешность развития земской медицины во многом определялась состоянием материальной базы. Политика уездных земств Уфимской губернии в области финансирования здравоохранения зависела от состояния их бюджетов. Например, в 1888 г. уездные земства Уфимской губернии выделяли на нужды здравоохранения в среднем 23,05 % своего бюджета. В 1894 г. уездные земства Уфимской губернии выделяли на обеспечение медицинской помощью населения в среднем 25,2 % бюджета. Рост земских расходов на ме-

дицину также выражается в росте расходов из расчета на душу населения. Уездные земства расходовали на медицину гораздо больше, чем губернские. Так, в 1914 г. Уфимское губернское земское собрание ассигновало на здравоохранение всего лишь 23,5 коп. на душу населения, а в среднем по уездам Уфимской губернии расход составил 48,95 коп. Учитывая тот факт, что в 1876 г. в Уфимской губернии расходы составляли 1,6 коп. на душу населения, к 1914 г. они выросли в 30,6 раза [4, с. 222].

Еще одним важным моментом является то, что медицинское обслуживание населения, введенное земствами, развивалось от центра к периферии, соответственно распределялось и качество обслуживания. Так, непосредственно по месту жительства врача обращаемость за медицинской помощью составляла 990 чел. из 1000, за 10 верст – 50 %, от 10 до 15 верст – 25 %, а за 15 верст – в единичных случаях (7,1 %). Так как в Уфимской губернии более половины населения проживало дальше 15 верст от врача, то из 11–12 больных к врачу обращался всего 1 [8, с. 73].

Слабым звеном уездной земской медицины являлась акушерская помощь. Вопрос о профессиональной подготовке сельских акушерок не раз поднимался на губернских земских собраниях, только в 1907 г. на 32-ой очередной сессии Уфимского губернского земского собрания было принято решение открыть в Уфе «женскую акушерско-фельдшерскую школу нормального типа» [11, л. 7].

Благодаря деятельности фельдшерско-акушерской школы земский акушерский персонал пополнился большим числом квалифицированных специалистов. Так, по данным за 1914 г., в уездных земствах Уфимской губернии численность акушерского персонала достигала 14–16 чел. на уезд [4, с. 340–351].

Еще одним достижением земской медицины является создание междуездных участков. В Уфимской губернии с 1912 г. губернское земство стало оказывать содействие уездным земствам в деле организации междуездных участков и больниц. Было намечено 5 таких участков, из которых только 3 начали свою работу в 1917 г. [5, с. 8]. Следует признать, что такая форма организации медицинской помощи в сельской местности стала важным достижением земских учреждений в области медицины.

Значительный интерес представляет проблема платности медицинской помощи. Принцип бесплатности больничной помощи стал одним из основополагающих в земской медицине. Начиная с 80–90-х гг. некоторые земства полностью отказываются от взимания платы, как на фельдшерских, так и на врачебных пунктах. Так, например, в 1908 г. жители Бирского, Златоустовского, Белебеевского, Стерлитамакского и Уфимского уездов пользовались бесплатной медицинской помощью в земских больницах и амбулаториях. В Мензелинском уезде плата за лечение в больницах взима-

лась с состоятельных граждан уезда в размере 15 коп. за сутки. Для больных из других уездов была установлена плата, которая в Бирском уезде составляла 40 коп. в сутки за первые 10 дней и 20 коп. за остальное время лечения; в Мензелинском уезде эта сумма составляла 25 коп. в сутки; в Златоустовском уезде с жителей других уездов и губерний взималось по 40 коп. за первые 18 дней и 28 коп. в сутки за остальное время, проведенное в больнице [2, с. 132, 151, 158].

Проблему обеспечения сельского населения лекарственными препаратами земства пытались решить посредством создания аптек и аптечных складов. Большинство аптек было открыто в 80-е – первой половине 90-х гг. XIX в. Так, в Белебеевском уезде аптека существовала с 1879 г., Златоустовском – с 1883 г., Мензелинском – с 1887 г. [1, с. 402–403]. В 1908 г. земские аптеки работали во всех уездах Уфимской губернии. Последующий опыт организации земских аптек показал, что большинство из них являются убыточными. Это объясняется тем, что отпуск лекарств в земских аптеках производился во многих случаях по заготовительной цене, а для неимущих пациентов бесплатно, что не способствовало увеличению доходов аптек. В 1910 г. из шести уездов Уфимской губернии только в Стерлитамакском уезде земская аптека продолжала свое существование [14, л. 15].

Исследование деятельности уездных земских учреждений Уфимской губернии в развитии лечебного направления позволяет сделать вывод, что они достигли определенных успехов. Смешанная система, в местных условиях, явилась оптимальной моделью организации медицинской помощи сельскому населению в большинстве уездов Уфимской губернии.

Несмотря на то, что по количеству лечебных заведений и врачебного персонала Уфимская губерния была в числе отстающих, мы можем наблюдать положительную динамику в пределах губернии. Если в 1875 г. земских больниц было 7 (5 уездных и 2 башкирские), то в 1914 г. их насчитывалось 59. Врачебный персонал в 1888 г. состоял из 34 чел., а в 1914 г. – из 81 чел. Однако это не позволило полностью решить проблему обеспеченности населения медицинской помощью. Кроме того, сохранение платного лечения для определенных категорий населения также не способствовало увеличению обращений за врачебной помощью.

Основные цели, намеченные уездными земствами (совершенствование системы медицинского обслуживания населения, повышение качества работы медицинского персонала), не были в полной мере реализованы на практике. Развитие функциональных возможностей больниц, расширение перечня оказываемых услуг было свойственно только лишь уездным больницам, сельские медицин-

ские учреждения по причине недостаточного финансирования не могли разнообразить свою деятельность.

Библиографический список

1. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет: в 4 т. – СПб., 1909. – Т. 1.
2. Доклады и журналы заседаний губернского совещания врачей и представителей земств Уфимской губернии (3–11 сентября 1908 г.). – Уфа, 1908.
3. Земский ежегодник за 1879 г. – СПб., 1880.
4. Историко-статистические таблицы к 40-летию деятельности уфимских земств. – Уфа, 1915.
5. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875 – 1917. – Уфа, 1917.
6. Обзор Уфимской губернии за 1880 г. – Уфа, 1881.
7. Обзор Уфимской губернии за 1888 г. – Уфа, 1889. – С. 44
8. Осипов Е. А., Попов И. В., Куркин П. И. Русская земская медицина. – М., 1899.
9. РГИА. Ф. 1297. Оп. 218. Д. 243.
10. Сборник постановлений Первого губернского земского собрания. – Уфа, 1875.
11. ЦГИА РБ. Ф. И-121. Оп. I. Д. 2.
12. ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 221.
13. ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 243.
14. ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 259.
15. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 381.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕВЕРНОГО ТОРГОВОГО ПУТИ И ВЫЗВАННЫХ ИМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ОСНОВЕ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ, ГЕНЕТИКИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ)

А. А. Тюняев

Институт древнеславянской и древнеевразийской
цивилизации, г. Москва, Россия

Summary. Work is based on the system analysis of an extensive actual material. The model of the Northern trading way is reconstructed. It is established that in the territory of Russia since ancient times there was a branched-out Russian trading way. Trade was carried out since the third millennium B.C. and proceeded continuously before the early Middle Ages. The trade subjects: copper, silver, amber, nephrite, silk and others.

Key words: migration; trade; trading ways; northern trading way; silk; nephrite; silver; copper.

В серии своих работ [4; 5; 6] мы реконструировали отдельные участки торговых путей, проходивших в древности по территории Евразии. Вся обширная литература дана в указанных публикациях.

Данная работа посвящена обобщению материала и попытке построения на его основе непротиворечивой с точки зрения системного анализа модели Северного торгового пути.

Отметим, изначально *«Месопотамия лишена рудных источников и вообще очень бедна природными ресурсами (в особенности Южная... В этих условиях месопотамское металлопроизводство базировалось на импорте»* [1, с. 6]. Поэтому египетско-шумерский регион значительно отставал в своем развитии от северных территорий – даже по освоению золота: *«выделение этого металла из его природных сплавов положило начало новой исторической эпохе, что ознаменовалось открытием в 21-м в. до н. э. (во время XI древнеегипетской династии) способа отделения золота от серебра»* [2].

В 2010 году в Сербии археологи обнаружили древнейшие в мире изделия из выплавленной меди, датируемые 5340–4640 гг. до н. э. (культура Винча). Руду в сербское Беловоде доставляли из расположенных на территории нынешних Сербии и Болгарии медных рудников.

Разрыв в технологиях между югом и севером достигал 4–3 тысяч лет (в пользу севера). Этот разрыв можно представить с помощью данных по металлургии 4–3 тыс. до н. э., которые проанализировал академик Е. Н. Черных в своей работе: *«Базой данных послужили 32–33 тысячи многообразных металлических изделий, обнаруженных в различных памятниках южной половины Восточной Европы (Русской равнины – авт.), Кавказа, Малой Азии и Балкано-Карпатья... 23–24 тысячи относятся к золотым украшениям и только лишь 8500 предметов сделано из бронз или меди; несколько сотен изделий изготовлено из серебра, свинца и некоторых других металлов... Из золота и серебра выделялись лишь украшения и культовые вещи»* [7, с. 163].

Для сравнения, абсолютные цифры аналогичных находок этого времени для Месопотамии выглядят так: медный век – 6 находок, раннебронзовый век – 580, а также для Ирана: медный век – 160 находок, раннебронзовый век – 952 [1].

Первыми представим торговые пути 6–2-го тысячелетий до н. э., по которым происходила торговля серебром и медью (рис. 1; каждая метка на карте обозначает место конкретной находки). В самом начале 6-го тысячелетия до н. э. функционировала только северо-западная часть торгового пути с центром в Северном Причерноморье (это как раз время и место формирования индоевропейской семьи языков). К 3–2-му тысячелетиям до н. э. к ней присоединились остальные участки пути.

Северо-западный участок формировался, вероятно, усилиями известного по данным мифологии завоевателя 3-го тысячелетия до н. э. Богумира, сына летописного Дажьбога. После прихода Богумира на Алтай здесь стала формироваться цивилизация, и со 2-го ты-

сячелетия до н. э. Алтайский регион сделался одним из основных поставщиков этих металлов, которые из него расходились по северной ветке – в район Москвы и далее, по южной – в Иран.

Рис. 1. Древние торговые пути: серебро и медь (6–2 тыс. до н. э.)

Отметим, для исключения искажений на представленных картах Китай помещен так же, как и на средневековых картах, то есть к северу от Китайской стены, а к югу от нее помещена Сина (Чина).

В 3–2-м тысячелетиях до н. э. особого расцвета достигла торговля янтарем (рис. 2). Этот самоцвет был в основном прибалтийского происхождения, а торговали им на весьма обширной территории. На западе известны находки янтаря этого периода в Англии, на востоке – восточнее Перми и Екатеринбурга. Основная же масса камня реализовывалась на территории Центральной Руси, куда самоцвет поступал из Прибалтики – сначала через район Пскова, а потом следовал через район Твери.

На Украине, в Италии и Греции к тому времени относятся лишь отдельные находки янтаря.

Рис. 2. Древние торговые пути: янтарь (3–2 тыс. до н. э.)

В тех же 3–2-м тысячелетиях до н. э. население Русской равнины вело обширную торговлю нефритом. Он добывался в Бадахшане (Северный Афганистан) и оттуда тремя потоками расходился по всему миру. Южный торговый путь вел в Индию и Шумер. Восточный – пролегал по северной окантовке современной Монголии, уходил прямо на восток, а далее на юг – по Сине.

Рис. 3. Древние торговые пути: нефрит (3–2 тыс. до н. э.)

Третий путь – северо-западный – связывал два вышеназванных участка воедино, а уходил вдоль северных границ Казахстана на запад. Он начинался от нынешнего Горно-Алтайска и шел в направлении

будущих Омска, Перми, миновал нынешние Казань, Нижний Новгород, Владимир и доходил до Москвы. Здесь одно ответвление уходило на север – в сторону Иваново, Ярославля и Вологды, другое на юг – в сторону Одессы и земель Германии.

К 1-му тысячелетию до н. э. Северный торговый путь представлял собой уже вполне сложившееся торгово-транспортное явление. По нему раньше, чем образовался Великий шелковый путь, двинулись первые изделия из шелка. Северный путь обеспечивал шелком даже Европу – уже в 6-м веке до н. э. модницы из области будущего Кёльна щеголяли в шелковых нарядах. Параллельно с шелком двигались и китайские зеркала. Этот комплекс предметов маркировал значительные территории (см. рис. 4). По этому пути состоялось в 4–7 веках великое переселение народов.

Рис. 4. Древние торговые пути: шелк (6 в. до н. э. – рубеж н. э.)

В раннем средневековье торговля на территории Руси приобрела огромный размах. В особенности это очень наглядно представлено находками кладов серебряных арабских дирхемов. На рис. 5 видно, что расположение торговых путей этого периода имеет центростремительную структуру, центр которой совпадает с Москвой. Отдельные нити-пути связывали этот центр со многими городами и регионами Европы и Азии.

Рис. 5. Древние торговые пути: серебряные дирхемы (8–10 вв.)

Серебряные монеты чеканились в халифатах, но в них не оставались, а оправлялись почти в полном составе на Русь, точнее в Московию. В самих же халифатах в ходу были медные монеты. Такие взаимоотношения халифатов и Руси говорят в пользу центральной роли последней в торговле между Западом и Востоком. Это же подтверждает и количество обнаруженных памятников – сотни, а также количество серебра в них – единицы и десятки килограммов.

Рис. 6. Древние торговые пути: шелк (9–12 вв.)

Та же самая картина движения объектов торговли видна на рис. 6. Здесь показан торговый путь, по которому в 9–12 веках перемещался шелк и изделия из него. В нижней части карты нанесен Великий шелковый путь. Он проходил по большей части Сины, выходил из нее через западный край Таримской котловины и далее следовал на юг – через Иран в Турцию и другие страны Средиземноморского региона. Севернее существовал и другой путь. По нему товары из шелка двигались на запад и достигали центральных обла-

стей Руси, откуда перераспределялись далее – в скандинавские и европейские страны.

Совокупность участков свидетельствует от развитости Северного торгового пути и показывает, что он складывался тысячелетиями и существовал для обеспечения массовой и объемной торговли, в которой значение конкретного товара подчинялось требованиям конъюнктуры. На рис. 7 представлена комплексная карта торговых путей, на которую нанесены все самые важные участки. В нижней части карты сгруппировались участки, представляющие Великий шелковый путь.

Рис. 7. Древние торговые пути (6 тыс. лет до н. э. – 12 век)

Наша реконструкция Северного торгового пути стала возможной благодаря системной обработке археологических и иных данных. В этой связи интересно сравнить полученный результат со средневековой картой (рис. 8), на которой отражены те же торговые пути, что и отыскали мы. На этой древней карте показан и Северный путь. Он идет по тем же местам, по которым провели торговый путь и мы, и на которые указывают многочисленные археологические находки. В левом верхнем углу карты указано направление торгового пути, точнее, его вход в Московию.

Рис. 8. Древние торговые пути (средневековая карта)

На основании изложенного сформулируем следующие выводы.

1. На территории России издревле существовал разветвленный торговый путь (назовём его Русский торговый путь). Наиболее ранний этап его существования следует отнести к неолиту: к 6-му тысячелетию до н. э. началась торговля медью и серебром между Центральной Русью и Балканами.
2. В 3-м тысячелетии до н. э. по Русскому торговому пути от Великобритании до Прибайкалья двигались нефрит и янтарь.
3. К началу железного века по Русскому торговому пути впервые на территорию Руси и в Европу стали перемещаться изделия из шелка.
4. В средневековье по Русскому торговому пути в центральные области Руси стекалось серебро (дирхемы), изделия из шелка, китайские зеркала и другие товары, представлявшие коммерческий интерес.
5. Суммарно: столь развитые торговые пути, существовавшие несколько тысячелетий подряд, в совокупности с общностью языка и этническим единообразием, говорят о том, что на русских территориях существовало древнее государство: «Есть один народ, который Геродот называет гиперборейями. Нынешнее название этого народа – Московия» (Филипп Парацельс, 16 век).

Библиографический список

1. Авилова Л. И. Древнее металлопроизводство в Иране и Месопотамии. – М. : Портал «Археология России», 2007.
2. Бородовский А. П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ. – 2003. – № 11. – 174 с.

3. Сербские археологи состарили медный век на 500 лет. Lenta.ru : 20.02.2011.
4. Тюняев А. А. Древние торговые пути русских земель (по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса : мат-лы IX Санкт-Петербургских чтений. – СПб. : ИПЦ СПГУТД. – 2010. – С. 267.
5. Тюняев А. А. Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии // Этносы и культура Урало-Поволжья: история и современность : мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных. – Уфа : ИЭИ УНЦ РАН. – 2010. – С. 194–200.
6. Тюняев А. А. Византино-древнерусские торговые связи // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. – М. : Изд-во Московского ун-та. – 2011. – С. 213–215.
7. Черных Е. Н. Древний металл и символы // Советская археология. – 1991. – № 1. – С. 162–166.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

И. Д. Афанасьева
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Summary. It is considered the system of international economic relations of the People's Republic of China. It is proposed to study the main points of Chinese foreign policy. The author makes a conclusion about the principles and the concept of China's international economic policy.

Key words: foreign relations of China; international economic policy of People's Republic of China.

Государство, занимающее 1-е место по численности населения, 2-е – по величине ВВП, 3-е – по площади, в современных условиях глобализации всего мирового сообщества играет одну из ключевых ролей в системе международных отношений. Стремительное усиление позиций Китая в мировой политике и экономике обусловлено особой стратегией внешней экономической политики, которая, с одной стороны, придерживается определенной траектории уже в течение 50 лет, а с другой стороны, трансформируется в современных международных условиях.

Классические китайские внешнеполитические принципы, изложенные Дэн Сяопином в 1990-е годы, гласят: «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность» [3, с. 125]. Теперь Китай как одна из ведущих мировых держав может лишь прислушиваться к указанным положениям при формировании абсолютно новой программы развития и международного взаимодействия.

С учетом новых реалий ЦК КПК в конце 2003 г. разработал и официально выдвинул новую внешнеполитическую концепцию мирного возрождения страны «Китай возродится мирным путем». Данная концепция не предусматривает применения военной силы для усиления позиций страны в мире, наоборот, Китай должен способствовать установлению мира среди всех государств, что отвечает его интересам, т. к. будет установлено выгодное экономическое партнерство с различными странами, и модернизация страны будет проходить быстрее. Поэтому КНР часто занимает нейтральную позицию при оценке неоднозначных мировых событий, связанных с противостоянием других стран. Ярким примером такого нейтралитета и нежелания разжигания вооруженных конфликтов является вето, наложенное Китаем совместно с Россией на резолюцию ООН в феврале 2012 года по Сирии, которая находится в состоянии гражданской войны, т. к. предлагаемый документ предусматривал жестокое военное вмешательство других государств, что невозможно оценить однозначно позитивно. В такой независимости Китая от внешнего влияния открывается следующий аспект новой концепции развития КНР – опора на свои силы и независимость. Внешняя политика КНР находится в тесной взаимосвязи с внутренней политикой и во многом обуславливается стратегическими задачами страны в различных сферах. Китай является ведущим мировым импортером многих видов товаров, делая при этом сбалансированным свой внутренний рынок, опираясь, во-первых, на свой фундаментальный фактор производства – труд (рабочая сила), на крупные запасы валюты и другие собственные ресурсы. Таким образом, являясь одним из ключевых фигурантов мирового рынка, Китай стремится к независимости от других государств. Согласно концепции, Китаю не следует проводить политику самоизоляции. Возрождение тесно связано с эволюцией внешнего мира, Китаю необходимо и впредь придерживаться политики «реформ и открытости» [4].

Основными задачами современной китайской внешнеэкономической политики, с которыми КНР успешно справляется, являются следующие:

- создание «гармоничного мира» [2, с. 60]. Сохранение стабильности как внутри страны, так и за ее пределами;

- формирование многополярного мира и утверждение КНР в качестве одного из признанных его полюсов. Активная поддержка инициатив, ориентированных на формирование «неамериканского» многополярного мира (ШОС, РИК, БРИКС) [1];

- борьба с мировым финансовым кризисом, противодействие терроризму, наркотрафику, морскому пиратству, а также экологическим и климатическим, энергетическим, продовольственным и иным нетрадиционным вызовам и угрозам [1];

- сотрудничество с новыми экономическими партнерами стран Латинской Америки, Африки, т. е. расширение рынка сбыта;
- активное участие в деятельности международных организаций, что позволит контролировать ситуацию в мировом сообществе.

Китайская стратегия геополитики представляет собой сочетание традиционной китайской мудрости и рассудительности и современного делового подхода к международным отношениям. Другие государства с опаской прогнозируют дальнейшее развитие КНР. Так, в опубликованном в марте 2012 года докладе российских экспертов концепции развития России «Стратегия-2020» сформулированы следующие тезисы: «Благодаря росту экономической мощи, более позитивному отношению со стороны Запада и финансовой экспансии на мировых рынках в ближайшие 10 лет глобальные позиции Китая только усилятся. К 2020 году юань имеет все шансы стать мировой расчетной валютой – это один из главных вызовов не только для России, но и для мира в целом». Прогнозируется также усиление позиций Китая в международных экономических организациях (МВФ, ВТО), что приведет к дальнейшему росту его роли в управлении глобальными процессами [4].

Библиографический список

1. Лузянин С. Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс [Электронный ресурс]. Фонд исторической перспективы «Перспектива». URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskij_diskurs_2011-11-29.htm
2. Подолько Е. В. 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки // Политический журнал. – 2007. – № 30.
3. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. – М., 1988.
4. Авторы «Стратегии-2020» назвали главные стратегические угрозы России в ближайшие восемь лет [Электронный ресурс] // Экономический портал «InLine». URL: <http://www.inline.ru/econom.asp?NewsID=252580>
5. Материалы XVI съезда КПК 8–14 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. Сайт XVI съезда КПК «16th Congress». URL: <http://en.invest.china.cn/russian/45841.htm>

II. КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕДВЕЖЬЕГО МИФА

Ю. А. Кошкарлова

Новороссийский филиал Краснодарского университета
МВД России, г. Новороссийск, Россия

Summary. This article is devoted to the problem of definition of archetypical bases of the myth about a bear. Reverence for a bear is an important element of the history, religion, culture and ethnic traditions of many peoples of the northern hemisphere worshipped since Primitive epoch. Myth about a bear contains a complex of archetypes of collective unconscious, which formed archetypical image of a bear.

Key words: the myth about a bear; an image of a bear; archetype.

Образ медведя является одним из самых почитаемых в охотничьих культурах народов Северного полушария. Культ медведя сохранялся у многих народов Сибири, Севера и Дальнего Востока вплоть до начала XX века. Идеологическим стержнем культа медведя являлся особый медвежий миф – миф об умирающем и воскресающем звере (боге). Данный миф является одним из древнейших в истории человечества. Его корни восходят к первобытной охотничьей эпохе и связаны с зарождением тотемических верований и становлением промысловых культов [2, с. 67–76]. В. Г. Богораз-Тан отмечал, что чаще всего миф об умирающем и воскресающем звере был связан именно с медвежьим культом, в частности с поклонением бурому медведю [2, с. 68].

Медвежий миф обосновывает необходимость проведения медвежьего праздника как центрального элемента культа медведя. В данном мифе медведь/медведица предстает как звериный предок, который должен возродиться после того, как его убьют и съедят люди при условии соблюдения определенного комплекса обрядов и табу. В медвежьем мифе переплетаются сразу несколько архетипов коллективного бессознательного: архетипы матери/отца, анимы/анимуса, Тени, Мудрого Старца, хозяина и Героя.

Так, в кетской легенде «лесовой человек» – сын медведя и женщины – отправляется, вопреки воле отца, к людям, где крадет себе невесту. Отец девушки собрал людей, и медведя «гонять стали». Медведь пытался откупиться от отца жены, оставляя ему шкурки животных, но ничто не помогло, преследования продолжались. Тогда медведь дал жене наказ о том, как необходимо действовать после его смерти: «Все равно убьют они меня... Если меня убьют, пусть правую руку отрезают, пусть бросают, сколько дней сидеть буду, чем кормить меня пусть узнают. На бересте пусть рисуют, норку (кожу с носа и губ) пусть оставляют. Мои кости пусть гложут, ребра

пусть связывают, голову, кости в сторону пусть относят» [1, с. 94]. Медведя убивают и поступают так, как он наказывал. При этом жена медведя его мяса не ест. После праздника, по легенде, медведь возрождается и возвращается к отцу.

Подобная легенда есть у эвенков [5, с. 200–212]. В ней от связи медведя и девушки рождаются медвежонок и «человеческий мальчик», которые растут и воспитываются в селении. Когда медведь вырос, то ушел в лес, но «человеческий брат» вызывает медведя на бой, в результате которого медведь был побежден. Перед смертью медведь попросил брата, чтобы тот «похоронил (его) – хорошо», а также сказал, что теперь будет много медведей и эвенки будут их промыслять. Поскольку, по легенде, у медведя была человеческая мать, поэтому женщинам, по наказу зверя, не разрешали есть голову, глаза и сердце медведя, так как женщина не должна есть «мясо собственного сына». После праздника медвежьи кости собирали и клали на деревянном помосте, на глаза клали специальные обтесанные палочки – тиння, а также одевали сделанные из бересты очки. После этого череп медведя вешали на дерево, отметив ствол зарубками. Считалось, что после совершения всех обрядовых действий медведи не должны были преследовать человека за убийство.

В работе Л. Я. Штернберга приведена орольская легенда, повествующая о происхождении обрядов медвежьего праздника, в которой брат убивает свою сестру-медведицу и ее мужа-медведя, после чего устраивает медвежий праздник [11, с. 29–30].

На наш взгляд, наиболее архаичен вариант медвежьего мифа у обских угров [7, с. 84–90, 332–333; 10, с. 115]. В нем медвежата и девочка появляются у медведицы после проникновения в нее духа первой женщины Мось – дочери богини земли, что наиболее ярко отражает как время возникновения мифа в период материнского родового строя, так и архетипическую сущность почитания образа медведицы как проявления архетипа Матери-Природы.

Другая обязательная составляющая медвежьего мифа, помимо идеи возрождения умершего зверя-предка-бога, – это сюжет о сожительстве человека и медведя и появлении у них потомства. Осмысленная феномен института «священного брака», О. В. Данилов предполагает, что в мотиве сожительства медведя и женщины «отражается архаическая идея магического содействия зверя плодородию, позже превратившая медведя в покровителя семейно-брачных отношений» [3, с. 42–45]. Магия плодородия и умножения людей (или зверей) – важнейшая идея как тотемической, так и промысловой составляющей культа медведя. Не случайно, изображения образа медведя в предметах мелкой металлической пластики V–VIII вв. на Урале и в Сибири содержат идею «преумножения» медвежьего вида. Это часто встречаемые изображения трех медвежьих голов, расположенных друг над другом, или шести голов по три в ряд, рас-

положенных параллельно [4, с. 185 рис. 12, 13; 6, с. 17 рис. 1–9; 8, с. 75 рис. 40, с. 76 рис. 41, с. 78 рис. 43; 9, с. 49 рис. 35–1; 12, с. 39 рис. 14]. Идея плодородия и производства потомства в результате «священного брака» позволяет говорить о переплетении в данном сюжете архетипических мотивов анимы/анимуса (зверя и человека как брачных партнеров) с архетипами матери и отца (зверя и человека как родителей медведя или человеко-медведя).

Третий компонент, который обращает на себя внимание в архаическом медвежьем мифе, – образ медвежьего потомка от священного брака. Как видно, образ медведя-сына в мифе наделен звериными чертами: он нелюдим, агрессивен, силен, и в противостоянии человеку он чаще всего проигрывает. В древнейших вариантах медвежьего мифа в его образе совсем не видны героические черты, столь явные в финно-пермском и русском вариантах рассматриваемого сюжета. В то же время в русских и коми-пермяцких сказках акцент, наоборот, делается на медведе-человеке и его чудесном происхождении, но при этом элементы, связанные с проведением обрядов медвежьего праздника, отсутствуют. Это указывает на то, что привнесение в интегральный образ медведя архетипов Героя и Культурного героя происходит в более поздний период, когда в условиях разложения родового строя формируются культы вождей и героев, сочетающие в себе в ходе трансформации древние образы зооморфных предков и новые черты человека-героя.

И последнее, медведь, повествуя в мифах о необходимости проведения праздника в честь него, о правилах проведения священных обрядов, выступает как носитель тайного знания, восходящий к архетипу Мудрого Старца.

Итак, образ медведя у охотничьих народов России, сформировавшийся в рамках тотемических верований, переплетающихся с идеями плодородия и умножения животных промыслового культа, включает представления о нем как о зверином предке – потомке небесного отца и мифической земной матери, брачном партнере, существе со сверхспособностями, которое может принимать как облик зверя, так и человека. Данные мотивы-компоненты образа медведя восходят к архетипам Отца/Матери, анимы/анимуса, частично Тени и Мудрого Старца. Представления о медведе как хозяине, герое, духе-покровителе, главе духов-предков, восходящих к архетипам хозяина-Царя и Героя, являются более поздними пластами в образе медведя.

Библиографический список

1. Алексеенко Е. А. Культ медведя у кетов // Советская этнография. – 1960. – № 4. – С. 90–103.
2. Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере // Художественный фольклор. – М., 1926. – № 1. – С. 67–76.

3. Данилов О. В. Культ медведя // Марий Эл. – 1995. – № 1. – С. 42–45.
4. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М. : Наука, 1984.
5. Легенды и мифы Севера. – М. : Современник, 1985.
6. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М. : Наука, 1977.
7. Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М. : Наука, 1990.
8. Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. – Пермь : Пермское книжн. изд-во, 1988.
9. Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1977.
10. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя : дис. ...канд. ист. наук. – Л., 1989.
11. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л. : Изд-во института народов Севера. ЦИК СССР, 1936.
12. Fedorova N. V. The bear shape in the art of West Siberia (the iron age) // Uralic Mythology. – Savariae, 1993. – V. VI.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Г. Б. Сайфутдинова, К. Н. Лопухова

**Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. By the time of adoption of Christianity in the Slavic religion does not have time to develop a strict form of worship, and priests have not stood out in a special class. Victims of birth and the heavenly gods, brought by representatives of tribal alliances and contacts with the lower demons of the earth, the deliverance of people from their harmful effects, and about getting them to different services taken care of «volnopraktikuyuschie the Magi». The place of sacrifice is not turned into a temple, even when it began to put the images of the gods – idols.

Key words: Slavic paganism; archaic Trinity; female cults.

В древнеславянских мифах, так же как и в мифах других древних народов, всегда переплетены предания о происхождении богов и людей, мир которых вторичен по отношению к рождающим силам космоса, но тесно с ним взаимодействует. У древних славян фигурировала архаическая Троица – Триглав: Сварог – небесный бог, Перун – громовержец, Велес – бог разрушитель Вселенной. С большим распространением материнских культов связано обожествление женских предков. В эпоху патриархата материнские культы преобразовываются в женские ипостаси богов и с этого момента несут единую функцию – становятся покровительницами дома, огня, очага, территории, страны, а главными становятся боги-мужчины. Чернобог и Белобог – два славянских божества-антагониста, воплощавших в своей борьбе силы света Яви и тьмы Нави. Символы жизни и смерти – живая и мертвая вода. Важная черта образа жизни и мысли древних славян – представление о неразрывном единстве-родстве живущих с предками-праотцами и богами как условия

гармонии миров: земного и небесного. Нескончаемое противопоставление и поочередная победа светлых и темных сил природы в наибольшей степени заметно запечатлены в представлениях славян о круговороте времен года. Его первоначальной точкой отсчета было наступление нового года – рождение нового солнца в конце декабря. Это празднование было названо – коляда. Полную победу нового громовника над зимой – «смертью» – в день весеннего равноденствия справляли обрядом похорон Марены. Во время праздника соломенное чучело этого божества или сжигали, или топили в воде. Вся жизнь славян, как и других народов древности, сопровождалась различными жизнеутверждающими обрядами.

РУССКАЯ СВАДЬБА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

А. С. Петрова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article concerns marriage ceremony: the way it was in ancient times and the way it is now. In this article special attention is paid to the structure of the marriage ceremony, how the traditional ceremony changed into the modern one.

Key words: marriage ceremony; ancient times.

Русский свадебный обряд является одним из важнейших семейных обрядов.

Свадебный обряд состоит из множества элементов, среди них: обрядовые песни, причеты, обязательные обрядовые действия невесты, дружки и других участников.

Русский свадебный обряд очень разнится в разных регионах. Так, на севере России «музыкальная» часть состоит почти полностью из причетов, а на юге – почти полностью из веселых песен, роль причета там более формальна. При этом всегда обряд представляет собой не произвольный набор песен и обрядовых действий, а систему, очень стройно организованную.

1. Структура традиционного свадебного обряда

Временем формирования свадебного обряда принято считать XIII–XIV век. При этом в некоторых региональных традициях в структуре и некоторых деталях обряда ощущаются дохристианские истоки, присутствуют элементы магии.

При всей вариативности обряда его общая структура остается неизменной, включающей следующие основные составляющие:

- сватовство;
- смотрины;
- рукобитие;

- вытие;
- девичник/мальчишник;
- выкуп;
- венчание;
- свадебный пир.

Обряды изначально символизировали переход девушки из рода отца в род мужа. Это влечет за собой и переход под покровительство духов мужного рода. Такой переход был сродни смерти в своем и рождению в другом роду. Например, вытие – это то же, что и причитание по покойнику. На девичнике поход в баню – омытие мертвого. В церковь невесту часто ведут под руки, символизируя тем самым отсутствие сил, безжизненность. Из церкви молодая выходит уже сама. Жених вносит невесту в дом на руках с целью обмануть домового, заставить его принять девушку как новорожденного члена семьи, который в дом не входил, а в доме оказался. Когда невесту сватали, то одевали красный сарафан и говорили: «У вас товар – у нас купец».

1.1. Сватовство по-русски

В старину на Руси самым распространенным способом заключения договоренности между семьями о браке было сватовство.

Чаще всего в роли сватов выступали специально нанятые свахи, иногда родственники жениха, это мог быть отец, крестный, крестная, дядя. Но в любом случае необходимо было благословение отца жениха.

Свахам в предсвадебных обрядах отводилась особая роль. Подруги косу плетут на часок, а свахи на век. Обычно они выполняли роль посредников за определенное вознаграждение. В их обязанности входило не только само сватовство, но и нередко выбор самой невесты из подходящих кандидатур. Она должна была разузнавать о том, какое приданое дается за невестой и в чем оно состоит. Кроме того, через сваху жених узнавал подробности об облике и характере невесты, которую в некоторых случаях мог видеть открыто только в день свадьбы.

Со сватовством был связан целый ряд примет и предварительных обрядовых действий. Неблагоприятными днями для сватовства считались постные дни: среда и пятница. Исключалась из свадебных и масленичная неделя. Существовала даже поговорка: «На маслену жениться – с бедой породниться». Сватать старались приходить после захода солнца, чтобы не было сглаза. Сваты старались по дороге ни с кем не встречаться и не разговаривать. После их ухода кто-либо из домашних (обычно женщины) связывал все кочерги и ухваты вместе – для удачи в деле.

Войдя в дом, сваты сначала заводили разговор на посторонние темы и лишь затем переходили к сватовству. Разговор начинали издалека, в иносказательной форме: «Ищем овечку, не заблудилась

ли», «у вас товар, у нас купец» и т. д. Невесты обычно с ответом не спешили.

Родители невесты должны были в первый раз обязательно отказаться, даже если рады свадьбе. Сват же должен был их уговаривать.

После сватовства родители давали свату ответ. Согласие девушки не требовалось (если его и спрашивали, оно было формальностью), иногда даже сватовство могло проходить в отсутствии девушки.

1.2. Смотрины

Смотрины представляли собой свадебный обряд, при котором сваха сваха (сват), жених, родители жениха могли увидеть будущую невесту и оценить ее достоинства и недостатки. Смотрины устраивались после сватовства, перед рукобитьем.

Также под смотринами можно понимать – смотрины хозяйства жениха. Это было важно особенно в том случае, если сваты приезжали из чужой деревни. Удовлетворившись результатами «домоглядства», как еще назывались смотрины, родители невесты назначали день гласного сватовства – рукобитья.

Смотрины проходили в доме невесты, но, случалось, и на гуляньях, в театре. Когда происходили они в доме невесты, жених с родителями и свахой ехали не прямым путем, а заезжали дальше и делали круг – по обычаю, «запутывали дело». Позже обряд смотрин вобрал в себя сватовство и рукобитие и мог поэтому тянуться не одну неделю, причиной чему были споры о размере приданого и т. д.

Свадьба, древнее название сватьба, еще более древнее свиятьба, означает связывание, свиятие. Сваты, свияты, совершали обряд полового сожителства мужчины и женщины из разных родов, связывание, свиятьбу, когда женщину из одного рода отпускали жить к мужчине из другого рода. Позднее обряд связывания оброс многочисленными свадебными обрядами.

1.3. Рукобитие

Рукобитье, также известное как сговор, запой, заручины, просватанье, своды, – это часть свадебного обряда, в ходе которой достигалась окончательная договоренность по поводу свадьбы.

После успешного сватовства, дня через 2–3 родители молодых организовывали так называемый «сговор», «запой», «рукобитье». Эта терминология обозначала содержание определенного предсвадебного этапа, характерного для русских на всей территории России. При этом договаривались о сроке свадьбы, о предстоящих расходах, количестве подарков, о кладке (форма материального обеспечения невесты со стороны родственников жениха), приданом и т. д. Также при рукобитье распределяли свадебные чины. В заключение отцы жениха и невесты били друг друга по рукам, нередко для этого надевая холщовые рукавицы. Все это должно было означать крепость и обязательность выполнения договора. После рукобития невеста считалась просватанной.

1.3.1. История рукобития

Перед сговором отступало даже само торжество венчания. Только при Екатерине II, в 1755 г., Святейший Синод сумел соединить обряд обмена колец (обручение) с венчанием, но помолвка (по определению древнеримского юриста, это предварительный договор о заключении брака – футурарум) продолжала жить в народной традиции как оповещение о намерении двух любящих сердец вступить в брак. Незаключение брака после помолвки считалось невысказанным. Происходило это следующим образом.

Жених, родители, близкие родственники приезжали в дом невесты. Писалась рядная запись, в которой говорилось о том, к чему пришли обе стороны, оговаривались обязанности, имена, приданое, неустойки, попятное. Иногда оговаривалось, что муж не должен бить жену; в случае нарушения с обидчика взыскивался штраф. Помолвка сопровождалась празднеством, в богатых семьях иногда снимали целые особняки, специально для этого предназначенные. У всех сословий жених дарил невесте кольцо с камнем. Он же заказывал обручальные кольца, в которых была гравировка: в кольце невесты – инициалы жениха и дата обручения, в кольце жениха – инициалы невесты и тоже дата обручения.

На второй день после помолвки совершался обряд вручения невесте икон, которые вместе с приданным ввозили в дом жениха. Жених привозил гостинцы и подарки для невесты, ее подруг и домочадцев. Приданое перевозили в дом жениха до венчания. В купеческой среде приданое везли на пяти подводах: первая – иконы и самовар, вторая – посуда, третья – постель с принадлежностями, четвертая – мебель, пятая – мать или тетка невесты с переписью приданого, а также сваха, держащая в руках индюшку в чепчике. Встречала приданое мать жениха или старшая замужняя сестра. У дворян перевоз приданого не сопровождался обрядовыми действиями.

Существовал единственный сугубо православный обряд – совместные моления невесты и ее матери. Выполнялся он сразу после отъезда поезда с приданным от дома невесты. Брачный контракт не представлял собой такого официального документа, как в Европе. После этого устраивались девичник и мальчишник. Девичник имел место в среде населения, более близкой к крестьянским традициям, мальчишник – во всех сословиях. Затем происходило церковное оглашение.

Письменно или устно уведомлялся священник прихода о намерении молодых людей вступить в брак, происходило оглашение «имени, чина или состояния» жениха и невесты. Три ближайших воскресенья после литургии батюшка объявлял имена желающих вступить в брак.

Обычай позволял установить, имеются ли препятствия к браку. После трех оглашений выдавался билет, на основании которого на

жениха и невесту в день венчания составлялся «обыск», заносившийся в специальную «обыскную» книгу. С 1802 по 1917 гг. она была в каждой церкви. «Обыск» подписывали жених, невеста, 2–3 поручителя и причет церкви.

1.4. Вытие

Вытием назывался свадебный обряд, ритуальный плач. Он происходил на половине невесты. Цель его – показать, что в доме у родителей девушке жилось хорошо, но теперь приходится уходить. Невеста прощалась с родителями, подругами, волей. На невесту надевали что-то вроде фаты, из-за которой она не могла ничего видеть, поэтому невеста нуждалась в сопровождении. Как только ее отпускали – невеста падала.

1.5. Девичник

Девичником называется встреча невесты и подруг перед свадьбой. Это была последняя их встреча перед свадьбой, поэтому происходило ритуальное прощание невесты с подругами.

На девичнике происходил второй ключевой момент всего свадебного обряда (после «завешивания») – расплетание девичьей косы. Косу расплетали подруги невесты. Расплетание косы символизирует окончание прежней жизни девушки. Во многих традициях расплетание косы сопровождается «прощаньем с красной красотой». «Красная красота» – лента или ленты, вплетенные в косу девушки.

Девичник сопровождается причетами и специальными песнями. Часто причет невесты звучит одновременно с песней, которую поют подружки. При этом имеет место противопоставление причета песне – причет звучит очень драматично, в то время как сопровождает его веселая песня подруг.

1.6. Первый день свадьбы

В первый день свадьбы обычно происходит следующее: приезд жениха, отъезд к венцу, перевоз приданого, приезд молодых в дом жениха, благословение, свадебный пир.

Однако в некоторых северных традициях сильно влияние более архаичной, очевидно, дохристианской схемы обряда. Так, в Вологодской области схема обряда такова: утром первого дня баня и встреча подруг, потом – приезд жениха, «вывод перед столы» (вывод невесты к гостям и жениху), угощение гостей. При этом основным является «вывод перед столы», так как здесь совершается ряд магических действий, невеста наряднее всех одета. На ночь все остаются в доме невесты, а жениху и невесте полагается ночевать в одной комнате. Это значит, что собственно свадьба уже совершилась. На следующий день происходит венчание и пир у жениха.

1.6.1. Дружка

Дружка (или дружка) – один из главнейших участников обряда. Хотя все участники обряда замечательно знают его (так как это не спектакль, а именно обряд), дружка в определенной мере руководит обрядовыми действиями.

Дружка должен отлично знать обряд, например, в какой момент нужно произносить свадебные приговоры и т. п. Часто дружку ритуально хулят и ругают, и он должен уметь достойно ответить на подобные шутки в свой адрес. Жених же – почти пассивная фигура, он в свадебный день не говорит обрядовых слов.

Обычно дружка – родственник жениха (брат) или близкий друг. Его атрибут – вышитое полотенце (или два полотенца), повязанное через плечо.

В некоторых традициях может быть не один дружка, а два или даже три. Но все равно один из них главенствует над другими.

1.6.2. Приезд жениха. Выкуп невесты

В некоторых традициях утром свадебного дня дружка должен посетить дом невесты и проверить, готова ли она к приезду жениха. Невеста к приезду дружки должна быть уже в свадебной одежде и сидеть в красном углу.

Жених с дружкой, друзьями и родственниками составляют свадебный поезд. Во время того, как поезд движется к дому невесты, его участники (поезжане) пели специальные «поезжанские» песни.

Приезд жениха сопровождался одним или несколькими выкупами. В большинстве региональных традиций это выкуп входа в дом. Выкупаться могут ворота, дверь и т. п. Выкупать может как сам жених, так и дружка.

Элементы магических действий в этой части обряда особенно важны. Распространено подметание дороги. Это делается для того, чтобы под ноги молодым не бросили предмет, на который могла быть наведена порча (волосы, камень и др.). Конкретная дорога, которая должна быть подметена, разнится в разных традициях. Это может быть и дорога перед домом невесты, по которой поедет поезд жениха, может быть пол комнаты, по которому молодые пойдут перед отъездом к венцу, дорога к дому жениха после венца и т. д.

Существенная деталь обряда, сохранившаяся и в городских условиях, – непосредственный выкуп невесты. Выкупать невесту могут или у подружек, или у родителей.

Невеста перед выкупом прощалась с подругами, с родительским домом. В доме жениха также велась подготовка к брачной ночи. Свадебный возок украшался еще с вечера; утром мать чесала сыну кудри – он ведь тоже прощался со своим холостячеством. Чтобы уберечь парня от сглаза, крестная мать иногда сажала его на квашенку, крестообразно вырезала из головы по пучку волос и подпаливала

места срезов. Одевали жениха, как и невесту, во все новое – рубаху, вышитую невестой, пояс, сотканный ею же.

Собственно свадьба начиналась с приезда свадебного поезда, гостей со стороны жениха на лошадях в дом невесты. Во многих традициях сваха невесты перед приездом свадебного поезда мела дорогу перед домом. Прежде, чем войти в дом, «поезжане» должны были преодолеть ряд препятствий. В древности во время бранья устраивались кулачные бои между родами жениха и невесты, в ходе которых родственники невесты, оказав символическое сопротивление родне жениха, сдавались.

Классические выкупы невесты: продажа косы, выкуп наряженного репейного куста (Самарская область) – популярны и в наши дни.

Иногда имел место ритуальный обман жениха. Невесту выводили к нему, закрытую платком. В первый раз могли вывести не настоящую невесту, а другую женщину или даже старуху. В таком случае жених либо должен был идти искать невесту, или выкупать ее еще раз.

1.6.3. Венчание

Церковное венчание придавало браку юридическую силу. В церковь жених и невеста отправлялись в разных санях: впереди ехал дружка, за ним жених с тысяцким, потом невеста с крестной матерью, далее остальные поезжане. Перед отправкой в церковь родители невесты благословляли молодых иконой и хлебом. Перед венчанием невесте расплетали девичью косу, а после того, как молодые были повенчаны, ей заплетали две «бабьих» косы и тщательно закрывали волосы женским головным убором (повойником). Иногда это происходило уже на свадебном пиру, но у старообрядцев две косы заплетали и повойник надевали либо между обручением и венчанием, либо даже перед обручением. Обряд венчания сопровождался обменом колец, чтением молитв, благословениями и возложением венцов на головы брачующихся, которое осмыслялось как наложение славы Божьей.

1.6.4. Приезд в дом жениха

После венца жених везет невесту в свой дом. Здесь их должны благословить родители. Здесь также имеет место сочетание христианских элементов с языческими. Во многих традициях жениха и невесту сажали на шубу. Шкура животного выполняет функцию оберега. Обязателен в обряде благословения в том или ином виде хлеб. Обычно он во время благословения находится рядом с иконой. В некоторых традициях хлеб положено откусить и жениху, и невесте. Этому хлебу также приписывалось магическое действие. В некоторых регионах его потом скармливали корове, чтобы она давала больше приплода.

1.6.5. Свадебный пир

После венчания невеста никогда не причитает. С этого момента начинается радостная и веселая часть обряда. Далее молодые отправляются за подарками в дом невесты.

Затем жених привозит невесту к себе в дом. Там уже должно быть готово обильное угощение для гостей. Начинается свадебный пир.

Во время пира поют величальные песни. Кроме жениха и невесты, величали родителей и дружку.

Пир мог длиться два или три дня. На второй день обязательно перемещение всех в дом невесты, пир продолжается там. Если пируют три дня, на третий снова возвращаются к жениху.

1.6.6. «Укладывание» и «бужение» молодых

Вечером (или ночью) осуществлялось «укладывание молодых» – сваха или постельница готовила брачную постель, которую жених должен был выкупить. Пир в это время часто продолжался. На следующее утро (иногда – спустя лишь несколько часов) дружка, сваха или свекровь «будили» молодых. Часто после «бужения» гостям демонстрировали «честь» невесты – рубашку или простыню со следами крови. В других местах о «чести» невесты свидетельствовал жених, отъедая с середины или с краю яичницу, блин или пирог, или отвечая на ритуальные вопросы вроде «Лед ломал или грязь топтал?». Если невеста оказывалась «нечестной», ее родителей могли подвергнуть осмеянию, повесить на шею хомут, замазать ворота дегтем и т. д.

1.7. Второй день свадьбы

На второй день свадьбы невеста обычно выполняла некоторые обрядовые действия. Один из самых распространенных обрядов – «поиски ярочки».

Этот обряд заключается в том, что «ярочка» (то есть овечка, невеста) прячется где-нибудь в доме, а «пастух» (один из ее родственников или все гости) должен ее найти.

Распространено было также хождение «молодухи» за водой с двумя веслами на коромысле, разбрасывание в помещении мусора, денег, зерна – молодая жена должна была тщательно подмести пол, что проверялось гостями.

Важным является приезд жениха к теще. Этот обряд имеет множество различных названий в разных регионах («хлибины», «яишня» и др.). Заключается он в том, что теща давала жениху приготовленную еду (блины, яичницу и др.). Тарелка накрывалась платком. Зять должен был выкупить ее, положив на платок (или завернув в него) деньги.

2. Современная русская свадьба

Известно, что в былые времена не существовало светской части бракосочетания. Если про людей говорили «муж и жена» – это означало, что они венчались в храме. Запись о заключении брака делалась в церковно-приходской книге священником.

Современная русская свадьба состоит из двух частей: гражданской церемонии и церковного венчания. Первая часть является обязательной, церемония регистрации брака проходит в ЗАГСе в присутствии двух свидетелей. После этого молодая супружеская пара получает свидетельство о регистрации брака.

Венчание возможно только при наличии этого свидетельства. Венчание, являясь церковным ритуалом, не является обязательным.

В современном свадебном ритуале сохранились элементы традиционного русского обряда.

2.1. Выкуп невесты

В настоящее время место выкупа уже не так жестко привязано к месту жительства невесты. Выкуп может проходить по соображениям удобства из дома бабушки (или других родственников) или даже из дома жениха, если молодые уже давно живут вместе.

Современный выкуп проводят, как правило, родные сестры, братья и гости со стороны невесты. По некоторым поверьям, выкуп должна проводить свидетельница. Заключается выкуп невесты в последовательных шуточных конкурсах, за невыполнение которых взимается дань (деньги, конфеты, шампанское). Современные невесты и их подружки стараются придумать интересные и разнообразные сценарии выкупа, часто выкупы бывают тематические и относятся к интересам будущей супружеской пары. Примеры выкупов: женское общежитие, салон красоты, цветочный магазин, сессия в институте и многие другие.

В ходе выкупа преодолевать «препятствия» помогает свидетель и/или друзья жениха.

Как правило, современный выкуп проводится на лестничной клетке от первого этажа до дверей квартиры невесты.

Классическими современными шуточными конкурсами на выкуп считаются:

- узнавание невесты по ее детским фотографиям (из смеси с чужими фотографиями);

- называние ласкового слова или качества невесты на каждую ступеньку одного из лестничных пролетов;

- определение того, что означают цифры на листах, разложенных на ступеньках или развешенных по стенам (обычно это даты рождения невесты, тещи, номер квартиры невесты, день знакомства и т. п.);

- выбор из отпечатков губ на листах бумаги отпечатка губ своей невесты и другие конкурсы и задания.

Кроме того, проводятся конкурсы-лотереи, где все зависит только от удачливости жениха. Например:

– выбор из трех обувных коробок той, что со свадебной туфлей невесты (при ошибке за вторую и третью попытки нужно будет «откупаться»);

– выбор из нескольких ключей того, который от комнаты невесты;

– выбор из нескольких шариков того, где имя невесты;

– выбор из нескольких веревок той, что привязана к невесте (а не к плюшевой игрушке, например).

В ходе выкупа стороне жениха разрешается слегка жульничать и выполнять задания более простыми или не совсем честными способами. Мешать этому не принято, ибо, если само задание позволяет трактовать его неоднозначно, – это не вина «штурмующих».

Тем более что такое поведение было характерно и для более ранних свадеб, когда подружкам невесты выдавалась бумажка с надписью «сто тысяч» вместо настоящих денег с присказкой: «Мы предложили – вы согласились. А коли вам наши деньги не нравятся, так мы в том не виноваты!»

Последним действием выкупа обычно является выкуп возможности спуститься невесте с табуретки, на которой она стоит в ожидании жениха. Платится этот выкуп обычно теще. Снимая невесту с табуретки, жених целует ее, и с этого момента церемония выкупа считается законченной.

2.2. Венчание

Венчание в церкви имеет сакраментальное значение. Этот обряд, который совершают сегодня некоторые любящие друг друга люди, – одно из семи таинств. Он символизирует полную передачу себя, своих желаний и стремлений, своей жизни под власть другого человека, освященную святой церковью. Венчание в церкви накладывает на обоих супругов обязательства, которые они обещают исполнять. Жених и невеста получают благословение для супружеского счастья, продолжения своего рода и воспитания своих детей. Каждый из супругов берет на себя обязанность сохранять свой брак изо дня в день и не допускать суетной страсти, которая может разрушить самое главное – духовную основу заключенного брака, то есть любовь. На сегодняшний день заключение церковного брака не имеет юридической силы, поэтому венчание в церкви совершают люди, которые уже зарегистрировали свой брак в ЗАГСе.

Сегодня венчание совершается в присутствии родных и близких. Для того чтобы свершить данный обряд, сегодня не нужно получать родительское благословение, как это было раньше, по крайней мере, если жених и невеста уже достигли брачного возраста и состоят в гражданском браке. Венчание может совершать только

настоящий священник. Правила венчания таковы, что они запрещают совершать данный священный обряд в следующих случаях:

Правило венчания 1. Нельзя венчаться, если один из супругов вступает в четвертый или пятый по счету брак.

Правило венчания 2. Нельзя вступать в церковный брак лицам, которые находятся в близких степенях родства.

Правило венчания 3. Нельзя венчаться в церкви, если один из супругов убежденный атеист.

Правило венчания 4. Нельзя проходить обряд венчания некрещеным.

Правило венчания 5. Нельзя осуществлять обряд венчания, если один из новобрачных состоит в браке с другим лицом.

Правило венчания 6. Нельзя венчаться с кровными родственниками до 4-й степени родства.

Правило венчания 7. Нельзя проходить обряд венчания в церкви людям, давшим монашеский обед или принявшим священный сан.

Вообще, обряд венчания в храме появился в IV веке, и с тех пор считалось, что без церковного благословения брак не считался законным. Так, в те времена венчание давало браку законную действительность. Сегодня же, как мы знаем, это не так. Однако и по сей день тайна венчания завораживает своей таинственностью и сакраментальностью. Сам процесс венчания состоит из 2-х следующих друг за другом этапов. Первый этап – это обручение, а второй – венчание. Обручение начинается следующим образом: дьякон выносит на специальном подносе обручальные кольца. В этот же момент священник, совершающий тайну венчания, подносит жениху и невесте в платье для венчания свечи и вручает их им. Затем священник берет одно обручальное кольцо и надевает его на безымянный палец правой руки жениха, другое кольцо предназначено невесте. Следующий шаг – новобрачные обмениваются кольцами, что символизирует то, что они отдают друг другу себя на всю оставшуюся жизнь. Перемена колец осуществляется троекратно, после чего одно остается на безымянном пальце жениха, а другое у невесты. После обручения начинается самый главный момент таинства венчания. Священник берет венец, которым знаменует крестообразно жениха, и затем дает ему целовать образ Спасителя, который прикреплен к передней стороне венца. Затем, благословив точно так же невесту, священник дает ей приложиться к образу Пресвятой Богородицы, которая украшает ее венец, так священник венчает и невесту. Так, тайна венчания делает новобрачных друг для друга царем и царицей на всю оставшуюся жизнь. В этом суть венчания – отдать себя и свою жизнь другому человеку. После венчания новобрачные возвращаются в свой дом, где их встречают родители, подносят им хлеб с солью и благословляют их иконами.

Библиографический список

1. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. – М., 1985.
2. Забылин М. М. Свадебные обряды и обычаи. – М., 1999.
3. Зорин Н. В. Русский свадебный обряд. – М., 2001.
4. Носова Г. А. Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки). – М., 1999.
5. По старому русскому обычаю. Свадьба, крещение, похороны. – М., 1991.

ЗНАХАРСКАЯ ПРАКТИКА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

С. А. Гончаров

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Summary. This article is devoted to sorcery of eastern Slavs. It tells about the main elements of sorcery practice of the Slavs. The investigators think sorcery to be rather a spreading phenomenon among the eastern Slavs peoples. One should say that it remains till nowadays.

Key words: eastern Slavs; folklore; Slavic mythology; sorcery; folk medicine; medical magic.

По мнению исследователей, знахарь – это человек, обладающий магическим знанием и использующий его для лечения людей и скота, охраны от колдовства, отращения градовых туч, прорицания судьбы и в других важных случаях [8, с. 396]. В течение многих веков знахарь заменял крестьянам врача, а знахарка-повитуха – акушерку.

В средневековой Руси проповедники – без особого, впрочем, успеха – пытались отучить своих прихожан пользоваться услугами знахарей. В Слове святого Кирилла «О злых духах» читаем: «А мы ныне, когда хоть немного заболеем, или жена, или дети, то, оставив Бога, ищем проклятых баб чародейниц, наузов и слов прелестных слушаем». Святой Кирилл осуждает приемы лечения знахарей: «Баба начнет на детей наузы (узлы, завязанные с приговором) класть, измерять ребенка, плюя на землю, беса проклинать, врачуя детей» [8, с. 397]. В Уставе князя Владимира Мономаха (конец XI века) употребление заговоров было отнесено к юрисдикции церковного суда [12, с. 247]. В XVII веке были широко распространены многочисленные светские дела, связанные со знахарством. Например, в 1684 году в Белгород сослали «стрельца Ваську Баранникова и отставного стрельца Левку Барана с женою» «за воровство и волшебство» [17, с. 4]. В XVII столетии царь Алексей Михайлович (правил с 1645 по 1676 год) распорядился занимавшихся знахарством и колдовством бить батогами [18]. Уличенных в волшебстве в третий раз «злых людей и врагов Божиих» было велено сжигать в срубах «безо всякой

пощады», а дома их разорять до основания. В царской грамоте воеводе Тимофею Федоровичу Бутурлину в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверий (1648 год) осуждалось обращение к знахарям: «А иные прелесники мужсково и женсково полу в городех и в уездах бывают со многим чародейством и волхованием, и многих людей тем своим чародейством прельщают; а иные люди тех чародеев и волхвов и богомерских баб-вдов к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над болными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование, и от правоверия православных крестьян отучают» [16]. При императрице Екатерине II (правила с 1762 по 1796 год) суеверия преследовались с особой силой. В 1770 году был составлен «Указ о наблюдении за появлением во вверенных местностях суеверий и ложных чудес и пресечении их». В нем говорилось: «Велено всемерно истинно наблюдать, не делается ли где какая суеверия, не проявляет ли кто для скверноприбытчества каких при иконах святых или при кладезях, источниках, ложных чудес, и ежели таковые где-либо явятся, то лживые чудеса проповедающих брать для расспросов, чего ради эти притворчества, а кликуши, кои в церквах и монастырях безобразия и соблазны чинять, для учинения в светский суд без всякого отлагательства, и хотя таких суеверий и не сыщется, рапортовать дважды в год» [2, л. 2].

Этот указ был разослан во многие епархии Российской империи, включая Белгородскую и Обоянскую. Епархией на тот момент (в период с 1768 по 1771 год) управлял епископ Самуил (Миславский). Он разослал данный указ во все уголки Белгородской и Обоянской епархии. Духовенство, в свою очередь, отправляло рапорты о соблюдении указа в Белгородскую Духовную консисторию. В них отмечалось, что «во вверенных местностях суеверий не проявлялось» [2, л. 2]. К примеру, в рапорте архимандрита Святогорского Успенского монастыря Феофана говорилось: «В нашем Святогорском монастыре и принадлежащих к тому монастырю местностях состоит все добре и суеверий никаких не происходило, иных нет, о чем сего года за вторую половину покорно рапортую» [2, л. 8]. Можно предположить, что «Указ о наблюдении за появлением во вверенных местностях суеверий и ложных чудес и пресечении их» был отправлен в Белгородскую и Обоянскую епархию не случайно. Скорее всего, на данной территории суеверия и знахарство существовали. Не зря же данный указ был отправлен и в эту епархию.

Знахарство было распространено и в XIX веке. Несмотря на запреты, люди все равно обращались к знахарям. Из записок земских врачей XIX столетия нам известно настороженное, а часто враждебное отношение крестьян к дипломированным врачам. Народ предпочитал обращаться к знахарям, полагая, что врачи умеют лечить только «господские» болезни, а в болезнях простых людей ничего не смыслят. Известны случаи, когда во время эпиде-

мий крестьяне убивали врачей, обвиняя их в распространении заразы, но полностью доверяли советам знахарей [8, с. 397].

Знахари не прекращали свою деятельность и в советское время. Во времена существования Советского Союза знахари несли уголовную ответственность за незаконное врачевание. В газетах писались статьи, направленные против деятельности знахарей. Повсеместно велась пропаганда против знахарской практики. В письме из Новгородской губернии один селькор рассказал о «бабке Маркелихе, «абортнице», которая абортами «погубила не одну женщину» [1]. Она сама делала местным жительницам аборт. Газета «Правда Украины» опубликовала 3 июня 1959 года заметку «Не верьте „чудотворцам-исцелителям“», в которой говорилось о вреде, нанесенном знахарями [5, с. 73]. Такие случаи были довольно частыми. К врачу-окулисту из села Немовичи Сарненского района Ровенской области однажды обратился больной с запущенной формой глаукомы (заболевание глаз). Он был уже почти слепым. Больной сознался, что обращался к знахарке. Ему приходилось трижды в день перепрыгивать через черную кошку и пить какое-то зелье. Но так как все это не помогло, он обратился к окулисту, и вмешательство врача спасло ему глаза. В той же Ровенской области в селе Болотковцы Острожского района к врачу обратилась больная в тяжелейшем состоянии. Оказалось, что знахарь «лечил» ее от ущемленной грыжи горячим горшком [5, с. 73].

Следует отметить, что в народе знахари пользовались неизменным уважением, но при этом они нередко находились на подозрении у соседей. Так, например, некоторые знахари не могли даже зажечь ночью огонь в избе или продержат его вечером дольше соседей без того, чтобы они не подумали, что знахарь готовит какое-то зелье, а нечистый дух ему помогает [7, с. 262]. Такое положение подозреваемых нередко делало знахарей суровыми, самолюбивыми и самоуверенными. С соседями у них обычно не выходило ни близкой дружбы, ни откровенных бесед, держались они особняком, хотя при этом нередко появлялись на деревенских сборищах и в харчевнях. Хотя знахарей иногда сблизжали с колдунами и ведьмами, но в большинстве поверий между всеми этими людьми имелись различия. Главное отличие между колдунами и знахарями состоит в том, что первые скрываются от людей и стараются окутать свое ремесло непроницаемой тайной, вторые же работают в открытую и без крестного знамения и молитвы не приступают к делу [9, с. 399]. У знахаря не «черное слово», а везде «Крест-креститель, Крест – красота церковная, Крест вселенный – дьяволу устрашение, человеку спасение» [3, с. 168]. У него на дверях обычно замок не висит; входная дверь открывается свободно; теплая и чистая изба отдает запахом сушеных трав, которыми увешаны стены; все на виду, и лишь только перед тем, как начать лечить, знахарь уходит за перегородку

помолиться Богу, приготовить снадобья [9, с. 400]. За работу знахари всегда выговаривали малую плату, говоря, что берут деньги «Богу на свечку»; нередко вместо денег они брали еду, а то и вовсе отказывались от всякой платы («Дело Божеское – за что тут брать?») [7, с. 262]. Валентина Ивановна Харитонова отмечает, что иногда деятельность знахарей допускалась даже священниками [15, с. 34].

В народе сложилось двойственное отношение к знахарю. Одни считают, что он действует от имени Господа, другие полагают, что знахарю, как и колдуну, помогает нечистая сила, но знахарь не отрекается от Бога [8, с. 396]. Согласно поверьям, знахарское знание, как и знание колдуна, греховно, оно не дает знахарю умереть, поэтому его необходимо передать перед смертью другому. Знахарь лечит заговором, основанным на обращении к Богу, святым и добрым силам природы. Заговор для знахаря имеет огромное значение. Это, прежде всего, магическая формула, призванная исполнить желание заговаривающего [12, с. 247].

Заговор начинается с молитвенного или квазимолитвенного обращения. Это обращение может начинаться словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», «Господи, благослови» [12, с. 250]. Кроме того, многие лекарские процедуры начинаются молитвами «Отче наш» (молитва Господня), Честному Кресту («Да воскреснет Бог...»), «Живый в помощи...» (псалом 90) [11, с. 65]. Затем взывающий может сказать, что он встанет, помолится, пойдет в чистое поле, обратится лицом на восток. Колдуны же адресовывали свои заговоры злым силам и, напротив, говорили, что они не будут ни молиться, ни креститься и станут лицом на запад (сторона нечистой силы). За вступительной формулой может следовать обращение к природной стихии, часто персонифицируемой, святому или ряду святых с просьбой о помощи и заступничестве [12, с. 251]. Для заговоров характерна либо прямая форма, когда исполнитель часто описывает собственные обрядовые действия, либо сравнительная, либо повествовательная, часто с символическими элементами. В завершении всегда следует заклинательная часть. Повествовательная часть заговора, с которой он может даже начинаться, обычно носит фольклорный (или эпический, по определению В. Й. Мансикки) характер и отсылает к некоему удаленному экзотическому месту. Часто встречается рифмованный фольклорный зачин. В тексте заговора может говориться, что на камне, например, стоят дерево, церковь, три брата, три ангела, святой. Затем может следовать эпизод из Священного Писания или жития святого, обычно связанный с назначением заговора или чудом, сотворенным святым. По мнению исследователей, чаще всего заговор завершается молитвенной формулой или формулой-«закрепкой» (например, «будьте мои слова крепки»), с упоминанием ключей, замков, склеивания, связывания

или иных метафор, указывающих на его нерушимую и абсолютную силу [12, с. 253].

Наиболее распространенными были следующие виды заговоров: 1) от врагов видимых и невидимых; 2) «от грому»; 3) от грыжи; 4) от застреления человека; 5) от звериного съедения; 6) от зубной боли; 7) от лиха человека (колдуна, разбойника); 8) для лошадей; 9) для любви людей; 10) для остужения мужа с женою; 11) от очной (глазной) болезни; 12) для приворота женщин; 13) от всяких пако-стей (болезней); 14) на птиц; 15) «как пчел водить»; 16) свадебный заговор; 17) от скотского падежа; 18) от трясовицы (лихорадки); 19) к роженицам [4, с. 109].

Согласно поверьям, рассказанный человеку заговор теряет свою действенную силу, что не позволяет знахарям сообщать их [13, с. 3]. Произносится текст заговора обычно шепотом, делается это так, чтобы не услышал непосвященный человек [3, с. 167]. Поэтому знахарей иногда называли шептунами. Заговор знахарь произносит непосредственно над больным или наговаривает на различные продукты: воду, водку, соль, хлеб, чеснок, которые затем дает съесть или выпить больному, или предметы, которыми обтирает или обмывает больное место [8, с. 398]. Произнесение заговора обычно сопровождалось определенными действиями, которые должны были усилить магическую роль слова [14, с. 767]. При наговаривании ковш или какой-либо другой сосуд наполняли чистой водой, затем чертили ножом по дну сосуда крест до тех пор, пока произносили заговорные слова. После этого наговоренную воду выплескивали в лицо больному или на больное место [14, с. 767]. Эту процедуру обычно проделывали три раза. В некоторых случаях наговоренную воду выплескивали на улицу, чаще всего – на перекресток дорог.

В знахарской практике считалось, что вода, предназначенная для лечения, должна быть набрана до восхода солнца, «непочатая», то есть пока еще никто ее не почерпал [6, с. 3]. При этом говорились: «Здрастуй, вода Ульяно, земле Тытяно, колодизь Якив! Благослови воды набрати для молитвенного, хрищеного, причащеного (имя)» [6, с. 3]. Если вода для лечения бралась из реки, то ее зачерпывали против течения, а в колодце – с запада на восток, против солнца.

Кроме заговоров знахари применяют в своей практике и лекарственные травы. Большое значение придавалось сбору и сушке растений. На протяжении столетий вырабатывались определенные навыки, сложились некоторые традиции. Травы было принято собирать в период их наибольшего цветения. Массовое же цветение многих растений совпадает с праздником Ивана Купалы (7 июля по новому стилю) [19]. У восточных славян бытовало поверье, что собранные в этот день травы обладают особой целебной силой [19]. Некоторые знахари хвастались тем, что знают 77 сортов трав, а самые умелые с гордостью говорили, что им известно целых 99 сортов.

Из этих трав каждый знахарь был обязан всегда держать дома двенадцать: цикуту или одолим (одолен), семена белены, корень лапчатки и богородицкую траву (чабрец), волчьи ягоды, корень морковника, корень папоротника, куриную слепоту, паутинник, земляные орехи, кунавку и бузинный цвет [7, с. 263]. Известно, что знахарями применялись отвары и настои из крапивы, медуницы и пастушьей сумки как кровоостанавливающие и заживляющие раны средства.

Знахари используют и предметы, которым приписывается магическая сила: землю, «громовую стрелу» – кремень продолговатой формы, щепку от дерева, разбитого молнией, нож и другие острые орудия; освященные предметы, святую воду, пасхальную скатерть и многое другое [8, с. 398]. В знахарской практике применяют зажженную церковную свечу как инструмент диагностики и лечения. Знахари часто используют в своей работе воск. Кроме того, иногда они пользуются не обычным воском, а растапливают для этой цели церковные свечи [10, с. 61]. Широко известно знахарям и применение «четверговой соли», которую в Чистый (Великий) Четверг, перед Пасхой, обжигают на сковороде и хранят весь год. Эта соль применяется в качестве оберега от недоброжелателей и вредоносного магического воздействия. В своей практике знахари также используют хлеб, злаковые и продукты из них.

Болезни, с которыми обращались обычно к знахарям, были самыми различными. Наиболее часто знахари лечили людей от лихорадки и от всех видов порчи: от скорби (сердечной болезни), сглаза (болезней, приключившихся от «худого глаза»), призора (болезни от завистливого взгляда), озева, оговора (болезни, приключившейся от слов, сказанных «не в добрый час»), исполоха (мгновенного испуга) [7, с. 263]. В народе считалось, что знахарь обычно знает, какое время суток подходит для лечения той или иной болезни.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что знахарь пользовался особым авторитетом у восточных славян. К знахарям обычно обращались в исключительных случаях, когда были испробованы все другие средства. Сами знахари часто были людьми смышленными и порядочными, о них говорили, что они стоят выше других на целую голову. Несмотря на запреты, существовавшие с давних времен, знахарство продолжает жить и в наши дни. До сих пор кое-где знахари играют огромную роль. В отдаленных селах, деревнях они могут заменять врачей. В сельской местности и в городах существует негласное «перераспределение» лечебных функций между медициной официальной (врачами) и традиционной (знахарями). В наше время некоторые врачи стали направлять людей к знахарям и знахаркам. С другой стороны, в отдельных случаях знахари отправляют обратившихся к ним людей к врачам, особенно тогда, когда болезнь тяжелая или запущена.

Библиографический список

1. Борьба со знахарями в советской деревне (часть 1). В 2 ч. URL: <http://krestnakrest.ru/borba-so-znaharyami-v-sovetskoj-derevne-chast-1/>
2. ГАБО. Ф. 127. Оп. 1. Д. № 24. 14 л.
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород : изд-во «Русский купец и Братья славяне», 1995. – 368 с.
4. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России : сб. трудов / вступ. ст. Л. Н. Виноградовой. – М. : Индрик, 1994. – 272 с.
5. Зыбковец В. Ф. О черной и белой магии. – М. : Политиздат, 1965. – 195 с.
6. Иванов П. В. Знахарство. Труды бывших питомцев Первой Харьковской гимназии. Вып. 1856 года. – Киев : Университетская типография, 1885. – 15 с.
7. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей / под ред. Н. С. Шапаровой. – М. : АСТ, Астрель, ООО «Русские словари», 2001. – 624 с.
8. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – 528 с.
9. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – М. : АСТ, 1999. – 512 с.
10. Поповкина Г. С. Народная медицина и знахарство восточных славян: традиции и новации в условиях Дальнего Востока России // Ойкумена. – Тюмень, 2008. – Вып. 1. – С. 58–66. URL: http://www.oikum.ru/arc/2008_01/2008_01_05.pdf
11. Поповкина Г. С., Поповкин А. В. Сравнительное религиоведение. «Православное» знахарство и Церковь: проблема отношений // Религиоведение. – Благовещенск, 2010. – № 3. – С. 62–72.
12. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 720 с.
13. Русские заговоры Карелии / авт.-сост. Т. С. Курец. – Петрозаводск : Изд-во РАН, Карельский научный центр, Институт языка, литературы, истории, Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2000. – 276 с.
14. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук, гл. ред. серии В. А. Тишков. – М. : Изд-во РАН, Наука, 1997. – 828 с. – (Сер. «Народы и культуры»).
15. Харитоновна В. И. Черная и белая магия славян. – М. : Московский филиал СП «Интербук», 1990. – 63 с.
16. Царская грамота в Белгород об исправлении нравов и уничтожении суеверий (1648 год). История Белгорода. Загадки и тайны. 27. 01. 2008 / Проект К. Е. Битюгина, 2006. URL: <http://www.historybel.narod.ru/gramota.htm>
17. Черных Т. Белгород: ссылка для ведьм // Меридиан. – Белгород – Старый Оскол. – 2004. – № 15 (14 апреля). – С. 4.
18. Черных Т. Белгородчина – пристанище ведьм? // АиФ Белгород. – Белгород. – 2010. – № 51 (809), 22 декабря. URL: http://belgorod.aif.ru/issues/809/18_01
19. Энциклопедия народной медицины. Народная медицина восточных славян. URL: <http://www.narmed.com.ua/4/34/2/0/>

ЭЛЕМЕНТЫ ОБРЯДА «ПЫТАНҚУХТАҒ» У НАУКАНСКИХ ЭСКИМОСОВ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

А. А. Ярзуткина

Лаборатория комплексного изучения Чукотки
СВКНИИ ДВО РАН, г. Анадырь, Чукотский АО, Россия

Summary. In the article there is a description of of a rite named «Pytankyxtag» registered by the author among Naukan Eskimo. There is an analysis of its elements, in particular, things used in the rite and its participants' actions. There are preliminary conclusions about the producing nature of the rite.

Key words: rite; Naukan Eskimo; protecting and producing magic.

В экспедиционной поездке по селам Чукотского района Чукотского АО нам удалось зафиксировать информацию о проведении обряда, который наши информаторы¹ – науканские эскимосы² – называли по-русски обряд благодарения, а по-эскимоски – «*Пытанқухтағ*». Обряд был окказиональным и устраивался по случаю какого-то особого события, произошедшего в семье. Одной из причин, наиболее частой, согласно полученной информации, было обещание сделать обряд в случае выздоровления тяжелобольного родственника. В таких случаях обычно говорили: «*Пиниғикувык пытанқухтағнехтукут*» – «Выздоровливай, и мы сделаем обряд (праздник)».

Обобщая полученную информацию, обряд «*Пытанқухтағ*» можно описать следующим образом: утром в доме (яранге), в котором устраивают обряд, собирались родственники и гости, которые предварительно были приглашены семьей оправившегося от болезни человека. Хозяйева дома заранее готовили каждому гостю подарок. В центре яранги укладывали плоский камень с небольшим углублением и вокруг него раскладывали подарки: предметы быта, одежды, чай, табак и др. Гости рассаживались вокруг камня. Один из членов семьи либо сам выздоровевший брал мячик из моржового хряща и бросал его на камень таким образом, чтобы мячик отскочил и подпрыгнул. Приглашенные должны были поймать мячик. Тот,

¹ Основные информаторы: Глухих (Млаткина) Маргарита Сергеевна, 1930 г. р., родилась в с. Наукан Чукотского района, эскимоска; Теплилек Елена Андреевна, 1938 г. р., , родилась в с. Наукан, эскимоска; Добриев Василий Алиханович, 1952 г. р., родился в с. Нунямо, эскимос; Мордвинова (Тымневакат) Таисия Анатольевна, 1957 г. р., родилась в с. Уэлен, чукчанка (из семьи приморских чукчей); Бычкова (Рожнова) Ирина Михайловна, 1961 г. р., учитель из с. Уэлен, проживает там с 1982 года, русская и др.

² Науканские эскимосы (науканцы) – жители самого восточного поселка Чукотского полуострова – Наукан, располагавшегося между мысами Пээк и Дежнева и закрытого в 1958 года. Часть науканцев сейчас живут в с. Лаврентия и с. Уэлен Чукотского района Чукотского АО. Говорят на науканском диалекте эскимосского языка.

кто ловил, – получал подарок от хозяев (как вариант – сам выбирал подарок). Эти действия повторялись до передачи всех даров. После этого начиналась совместная трапеза.

Обряд в настоящее время сохранился и проводится в двух семьях науканских эскимосов, относящих себя к роду *ситкунатмит* [13, с. 150] («танцующие сидя с перьями на голове») [8, с. 156]. Интересно отметить, что все опрошенные нами науканские эскимосы знали этот обряд и утверждали, что он родовой. У азиатских эскимосов было несколько категорий праздников и обрядов, в том числе и «личные» [7, с. 52], вероятно, «*Пытанкухта́*» относился именно к таким. Вместе с тем, об отдельных элементах этого обряда было известно чукчам села Уэлен, при этом опрошенным нами жителям соседних сел он был неизвестен. Знание обряда уэленцами, возможно, было следствием тесных хозяйственных и брачных связей между эскимосами Наукана и приморскими чукчами Уэлена. По преданиям, как пишет Г. Меновщиков, Уэлен был раньше населен эскимосами [9].

В советское время, когда происходила трансформация национальной праздничной культуры под реалии времени, элементы обряда «*Пытанкухта́*» были включены в сценарий ежегодного «Дня охотника». Жительница с. Уэлен описала нам, что в определенный момент праздника ведущий бросал небольшой мячик, который отскакивал от сцены, и люди, находящиеся вокруг, должны были поймать его. Человек из толпы, поймавший мячик, получал один из призов, которые предварительно были разложены у подножия сцены.

Несомненно, обряд «*Пытанкухта́*» требует детального и очень пристального анализа, мы же пока сделаем некоторые предварительные замечания относительно его отдельных элементов.

Первый элемент, который обращает на себя внимание и интересен в плане выявления возможной функции обряда, – это бросание мячика, его отскакивание и поимка одним из приглашенных участников обряда. Сам мячик, размер которого наши информаторы сравнивали с теннисным, изготавливался из вареной ласты моржа. Его обозначали термином *пытанк,ухтаг*, который определил и название самого обряда. В словаре науканских эскимосов это слово переводится в трех вариантах: *пытанкухта́ (к)* – прыгучесть; шарик из хряща моржа, играть в какую-то ритуальную игру [13, с. 137]. Слово имеет основу *пытаны* – прыгнуть вверх, подпрыгнуть, подскокить (сравните: *пытхаты* – быть прыгучим, *пытхыг* – отскочить, *пытхалгог* – прыгать (о мяче, камне) [13, с. 137]. Интересно отметить, что *пытаны* было основой именно для обозначения прыжков вверх, в то время как «прыгнуть вперед» обозначалось термином *нутылькага*, «прыгать на одном месте» – *кытха́*, «прыгать много раз» – *нутхахтук* [13, с. 71, 118, 295].

Действия с подпрыгиванием мячика имеют аналогии со знаменитыми подбрасываниями людей на моржовых шкурах во время летних праздников азиатских эскимосов, береговых чукчей и эскимосов северной Аляски. Вместе с тем, данные действия различаются по терминологии: подбрасывание на моржовой шкуре по эскимосски называлось *увыхтак* [9, с. 106; 12, с. 247, 284, 290] (*увыхты* – опрокинуть, свалить, перевернуть [13, с. 170]). В. Г. Богораз обозначил функцию подбрасывания на шкуре – предотвращение появления в районе заразных болезней, для успокоения моря, для защиты от вредоносных духов. Он также отмечал, что перед «подбрасыванием» людям, которые недавно переболели или имели нездоровый вид, раскрашивали охрой лица, а само подбрасывание часто принимало характер состязания, при котором победитель получал приз [2, с. 102].

Обрядовое действие с мячиком из хряща моржа имеет параллели с традицией командных игр в мяч у эскимосов, проводившихся обычно в весеннее время. Варианты этих игр и сами эскимосские мячи неоднократно описывались в литературе [11, с. 31].

Семантическая сторона действий с подпрыгивающим мячом лежит, на наш взгляд, несколько глубже охранительных целей. На примере всестороннего анализа игры в мяч у народов Мезоамерики А. Бородатова показала, что сама игра была важным обрядовым действием, обеспечивающим плодородие, а мяч воплощал плод, очищенную душу-семя, призванную оплодотворить женщину [4]. Семантика самого действия попадания мяча в лунку (углубление в камне), как в нашем обряде, по ее мнению, имела связь с проникновением в лоно, и действие призвано было обеспечить вечный цикл реинкарнации [4, с. 165].

Действие *пытаңы* – прыжки вверх – может быть интерпретировано и как брачно-продуцирующая магия [3], и как соединение «верха» и «низа», «земли» и «неба» [1, с. 187]. Для выводов требуется детальное изучение картины мира эскимосов и мировоззренческой стороны их культуры.

Теперь обратимся к другому элементу обряда – дарам, отражающим, на наш взгляд, важную функциональную особенность обряда. Подарки готовились хозяевами, раскладывались вокруг камня и вручались гостям по результатам ловли по очереди мячика. В изучаемом традиционном обществе дар, в случае его передачи не близким родственникам, должен был быть возмещен, обратное считалось неблагоприятным. В обряде «*Пытанқухтағ*», по сведениям наших информаторов, могли принимать участие соседи и даже представители других национальностей, при этом ответных даров они с собой не приносили. В данном обряде мы наблюдаем несколько иную ситуацию – дар попадает к человеку путем избранниче-

ства – подпрыгнувший мячик указывает на получателя дара. Что же это дает тем, кто устраивает обряд и готовит подарки?

Обратимся к М. Моссу, который в своей работе «Очерк о даре» нашел место для анализа некоторых традиций обмена у азиатских эскимосов и на их примере показал важность дарообмена как способа воздействия на природу. У азиатских эскимосов существовал потлач и практиковались обязательные и добровольные обмены дарами в процессе церемоний благодарственных действий, следующих одна за другой в каждом доме, особенно часто зимой [10, с. 105]. Вместе с этим совершались дароприношения морю, душам умерших, животным, духам, и отдарком в этом случае служила их помощь в принесении удачи на охоте, добывании людьми пищи и т. д. [5, с. 220–241]. В нашем случае дар, преподносимый путем случайного выбора, символически мог быть даром не человеку, а духам, причем, с одной стороны, быть отдарком – в качестве благодарности за выздоровление члена семьи, с другой стороны, дароприношением для получения помощи в будущем.

Как известно, в истории обряда форма может меняться, при этом функция остается, но может толковаться по иному [6, с. 4]. В обряде «*Пытанқухтаб*» присутствует ряд моментов, позволяющих сделать предварительные выводы о его плодородческой/продуцирующей природе.

Библиографический список

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб. : Наука, 1993.
2. Богораз В. Г. Чукчи: религия. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
3. Борисова С. Б. Мир русского девичества. – М. : Ладомир, 2006. – 340 с.
4. Бородатова А. Игра в мяч как путь в пещеру предков (К вопросу о семиотике ритуальной игры в мяч в древней Мезоамерике) // История и семиотика индейских культур Америки. – М., 2002. – С. 129–175.
5. Годелье М. Загадка дара. – М. : Восточная литература, 2007.
6. Зеленин Д. К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // Советская этнография. – 1934. – № 5.
7. Крупник И. И., Богословская Л. С. Комментарии к фотографиям // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. – М. : Институт наследия ГЕОС, 2008.
8. Леонова В. Г. Память о Наукане // Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. – М. : Институт наследия ГЕОС, 2008. – С. 156.
9. Меновщиков Г. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. – Магадан : Книжное изд-во, 1959.
10. Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
11. Праздники и обряды народностей Чукотки. – Магадан : Книжное изд-во, 1990
12. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. – М., 2000.

13. Словарь языка науканских эскимосов / сост. Е. В. Головки, Е. А. Добриева, С. Джейкобсон, М. Краусс. – Fairbanks : Alaska Native Language Center, 2004.

РУССКИЙ СЕВЕР: МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ ГАРМОНИЯ

Е. А. Крехалева

**Институт социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета
им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия**

Summary. The following article is dedicated to the special features of the music space of the Russian North. The North, being examined as a metaphysic boundary of life and death, space and chaos is a frontier landmark for the world of sounds. Supplementing each other they put together polyphonic structure of the Russian North and correspond a huge part of the Russian culture code.

Key words: Russian North; music culture; skomorokhs; Old believers; Pomorye; melos; logos; harmony; chaos; space.

Поморье – это заповедная территория исторического диалога славянской, финно-угорской и скандинавской культур. Изначальность, традиционализм и уходящая корнями в гиперборейскую древность архаика Севера проявились, в частности, в том, что в среде старообрядцев Поморья сохранилось раздельноречное пение (хомония), насчитывающее не одно столетие, а используемая ими «знаменная нотация имеет уже более чем тысячелетнюю историю развития» [1, с. 147]. Важную роль в сохранении северного архаического мелоса и логоса играли скоморохи как своеобразные хранители нордической шаманской традиции. Распространяемый скоморохами национальный былинный эпос «перешел в народную крестьянскую среду и сохранился преимущественно на севере» [2, с. 137]. Неповторимое обаяние северному пению, с его древними формами подголосочной полифонии (гетерофонии), придает так называемая «северная говоря».

Глубинные, сокровенные «голоса» Севера были хорошо слышны людям, наделенным даром слышания и видения неслышимых и невидимых сфер мироздания. «Север (Арктика) – строгий, светлый крупнейший кафедрал. Простор напоен стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину», – писал патриарх северной литературы С. Писахов [6, с. 201].

Бескрайнее акустическое пространство Севера скрывает звук и возвращает нас к состоянию, предшествовавшему творению, – некой лишенной формы и порядка первоматерии. В экзистенциальном смысле тишина противопоставляется звуку как хаос космосу и смерть жизни. Она «содержит опасность перехода в иной мир и в модели мира соответствует оппозиции жизнь/смерть» [10, с. 149–150].

Смерть была постоянным спутником жизни поморов, поскольку их промысел – добыча рыбы и морского зверя – был связан со стихией северных морей, а значит, с постоянным риском для жизни. «В мифологическом универсуме восточных славян образ моря (даже этимологически) непосредственно соотносится с областью смерти... Если море – мертвое царство, то любое передвижение в этом локусе религиозно-мифологического пространства равносильно реальному переживанию смерти, точнее, испытанию морем-смертью» [8, с. 8].

Поморские мелос и логос были направлены на обуздание морской стихии на «утишение» океана-моря. Поэтому в составе поморской артели всегда был особый человек – сказитель-баюн, наделенный даром словесного творчества. Одним из таких поэтов на корабле был шергинский герой Пафнутий Осипович Анкудинов: «Смолоду сказками да песнями душу питаю. Поморы слушают – как мед пьют... Артели в море пойдут – мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отчетством. На промысле никакой работы не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора – знай пой да говори...» [11, с. 41].

Наиболее полно мифологический образ Поэта на корабле разработан в трудах Н. М. Теребихина, который исследуя морские былины «Садко» и «Соловей Будимирович» отмечал, что главный герой былины – Садко (гусляр и певец), подобно своему греческому собрату Орфею, ритмом своего музыкально-поэтического искусства организует морскую стихию, упорядочивает ее, управляет ею. Поэт как носитель обожествленной памяти, как монополюсный знаток пространственно-временной организации вселенной является главным хранителем морского знания и водителем поморов по смертным просторам моря-океана. Поэт на корабле выполняет роль кормщика – лоцмана-вожа. Сама былина может рассматриваться как своеобразная мифо-поэтическая лоция, в которой описывается не реальный ландшафт моря, а мифо-географическое пространство Лукоморья [7, с. 27].

Наряду со словом средством гармонизации хаоса служили и музыкальные инструменты, которые наделялись сверхъестественными способностями реинкарнации, подобно шаманскому бубну, который мог превращаться в транспортные средства, переносившие шамана по всем сферам мироздания. «...А ты ладь гусли-ти. Если не на корабле, дак на песне твоей поедем», – говорит поморский старо-

ста баюну в период вынужденной зимовки на острове Новая Земля [11, с. 79].

Из всех фольклорных жанров особым уважением пользовались старины, которые выполняли функции своеобразной морской лодии, указующей спасительный путь людям, оказавшимся в снежном плену или в «относе морском».

Спасение от смертной тоски и уныния поморы-зимовщики обретали в мелосе воскрешающего праздника. «На деревянную чашу натянули жилы оленьи, гриф из вереска – вот и гудок с погудальцем. Два коровьих рога, в чем иглы держали, то сопелки-свирели... В праздник всякий вечер ударим в гусли; запоет гудок девическим голосом, завизжат рожки. Учинится топот-хлопот, скаканье-плясанье. Зажиг от старосты пойдет: зачнет пудовыми сапожищами в половицы бухать, перстами щелкать, закружится...» [11, с. 80–81].

В картине мира поморов на их мифогеографических картах-лоциях Дышущего Моря-Океана острова наделялись двойственной сакральной семантикой. С одной стороны, они воплощали в себе образы пространства смерти, с другой – преобразенные земли «острова спасения». Опасным в поморской среде считался остров Грумант (Шпицберген), который «описывался как страна мрака и холода, скал, льдов и снега, где нет жизни, где не может жить человек» [5, с. 5]. Европейцам этот остров «внушал такой ужас, что даже приговоренные к смерти преступники не соглашались перезимовать там одну зиму, за что им обещали помилование» [5, с. 6].

В мифологической географии поморской ойкумены Грумант находился под властью «старухи-цинги» и «одиннадцати ее сестер», которые показываются иногда людям во время «погод», когда ветер свистит в каменных утесах Шпицбергена. Хозяйки «поют под вой ветра: «Здесь нет петья церковного, ни звона колокольного: здесь все наше» [5, с. 8]. Хтоническая инобытийность Груманта акцентируется отсутствием там спасительного православного мелоса (церковного пения и колокольного звона).

Духовной осью Северного Мира, находящегося в эсхатологических пределах «последнего моря», являлось православие. Глашатаями и вестниками православия были странствующие иноки, подвижавшиеся в иноверческих и инородческих пустынях Края Земли. Подвижники-монахи, ищущие уединения в северной глуши, освящали молитвенными песнопениями еще недавно языческую территорию. Православный колокол возвещал о бессмертии души, звал к праведной жизни. Являясь символом, объединяющим весь православный мир, на Севере колокол звучал по-своему: отличался широтой, текучестью и плавностью мелодической линии, замысловатой узорчатостью голосоведения.

Особое место в музыкальной партитуре Севера занимает старообрядческий мелос. «Поморье, да и вообще весь русский север

были особо подходящей почвой для распространения «старой веры», так как там до начала следующего XVIII века каждый приход являлся независимой и сильной церковной и административной единицей и выполнял почти все функции местного самоуправления» [4, с. 228].

Сохраняемое старообрядцами древнерусское пение с его монументальностью и величием имело особое свойство, которое отметил П. А. Флоренский: «Древнее унисонное или октавное пение... удивительно как пробуждает касание Вечности. Вечность воспринимается в некоторой бедности земными сокровищами, а когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. и т. д., наступает земное и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и бедным богатствами» [9, с. 102].

«Ревнители древлего благочестия» стремились оставаться в лоне старорусской церковной традиции и при этом они, как пишет С. И. Дмитриева в «Очерках этнокультурной истории Архангельского Поморья», были хранителями и носителями дохристианского предания: «Известно, что среди сказителей былин, исполнителей свадебных и похоронных причитаний – наиболее сложных и древних видов народной поэзии – было немало старообрядцев» [3, с. 37]. Древнее благочестие получило на Севере статус истинной святой веры, в которую креститься можно было лишь на смертном одре. В старообрядческом религиозном социуме существовала ритуальная практика «перекрещивания» или перехода из новой «антихристовой» никонианской веры в старое святое и истинное исповедание.

Значительное место в звуковом ландшафте Севера составляло также скоморошество как религиозно-культурный феномен, уходящий своими корнями в шаманистскую архаику славяно-финского мира. Большинство исследователей связывают скоморохов с областью ритуального символического антиповедения, со смеховым миром. Сакральная география скоморошества соотносится с Новгородом и его северными землями.

Известный исследователь скоморошества А. А. Морозов отмечал, что «богатый и разнообразный репертуар скоморохов стал достоянием нашего Севера как часть старинной новгородской культуры... Скоморохи не только потешали своих слушателей веселыми и забавными песнями. Они исполняли и серьезные старины, прославлявшие подвиги русских богатырей» [2, с. 139].

Однако главной чертой деятельности скоморохов считается устройство «позоров и глумов» с пением и пляской. Скоморошеский мир – это мир, вывернутый наизнанку, ландшафт которого был наполнен необычайным шумом, производимым скоморохами с помощью различных музыкальных инструментов: бубнов, трещеток, гуслей, гудков со смычками, волюнок, труб, домр и др. С точки зре-

ния семиотики этот шум можно истолковать как некое сообщение с провокационной целью разрушения существующего миропорядка.

«Скоморошеское зрелище на массовом празднике – это эпицентр разрушения. Вероятно, поэтому, наряду с осуждением смеха как греховности и усмотрением в скоморохе конкурента, уводящего прихожан на «позорище» вместо службы, православная церковь видела в нем отъявленного нарушителя порядка и благопристойности («благочиния»), т. е. своего прямого оппонента по линии сохранения предустановленной Богом гармонии, что, в свою очередь, явилось дополнительной причиной причисления его к «бесовскому» миру» [12, с. 47].

Очевидно, что Север, воспринимаемый как метафизическая граница жизни и смерти, космоса и хаоса, является рубежной вехой и для мира звуков. Здесь одновременно звучат и взаимодействуют «серьезная» и «смеховая» области сакрального фундамента традиционной культуры Поморья, мелос и логос которой превратили звучащий ландшафт Русского Севера в священный хорал и «памятник отечественной и мировой культуры».

Библиографический список

1. Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. – М., 2006.
2. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. – СПб., 2001.
3. Дмитриева С. И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения. – М., 2006.
4. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Т. 1. – М., 2009.
5. Обручев С. В. Русские поморы на Шпицбергене. – М., 1964.
6. Писахов С. Г. Сказки. Очерки. Письма. – Архангельск, 1985.
7. Терехин Н. М. Геософия Поморья // Вестник ПГУ. – 2001. – № 1.
8. Терехин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск, 2004.
9. Трубочев С. Музыкальный мир П. А. Флоренского // Советская музыка. – 1988. – № 9.
10. Цивьян Т. В. Отражение звукового пейзажа в языке и тексте // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999.
11. Шергин Б. В. Древние памяти. – М., 1989.
12. Юрков С. Е. Смеховая сторона антимира: скоморошество // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – нач. XX вв.). – СПб., 2003.

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НАВИЙ НА МИНИАТЮРАХ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

А. М. Дмитришина
Хмельницкий национальный университет,
г. Хмельницкий, Украина

Summary. An article considers the semantics and symbolism of colors in the images of navies on the miniatures of Radzivil Chronicle. The materials are part of the research of color representations in the culture of ancient Rus.

Key words: Radzivil chronicle; miniatures; images of navies; semantics and symbolism of color.

Одним из источников, донесших до нас цветовые представления в древнерусской культуре, являются миниатюры лицевых рукописей. В этой связи особую ценность представляют иллюстрации Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи в списке конца XV в.

Использование цвета в миниатюрах летописи попутно, в рамках поднятых проблем, рассматривалось в работах Н. П. Кондакова [5], В. И. Сизова [13], Д. В. Айналова [2], А. В. Арциховского [3], О. И. Подобедовой [7], А. В. Чернецова [14]. Учеными описывался цвет на изображениях, анализировалась техника живописи, обращалось внимание на отличительные черты применения цвета мастерами, выполнявшими миниатюры. Однако значение цвета, его смысловая интерпретация остались практически не исследованными.

Данная статья посвящена вопросу семантики и символики цвета в изображениях нави́й на миниатюрах Радзивилловской летописи. Миниатюры рассматриваются нами по факсимильному воспроизведению данного памятника издательствами «Искусство» и «Глаголь» 1994 года.

На 124 листе рукописи на двух рисунках дано аллегорическое отображение «морового поветрия» – эпидемии чумы в Полоцке в 1092 году [9, с. 347]. На первой миниатюре нарисовано четыре беса, готовых ночью напасть на укрывшихся в домах жителей города, два из них закрашены черным цветом и два охрой (рис. 1); на втором – два черных и один цвета охры бесы нападают на жителей города днем (рис. 2) [9, с. 347].

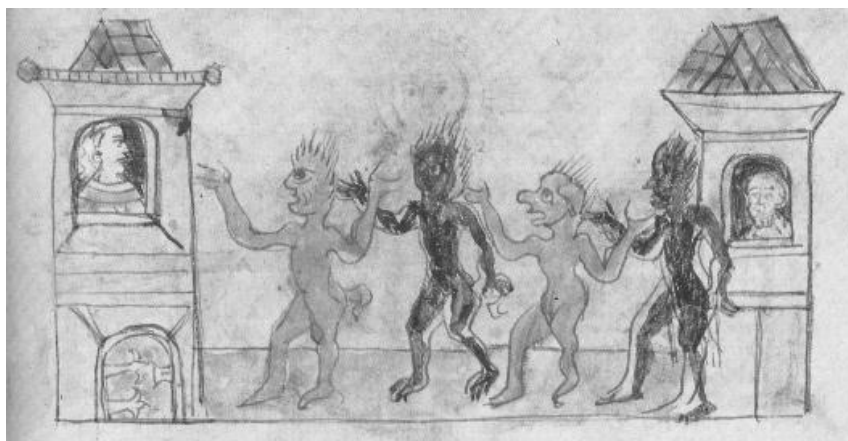

Рис. 1.

Рис. 2.

Летописец, описывая нашествие в Полоцке смертоносных бесов, добавляет, что люди в то время говорили: «яко навье бьют полочаны» [8, с. 124].

В древнерусском языке «нави» значило «умершие, загробный мир» [12]. Навьем (мертвецким) днем и навьими проводами называлась в народе Радуница (вторник Фоминой недели), когда совершались поминки по усопшим [4]. О. А. Седакова отмечает, что образования от корня «нав-», некогда нейтральные, со временем переходят к негативному полюсу [12]. И в древних переводах библейских книг мы можем встретить слово «навь» в значении не только царства мертвых, но и как ад, тартар [4]. Б. А. Рыбаков, анализируя понятие «навьи», подчеркивает, что: «...навьи – не просто мертвые, а умершие некрещеными, т. е. чужие, как бы иноверные духи» [11], а поэтому, потенциально враждебные мертвецы [10]. Ученый предполагает что, возможно, это «вредоносные мертвяки», летающие в ночных ветрах и убивающие людей [11].

Такую связь смерти с темнотой, мраком, ночью, нечистой силой в представлениях славян еще в доисторическую эпоху отмечал и А. Н. Афанасьев [4]. Безусловно, в основе этой аналогии лежали

природные явления. Ведь солнце и его лучи несли свет, тепло, защиту от хищников, жизнь, а исчезновение теплоты, света и приближение полной опасности тьмы – холод, страх, порою и смерть.

Данные взгляды нашли отражение в языке, в верованиях и в мифологии. Слову «мор» (эпидемия, повальная болезнь [1], смерть [16]) родственны слова: «морок» – мрак, темнота [16]; «мора» – мрак, тьма, сумрак, потемки [15, с. 345], «морочка» – мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха, мгла [15, с. 348]. В мифологии славян мора, мара, маруха, кикимора олицетворяла злой дух, являлась воплощением мора и смерти [6, с. 343]. Богиня смерти и болезней носила имена Морена, Марена, Марана, Маржана, Маржена [6, с. 344]. Как злой дух, садящийся ночью на грудь спящего и вызывающий удушье, у народов Европы известна в низшей мифологии Мара – воплощение ночного кошмара [6, с. 344].

Согласно этим представлениям, черный цвет бесов-навий на миниатюрах Радзивиловской летописи, очевидно, является не только цветом, свойственным обычному образу нечистых в народной фантазии и в православной иконографии Средневековья [6, с. 93], но и символическим цветом болезни и смерти. И неслучайно летописец уподобил навий бесам, ведь в древнеславянских христианских религиозно-мифологических представлениях бесы являлись духами зла, сеятелями болезней, всякой скверны и порчи [6, с. 92].

Цвет остальных бесов – немного грязноватая охра. Такой цвет характерен для кожи тяжелобольного, мертвого человека. Поэтому можно говорить о символическом значении этого цвета как цвета болезни, смерти.

Таким образом, можно сделать вывод, что, вероятно, цвет в изображениях навий на миниатюрах Радзивиловской летописи является отражением не только цветов, существующих в природе и в представлениях человека, но имеет и символическое значение, связанное с нечистой силой, злом, болезнью и смертью.

Библиографический список

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Словарь%20синонимов/~М/17/> (дата обращения: 08.02.2012).
2. Айналов Д. О некоторых сериях миниатюр Радзивиловской летописи. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1908/02/082-307.htm> (дата обращения: 08.02.2012).
3. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / Московский ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова – М. : МГУ, 1944. – 215 с.
4. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 3. URL:

- <http://www.pseudology.org/chtivo/AfanasyevPoetikaSlavyan/index.htm> (дата обращения: 08.02.2012).
5. Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи / ОЛДП. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. – С. 115–127.
 6. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.
 7. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания / АН СССР, Ин-т истории иск-ва М-ва культуры СССР – М. : Наука, 1965. – 336 с.
 8. Радзивилловская летопись. В 2 т. Т. 1. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи / РАН; отв. ред. М. В. Кукушкина. – СПб. : Глаголь; М. : Искусство, 1994. – 302 с. : ил.
 9. Радзивилловская летопись. В 2 т. Т. 2. Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр / РАН; отв. ред. М. В. Кукушкина. – СПб. : Глаголь; М. : Искусство, 1994. – 415 с. : ил.
 10. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Rub_Jazuch/Jazuch_1.php (дата обращения: 08.02.2012).
 11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. URL: <http://www.rodon.org/rba/yads.htm> (дата обращения: 04.02.2012).
 12. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. URL: <http://lib.rus.ec/b/140430> (дата обращения: 04.02.2012).
 13. Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи. (археологический этюд). URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1905/01/051-001.htm> (дата обращения: 08.02.2012).
 14. Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи. URL: <http://feb-web.ru/feb/todrl/t36/t36-2742.htm> (дата обращения: 08.02.2012).
 15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. И – О. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., М. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. – 779 с.
 16. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 10.02.2012).

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ТЮРКСКОГО КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ Л. Н. ГУМИЛЁВА

Р. А. Дюсупова

**Казахская академия спорта и туризма, г. Алматы,
Казахстан**

Summary. This article represents the culturological analysis of the concept ethnogenesis L. Gumilyov. History and culture of Turkic ethnoses, L. Gumilyov's original judgment this problem in many respects initiated searches of the historical and culturological bases of the state and all-civil identity of the people of Kazakhstan, and also became a starting point in judgment and development of models of formation of culture of international communication.

Key words: Turkic ethnoses; historical memory; traditions; nomadic civilization; irrigational art; ethnocultural predecessors; culture people of Eurasian; settled and nomadic cultures.

Известность и авторитет Л. Н. Гумилёва как историка, этнографа, географа, культуролога базируются в основном именно на его трудах, посвященных этногенезу и культуре народов Евразии, и в особенности тюркских народов.

А. Х. Касымжанов, известный казахстанский философ, внесший огромный вклад в становление отечественной (и не только) философии культуры, писал: «в ландшафтной зоне евразийских степей, в которые входит и территория Казахстана, сформировались не просто «кочевье», «кочевое общество», а особая цивилизация, связанная, конечно, с пастбищным скотоводством в силу природных условий, но включающая в себя, помимо этого, технологические и культурные достижения, «конную культуру», плавку железа, города, ремесла, земледелие, в том числе ирригационное искусство... от скифа Анахарсиса до современника Мухтара Ауэзова наши предки вырабатывали свое отношение к миру, к вечности и вложили в общемировое духовное достояние опыт своих переживаний, раздумий, высоких представлений о человеческом достоинстве» [1]. Непременным условием того, чтобы этот опыт не пропал втуне, чтобы он стал мощным ферментом развития казахстанской государственности, основой развития отечественной культуры, возрастания духовно-нравственного и интеллектуального потенциала нации, является обретение мировоззренчески и методологически выверенной перспективы осмысления культурной истории.

Оригинальное осмысление Л. Гумилёвым истории тюркских этносов во многом инициировало поиски историко-культурологических оснований государственной и общегражданской идентичности народов Казахстана. Одним из симптомов и результатов этого процесса стало, например, создание государственной символики Казахстана. Современный российский ученый В. Шнирельман считает, что в основе этой символики лежит стремление к соединению особенностей евразийского типа культуры с общечеловеческими ценностями. Из этой интерпретации В. Шнирельман делает вывод, что «государственная символика оказывается нагруженной глубоким смыслом и подчеркивает то, каким данному народу видится его место в мире, и в каком образе он хотел бы предстать перед мировым сообществом» [2].

Фактом остается и то, что крайне опасным для стабильного развития государства и общества стала бы утрата исторической памяти, односторонняя ориентация на космополитические «ценности» и прозападные культурные и поведенческие стандарты. Как справедливо отмечал А. Х. Касымжанов, «нынешнему Казахстану

просто «вписаться» в современный мир на основе симбиоза «идеологии чистого листа» и «подземной кладовой» не удастся. Вернее, в систему «Запада» тогда впишется незначительная часть коррумпированных нуворишей, остальных ждет судьба эрозии, рассеяния, распада. Именно в ценностях, в смысло- и жизнеориентирах, в образе мысли надо «вернуться назад», оглядеться и затем постепенными шагами выправлять то, что еще можно выправить, и двигаться по руслу идеологии общенационального интереса, которая может быть идеологией государства, нераздельного со своим народом» [4].

Как отмечает М. Б. Зыков, «культурную традицию можно рассматривать как социальную память, как некоторую материализованную программу реагирования в определенной ситуации. Если такая программа способствует правильному функционированию общественной системы в новых обстоятельствах, ее следует рассматривать как позитивную и развивать. Если же она не способствует, а напротив, мешает такому функционированию, она должна рассматриваться как негативная, подвергаться «консервации» или изменяться, адаптироваться к новым условиям» [5].

Аналогичные взгляды высказывают и современные культурологи, анализируя проблему культурных традиций. Как отмечает Г. Праздников, «принципиальной характеристикой традиции, на наш взгляд, является ее обусловленность как совокупностью уже созданных ценностей, так и конкретными (в самом широком диапазоне) задачами творчества. Традиция (даже общая, а не локальная) никогда не совпадает с «массивом» закрепленных, сохраненных, стереотипизированных ценностей культуры» [6]. Поэтому традиция – это не только взгляд в прошлое, но и «некое связующее звено между культурным наследием и творчеством, осуществляющее не только преемственность культур, но и их диалог» [7].

Как отмечает Л. Поляков, коллективная память способствует формированию культуры, понимаемой «как способ подлинно и специфически человеческого бытия в мире, как особый, творимый человеком мир многообразных способов человеческого существования» [8]. Согласно точке зрения Л. Н. Гумилёва, формирование любой культуры невозможно не только без знания истории своего народа, но и без сведений об истории его этнокультурных предшественников. Каждый народ определенно знает начало своего становления, начало летоисчисления своей истории – даже если эти знания носят мифологический характер, в их культуро- и этноинтегрирующей функции это обстоятельство ничего не меняет.

По мнению Л. Н. Гумилёва, III в. является переломным моментом в истории древних кочевников, на смену которым приходят тюркские этнические общности, к которым относятся предки тюрков хунны (или гунны), уйгуры, кыпчакские и огузские этносы. Как отмечает Л. Н. Гумилёв, «тюрки исчисляли свое существование от

начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-Тегина начинается с исторического экскурса: «Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены (или возникли) сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган». Таким образом, начало мира датируется точно началом VI века н. э.». Согласно летоисчислению Кюль-Тегина, «мир существует 200 лет. Хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, также как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках» [9].

Российско-американский антрополог М. Хазанов, исследуя феномен номадизма, в своих научных взглядах отчасти отталкивается от исторических данных, представленных в книгах Л. Н. Гумилёва. В связи с этим следует отметить, что М. Хазанов, как и Л. Н. Гумилёв, считает, что древние тюркские племена, попеременно сменяя друг друга, практически ничего не знали о своих предшественниках. Важнейшим событием раннего этапа этногенеза и социально-политической истории тюркских племен стало создание каганата. Образование каганата проходило по обычному сценарию объединения кочевых племен в государственно-политический союз: «Каганат возник в результате возвышения собственно тюркского (тюрк /turk/, китайское тюркют /turkut/) племенного объединения и подчинения им множества других кочевых объединений и оседлых территорий. При этом ведущей формой отношений, установившихся между победителями и побежденными, были различные виды вассально-даннической зависимости... Тюрки стремились инкорпорировать подчиненные ими кочевые образования в свою военно-политическую организацию. Но в подчиненных тюркам кочевых образованиях традиционные формы социально-политической организации претерпели мало изменений. Сохранялась и местная аристократия, хотя она должна была теперь подчиняться членам правящего в государстве рода Ашина» [10]. В культурном отношении тюркские этносы, сохраняя традиции и проявляя свой творческий потенциал, смогли играть не только роль посредников между взаимодействиями и взаимообменами развитых культур Византии, Китая, Персии, Ирана. Эти посреднические функции выполнялись не в ущерб, а как составная часть развития и обогащения собственной культуры, которая в скором времени смогла соперничать и на равных взаимодействовать с культурами выше перечисленных стран.

Причина незнания многих аспектов тюркской культуры состоит в том, что материальная культура кочевников несравнима с культурой оседлых. Ведь большинство из тех вещей и предметов, которые входили в корпус материальной культуры кочевых народов, не были рассчитаны на длительное пользование ими и попросту не со-

хранились во временном потоке. К кругу предметов постоянного обихода кочевника относятся изделия из дерева, кожи и меха, войлок, которым обворачивали жилища и т. д. Естественно, что их не пожалел поток времени, и мы не можем судить об уровне искусства и умений их создателей. В. М. Массон считает, что немаловажную роль для социокультурного развития кочевых обществ сыграло повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации. Так как для экономического развития общества и прогресса в сфере материального производства как его основы необходим товарооборот, то расширение торговых связей становится непременным условием жизнеспособности общества.

Различия в образе хозяйственной деятельности обуславливали определенные различия мировоззренческих взглядов и установок. Однако активные коммуникации между племенами вели к постепенной интеграции мировоззренческих представлений.

Рассматривая структуру этнической культуры, Л. Н. Гумилёв руководствуется простейшим критерием ее деления на материальную и духовную: «Каждый этнос создает своеобразную материальную культуру, т. е. сумму орудий, предметов быта, оружия и духовную – мировоззрение, стиль в искусстве, способ восприятия прошлого, характер фиксации знаний: либо письменность, либо устное обучение молодежи – фольклор» [12]. На примере семантики юрты хорошо видно, что трансляция от поколения к поколению символов этнокультурного единства может происходить не только посредством языка, через произведения различных жанров устного народного творчества, но и в форме символики, воплощенной в предметах бытового обихода. В одном из стихотворений Р. М. Рильке есть строки, которые можно прямо соотнести с впечатлением, производимым зрелищем юрты в урбанистическом пейзаже (скажем, установленной у входа в Дом Ученых в Алматы):

Со мною странные пришли сюда
из стран заморских вещи-пилигримы.
Там, у себя, они неукротимы,
а здесь сгореть готовы со стыда.

Как показывают историко-лингвистические и этнологические изыскания, вместе с процессами этногенеза и расширения культурного влияния тюркской кочевой цивилизации расширялась область распространения языков тюркской семьи. Ее территория простиралась от Малой Азии до Северо-Восточной Сибири и включала страны и регионы, населенные народами самого разнообразного этнического, расового, антропологического состава. Среди тюркоязычных народов есть народы, в которых преобладают монголоидные расовые типы (якуты, тувинцы, алтайцы, хакасы). В других группах народов (азербайджанцы, турки) преобладающим является евро-

пеоидный антропологический тип. Большинство же народов, говорящих на тюркских языках, в особенности народов Средней Азии (казахи, киргизы, узбеки, туркмены, каракалпаки), складывались среди населения, состоящего из разнообразных монголоидных и европеоидных типов и характеризующегося смешанным антропологическим составом. Таким образом, именно единый – тюркский – язык становился мощным фактором образования этнических общностей из представителей разных расовых и антропологических типов.

В своих исследованиях по истории и культуре тюркских этносов Л. Н. Гумилёв концентрировал внимание не только на постоянном этническом видоизменении, происходившем на территории Великой Степи. Он также исследовал процессы взаимодействия тюрков с внешним этнокультурным окружением. Как доказывают работы Л. Н. Гумилева, культурогенез тюркских этносов способствовал развитию культуры не только в кочевых сообществах насельников Великой степи, но и становился основой освоения многих элементов кочевой культуры оседлыми народами. Контакт оседлой и кочевой культур происходил именно как процесс их взаимодействия, взаимовлияния, а не в соответствии с западноцентристской моделью одностороннего движения, в котором ценности культуры создавались оседлыми народами, а разрушались либо заимствовались кочевыми племенами. Л. Н. Гумилёв категорически возражал против принятого историками «без критики и проверки» постулата о том, что развитие культур и народов степной и лесной зон Евразии шло «от кочевий к городам», то есть как процесс оседания кочевников и их приобщения к оседлой культуре. На самом же деле, как земледелие и кочевое скотоводство не ограничивают, а дополняют друг друга, так же и кочевая и оседлая культура, хотя часто выступали в качестве противоборствующих сторон всемирно-исторической драмы, но свои творческие, созидательные возможности развивали во взаимообогащающем сотрудничестве, диалоге, взаимообмене.

Библиографический список

1. Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия // Собрание сочинений. В 15-ти т. – М. : ДИ-ДИК, 1998. – Т. 11. – С. 47.
2. Зыков М. Б. Понятие «память» как концептуальная основа для организации междисциплинарного исследования понятия «культурная традиция» // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 46–47.
3. Касымжанов А. Х. Самоопределение и духовное наследие // Саясат. – 1999. – № 3. – С. 87–89.
4. Массон В. М. Первые цивилизации. – Л. : Наука, 1989. – С. 39.
5. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. – М. : Наука, 1976. – С. 55.
6. Мамардашвили М. К. Введение в философию // Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 4.

7. Праздников Г. А. Традиция как диалог культур // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 54–56.
8. Хазанов М. Кочевники и внешний мир. – Алматы : Дайк-Пресс, 2000. – С. 338.
9. Хазанов М. Кочевники и внешний мир. – Алматы : Дайк-Пресс, 2000. – С. 6.
10. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М. : АГРАФ, 1998. – С. 55.
11. Шнирельман В. Ценность прошлого // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 89.

ГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТАИРА САЛАХОВА

Г. Ш. Велиева

**Азербайджанская государственная академии художеств,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. This article looks at graphics of 60-ies of the outstanding artist of Azerbaijan Tahir Salakhov. International trips played an important role in the artists professional development and there were many of them. but the first strongest impression associated in Czechoslovakia and America. In these trips he was attracted with the appportunity to see and understand the lifs of the people of these countries. In such aquarelles as "Prague tunnels", "Square of Jan Hus", "New Bridje", "Skyscrapers in Chicago"-the artist presented these impressions of the places that he saw.

Key words: Tahir Salakhov; graphics; drawing; landscape; art.

У обыкновенного, простого, как мы его часто называем, карандаша (от тюркского «кара» – черный и «таш» – камень) своя занимательная история происхождения. Люди с древнейших времен пытались чем-нибудь рисовать. Они использовали острый камень, глину, заостренные палки, затем древесные угольки и т. д. Но когда узнали особенности графита (природного минерала черного цвета), то отдали ему предпочтение перед всеми другими рисовальными материалами.

Карандаш для рисовальщика служит как бы походным материалом. Им можно сделать тут же стремительный набросок в карманном альбомчике, быстро зафиксировав, таким образом, острое впечатление от увиденного. Окружающий нас мир является неиссякаемым источником художественного творчества. Для каждого художника действительность открывает все новые и новые грани познания законов природы. Смыслом художественной деятельности творческого человека служит применение законов природы к практическим целям изобразительного искусства.

Изучая творчество художника, необходимо сосредоточить внимание и на его рисунках. В рисунке художник должен уметь передать то, что он наблюдает и изучает в природе. Однако не только увиденное, но и обобщенное существенное, главное, без второстепенных подробностей.

В творчестве азербайджанских мастеров пейзажа этюд занимал и занимает особое место. Непревзойденными мастерами этюдной живописи были С. Бахлулзаде, Т. Нариманбеков, Н. Гасымов, Б. Мирзазаде, М. Халилов, Р. Рахманзаде, Л. Фейзуллаев и др. По законченности и живописному мастерству исполнения многие их этюды можно считать произведениями, имеющими самостоятельное значение. Создавая этюды, художники обычно ставят перед собой определенные задачи, решая их различными методами, зависящими от индивидуальных особенностей самого живописца.

О важности изучения рисунка в практике мастеров-живописцев интересно и убедительно пишет известный немецкий исследователь – знаток искусства Макс Фридендер. Он пишет: «Всякому целеустремленному знатоку живописи хотелось бы настоящим образом, от чистого сердца, порекомендовать заняться усердным изучением рисунка. Если от живописи того или иного мастера обратиться к его рисункам, то возникает впечатление, будто перед тобою подымается занавес. Рисунок в чем-то превосходит живопись, и вот по каким причинам. Рисунок возникает сравнительно быстро, он результат некоего спонтанного действия, которому не обязательно было проходить долгий и нелегкий путь ремесленной проработки, вот почему он не всегда предполагает прохождение этапа ученичества, он более свободен от традиции или условий той или иной мастерской. Рисунок дает гораздо более определенное представление о том, насколько тот или иной художник владеет формой» [3, с. 10].

Высказанный тезис имеет прямое отношение к характеру творческого метода Т. Салахова. Он из тех художников, огромную часть обширного художественного наследия которых, наряду с живописными произведениями, составляют рисунки – графические работы. В них – особая ценность. Зарисовки с натуры представляют собой захватывающий своей художественной достоверностью материал, выхваченный, в сущности, из потока повседневной жизни. Эти впечатления художника возникали стихийно, внезапно. Выразительно схваченный силуэт, верно подмеченная деталь, характерный жест, острота подлинности в его рисунках вызывают восхищение. Все достойное внимания автор художественно пережил, проанализировал и запечатлел легким или, напротив, решительным, но всегда таинственным прикосновением карандаша или ручки к белизне бумаги. И тогда под рукой талантливого мастера начинает возникать чудо: рождается живая линия, стремительно развивающаяся, растущая, художественно обживающая все пространство листа. Рисунок не только несет информацию о каком-то предмете, но этот предмет через графическое решение, через выразительную пластику наполняется художественно-поэтическим звучанием.

Живописуя – он рисует, и наоборот: рисуя – живописует. Рисунок, пластическая проработанность художественного замысла составляют конструктивную основу композиций его живописных холстов. Сильный, талантливый живописец, способный к широким обобщениям, к смелой стилизации в работе над формой, он придает принципиальное значение именно качеству рисунка в работе. Живописец в нем неотделим от рисовальщика.

В создании художником пейзажа с натуры рисунок-набросок имеет немаловажное значение. Т. Салахов зарисовывает на бумаге с натуры быстро изменяющиеся движения, характерные пропорции, не прибегая к излишней детализации, которая мешает зафиксировать интересующие художника моменты. В то же время в набросках художник решает и композиционные задачи [1, с. 3].

Большую роль в развитии творчества Салахова сыграли зарубежные поездки. Этих поездок в жизни художника было много, но наиболее сильные впечатления связаны с самыми первыми – в Чехословакию, во Францию, Италию и Америку. В этих путешествиях его всегда привлекала возможность увидеть и понять жизнь народа незнакомой страны. На их основе созданы циклы акварелей и живописных полотен, в которых художнику удалось передать своеобразие архитектуры и ритм жизни Парижа, Рима, Венеции, Флоренции, Нью-Йорка, Мюнхена.

Поездки за рубеж помогли научиться находить в пейзаже самое характерное, зорко видеть и быстро отбирать в многочисленных впечатлениях все самое интересное. Эти пейзажи еще суровы и строги: формы архитектуры взяты крупно, без детализации, в листах много ровно залитых плоскостей серого и коричневого цветов.

Из поездки в Чехословакию, которую художник посетил в 1960 году, было привезено много рисунков и целая серия интересных акварелей. Попав в новую страну, Салахов старается как можно больше увидеть, мало пишет маслом, но делает множество быстрых набросков на улице, в музеях, на выставках. Узнаваемость запечатленных на рисунках и в акварелях мотивов природы, архитектуры служит лишь первым, зримым сигналом восприятию и воображению зрителя.

Здесь можно увидеть разные районы Праги. Это и романтические уголки древнего города, где узкие улицы открывают необычайную прелесть старых пражских домов с черепичными крышами и украшенных скульптурой соборов, где бережно сохранены каменные мостовые, а внутренние дворики каждый раз показывают новую красоту, всегда поражающую каждого неожиданно попавшего в них прохожего.

В пейзаже «Площадь Яна Гуса» художник изобразил старую прекрасную, овеянную легендами Прагу. Величавая красота строительного собора св. Витта, таинственный сумрак узенького переулка, ка-

менные плиты площади, по которым проходит множество людей: плавно шествующие монашки, туристы, пражане.

Художника также привлекают и новые районы Праги со строгими очертаниями современных домов в солнечный день, когда улица полна резких контрастов света и тени. Акварели прозрачны, звучны и красивы по цвету. Здесь и излюбленные Салаховым мотивы сурового делового города. Таков пейзаж «Пражские туннели» – железнодорожный мост, рельсы, брандмауэры домов, выходящих к железной дороге, и дым от умчавшегося в туннель паровоза. Почти так же суров и строг пейзаж «Переулок в Праге» (1960 г.). Высокие дома, дорожный указатель – красный с белыми полосами – и машина около него. Казалось бы, неожиданные аспекты видения пленительной и поэтичной Праги.

Салахов умеет увидеть красоту дождливого дня, простого обыденного пейзажа. Так, полон свежей неожиданности взгляда на природу и остроты пейзаж «В дождь» (1961 г.), лирической поэтичности – «Вечер в Бехине» (1961 г.). Ярко-синее небо и дома с черепичными крышами, словно купающиеся в лучах заходящего солнца. Акварель излучает ясный, прозрачный и радостный цвет.

Одна из лучших акварелей чехословацкого цикла – «Улица в Крумлеве» (1961 г.). Цвет здесь напряженный и сильный. Улица после дождя. Блестит еще не просохшая мостовая. Сочетания серого, серо-охристого, красного, черного. В технике искусно сочетаются мягкие мазки по влажному и черный контур. Черными широкими мазками взяты проемы окон и дверей.

Совершенно по-иному решен пейзаж «Новый мост» (1961 г.). Он динамичен по композиционному строю, совершенно иной по настроению и по цвету. Серо-зеленые, охристые, серые цвета и, как всегда, небольшой акцент красного. Вместо спокойной созерцательности и лирической задумчивости здесь энергия и решимость. Лодки в резких ракурсах. В них три рыбака – это три разных характера. Один с решимостью отчаяния зябко кутается в осеннее пальто, водрав голову в плечи и низко нахлобучив шляпу. На средней лодке юноша, который стоит, заложив руки в карманы, и с интересом смотрит на свою удочку. И, наконец, в последней лодке коренастая фигура бывалого рыболова, который сидит, широко расставив ноги в высоких сапогах, полный решимости поймать рыбу, во что бы то ни стало.

Салахов более свободен, душевен, а потому и более глубок в своих рисунках. Каждый из них с не меньшей силой, чем картина, передает душу художника, который любит то, что изображает. Работы американской серии, созданной позднее, в 1965 году, также строятся на смысловых, композиционных и цветовых противопоставлениях [2, с. 32]. К этой серии относятся работы «Небоскребы Чикаго», «Автострады Нью-Йорка», «Нью-Йорк. У заправочной», «Нью-

Йорк – улица Америка» и др. В пейзажных зарисовках карандашом и особенно фломастером безошибочно схваченная характерность мотива сочетается с изяществом и законченностью общего линейного ритма изображения. Эти качества рождаются в рисунках естественно, произвольно – обобщение неотделимо от динамики и лаконизма почерка художника. Пейзаж «Золотой мост» дан в таком резком ракурсе, что кажется – это внезапно обрывается дорога, ведущая в никуда.

Акварели художника 60-х годов очень эмоциональны. Художник быстро и непосредственно выражает в них свое отношение к вновь увиденным местам. Пишет их взволнованно и с увлечением. Работа над чехословацким и американским акварельным циклом значительно обогатила колорит мастера. Он стал эмоциональнее, многообразнее. В этих пейзажах запечатлена радость творца от соприкосновения с окружающим миром, его умение с безошибочной интуицией постичь характер природы разных стран, жизни и быта людей.

Библиографический список

1. Капустин М. Таир Салахов: Новые встречи, новые замыслы // газ. «Баку». – 1979. – № 54, 17 октября. – 3 с.
2. Наджафов М. Таир Салахов. – Баку : «Язычы», 1981. – 57 с.
3. Фридендер М. Литография. – Л., 1925. – 47 с.

СТИЛИСТИКА ЖИВОПИСИ НАИЛИ И РЕНА АХМЕДОВЫХ

Х. З. Аскерова

Академия наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Summary. This article is devoted to the analyses of creative activity of one of the interesting woman painters of Azerbaijan Naila Ahmadova, the dominating genre of her creative activity is landscape.

We can see here the also analyses of her sister's, Rena Ahmadova's, creative activity. The solution of the images, giving the preference to dark colors, slim construction of a composition – these are the main features of a lot of Rana Ahmadova's canvasses.

Key words: woman; painting; painter; landscape; colors; theme.

1980-е годы – время больших перемен в политическом строе всего Советского Союза. После распада СССР и снятия идеологических запретов, в условиях свободы и открытости более активным стал диалог с мировой культурой. Экспериментирование с разнообразными языками старого и нового искусства занимает теперь многих азербайджанских художниц. Часто используется стилистика самых разных направлений. Это могут быть полярные точки зрения –

Ренессанс, экспрессионизм, восточная миниатюра, абстракционизм. Одновременно с интересом к новейшим явлениям в современном западном искусстве усилился интерес к традициям своей национальной культуры. Интерес к национальной традиции проявляется двояко: напрямую – это, например, попытки возродить искусство миниатюры, каллиграфии, и опосредованно – включением в сюжетную и художественную структуру композиций элементов фольклора, национальной символики.

В силу многих обстоятельств язык, на котором говорит сегодня художник, требует особой универсальности, некоего знакового содержания. Он должен быть своего рода энергетическим сгустком, способным не просто эмоционально воздействовать на зрителя, а призывать его к действию, соучастию.

Таким универсальным знаковым содержанием отличается творчество одного из интересных мастеров азербайджанской живописи Наили Ахмедовой, в значительной степени посвященное пейзажу. Остальным жанрам она уделяет то больше, то меньше внимания. Художница как бы хочет ввести в свои излюбленные пейзажи новые, не менее важные грани восприятия природы. Задается целью добиться в них полноты ощущения жизни. Пейзажи Ахмедовой достаточно разнообразны. Иногда она изображает какие-то очень скромные и трогательно-неказистые уголки природы, иногда заставляет содрогнуться, открывая взору подавляющие своей мощью ландшафты, иногда она почти интимна, сводя всю природу к одному цвету на тонкой нити, иногда – космична, представляя некий пейзаж как метафору мировоззрения. Каждый фрагмент природы, созданный Наилей Ахмедовой, несет в себе воспоминание о целом, но, не претендуя на подмену собою этого целого, становится сам по себе мифологией мира. По удивительной глубине, свежести, верности чувства природы привлекательны «Стог сена», «Деревенский мотив», «Чайхана», «Побережье», «Набрань», это своего рода картины-воспоминания о Хачмасе – одном из живописных уголков Азербайджана. Она пишет природу так, словно ведет с ней тихий, неспешный и проникновенный разговор – иногда о чем-то советуясь с ней, иногда смиренно склоняясь перед ее величием, иногда жалея ее за хрупкость и непрочность ее красоты. Привлекателен холст «Забывший мотив» – на раскаленном воздухе стены двух стоящих рядом деревенских приземистых домиков ведут диалог с домиком, стоящим напротив. Речь их нетороплива, спокойна. Квадратный формат, спокойное положение объемов в пространстве, равномерное тщательное насыщение краской каждого сантиметра холста в определяющей степени способствуют передаче этого состояния одиночества. Мир, созданный Ахмедовой в таких картинах, как «Мой Апшерон», «Апшеронский мотив», «Бильгя», «Айвовое дерево», «Старая дача», поражает своей топографической точностью и

ароматом «живой» жизни. Но особое очарование этим полотнам придает искусно написанный свет и присущий ее живописи своеобразный колорит. Они раскрывают простую в своей привлекательности панораму старого побережного Апшерона, столь актуального в истории изобразительного искусства Азербайджана. Волшебный Баку ее мечты предстает на интересной по композиционному решению картине «Мой Баку», где на переднем плане изображен натюрморт, состоящий из национальных атрибутов. За ним открывается панорама на «бакинский акрополь» [7, с. 52] – Ичери-шехер, где до наших дней сохранились каменные строения Средневековья: знаменитый комплекс дворца Ширваншахов и Гыз Галасы.

Практически каждый холст Наили Ахмедовой предполагает самое тщательное рассмотрение. Фактура, цвет, сочетание отдельных тонов, просвечивание одного сквозь другое – все это обретает самоценное значение. Откровенно красиво полотно «Каспий». Мерцающий фиолетовый и ненавязчивый зелено-голубой как бы истаявают в мареве синего, разлитого по всей поверхности картины. Эффект звучности морских волн увеличивается присутствием небольших скалистых поверхностей на переднем ближнем плане картины. Сама живописная ткань настолько выразительна и красноречива, что сюжет как таковой теряет свою значительность. Он выступает в виде зрительного повода для размышления художницы и передается зрителю непосредственно цветом, фактурой. Такими же «посланиями в цвете» [3, с. 28] предстают «Дзинтари. Зимний лес», «Дзинтари. Дом художников».

Все эти холсты напоминают удачные работы азербайджанской школы пейзажной живописи 60-х годов прошлого века, виртуозно выполненные в реалистической манере, и являют собой безусловный успех Наили Ахмедовой.

«Насколько щедрым и благосклонным бывает иногда небо, одаряя одного человека бесконечными богатствами своей сокровищницы и всеми милостями и редчайшими талантами, которые обычно оно распределяет в течение долгого времени между многими...» [4, с. 163].

«Искусство опасно художнику. Когда искусство могущественно овладевает личностью, художник начинает все более почитать внезапные побуждения, верить в богов и демонов, одушевляет природу, ненавидит науку, становится изменчивым в своих настроениях, как люди древности, и жаждет переворота всех отношений, неблагоприятных искусству, и, причем, с горячностью и несправедливостью ребенка. Незаконченное часто производит большее впечатление, чем законченность» [8, с. 159].

Трагически ранний уход из жизни оставил много недосказанного в художественной биографии Рены, родной сестры Наили Ахмедовой. Следует отметить, что творческая зрелость художника не в

годах, да и современный темп жизни, расширяющийся по экспоненте, поток информационно-визуального прорыва смывает все прежние критерии [6, с. 4].

В действительности, фантазия хорошего художника или мыслителя постоянно творит выдающееся, хорошее, посредственное и плохое, но его опыт и острое суждение, вкус осуществляют необходимую селекцию. Художественная импровизация стоит весьма низко по сравнению с упорно и серьезно выверенной и организованной художественной мыслью [6, с. 5].

Множеству картин, принадлежащих кисти Рены Ахмедовой присущи разнообразие творческой манеры, богатство палитры, выверенная четкость графики, экспрессия цвета и угадываемость стиля. Очевидно, что композиции преобладали в творчестве Ахмедовой, причем доминантой являлись работы, в которых присутствовали эксперименты в развитии модернистской традиции со значительной долей сюрреализма и отдельными элементами абстракционизма. В творчестве Рены немало загадок. Это чувство присутствует почти во всех ее работах, которые привлекают особое внимание сочетанием лирической экспрессии и ассоциативным рядом образно-семантической рефлексии художницы. Последовательная эволюция стиля сочеталась с одновременным развитием разных художественных интересов и манер. Подробнее остановимся на трех работах Р. Ахмедовой: «Звон свирели», «Лето на Апшероне», «Лунная ночь. Бильгя». Главной особенностью современного искусства является деидеологизация, «убегание от больших смыслов». Метафоричность, ассоциативность образного строя, обращенность к национальным истокам являются главными чертами сегодняшнего азербайджанского искусства. Идея памяти, воспоминания, ностальгия по давно ушедшим временам, по «золотому веку» в истории человечества пронизывают творчество многих художниц. Очень часто эта тема претворяется в пейзаже, который является одним из самых популярных жанров азербайджанского искусства. Чаще всего это пейзаж апшеронского полуострова, где расположен Баку. Берег моря, покосившиеся домики, старая ветряная мельница, песок – все как будто узнаваемо и в то же время видится как бы сквозь дымку воспоминаний.

Начнем с композиции в цвете «Звон свирели». Место действия побережье Апшерона. На желто-золотой поверхности земли, покрытой засохшими кустами, стоит небольшой белый заброшенный дом, занимающий центральный план. Черное море и облачное небо полностью окружили композицию. Декоративно расписанная оранжевая луна сочетается с казистой землей и создает акцент на мрачном горизонте. Справа – фигура, словно призрак молодой девушки в легком платье, повисшая над морем в полете.

Элемент полета в качестве одного из художественных мотивов часто присутствует в реалистической живописи и, скорее, зависит от состояния души. Вспомним также распространенный в фольклоре многих народов мира мотив полета героев, пользующихся различными средствами для перемещения не только для странствий, но и для перенесения в другие миры, или же самостоятельно парящих героев, что возможно при определенном состоянии души человека: в «Вие» – в гробу, «Мастере и Маргарите» – на метле, члены братства у Гессе, совершая паломничество, тоже путешествуют, но в отличие от предыдущих, пешком [5].

Своей музыкой, исходящей из свирели, она будто пришла навестить свой покинутый дом. Приоткрывшаяся дверь, раздвинутая ветром занавесь на маленьком окне и черные тучи, окружившие эту ветхую лачужку, оставляют впечатление, что когда-то здесь кипела жизнь. Это работа-предчувствие, в которой присутствует интерес художницы к философии потусторонней жизни. Ставится вопрос: как там?

Одинокая душа возвращается в родимый дом, издавая знакомую музыку-воспоминание. Одинокий дом на окраине, как и этот одинокий образ девушки, созвучны с присутствующим драматическим колоритом. Болезненной, почти безысходной предстает ситуация в этой картине. Образ девушки создает напряжение, драматизируя идею, нагружая ее дополнительной семантикой, усиливает это напряжение ответная глухота, исходящая из этого покинутого дома. Без труда здесь можно опознать один из типажей других работ художницы.

Схожесть построения колорита и образов свойственны картинам «Лето на Апшероне» и «Лунная ночь. Бильгя». Главные герои композиции «Лето на Апшероне» – маленькая Рена с мамой, обнявшись, стоят, прислонившись к белому приземистому дому. За домом расцвело дерево, колорит которого задает настроение всему полотну. Любовь к корням, к столь знакомому с детства уюту дач Апшерона, ностальгическая привязанность к месту юности прослеживается в этих работах. Своеобразный образ долговязой девчонки с длинным «конским» хвостом волос – вот такой предстает перед нами настоящая Рена Ахмедова. Условность в решении образов, предпочтение своеобразных темных тонов, хрупкое построение композиции наводят на размышления о вневременной извечной основе мировосприятия. Эти работы никоим образом не ландшафтные студии Апшерона, это мастерски зримое воплощение настроения.

«Лунная ночь. Бильгя» – здесь художница полнит свою композицию «добрыми людьми». Это милые обитатели дачного поселка Бильгя. Сюжет картины элементарен: мужчина и женщина сидят у себя на пороге и беседуют. Рена прислонилась к стене дома и меч-

тательно смотрит на черное небо, а вот на крыше лежит молодой человек. Картина «покрыта» интересным сочетанием живописной материи, на которой основной блик создает падающий на землю свет из окна. Вполне естественно, что творчество Рены Ахмедовой производит неоднозначное впечатление. В основном картины написаны в уверенной, зрелой манере, передающей глубоко личное восприятие и переживание темы. Произведения с философским подтекстом вытесняют повествовательную, описательную, полную пафоса реальность. Отклик на потрясения жизни и эстетическая экспрессия произведений зримо преломляются сквозь призму национальной романтики – темы апшеронского пейзажа. Это – ностальгия по минувшему, желанному, но безвозвратному.

Духовное погружение, а не извержение – одна из основ творчества Рены Ахмедовой. Ее картины балансируют между реальным изображением действительности и метафорой, то есть – ассоциациями, которые эта действительность вызывает.

«Как в старости человек вспоминает свою юность и справляет праздники воспоминаний, так и отношение человечества к искусству будет скоро трогательным воспоминанием о радостях юности. Быть может, никогда еще прежде искусство не воспринималось так глубоко и интимно как теперь, когда его, по-видимому, окружает магия смерти», – писал Ф. Ницше [8, с. 71].

Обостренное восприятие всей «драмы жизни» является, по существу, сквозной темой для творчества Рены Ахмедовой, находя выход в этих «апшеронских мотивах».

Библиографический список

1. Nailə Əhmədova // Kataloq. – Bakı, 2008.
2. Rəssamlar müəllimlər. – Bakı : Çaşıoğlu, 2004.
3. Вагабова Д. Другое искусство. – Баку : Элм, 1993.
4. Вазари Д. Жизнеописание наиболее известных живописцев, ваятелей и зодчих. В 2-х т. – М. – Л. : Академия, 1933.
5. Гейбуллаева Р. М. Сравнительная типология прозы и литературные типы. – Баку : Элм, 2000.
6. Гюль И. Гюндюз Салахов. – Баку : Тахсил, 2002.
7. Наджафов М. Н. Искусство, рожденное революцией. – Баку : Гянджлик, 1981.
8. Ницше Ф. Избранное в 2-х томах. – М., 1990.

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

М. Ю. Спирина

**Межрегиональный институт экономики и права,
г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. Traditional arts and crafts developed on the Eurasian continent for thousands of years in the trade and cultural exchange. It is the basis for rapprochement of the peoples of the Eurasian and the formation of a single cultural field, as evidenced by examples from various historical eras.

Key words: traditional arts and crafts; traditionalism; interaction of the Eurasian peoples; a unified cultural field; modern problems.

В современном сложном и противоречивом мире исследователи фиксируют возврат культуры к мифологическому сознанию. Оно сохраняется, прежде всего, в традиционном прикладном искусстве как мировом социокультурном феномене. Данный вид искусства сопровождает человека на протяжении всей социоприродной эволюции и способствует его самосовершенствованию и саморазвитию.

В произведениях народных мастеров соединяются общечеловеческое и региональное (локальное), духовное и материальное, человеческое и вещное. Особыми характеристиками традиционного прикладного искусства являются синкретизм, традиционность, коллективность, человечность, оптимизм. Оно обладает характером общечеловеческого языка для общения самых разных народов. В его формах, орнаментике, цветовом решении исследователи отмечают множество общих черт. Э. Д. Кузнецов, анализируя живопись Нико Пиросманашвили, отметил, что она отвечала «тому естественному, что неистребимо в человеке: радости узнавания, восторгу перед мастерством, любви к природе, уважению к древней традиции, душевности, жажде гармонии и красоты» [3, с. 99].

На просторах Евразии, как и на других континентах, изделия, выполненные народными художниками, «путешествовали» из конца в конец. Причинами тому служили не только торговля, но и войны, миссионерство, миграции и т. д. Ле Корбюзье писал: «...народное искусство, как какая-то неизменная теплая масса, охватывает всю землю, покрывая ее одинаковыми цветами, объединяя или смешивая расы, климатические и географические особенности» [2, с. 9].

Славянские обитатели Евразии резали и расписывали дерево, ткали полотно, вышивали по нему, лепили из глины домашнюю утварь и игрушки, вязали носки и др. Палеоазиатские народы владели художественно-технологическими приемами художественной обработки меха, кожи, кости морских животных, вышивки, гончарства, ювелирного искусства (чеканки, литья и т. п.) etc. Здесь выра-

ботались уникальные виды ремесла, например обработка рыбьей кожи. Местное традиционное прикладное искусство развивалось с учетом лучших традиций искусства Византии, Западной Европы, Востока, но прежде всего России.

Примеры зафиксированы различными исследователями. Л. Нидерле отмечал, что между иноземными, привозными тканями, упоминаемыми в древних источниках и находимыми в могилах, первое место занимает шелк, который был распространен по всему славянству. Б. А. Рыбаков характеризовал землю полян как достаточно богатую и обладавшую самостоятельной культурой, в VIII в. ознакомившуюся с сильнейшей средневековой культурой арабско-иранского Востока [5, с. 519]. Хакасы Енисея меняли пушнину на произведения танских ювелиров. В Китае найдены агатовый ритон и среднеазиатские серебряные сосуды с тюркскими надписями [1, с. 55, 56]. Китайский бело-голубой глазурированный фарфор вызвал к жизни производство подобных изделий в Иране, особенно в таких регионах, как Керман, Исфахан, Тебриз и побережье Персидского залива [7, с. 273]. В XVII в. Россия и Европа заимствовали идею изготовления фарфора и создали собственные фарфоровые производства, первоначально взяв за образец формы, композиции, цветовые решения китайского фарфора. Уральская расписная утварь (сундуки, подносы, кумганы) вывозилась в европейскую Россию, на Кавказ, в Среднюю Азию, Иран, Западный Китай и в страны Европы. Достижениями народных мастеров пользовалось и профессиональное искусство, вследствие чего представители художественных направлений романтизма и историзма считали Восток резервом культурной эволюции Европы [6, с. 13]. Т. М. Разина отмечала: «Единство эстетического и функционального, предельная выразительность материала, эмоциональная неповторимость исполнения, незамаскированность способа изготовления предмета и фактуры материала раскрываются в огромном богатстве форм, красок, орнаментов, ритмов, созданных народами всего мира» [4, с. 45].

Сегодня художники-мастера традиционного прикладного искусства творят в пределах вновь образованных государств, развивая местные (локальные) центры традиционного прикладного искусства. Их главной потребностью являются творческие встречи и обмен опытом, а также консультации искусствоведов. Особенно остро проявляется необходимость проведения научно-творческих мероприятий континентального характера.

Библиографический список

1. Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. – М. : Наука, 1976. – 200 с.
2. Ле Корбюзье. Путешествие на Восток / пер. с фр. М. В. Предтеченского. – М. : Стройиздат, 1991. – 120 с.

3. Кузнецов Э. Д. Пиросмани. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : Искусство, 1984. – 208 с., 27 л. ил., порт. – (Серия «Жизнь в искусстве»).
4. Разина Т. М. О профессионализме народного искусства. – М. : Советский художник, 1985. – 192 с., ил.
5. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. – М. : изд-во АН СССР, 1948. – 782 с. С ил.; 9 л. ил.
6. Турчин В. С. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия. Очерки. – М. : Искусство, 1981. – 550 с.
7. Хабиб Аллах Аят Аллахи. История иранского искусства. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. – 352 с. – [Iranica].

SABİR AZƏRİNİN “DALANDA” ROMANINDA MƏNƏVİ-ƏXLAQİ KEYFİYYƏTLƏRİN TƏNƏZZÜLÜ PROBLEMI

S. X. Sofiyeva

Bakı Dövlət Universitetinin dissertantı, Bakı, Azərbaycan

Summary. The article gives a consideration to a novel “At a Deadlock” by Sabir Azeri, one the celebrated representatives of the XX century of Azerbaijan prose. The author describes inconsistent characters of images, possessing various moral qualities. An internal inner world of protagonists, Kafar, Farida and Gjulshafa, their outlooks on life and the endured shocks are interconnected with various moral reasonings, ruling over the society. The events, which have pushed heroes to those situations to which they got, are supported by the facts. Interesting reviews by particular literary critics are reflected in the article.

Key words: Sabir Azeri; a national character; a novel; literature.

XX əsr Azərbaycan nəsrində Sabir Azərinin «Dalanda» romanı milli xarakter problemi ilə bağlı müəyyən məsələlərə diqqətin yönəldilməsi baxımından səciyyəvi əsərlərdən biridir. Mövzusu müasir həyatdan alınmış romanda yazıçının yaratdığı obraz və xarakterlər özünəməxsus cəhətləri ilə seçilir. Romanın ədəbi tənqid tərəfindən müzakirə obyektinə çevrilməsinin əsas səbəblərindən biri burada yaradılan xarakterlərin daxili-mənəvi siması və dünyabaxışları ilə şərtlənir.

«Dalanda» romanında müəllifin yaratmış olduğu Qafar, Fəridə, Gülsafa və digər qəhrəmanlar daxili-mənəvi dünyasının hərtərəfli şəkildə, yaddaqalan boyalarla aşkarlandığı xarakterlərdir. Lakin qeyd etmək lazımdır ki, yazıçı romanın süjet xəttini əsas etibarlı ilə Qafarın taleyi ilə bağlı hadisə və əhvalatlar üzərində qurmağa çalışmışdır.

Tənqidçi Məmməd Qocayevin fikrincə, «Əsərin qəhrəmanı Qafarın faciəsi məhz öz kökündən ayrı düşmüş şəxsin faciəsidir» [2, s. 180]. Lakin qeyd olunmalıdır ki, Məmməd Qocayevin qənaətlərində Qafarın «öz kökündən ayrı düşməsi» onun doğulduğu kənddən ayrılaraq şəhərə gəlməsi anlamında dərk olunur. Əslində isə bu, problemə səthi, zahiri prizmadan, urbanizasiya – məkan dəyişimi kontenktində yanaşılmasıdır

və Qafarın bu yöndən dəyərləndirilməsi onun milli xarakter kimi faciəsini əks etdirmir. Qafarın faciəsi sözün əsil mənasında milli-əxlaqi dəyərlərdən ayrı düşməsindədir. Onun həyatda qarşılaşdığı bütün faciələr istisnasız olaraq burdan başlayır. Tənqidçi Təyyar Salamoğlunun fikrincə, Sabir Azəri Qafarın timsalında «patriarxal insanın müasir həyatın «qanunları» ilə ayayqlaşma bilməməsini və burdan törəyən tragizmi ortaya qoyur» [3, s. 76].

«Dalanda» romanında Qafarla Fəridənin münasibətləri fonunda cəmiyyətə hakim olan iki fərqli əxlaqi düşüncənin məğzi, mahiyyəti aşkarlanmışdır. Belə ki, Qafar milli ruhun daşıyıcısı olan, ancaq mövcud cəmiyyətdə get-gedə sıradan çıxaraq zəifləyən, Fəridə isə yeni yaranan, lakin milli dəyərlərdən uzaq olan əxlaqi dəyərlərin təmsilçisidir. Qafarın yaşadığı mühitdə onun tapındığı dəyərlərə qarşı sərt biganəlik, hətta bəzən açıq müqavimət hökm sürməkdədir. Fəridənin əxlaqi «keyfiyyətləri» isə mənsub olduğu mühit tərəfindən barışıqla qarşılamaqda, müdafiə olunmaqdadır. Romanın konflikti də məhz milli-əxlaqi dəyərlərə münasibətdə baxış fərqliliyi müstəvisində aşkarlandığından yazıçı bir tərəfdən öz qəhrəmanlarının daxili-mənəvi dünyasını təbii boyalarla canlandırma bilmiş, digər tərəfdən müasir cəmiyyətin sərt əxlaqi aşınmalara məruz qalan kədərli mənzərəsini yaratmışdır.

Qafarın kənddə ilk məhəbbətini unudaraq dul qadınla evlənməsi bütün həyatını, xoşbəxtliyini, gələcəyə yönəlik arzu və ideallarını alt-üst edir. O, xarakterinin zəifliyi ucbatından etdiyi səhvi heç cür düzəldə bilmir. Şəhərdə dul qadınla evlənəndən sonra kəndə dönüşü qəhrəmanın yaşadığı faciənin əsil mahiyyətini ortaya çıxarır. Xüsusilə, Qafarın anası Gülsafa ilə qarşılaşdığı səhnə bu baxımdan səciyyəvidir. Kənddə sevdiyi qızı tərk edərək şəhərdə uşaqlı dul qadınla evləndiyi üçün anasının gözlərinə dik baxa bilməyən Qafarın daxili-mənəvi yaşantıları real cizgilərlə təsvir olunmuşdur.

Qafarın anasından, qohum-əqrəbasından xəbərsiz evlənməsi adət-ənənənin kobud şəkildə pozulmasıdır. Digər tərəfdən onun kənddə sevib əhd-peyman bağladığı qızı unutmaması, heç bir ciddi səbəb olmadan onu tərk etməsi milli-əxlaqi dəyərlərə uyğun deyildir. Üçüncüsü isə, təhsil almaq məqsədilə şəhərə gedən gənc bir insanın özündən yaşlı, dul, uşaqlı bir qadınla evlənməsi isə milli psixologiyaya ziddiyyət təşkil etməkdədir.

Filologiya elmləri doktoru Təyyar Salamoğlu obrazın xarakterinin bu məqamına diqqəti çəkərək yazır: «Qafar yaxşı bilir ki, kənddə ona ad edilən qızı qoyub, şəhərdə başqa birisi ilə evlənməsi (hətta dul gəlin yox, qız olsa belə) patriarxal həyat qanunlarına ziddir. Bu namus məsələsidir, həm də bu məqamda ancaq qız ailəsinin yox, bütün kəndin namusu məsələsidir. Bütün varlığı ilə oğlunu sevən ananın – Gülsafa qarının bu hərəkəti müqabilində «Özün də çıx get! Elə bu saat çıx get!» deyərək Qafarı kənddən qovması patriarxal qanunların işləklik məqamının göstəricisidir. El adətlərinə inanan Qafar etdiyi hərəkətin qəbahətinin

ağırlığını bütün varlığı ilə hiss edir. Ona görə də Fəridə ilə söhbətlərində «kənddə qoyub gəldiyi və məhəbbətinə xəyanət etdiyi qız»ın məsələsi bütün ömrü boyu Qafarın ən ağır yeri olur və Fəridə ilə yaşadığı illərdə arvadının bu məsələ ilə bağlı söz və hərəkətlərinə kəskin reaksiya verir. Həmin «reaksiya»lar kökündən qopa bilməyən insanın əzablarından doğur» [3, s. 78].

«Dalanda» romanında Qafarı ömrü boyu müşayiət edən daxili-mənəvi əzablar real cizgilərlə təsvir olunmuşdur. O, bütün varlığı ilə çalışsa da, ruhən, mənən bağlı olduğu, milli-əxlaqi dəyərlərdən qaynaqlanan həyat prinsiplərini öz ailəsinin yaşam tərzinə çevirə bilmir. Qafar – «romanın əsas qəhrəmanı əxlaqi-etik görüşünə görə düz adamdır. Halal zəhmətə arxalanıb həmişə qürurlu gəzmək istəyən, haqqı nahaqqa verməyən adamdır. Lakin bu istəyi yerinə yetirmək təkcə Qafarın özündən asılı deyildir. Bunun üçün onun qarşısında «həyat» deyilən çox güclü məhək daşı durur. Üstəlik Qafarın zəif cəhətləri də var. Həm də bu zəiflik onun ömür yolunda özünü çox tez bürüzə verir» [1, s. 5].

Romanda Qafarın faciəsi yalnız ailə çərçivəsi ilə məhdudlaşmır, eyni zamanda yaşadığı cəmiyyətin sosial mühiti ilə bağlanır. Bu isə yazıçıya öz qəhrəmanının milli xarakter cizgilərini daha geniş müstəvidə əks etdirmək imkanı verir. «Qafarın narahatlığı şəxsi taleyi üçün narahatlıq hissindən yox, yaşadığı dünyanın həqiqətləri ilə onun tapındığı, inandığı həqiqətlərin nəinki üst-üstə düşməməsindən, hətta daban-dabana əkslik təşkil etməsindən qidalanır və qəhrəmanla birlikdə böyük hərflə Zamanın tarigizmini önə çıxarır» [3, s. 87].

«Dalanda» romanında Sabir Azəri Fəridə obrazının timsalında milli-əxlaqi dəyərlərin deformasiyaya uğramasının özünəməxsus aspektlərini canlandırma bilmişdir. Fəridənin öz istəyinə çatmaq üçün bütün vasitələrdən istifadə etməsi, davamlı olaraq haram həyatın «firavanlığına» can atması, qızını da bu ruhda tərbiyə etməsi qəhrəmanın milli-əxlaqi dəyərlərə münasibətini şərtləndirir. Yazıçı romanda Fəridənin daxili aləminin təcəssümünə geniş yer verməklə milli-əxlaqi dəyərlərin sərt aşınmalara məruz qaldığını və bundan dolayı özünün narahatlıq duyğularını əks etdirmək məramını izləmişdir. Həmçinin bir məsələyə də toxunmağa ehtiyac vardır ki, romanda Fəridənin xaraktercə onunla əks qütbədə dayanan Qafardan daha güclü təsvir olunması mənəvi-əxlaqi dəyərlərin cəmiyyətin təpki ilə üz-üzə dayanmasının göstəricisidir.

Qeyd edək ki, «Dalanda» romanında milli-əxlaqi dəyərlərə bağlılıq daha çox Gülsafa qarının xarakter cizgilərinin təsviri prosesində gerçəkləşir. Yazıçı onu Azərbaycan xalqının müsbət əxlaqi dəyərlərini daxili-mənəvi dünyasında bütün yönərlə təcəssüm etdirən bir obraz kimi canlandırmağa çalışmışdır. Gülsafa qarının bütün hərəkət və davranışları milli kökə, adət-ənənələrə, mənəvi yaddaşa bağlılığın üstün keyfiyyətlərini qabartmaq məramına xidmət edir.

Romanın nəşrinə yazdığı «Bədii sözün qüdrəti» adlı ön sözdə şair Fikrət Qoca Gülsafa qarşı obrazının milli xarakter cizgilərini səciyyələndirərək qənətlərini aşağıdakı kimi yekunlaşdırır: «Gülsafa obrazı öz əxlaq kodeksinə görə bəlkə də orta əsrlərdəki analara bənzəyir. Eyni zamanda Gülsafa XX əsrdə yaşayacaq qadınlara da nümunə ola bilər. Heç şübhəsiz, geyimində, davranışında, həyata münasibətində... dəyişikliklər olacaq, lakin əsil məsələdə – ailəyə, evə, doğma yurda, övlada bağlılığında, ərə məhəbbətində və sədaqətində dəyişməyəcək... Bu, bizim xalqın özəyidir, mayasıdır və tarixin çox çətin sınaqlarından şərəflə çıxmış əxlaq normasıdır. Analar bu əxlaqi kamilliyi min illərlə yaşadıb. İrsən bir-birinə ötürüb, hələ bundan sonra da min illərlə yaşadacaqlar» [1, s. 8]. Şübhəsiz ki, Fikrət Qocanın mülahizələri ilə razılaşmamaq mümkün deyildir. Çünki burada yalnız Gülsafa obrazının deyil, bütövlükdə milli xarakterin səciyyəvi xüsusiyyətləri dəyərləndirilmişdir.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Azəri Sabir. Dalanda, Bakı, «Yazıçı» nəşriyyatı, 1984, 251 səh.
2. Qocayev Məmməd. Zərurəti dərk etməyincə, «Azərbaycan» jurnalı, 1984, № 12.
3. Salamoğlu Təyyar. Müasir Azərbaycan romanının poetikası (XX əsrin 80-ci illəri), Bakı, «Elm» nəşriyyatı, 2005, 280 səh.

ИЛЙАС ЯФЯНДИЙЕВИН ЙАРАДЫГЬЫЛЫБЫНДА МЯДЯНИ ИРС ПРОБЛЕМИНИН БЯДИИ ТЯЗАЩЦРЦ

В. Х. Ялийев

**Азярбайъан Дювлят Мядяниййят вь Инъясянят
УниверситетиБакы щящяри, Азярбайъан республикасы**

Summary. History of any national culture is a history of great masters` courage – poets, writers, men of art and culture.

The Azerbaijani classic writer of the XX century, great dramatist, people`s writer, the State Prize laureate Ilyas Afandiyev devoted all his life to our national literature, theatre and culture. During all his creative activity he created his works with a sense of modernity. His creative activity, artistic language, interesting professional skills and national and human features of his idea and content have attracted attention of our literary criticism, art criticism and culturology.

Key words: artistic language; art criticism and culturology.

Щяр бир милли мядяниййятин тарихи бюйцк, йарадыгы шахсиййятлярин – шаир, йазычы, инъясянят вь мядяниййят хадимляринин щцнярляринин тарихидир.

XX яср Азярбайъан ядыбиййатынын классики, цнлц насир вь драматург, халг йазычысы, Дювлят Мцкафаты лауреаты Илйас Яфяндийев бцтцн юмрцнц милли ядыбиййатымыза, театрымыза вь мядяниййятимизя щяср етмищдир. Бцтцн йарадыгылыгы бойу

йалныз мцасирлик дуйбусу иля йашайан, гялбинин сясиня гулаг асан вя щягигятя тапынан, «сюзя-гялямя хяйанят етмяйян» уstad сяняткар: «узаг вя йахын дцнянимизя, милли-мянвяи мянлийимизя мян щеч вахт директивлярин, програмларын, айры-айры дювлят рящбярляринин ирадясинин вя истяйинин тяляби иля йанашмамышам» – дейирди. Профессор Шамил Салманов драматургун йарадыгылыынын мцасирлик кейфийятини гиймятляндирияк йазмышдыр: «Ильяс Яфяндийев юз йарадыгылыында бу буюцк ясрдя ядяби мцбаризянин ян ясас йолларындан вя щадисяляриндян бирини тямсил едян сяняткардыр, йениликчидир.

О, ясрин ядяби-естетик дяйярляринин йарадыгыларындан биридир. Вя мящз бу сябядян дя онун йарадыгылыы- ясрляри вя эюрцщляри диггятля, щяртяряfli вя дяриндян юйрянилмяйя лайигдир» [5, с. 125]. Халг йазычысынын бядии нясри- щекайя вя романлары, тарихи вя мцасир мювзулу драмлары йцксяк бядии дили, лирикасы, дярин психолоэийасы, мараглы сяняткарлыг мязийятляри, фялсяфи мяфкурасяи, мигйаслы поетик дцщцнъясяи, идея-мязмунунун миллилийи-бящярилийи иля ядябийятщцнаслыын, сянятщцнаслыын вя културолоэийанын диггятини тьялб етмищдир.

Ильяс Яфяндийевин йарадыгылыында онун мцасир мювзулу драмлары кими тарихи драмлары да хцсуси актуаллыг кясб едир. Драматургун «Мащны даьларда галды» (1971), «Натяван» (1981), «Шейх Хийабани» (1986), «Севэилилярин тьящяннямдя вцсалы» (1989), «Тянща ийдя аьаьы» (1991), «Дялиляр вя аьыллылар» (1992) вя «Щюкмдар вя гызы» (1994) драмлары йени, новатор кейфийятляри иля сяьиййевидир. Йазычынын тарихи драмлары юнъя тарихя бядии бахышын йенилийи иля сечимлянир. Драматургун мцхтялиф мювзулу тарихи драмлары 80-ти иллярин Азярбайъан ядябийятында йенилик щадисясяи кими дяйярлидир.

«Шейх Хийабани» тарихи драмы Тьянуби Азярбайъана щяср олунмуш ясрляр ичярисиндя хцсуси йер тутур. Ясрин ясас тарихи щяхсийяти – Хийабанинин симасында язмятли бир халг гящряманынын, халг щярякаты рящбяринин парлаг образы эюрцццр.

«Хуршидбану Натяван» драмында ясрин гящряманы Натяван образы ясас йер тутур. Ону дцщцндцрян Гарабаьын тарихи талейидир. Ясрдя Натяван чар чиновникляри иля цзлящир вя юз гануни мцлкцццц она гайтарылмасы уьрунда мцбаризя апарыр. Онун рус тьянишини иля цзлящдийи сящня олдугъа мяналы вя йаддагаландыр. Бу пйес йазыларкян халгымыз щяля Гарабаь фаьиясяи иля цзлящмямищди. Мцдрик йазычы санки сювги-тябии эялятьйи щисс едяряк бу образы йаратмышдыр. Драматурга эюря эялятьйин кюкляри кечмишимизин ичиндядир. Гарабаь вя Тьянуби Азяр-

байъан мювзулары Илйас Яфяндийевин тарихи драмларынын ясас идея хяттини тяшкил едир.

«Тянща ийдя аьаьы» пйеси совет империйасы заманында вятяндян дидярэин дцшмцш сойдашларымызын щясрят вя изтирабларындан бящс едир. Пйесдяки щадисяляр ясаян бир аилинин ятрафында тьяряан етсая дя, бцтювлцкдя яъняби щяйат вя мцщаъи-рятин доьурдуьу иътимаи сябябляр эениш шякилдя ящатя едилмищдир. Ясяр щям дя ващид идея истигамяти иля – Гарабаь уьрунда мцбаризя иля дя диггятялайигдир. Пйесдя ийдя аьаьы яслиндя тянщалььын рямзидир. Гарабаь щясрятинин, вятян дярдинин щарайы кими мяналаныр. Профессор Тящсин Мцтяллимов доьру гейд едир ки, «...Пйесдяки ясл драматизм сурятлярин, характерлярин тоггушмасында дейил, иътимаи-сийаси мятляблярин мяъмусундадыр. Ахтарсан, бякя дя драматизмин ясл кюкц, мянщяйи зяманя иля она яйилмяйян, онунла барышмайан мющкям ягидяли, мяслякли мяьрур инсанларын фаъияли талейи арасындадыр» [4]. Халг йазычысы бу пйеси иля драматурэийаьмызда мцщаъирыят мювзусунун йени сящня тьяьссцмцня наил олмущдур.

Илйас Яфяндийевин тарихи драмлары ичярисиндя сонуньу «Щюкмдар вя гызы» тарихи фаъияси мцстясна йер тутур. Тарихи мювзуда йазылмыш бу ясярин сяъиййяви хцсусиййятляриндян бири Гарабаь уьрунда, милли мцстягиллик уьрунда мцбаризямизин ян эярэин чаьында мейдана чыхмасы иля илэилидир. Ясярдя ХХ ясерин сонларында баш верян олайларын дярин тарихи кюкляря малик олдуьуну эюстярмак мцяллифин ясас мягсяди олмущдур. Ясярдя йени бир щюкмдар образы иля растлашырыг. Пйесдя Ибращим хан тьякъя юзцнц вя ханлыьынын талейини дцщцнмцр, бцтцн Азярбайъанын талейини дцщцнцр. Ики эцълц дювлятин – Русийанын вя Иранын тязйиги алтында Ибращим хан чыхыш йолу ахтарыр. Лакин бу йолу тапмаг олдуьа чятиндир. Гящряманын ясл фаъияси дя еля бундадыр. Ибращим ханы ону ящатя едян адамлар баша душмцрляр, яксиня иттищам едирляр. О, ися ону иттищам едянляря Азярбайъанын ики эцълц дювлят арасында олдуьуну дейир. Онун чыхылмаз вязиййятдян йоллар ахтармасыны щеч ким баша дцшмцр. «Ня ццн мяни баша дцшмцрляр? Ня ццн? Ня ццн?»- дейяряк о, чыхылмаз вязиййятдя галыр вя тарихи фаъиянин гящряманы кими сяъиййялянир.

Илйас Яфяндийев тарихи кечмишимизи мцасир щяйатымызла вящдятдя эютцряряк бядии цмумилящдирмяляр ясасында «Щюкмдар вя гызы» фаъиясини йазмагла бу жанрын ядябиййат тарихимиздя йени бир мярщялясини ачды. Академик Мяммяд Ариф йазырды ки, «Йазычы (И. Яфяндийев – В. Я.) юз гящряманларынын мяняви алямини аьыр имтащанлардан, чятин сынаглардан кечирир, онлары тьдди щяйати проблемляр гаршысында гойур, тьящцкяли вязиййятляр йарадыр. Тясвир олунан щадисялярдяки

вя мцнасибятлярдяки эярэин драматик вя шятта траэик вязиййят-ляря бахмайараг Илйас Яфяндийевин драматурэийасы лирик ящвали-руциййядян мящрум дейилдир» [1, с. 175]. Драматургун бцтцн тарихи драмларында да бу ящвали-руциййя буюцк рол ойнайыр. Эюркямли ядябиййатщнас, тянгидчи, профессор Йашар Гарайев йазырды ки, «Азярбайъан тарихи барядя классик сянядляр-йедди «Гарабаънамя» вар. Бцтцнлцкдя Илйас Яфяндийевин йарадыгылыыны мян сяккизинъи «Гарабаънамя» щесаб едирям» [3, с. 221].

Йазычы йарадыгылыы бойу милли мядяниййятимизин тяс-сцбкеши олуб. Онун мядяниййятимизя щяср етдийи мягальяляри юз актуаллыы, мяна тутуму иля сечилир. Драматурэийайа, театра, киноа, мусигимизя, тясвири сянятимизя, мянявиййатымыза щяср етдийи мягальяляри бу эцн дя мцасирдир. Драматургун милли мядяниййятимизя щяср етдийи ясярляри култролоэийа елмимиздя щяля юз елми тядгигини вя гиймятини алмайыб. Бу ясярляр дигятля вя щяртяряфли юйрянилмяйя лайигдир вя хцсуси тядгигатын предметидир.

Илйас Яфяндийев драм ясярляриля Академик Милли Драм Театрымыза йени чалар, йени рущ, йени цслуж вя тяравят эятирди. Драматурэийамызда лирик-психоложи драм мяктябини вя онун поетикасыны йаратды. Драматург театра йцксяк гиймят веряряк йазырды: «...Театр халгын ян инъя дуйбуларыны, романтик хяйалларыны, севинъини, дярдини, арзуларыны ифадя едир. Халгын театры онун милли мядяниййятинин тянтянясидир» [2, с. 274].

«Илйас Яфяндийев театры» театр просесиндя йени бир мярщяля йаратды. Онун театра щяср етдийи мягальяляри естетик сигляти вя фялсяфи тутуму иля йадда галыр. Йазычынын фикринъя: «Театр щямищя мяняви йцксялищ айнасы олуб. Театр йалныз ядябиййат вя инъясянят дейил, ейни заманда, тамашачы мядяниййятинин дя мейарыдыр» [2, с. 275].

«Мцасирлик, сяняткарлыг, хялгилик» (мусигимиз щаггында гейдляр) мягальясиндя Илйас Яфяндийев йазырды: «Щяр бир халгын мядяни-интеллектуал инкишафында инъясянтин бцтцн сащяляри сырасында мусиги дя бир юлцц, мейар санбалында гяти сяся маликдир. Ядябиййат, ряссамлыг, щейкялтярашлыг кими, мусиги дя социал щяйаты якс етирир. Инъясянтин буюцк мюьцзяляриндя олан муъамлардакы еъазкар тясир гцввяси, кюкцнц узаг ясярлярдя алан мярдлик, гящряманлыг нидалары, мяняви зянэнлик халгымызын мятин мцбаризяляринин якс-сядасы дейилми?» [2, с. 371].

Мцяллифин елми-нязяри мягальяляри арасында ханяндялик, мцъяннилик сяняти щаггында да мараглы мцлащизяляр вар. Вя бу мцлащизялярдя муъам сянятинин сещри, гядим кюкляри, валещед-иъи эюзяллийи йцксяк сяняткарлыгла инъялянир. Бурада айры-

айры буюцк ханяндялярин ифа тязри, сяняткарлыг мящаряти, сясин эюзяллийи вя сяняткарлыбы, мцьяннинин сящня мядяниййяти конкрет фактлар ясасында ашкарланыр: «Мялумдур ки, ханяндялик сянятинин кюкляри биздя чох узаг ясрляря эедир. Халгымыз буюцк ханяндялярин хатирясини, онларын ифасындакы эюзяллийи цряйиндя ябядилящдириб. Классик устадларын сяняти, няфяси, авазы щаггында хатиряляр, онларын щяр биринин ифасында, сясиндя мяхсуси тьящятляр щаггындакы фикирляр шифащии олараг нясиллярдян-нясилляря кечир...» [2, с. 385].

Йарадыгылыбы зянэин халг дщщцнтясиндян гайнагланан Иляас Яфяндийев бядии ясрляринин дилиндяки щязинлик, образлылыг вя лириклик онун поетик рущунун булаг кими сафлыбындан вя ядыби истедадындан хябяр верир.

Ядыбийят сийащысы

1. Ариф М. Сяняткар гоьалмыр. – Бакы : Йазычы, 1981.
2. Яфяндийев И. Сечилмиш ясрляри 7 ылддя, 7-ьи ылд. – Бакы : Чинар-Чап, 2002.
3. Гарайев Й. Мейар шахсиййятдир. – Бакы : Йазычы, 1988.
4. Мцтяллимов Т. «Тянща ийдя аьаьы» // Азярбайтан эянгляри. – 1991. – 1 ийун.
5. Сяняткарын икинчи юмрц. (Иляас Яфяндийев. Беш илин салнамяси). – Бакы : Чинар-Чап, 2002.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

П. С. Ревко-Линардато

Технологический институт Южного федерального университета, г. Таганрог, Россия

Summary. Islamic philosophy is intimately connected with Greek philosophy. The main sources of classical or early Islamic philosophy are the religion of Islam itself and Greek philosophy. The author of the article analyzes the role of the Greek philosophy in Arabic and Islamic culture.

Key words: Ancient Greek philosophy; Arabic and Islamic culture.

В результате арабских завоеваний сложилась уникальная арабо-мусульманская культура, в создании и развитии которой принимали участие арабы, персы и представители других исламизированных народов как члены единого великого мусульманского общества. В условиях развивающихся государственных отношений ислам превратился в социально-нормативный комплекс, организующий общества, находившиеся под властью халифа. Поэтому не случайно, что первыми центрами науки были мечети – своеобразные университеты, где обучали не только религиозным наукам, но и светским.

В Сирии, Персии, Испании, где существовали античные философские традиции, после арабского завоевания начинают возникать центры античной культуры. Греческое наследие было оценено и активно использовано в трудах арабо-мусульманских ученых, хронистов и философов. Активно переводятся на арабский язык и комментируются античные научные тексты, которые были почти забыты на Западе. В переводах и обработках греческие произведения вошли в состав арабской письменности и способствовали установлению преемственной связи с эллинистической культурой.

Типы философствования, существовавшие в мусульманском мире, близки по своему характеру тем, которые наблюдались в христианской Европе, что объясняется, во-первых, наличием схожих черт между двумя монотеистическими религиями, а во-вторых, решающим влиянием греческой философии. Философская арабо-мусульманская традиция имела два компонента – эллинизм и ислам. Их взаимодействие обусловили ее характерные черты. Все дисциплины благодаря Корану получали религиозное осмысление, что сопровождалось столкновением рационалистического (продолжавшего традиции греческой мысли) и теологического (заклучавшегося в толковании священных текстов) подходов. Но основной задачей исламской философии, как и средневековой христианской, была защита религиозных норм и традиций. В то же время арабо-мусульманская культура до определенного момента являлась достаточно открытой для восприятия достижений античной науки.

Первоначально античная философия пришла к арабам благодаря деятельности сирийских переводчиков. К сожалению, в большинстве исследований не уделяется должного внимания сирийской культуре и ее вкладу в мировую историю. Большая заслуга в развитии советской сириологии принадлежат Н. В. Пигулевской, которая определила основные направления, по которым развивается современная российская сириология. Н. В. Пигулевская впервые в мировой науке во всем объеме и полноте показала сирийскую культуру, указала на ее важную роль в общем процессе развития человечества [1].

Сирийцы оказали значительное влияние на становление арабской науки и через нее передали разработанные ими далее античные знания на христианский Запад. Многочисленные переводы на сирийский язык трудов греческих философов и ученых явились связующим звеном между древнегреческой и арабско-мусульманской философией. Сирийские переводчики с греческого языка сделали доступными сначала персам, а затем арабам античные сочинения. В течение нескольких столетий сирийцы являлись своеобразными учителями арабов. Сирийский язык был превосходно развитым литературным языком, способным передавать сложные отвлеченные мысли и философские понятия. Через сирийцев арабы восприняли

греческую образованность, приемы перевода, эквиваленты многих отвлеченных понятий на родственном им языке.

Считается, что первым в исламском мире, кто обратился к философским трудам Аристотеля, был Аль-Кинди – переводчик и комментатор его философских трудов. Аль-Фараби – апологет системы Аристотеля – интерпретировал ее в духе неоплатонизма. Вдохновленный Платоном, аль-Фараби разработал теорию «Идеального Города», описав образцового государя – «Платона, облаченного в плащ пророка Магомета». Ибн-Сина писал комментарии к Аристотелю, в его главном трактате «Книга исцеления», содержащем основы логики, физики, математики, заметно сильное влияние античных философских традиций. Говоря о проблеме сочетания исламской и эллинистической традиций, особое внимание следует уделить сборнику из пятидесяти сочинений о религии и естественных науках – «Трактаты чистых братьев», написанные членами школы «Братья чистоты и искренности». Наиболее влиятельным философом исламской испанской Кордовы был Ибн Рушд (Аверроэс) – автор наиболее известных в Европе комментариев к Аристотелю. Он оказал значительное влияние на европейскую философию, где аверроизм стал важным философским течением, способствовавшим развитию свободомыслия в христианской Европе.

В результате эволюции ислама возник мусульманский мистицизм – суфизм. Наряду с догмами Корана, христианским аскетизмом и положением буддизма о примате абсолютной реальности над абсолютным миром ощущений, важнейшим истоком суфизма явился неоплатонизм Плотина с его тезисом о божественной эманации.

Закат арабо-мусульманской науки и философии (прежде всего, вследствие противодействия представителей религиозной власти) совпал с восходом итальянского Ренессанса. Роль арабо-мусульманской культуры в сохранении и возрождении античной философской традиции в Европе переоценить трудно. Как замечает У. Монтгомери Уотт, «когда мусульманские исследования, мусульманская мысль, мусульманские сочинения предстают в полном объеме, становится ясно, что без мусульман европейская наука и философия не смогли бы, в свою очередь, развиваться. Мусульмане явились не просто передатчиками, но подлинными носителями греческой мысли, не только сохранившими те науки, которые постигли, но и расширившими их диапазон» [2, с. 132–133]. Вклад арабо-мусульманских ученых в европейскую науку не только в сохранении и передаче греческого наследия. Арабо-мусульманская наука, впитав в себя (в значительной степени благодаря сирийцам) греческие достижения, развивала их и сама достигла значительных результатов. Мусульмане не просто сохранили интеллектуальное наследие греков, они сформировали на его опыте собственные

научные школы, без которых была бы невозможной современная Западная цивилизация.

Библиографический список

1. Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века. – М. : Наука, 1979.
2. Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. – СПб. : ДИЛЯ, 2008.

МЕТОДЫ БИРУНИ, ПРИМЕНЕННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ РЕЛИГИИ

З. Ш. Туйчибаева

**Ташкентский исламский университет, г. Ташкент,
Узбекистан**

Summary. Abu Rayhan al-Biruni is famed as a great scientist. The intellectual world, however, is less familiar with the fact that al-Biruni is a great scholar of comparative religion. So this article investigates that al-Biruni has studied religious matters based on several methods in particular comparative method and that he should, therefore, be declared the Father of Comparative Religion.

Key words: comparative religion; history of religions; methodology of religious studies.

В большинстве источников утверждается, что религиоведение как самостоятельная отрасль знания зародилось в середине 19 века на Западе, его развитие связано с изучением влияния религии на общественную жизнь такими учеными, как Иммануил Кант (1724–1804), Макс Вебер (1864–1920), Зигмунд Фрейд (1856–1939), Фейербах (1804–1872), Фридрих Макс Мюллер (1823–1900), Корнелис Питер Тиле (1830–1902) и Пьер Даниель Шантепи де ла Соссе (1848–1920). Однако история научного изучения религий начинается еще с исследований греческими и римскими учеными религий древнего Востока. В частности, такие греческие ученые, как Полигистер Александр (родился в 105 г. до н. э.), Аристотель (384–322 гг. до н. э.), Пифагор (540–500 гг. до н. э.), Геродот (484–425 гг. до н. э.), Полибий (200–120 гг. до н. э.), Гесиод (700 г. до н. э.), Ксенофан Колофонский (570–480 гг. до н. э.), Страбон (64 г. до н. э. – 20 г. н. э.), Плутарх (46–119), Лукиан (120–190), изучали религии других народов и стремились сравнить, сопоставить их со своими религиями. Этот процесс в дальнейшем был продолжен римлянами, а вопросы возникновения и развития религиозных источников, религиозных убеждений изучались такими писателями, как Варрон (116–27 гг. до н. э.), Овидий Назон Публий (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.), Апулей (124–180), Евсевий (260–339).

Но уже в средние века литература по изучению религий показывает, какой великой была роль ученых-мусульман в этой сфере.

По выражению ученого-религиоведа Франца Розенталя, «сравнительная религиоведческая наука является великим даром ученых мусульман в развитии науки» [7, с. 5]. В этом отношении несравненно высоко место великого ученого Абу Рейхана Бируни (973–1048), внесшего большой вклад в развитие не только фундаментальных и естественных наук, но и общественных наук, в частности в изучение вопросов религиоведения. Надо отметить, что в своих произведениях «Памятники минувших поколений» и «Индия» великий ученый выработал систему определенных методов изучения вопросов религии.

Если внимательно изучить в произведениях Бируни о религии применение методов сравнения религий, то увидим, что оно во многом напоминает методологию современного религиоведения. Как показывают изыскания, Бируни еще в те времена эффективно пользовался большинством существующих ныне методологий современного сравнительного религиоведения. Некоторые ученые утверждают, что примененные Бируни методы стали основой для других современных учений [10, с. 32]. Например, его методы непосредственного упора на опыт, изучение подлинных источников, постоянное наблюдение применяются в современной антропологии.

Ученый-религиовед Кемал Атаман пишет, что в изучении религий Бируни использовал феноменология, диалог и компаратив, а Артур Жеффери описывает, что он пользовался такими методами, как дополнения, точные аргументы и доводы; Малиновский пишет, что при исследовании той или иной религии он проводил год или три года среди представителей этой религии, бывал в постоянном контакте с ее адептами, изучал национальные языки, культуру и социальную жизнь [9, с. 59].

В ходе изучения произведений Бируни мы увидели, что в своих исследованиях религий он пользовался рядом нижеследующих методов.

Метод феноменологический. По мнению К. Атамана, данный метод составлял основу научной деятельности Бируни. Другими методами он пользовался как дополнительными средствами [9, с. 61]. Использование названного метода для обеспечения целостности рассказа о событии нашло свое отражение во вступлении к «Индии», где ученый говорил о том, что он не изучает индийские религии для полемики или споров, а его целью было освещение всего как оно есть на самом деле [2, с. 60].

Правда, ученый не использовал понятие «феноменология», однако его подход на самом деле является методом под этим названием, который сегодня широко используется в религиоведении. По мнению Атамана, впоследствии Вандер Леув достаточно широко пользовался этим методом в системном изучении действительности [9, с. 64].

Метод каузальный. По нашему мнению, вышеприведенный метод феноменологии стал поводом для использования Бируни другого метода – каузального. В освещении того или иного вопроса ученый, наряду с повествованием о его сути, стремился предположить на научной основе причину его возникновения. В частности, освещая формирование чувства неприязни индусов к мусульманам, он доказал, что проведенные здесь мусульманами, в частности Газнави, кровопролитные войны стали этому основной причиной [2, с. 67]. Другой причиной этого Бируни считает то, что у индусов было правило неприятия людей, которые относились к другим обществам, и приводит несколько примеров [2, с. 68].

Следовательно, посредством каузального метода Бируни описывает не только само событие, но и его предпосылки, причины возникновения, историко-культурные тенденции. Он утверждает, что без их изучения знания будут поверхностными, а выводы полемическими [2, с. 64–65].

Метод наполнения. Как известно, и до Бируни ученые изучали историю общества индусов. В качестве примеров можно привести воспоминания посла, направленного в 395 году в Индию царем государства Маврия Солокосом I, греческого историка Мифастина (в некоторых источниках Мегосфен) [6, с. 11], трактаты китайских буддистских монахов Фа Сянь (V век, в арабских источниках он назван Фахиян) [5, с. 36], И Цзинь (VII век), Хюнг Санг (VII век), Сюань Цзань (VII век), хронологические сведения Ибн Хурдадбека (820–912), посвященные политической истории Индии, произведение Идриси (1110–1165) о географии Индии [1, с. 21], ценные сведения Якуби (IX аср) и Масъуди (год кончины 956) о представителях таких народов, как индусы, греки, арабы, китайцы, евреи, а также представителей христиан [11, с. 46]. Однако приведенные в них сведения во многих случаях относились к истории, культуре или географии, а вопросы религии почти не затрагивались. И поэтому Бируни во время написания «Индии» утверждал, что сведений для подготовки произведения было очень мало [2, с. 64]. Несмотря на это, он системно изучил все написанные до него произведения, а в дальнейшем дополнил их сведениями, полученными в ходе непосредственных исследований. В соответствии с вышеприведенной мыслью Артур Жеффри утверждает, что во время подготовки «Индии» Бируни выражал сожаления по поводу прежних сведений и с помощью этого метода дополнил существующие сведения [8, с. 143].

Ученый отмечал запутанность исторических событий, недостоверность сведений о них, сетовал, что многие труды были написаны беспорядочно. Он пишет следующее: «Если бы индийцы не относились легкомысленно к последовательности событий, не были беспечны к хронологическому порядку правления своих царей и не были вынуждены при сомнении или необходимости прибегать к со-

зданию легенд, то я привел бы некоторые их предания по этому поводу» [2, с. 360]. Поэтому он изучал существующие материалы об Индии, написанные на санскрите, подлинные индийские религиозные источники и, в дополнение к результатам собственных наблюдений, изучал книги, написанные на других языках, и стремился дополнить свои знания сведениями других, живших до него, ученых.

Упор на подлинники. В связи с тем, что Бируни уделял серьезное внимание иностранным языкам, он имел возможность изучать непосредственно подлинники. В частности, по приезду в Индию он сразу приступил к изучению в совершенстве санскритского языка, что позволило ему сделать точные и достоверные выводы, касающиеся религиоведения. Профессор Кембриджского университета Билор утверждает, что сведения названной выше группы китайских ученых об Индии не имеют научной ценности [5, с. 36]. Вообще, в эпоху Бируни другие науки о религии, точки зрения о религиях индусов не имели большой научной ценности, так как основывались преимущественно на сведениях, полученных из вторых, третьих источников. Об этом сам Бируни писал: «Тогда я указал, что большая часть написанного в книгах об этих религиях и верованиях ложно им приписана, из одной книги в другую переносится, подобрана там и сям, перемешана, не исправлена в другую переносится, подобрана там и сям, перемешана, не исправлена в соответствии с мнениями индийцев и не отшлифована. Я не нашел среди авторов книг о различных учениях ни одного, кто бы преследовал цель излагать объективно, без всяких пристрастий и примесей, за исключением Абул Аббаса ал-Ираншахри, который не был приверженцем ни одной из религий и один придерживался изобретенной им самим (религии), к которой призвал (и других)» [2, с. 59]. Бируни положил конец этой традиции, изучая подлинники религиозных мировоззрений индусов, переводя на арабский язык написанные на санскрите религиозные произведения «Сангхья» и «Патанджали», и создал таким образом условия для изучения другими учеными подлинников религиозных учений индусов.

Он также изучал сведения некоторых мусульманских ученых об Индии, вдобавок к подлинным индийским источникам и результатам собственных наблюдений, он изучал книги, написанные на других языках. А приведенные в «Индии» из греческих источников цитаты доказывают правильность этой мысли [3, с. 586–587].

Проверка сведений. У Бируни в его научной деятельности было сильное стремление к различению фальшивых сведений от правдивых. Он, как некоторые ученые, не полагался на необоснованные, неправильные сведения, а для того, чтобы предотвратить приход к неправильным выводам, он перепроверял имеющиеся сведения [9, с. 60]. Ученый к каждому событию, внесенному в свое произведение,

относился очень осторожно, рассказывая об использованном источнике, о человеке, от которого услышал данные сведения, отмечая, является ли он надежной или ненадежной личностью, оставляя тем самым и свое объективное суждение и размышления. В свою очередь, он говорит о том, что при изучении реальности всякий ученый, как и простой человек, может допустить ошибку. А. Жеффри утверждает, что Бируни услышанные сведения не считал точными; по словам самого Бируни, «сообщение не то, что видение воочию» [2, с. 57], и поэтому он всегда опирался на достоверные источники и надежных людей.

Сравнение. Бируни в процессе изучения религий индусов плодотворно пользовался методом сравнения. Об этом он сам писал: «Я привожу теории индийцев как они есть и параллельно с ними касаюсь теорий греков, чтобы показать их взаимную близость. Наряду с теориями греков я не стану упоминать теории других, разве что упомяну теории суфиев или одной из христианских сект, поскольку все они имеют много общего между собой в представлении о переселении душ и о слиянии с божеством» [2, с. 60]. В частности, Бируни сопоставляет Вишну – понятие «Бог» – с другими религиозными понятиями, отмечает, что у греков названия богов происходят из названий небесных тел, у христиан в отношении создателя применяются слова «отец» и «сын», а мусульмане верят в единого Аллаха [2, с. 78–79].

Диалог. Говоря о том, что Бируни пользовался и методом диалога, К. Атаман утверждает, что именно благодаря диалогу рождается согласие и толерантность между различными религиями [9, с. 65]. Вообще, ученый в своем произведении утверждает, что между мусульманами и индусами необходим диалог, этот метод может привести к достижению взаимопонимания, способствовать определению общих, схожих сторон между различными религиями. Можно сказать, что выступление Бируни в сложный период с инициативой поддержать диалог с другими религиями является свойственной настоящему ученому храбростью.

В качестве заключения можно сказать, что великий, энциклопедически образованный ученый Абу Рейхан Бируни в своих произведениях «Памятники минувших поколений» и «Индия» в процессе изучения вопросов, непосредственно относящихся к религиоведению, эффективно использовал определенные методы. Используемые ученым методы отличались от существовавших ранее своей полнотой и прогрессивностью. В некоторых местах становится очевидным, что Бируни своими методами намного опередил свое время. В частности, надо отметить, что применяемый им метод феноменологии при объективном освещении других религиозных учений на сегодняшний день не потерял своего значения, метод сравнения до сих пор остается нужным для более подробного озна-

комления с точками соприкосновения и разногласий между различными религиями, и, наконец, еще 11 веков назад широко использованный им в своих произведениях диалог, то есть метод, направленный на решение вопросов между религиями путем диалога, взаимного согласия, и сегодня является актуальным в религиоведении.

Вышеприведенные размышления показывают, что Абу Рейхан Бируни в процессе изучения других религий относился к ним с уважением и толерантностью, смог увидеть человеческий фактор как основной в любой культуре и выдвигал идею о том, что нужно относиться к представителю любой религии с чувством человеколюбия и гуманности. Несмотря на то, что время между написанием произведений «Индия» и «Памятники минувших поколений» составляло больше тридцати лет, в них были использованы идентичные термины, методы и понятия. Бируни первым на основе толерантности и объективности плодотворно использовал определенные методы, смог сделать тщательный анализ вопросов, касающихся сравнительного религиоведения. Все это дает возможность прийти к выводу о том, что наш соотечественник Абу Рейхан Бируни был одним из основателей сравнительного религиоведения.

Библиографический список

1. Алаев Л. Б. История Индии. – СПб. : Алетейя, 2003.
2. Бируни. Избранные произведения. Т. 2. – Ташкент : АНУзССР, 1963.
3. Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 2. – М. – Л., 1957.
4. Миронов А. В., Бабинов Ю. А. Основы религиоведения: рабочая книга преподавателя и студента : учеб. пособие. – М. : НОУ, 1998.
5. Мухаммед Джамал, Ибрагим Ахмед. Бируни. – Египет : Дар уль-китаб аль-арабий, 1968.
6. Низамиддинов Н. Г. Религиозно-философские учения Юго-Восточной Азии и ислам. – Т. : Зар калам, 2006.
7. Franz Rothental. Shahrastani on the Indian Religions. – Moulton : Moulton & Co., 1976.
8. Jeffery A. Al-Biruni's Contribution to Comparative Religion. In Al-Biruni commemoration volume A.H. 362-A.H. 1362. – Calcutta : Iran Society, 1951.
9. Kemal Ataman. Understanding other religions: Al-Biruni and Gadamer's "Fusion of Horizons". – Washington : Council for Research in Values & Philosophy, 2008.
10. Waardenburg J. World Religions as Seen in the Light of Islam. – Edinburgh, 1979.
11. Wassilios Klein. Abu Rayhan al-Biruni und die Religionen Eine interkulturelle Perspektive. – Nordhausen : Interkulturelle Bibliothek, 2005.

АСПЕКТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

М. К. Шемякина
Белгородский государственный институт
искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Summary. "Revival" is considered as a cultural model, natural mechanism of the sustainability of cultural events, the concept studied as the "phenomenon of culture". The comprehension of the anthropological sense of the concept "revival" of the XIX-XX centuries consisted of formation of general coordinates of development of mankind, of the search of the ideals, of the visible issues considered by the thinkers in the integrity of rational and sensual origin, human and spiritual nature.

Key words: concept "revival"; Russian culture; anthropological question.

«Возрождение», рассматриваемое в качестве культурной модели, естественного механизма возобновляемости культурных явлений, концепта, понимаемого в качестве «феномена культуры», реализующегося на ментальном уровне культурных архетипов, моделей, образов, познавательных конструктов, представляющих неотъемлемую часть самой культуры, всегда привлекало внимание культурологов. При этом в анализе специфики культурного развития центральное место отводилось духу эпохи, в отношении Возрождения – духу эллинизма.

«Для многих культур, – отмечал А. И. Чернокозов, – в отдельные периоды их существования актуален даже не сам классический и последовательный прогресс творческих возможностей, а, как минимум, сохранение, или, в случае потери, реставрация, возрождение в себе естественной и самобытной способности к подлинной субъективности... Возрождение стало исторической эпохой, в которой в гармоничной, не отягощенной цивилизационной доминантной форме, воплотились одновременно и энергичность естественного первобытного общества, и возможности новой социальной целостности, связанной с раскрепощением и стимуляцией творческих способностей человека» [5, с. 96].

Русская культура воплощала дух эллинизма всегда. Как отмечал о. П. Флоренский, речь шла «не о внешнем, а потому поверхностно-случайном, подражании античности < ...>, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада» [4, с. 143].

Эллинское начало в русской культуре выражалось, прежде всего, в ее духовном основании, в определении самого мира как реальной и метафизической субстанции (в вечной борьбе антиномий добра и зла) и человека в нем, в отношении к личности. Потому определение концепта «возрождение» в русской культуре в прин-

ципе невозможно без постижения универсальных культурологических понятийных категорий.

Осмысление антропологического смысла концепта «возрождение» рубежа XIX–XX вв. неприемлемо без постижения мыслительных парадигм В. С. Соловьева, вся философия которого служила великой цели – преодолению распада человеческого мира, а метафизические и мистические идеи Всеединства, Богочеловечества и Софии рассматривались как средства для ее достижения. Определение концепта «возрождение» было априори взаимосвязано с антиномиями религии и культуры (П. Флоренский), идеями свободы (Вл. Соловьев, Л. Шестов, Н. Бердяев), вопросами соотношения личности и общества (С. Булгаков, Н. Бердяев). В предчувствии «трагизма и катастрофичности истории» (В. Соловьев) эти эллинистские вопросы звучали и очень часто, и достаточно остро.

Фундаментальным размышлением современности звучал вопрос о человеке, личности современника. При этом определялись обязательные характеристики, присущие человеку, обязательные для жизни личности.

Реализация человека в мире была основана на двух принципах: личностном (индивидуальном) и общественном («коммунотарности» – общинности); принципе воплощения нравственных (шире – духовных) потенций человека и принципе опоры на «иной порядок бытия»: действие объединяющих людей в человечество сил, служащих добру и разуму (политические и теократические идеи). При этом принципы человеческого бытия были не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены, в своей детерминанте давая понятие «человечность». Бытие, по Н. Бердяеву, понималось как дух: «Дух есть бытие, а не быт» [1, с. 276].

Духовная природа, основанная на ценностной парадигме, по разумению мыслителей русского ренессанса, должна составлять жизнь человека и задавать ему ориентиры в стремлении к идеалу. Идеал же, вобравший в себя духовность как центральное категориальное понятие, должен определять личность. И называя идеал поразному, философы сойдутся во мнении, что «личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека» [1, с. 279]. Потому и «человечность» не может быть взята отдельно, в отрыве от сверхчеловеческого и божественного» [1, с. 169].

Идеал человека виделся в цельности разумного и чувственного начал, человеческой и божественной природы. Стремление к цельности станет в рассмотрении мыслителей века основной вариацией для рассуждений. И цельность человека будет интерпретирована как тоска и стремление «к восполнению, к достижению цельности» (Н. Бердяев), обретению цельности «половинчатого существа» (Н. Бердяев, а позднее В. Розанов), достижению трансцендентной цельности.

Свидетельством «божественного замысла и помысла о человеке», «высшим проявление Его любви» (Л. Шестов), станет категория свободы. Она определится как обязательное условие человеческой жизни, ценность даже более высокая, чем сама жизнь.

Свобода как понятие этическое будет воспринята современниками бурных событий рубежа веков как субстантивная единица. Не случайно большинство представителей русского ренессанса, размышляя о свободе, проведет разграничение ее как выражения внешнего проявления человека и заданности внутренней, духовной. Более того, будет настаивать Н. Бердяев, свобода есть, прежде всего, определение человека «не извне, а изнутри» [1, с. 286], «свобода есть свобода духа» [1, с. 285], вследствие чего «никакими силами нельзя лишить личность ее духовной свободы, она остается свободной в тюрьме и под плахой» [1, с. 281].

Свобода выступит гарантом нравственности, которую с таким трепетом отстаивала вся русская культура в своей философской и художественной традиции. Нравственность, подчеркнет В. Соловьев, всецело держится «на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключают из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор» [2, с. 52]. При этом разумная свобода становится, с точки зрения мыслителя, синонимом нравственной необходимости. «Человек несвободен только, – согласится с ним и другой классик, Л. Н. Толстой, – когда действует противно своей разумной природе» (11.10.1906).

Следует отметить, что историческая эпоха рубежа XIX–XX вв. поставит острый вопрос, и даже не теоретического порядка, о свободе и необходимости, свободе внешней и внутренней. И если с точки зрения теософии проблема свободы для большинства представителей русского ренессанса будет связана с метафизикой добра и зла, то с точки зрения практической – с противлением вакханалии зла реального мира. Не случайно, мысли о свободе (как и сам концепт «возрождение», поскольку свобода будет символизировать восстановление утраченных связей) в контексте эпохи религиозного ренессанса разворачиваются на фоне ощущаемой трагедии бытия. Последняя понимается и как следствие неустранимого «дуализма», распада мировых начал нравственного императива – добра и зла, и как реально действующее «окаянство» жизни. И жизнь человека как биологического существа сейчас будет рассматриваться в наименьшей степени, поскольку на первый план выйдет его социальное предназначение. Об этом замечательно скажет Н. А. Бердяев: «История есть судьба человека. Трагическая судьба. Человек есть не только существо социальное, но и существо историческое. Судьбы истории суть вместе с тем и мои человеческие судьбы...» [1, с. 35].

Таким образом, свобода была осмыслена как центральная категория современности, способная придать человеку созидательную

траекторию развития, единственно правильную, с точки зрения мыслителей, в эпоху предвестия всеобщего разорения и краха. Но свобода задавала и этические границы этого развития. Вместе с величайшей возможностью распоряжения собственными силами она закрепляла за собой понимание долга и обязанности, права и ответственности перед высшим судьей. Как в этом отношении писал Н. А. Бердяев, «свобода личности есть долг, исполнение призвания, реализация Божьей идеи о человеке, ответ на Божий призыв», «свобода есть не право человека, а обязанность человека перед Богом» [1, с. 285].

Отсутствие внешней свободы не означало для современника отказа от свободы внутренней (индивидуальной). Напротив, посредством утраты внешней свободы, происходил рост свободы внутренней. По сути, о том же рассуждал и Л. Н. Толстой, когда высказал почти притчевое изречение: «Стремление к количеству свойственно человеку, но не материальному должно, а духовному – увеличению доброты» (29.12.1906). В этом стремлении будет заложена сакраментальная русская идея – идея возрождения. Путь же возрождения в реализации концепта будет видеться в крайней аскезе – христианском аскетизме (С. Булгаков).

Вечный поиск идеала в отказе от самодовольства приводил к сакраментальным исключительно русским парадигмам: утверждению Добра, поиску Правды и Справедливости. При этом само понятие справедливости вытекало из определения правды посредством утверждения добра.

Из свободы-разумности, правды-справедливости и добра-красоты выкристаллизовывается идеал человека-личности.

Идеал человеческой личности (а в интерпретации русских философов Второй Абсолют) будет рассмотрен как триумф Разума, Добра и Красоты, достигаемый в Вере. Идеальная линия приближения в вере к Богу будет видеться в качестве жизненного пути от наличного бытия человека к его духовной сущности. И системой ориентиров при этом выступит культура.

Так в попытках разрешения антропологической мысли будет последовательно реализована центральная идея концепта «возрождение», реализуемая на рубеже веков прошлого столетия, – идея человека.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: избранные труды / ред.-сост. Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская. – М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 312 с.
2. Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). – М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.

3. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 10. – 536 с.
4. Флоренский П. А. Из статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия // Антология. Зачем мы верим в Россию / авт.-сост. Л. Орлова. – Минск : Харвест, 2010. – С. 14–144.
5. Чернокозов А. И. История мировой культуры (краткий курс). – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 480 с.

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ XIX–XX ВВ.

Г. Б. Сайфутдинова, Г. М. Сахабутдинова
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. To the knowledge of Islam has always been a priority, so the discovery and content of education was considered a holy deed. Even in times of Volga Bulgar our region famous for its large schools, where children and trained in other Muslim countries.

Key words: madrassas shakirds; higher Muslim madrasahs.

Вторая половина XVIII столетия – первая половина XIX столетия – время заметных перемен в области религиозного просветительства и народного образования в мусульманской, прежде всего татарской, среде г. Казани. В Казани были открыты медресе: Ахундовское и Апанаевское, а в 1780 году – медресе при доме Амирхановых. В конце XVIII в. появились крупнейшие сельские медресе в д. Кышкар, Менгер, Сатыш, Саба, Береске и др. К концу XIX в. система мусульманского образования татар претерпела кардинальные изменения, результатом которых стало появление новометодных медресе, выпускающих разносторонне подготовленных шакирдов. В Казанском крае насчитывалось уже 430 мектебэ и 57 медресе. Принятый в начале 1918 г. Декрет «Об отделении Церкви от государства» стал первым документом, ознаменовавшим начало массовых репрессий против духовенства и последователей всех религий. Сокращение количества мечетей, ликвидация медресе, разгон имамов и священнослужителей привели в полный упадок систему мусульманского религиозного образования. В середине 1970-х годов на территории РСФСР сохранилось всего 94 мечети. С началом демократических преобразований наступает новый этап в становлении мусульманского образования, связанный с появлением наряду с медресе высших учебных заведений – исламских университетов. В 1990-х гг. открылись медресе в г. Чистополе, Казанское высшее мусульманское медресе «Мухаммадия» и Казанское высшее мусульманское медресе им. 1000-летия принятия ислама. В 1998 году стал функционировать Российский Исламский университет в Казани, призван-

ный возродить религиозные традиции и ценности мусульман не только Татарстана, но и России.

ИЗ ИСТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ФЕЛЬДШЕРСКОЙ ШКОЛЫ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)

В. Г. Василенко

**Армавирская государственная педагогическая академия,
г. Армавир, Россия**

Summary. This paper is devoted to the history of the first medical institution of Stavropol region, its foundation and development. The paper considers features of paramedics training. The author concludes that *Zemstvo* played an important role in increasing of Public Medical Service.

Key words: medical assistant; doctor; hospital; midwife; medical assistant's and obstetric school.

Состояние здоровья населения Ставрополя в течение всего до-революционного периода оценивалось как неудовлетворительное. Для изменения ситуации требовалось увеличить число фельдшеров и сделать квалифицированную помощь более доступной. Проекты по открытию медицинских школ в г. Ставрополе рассматривались с начала XIX в., но длительная переписка местных врачей с руководством не увенчалась успехом. Проблема обучения медиков оставалась нерешенной вплоть до создания в губернии земств указом Николая II от 1912 г. После этого Губернская управа поставила вопрос об организации повивальной школы на обсуждение группы земских врачей, прибывших на совещание по вопросу о предупреждении заноса чумы в губернию. Собрание врачей высказалось одобрительно об открытии учебного заведения. 17 декабря 1913 г. первое губернское земское собрание приняло постановление об открытии фельдшерско-акушерской школы. На постройку школы и амбулатории было решено выделить 52 000 рублей [5]. Министерством внутренних дел 14 июля 1914 г. были утверждены устав и программа школы. При составлении проекта устава за образец был взят устав Казанской школы.

Согласно уставу Ставропольской земской фельдшерско-акушерской школы, она имеет целью «образовать сведущих и опытных фельдшериц и повивальных бабок первого разряда, содержится на средства земства. Находится при городской Ставропольской больнице и состоит в ведении губернской земской управы. Школа находится под наблюдением Ставропольского губернатора и врачебного отделения Ставропольского губернского правления. Директором утверждается врач, выбранный губернской земской управой. Преподавать медицинские предметы могут врачи, читать лекции по

фармации и фармакогнозии – фармацевты, по химии должность может быть представлена провизору или магистру фармации» [2].

В газетах как Ставрополя, так и соседних губерний («Кубанский курьер», «Пятигорское эхо», «Приазовский край») было опубликовано сообщение об открытии в г. Ставрополе с октября 1914 г. фельдшерско-акушерской школы и условиях поступления в нее. Об этом были оповещены все уездные земства, волостные правления, земские школы, медицинские участки и фельдшерские пункты Ставропольской губернии и других районов Северного Кавказа [6].

Школа открылась 20 октября 1914 г. в помещении бывшей гимназии, ей выделили одну комнату [1]. На основании устава школы Губернская управа просила губернатора утвердить на должность директора заведующего санитарным отделом губернской управы врача К. Г. Славского, избранного на эту должность коллегией управ [3]. Преподаватели А. И. Перекопов, С. Ф. Гарин, Л. М. Розенберг, А. М. Абалаков имели высшее медицинское образование, преподаватели И. Д. Нагорная, С. Г. Праве, Д. П. Крафт, М. В. Бржезинский, А. А. Чернышев – высшее естественное образование. Надзиратель школы был с фельдшерским образованием. Общая сумма зарплаты преподавателям составила 6500 рублей в год.

В школу принимали лиц женского пола, уроженок Ставропольской губернии всех званий и вероисповеданий, не моложе 16 лет, с образованием не ниже 4-х классов гимназии. В помещении гимназии занятия проводились вечером с 16 до 21 часа. В первом классе изучали: закон Божий, геометрию, черчение, физику, латинский язык, ботанику, зоологию, анатомию и химию. Затем читали лекции по клиническим дисциплинам: хирургии, венерическим, кожным и женским болезням, акушерству. Предполагалась практика в аптеке, родильном отделении, больницах.

Установленная губернским земским собранием плата за обучение составляла 10 рублей в год и должна была вноситься за полгода вперед. Беднейших учениц по решению педсовета освобождали от уплаты по примеру других школ, например, Тульской, где до 69 % учащихся не платили за образование. В первом учебном году из 50 принятых девиц 12 покинули школу. Главной причиной оставления школы являлась бедность учениц. Для устранения текучести учащихся, кроме освобождения от платы, устанавливались стипендии. Размер стипендий колебался от 180 до 300 рублей в год. Губернская управа выделяла их примерно для 25 % учащихся. При таком раскладе в школе могло учиться 10 учениц-стипендиаток [4]. Учащиеся, получавшие стипендии от губернских и уездных земств, по окончании школы обязывались прослужить в губернии по полтора года за каждый год пользования стипендиями. Лица, освобожденные от платы за обучение, отработывали по полгода за каждый год, освобожденный от платы.

В 1915 г. для школы отвели 7 комнат в полуразрушенном старом доме. Помещения были плохо приспособлены для занятий, поэтому было выделено место на усадьбе городской больницы для постройки нового здания фельдшерской школы. Оно должно было обойтись в 40 тысяч рублей. Но Первая мировая война помешала осуществлению этих планов. В связи с развертыванием в Ставрополе военных госпиталей ученицы фельдшерской школы работали в лечебных учреждениях, оказывали помощь раненым. В октябре 1916 г. городская управа разрешила ученицам школы для прохождения практики дежурить в родильном приюте. В марте 1917 г. педсовет на 5 недель отпустил учениц 2-го курса для оспопрививания.

Таким образом, вопрос об открытии учебного медицинского заведения в Ставрополе поднимался с начала XIX в., но только с учреждением земства фельдшерско-акушерская школа начала свою работу. В нее набирали девушек для последующей работы в больницах, оказания помощи женщинам и детям. Создание школы способствовало улучшению оказания медицинской помощи населению.

Библиографический список

1. Гапеев. 20 лет медтехникума // Власть советов. – 1934. – № 144. – 25 октября.
2. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 67. Оп. 1. Д. 103. Л. 193.
3. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 103. Л. 198.
4. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
5. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
6. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII – начале XX вв. – Ставрополь, 2002. – С. 121.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ БАЛАШОВЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А. В. Сахаров

**Балашовский институт Саратовского государственного
университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия**

Summary. In 1917 Russia has appeared in the power of Soviet regime. The Bolsheviks aspired to reverse the former lifestyle of all the people. Educational sphere was also influenced by political modernizations. In consequence of such changes there appeared a special form of public educational establishment-public national university. Small district town of Saratov Government Balashov did not become an exception in this plan.

Key words: public national university; small district town Balashov.

В 1917 году в России бразды правления государством попали в руки большевиков, которые стремились перекроить ранее существующий уклад жизни всего народа. Пертурбационные модернизации внутри страны не прошли мимо сферы образования в целом, благодаря этому появляется особая форма народного образовательного учреждения – крестьянский народный университет, и небольшой уездный город Балашов Саратовской губернии не являлся исключением в этом плане.

После введения декрета ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» в г. Балашове действовали 19 школ I ступени и 9 школ II [1]. Однако согласно положениям данного декрета устанавливались четкие возрастные границы обучающихся [2], притом что большая часть населения оставалась малограмотной. В связи с таким положением дел по всей стране возникают Общества крестьянских народных университетов, призванных предоставлять возможность всем желающим получить действительно высшее общее законченное образование по всем отраслям. Занятия в народных университетах должны были быть приурочены почти исключительно к зимнему сезону от октября до апреля, когда крестьянское население свободно от земледельческих работ [3]. Еще 16 марта 1918 года в Балашовский Исполнительный комитет приходит сообщение из Управления общества народных университетов, что в городе имеется отдел крестьянских народных университетов. Примечательно, что отдельного здания для реализации своей деятельности отдел не имел, для этих целей использовались помещения, зачастую не предназначенные для ведения образовательного процесса (воинские бараки, госпитальные постройки и пр.), еще хуже дело обстояло с

материальным обеспечением [4]. Для доклада о состоянии внешкольного образования по Балашовскому уезду в ГубОНО при Саратовском губернском обществе Народных Университетов необходимо было выбрать представителя, но и здесь жители города действовать не торопились. Весной 1918 года назначалось два собрания, но они так и не состоялись, лишь 18 июня при личном числе явившихся оно все-таки было проведено. Председательствовал на собрании М. Г. Гринюк, секретарем выступала И. В. Леонова, единогласным решением представителем был избран Евстафий Андреевич Олейник, также было принято решение открыть счетоводные курсы при обществе Народных Университетов [5]. Восьмимесячные курсы были открыты с 1 ноября 1918 года и включали лекции по бухгалтерии, кооперации, коммерческой и общей арифметике, товароведению и пр. Курсы вели следующие преподаватели: Е. А. Олейник, Д. М. Рудыкин, Ф. Г. Лотарев, В. А. Кудрявцев, Ф. И. Шанин, И. М. Захаров, И. И. Сысоев, Фелюшкин [6]. Подобные отделения народных университетов создавались и в крупных селах уезда. Особый упор делался на следующие дисциплины: русский язык, математика и новые языки. Необходимо отметить, что наряду с данными дисциплинами свободно уживались хоровое пение и музыкальное обучение, на которые простые люди ходили с большей охотой, и уже осенью 1918 года встал вопрос о нахождении главного помещения для музыкальных курсов.

Несмотря на все усилия со стороны уездного отдела крестьянских народных университетов, количество посетителей курсов оставалось ничтожно малым. В фондах БФ ГАСО сохранилось анонимное письмо предположительно одного из членов балашовского отдела КНУ, где говорится: «В уезде союзы растут как грибы, а необразованность граждан представляет угрозу существующей власти, поэтому необходимо привлечь к сотрудничеству представителей всех существующих союзов» [7].

Таким образом, из содержания протоколов заседаний, смет и переписок видно, что, несмотря на тяжелейшие условия 1917–1918 гг. с проявлением новых болезненных вопросов, требующих неотлагательного разрешения, деятельность крестьянских народных университетов в Балашовском уезде по организации образования старшего поколения велась по максимально возможному спектру дисциплин.

Библиографический список

1. Назарова С. К. Через десятилетия // Балашовская правда. – 2009. – № 142. – С. 3.
2. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик «Декрет ВЦИК от 16.10.1918 «Об Единой

- Трудовой Школе РСФСР (Положение)»» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm
3. Балашовский филиал Государственного архива Саратовской области (далее БФ ГАСО). Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 58. Л. 11а; Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.
 4. БФ ГАСО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 58. Л. 3 ; Ф. Р-51. Д. 58. Л. 9.
 5. БФ ГАСО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.
 6. БФ ГАСО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 58. Л. 20–35.
 7. БФ ГАСО. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 18. Л. 14 ; Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Рзаев, С. Т. Гаджиев
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. One of the basic components of skillful preparation students is a science – investigate work. The problem of formatting motivating sphere of personality's contemporary students rather actuality in history philosophy and pedagogic science. Motivation, interest, requirement knowledge's – it is all necessity environments for science-investigate activities by students. In Baku State University there are undertaking efforts about perfecting form organization of the science – investigate activities by student youth, effectively use potential of the youth science creativity for innovational development higher education of the country.

Key words: student; science-investigate activities; personality; motivation sphere.

В условиях осуществляемой в наши дни в рамках Болонского процесса модернизации высшего образования учебная деятельность становится в большой мере исследовательской. Согласно требованиям государственных образовательных стандартов [1] выпускник вуза должен быть способным к системному действию в профессиональной ситуации, к анализу и проектированию своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределенности, обладать устойчивым стремлением к самосовершенствованию.

Именно поэтому в настоящее время научно-исследовательская деятельность студентов превращается в один из основных компонентов профессиональной подготовки, так как позволяет наиболее полно проявить индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации личности.

Под научно-исследовательской деятельностью понимается форма организации образовательного процесса, направленная на развитие креативного мышления, получение знаний, имеющих объективную новизну; формирование мотивационных (отношение к научно-исследовательской деятельности), операционных (примене-

ние общенаучных методов познания), организационных (самоорганизация, самооценка), коммуникативных (сотрудничество, диалог), исследовательских умений и навыков. Основное значение для научной деятельности студентов имеет интерес к позиции, формирующийся на основе осознанной мотивации [2]. Проблема формирования мотивационной сферы личности современного студента весьма актуальна в исторической, философской и педагогической науках. Усиление значимости личностного подхода вызвало глубокий интерес к мотивационной сфере личности, факторам, условиям и средствам ее формирования в профессиональном становлении.

Проблема изучения мотивационной сферы личности является актуальной, так как переоценка значимости многих личностных ориентиров, переосмысление своего места в обществе, принятие на себя ответственности за результаты жизнедеятельности скрыты в мотивах личности и требуют не только познания, но и управления их формированием.

Мотивация, интерес, потребность познания – все это необходимые условия для научно-исследовательской деятельности. Важнейшим фактором творческой деятельности является ее мотивация как совокупность движущих сил, побуждающих человека к определенным действиям. Основными мотивами научной деятельности, включенными в мотивационную сферу студентов вузов, являются мотив самореализации, мотив достижения, мотив принадлежности, мотив статуса (табл. 1).

Таблица 1

**Мотивы научно-исследовательской
деятельности студентов**

Мотив	Характеристика мотива
Мотив самореализации	– стремление к познанию, приобретению новых знаний и навыков; – интерес к определенной области знаний, творческий поиск; – познание самого себя (открыть скрытые способности, определиться с будущим и др.); – возможность творческого самовыражения и саморазвития
Мотив достижения	– стремление к успеху, достижению цели; – желание находить и решать проблемы; – получение удовлетворения от учебы и научной деятельности
Мотив принадлежности	– общение с выдающимися учеными и педагогами; – работа в научных коллективах

Мотив статуса	<ul style="list-style-type: none"> – получение высшего профессионального образования; – получение учебной степени; – желание занять достойное положение в обществе; – желание найти высокооплачиваемую работу, стать профессионалом в избранной сфере деятельности
---------------	--

Представленные мотивы научной деятельности имеют в своей основе все многообразие интересов и потребностей личности и показывают, что успешность научного творчества связана с удовлетворением потребностей, главным образом, высшего порядка [3]. Все мотивы в мотивационной сфере каждой личности могут быть по-разному соотнесены друг с другом, взаимодействовать, выступать как ведущие и подчиненные мотивы.

В настоящее время ведущими вузами республики, и в первую очередь БГУ, предпринимаются большие усилия по совершенствованию форм организации научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи, эффективного использования потенциала молодежного научного творчества для инновационного развития вуза, страны. Разрабатывается система мер по стимулированию научной и творческой работы, целью которой является повышение эффективности научно-исследовательской работы студентов с учетом задач реформирования высшей школы и ее интеграции в европейское образовательное и научное пространство.

В качестве эффективного инструмента оценки научно-исследовательской работы студентов (НИРС) в вузе может быть признана система рейтинга ее результатов. Целью данного рейтинга является стимулирование роста квалификации, профессионализма, продуктивности научной работы, развитие творческой инициативы студентов и научных руководителей. Результаты рейтинговой оценки становятся информационной базой для материального и морального поощрения НИР. Основными задачами рейтинговой оценки являются: создание фактографической информационной базы, всесторонне отражающей деятельность как отдельных участников и организаторов НИРС, так и кафедр, факультетов и других структурных подразделений вуза на основе критического и объективного анализа, оценки коллективом результативности собственного труда; стимулирование видов деятельности, способствующих повышению рейтинга вуза целом: формирование единой системы критериев для оценки и контроля уровня эффективности работы подразделений и участников НИР и др.

В перечень показателей, определяющих рейтинг студента, помимо учебной, культурно-массовой, общественной работы, следует

включить научно-исследовательскую работу, поставив ее на особенное место. В рамках исследования научно-исследовательской деятельности рассмотрим подробно характеристики именно этого показателя рейтинга (табл. 2).

Таблица 2

Показатели рейтинга научно-исследовательской работы

Научно-исследовательская работа	Форма работы	Количество баллов
Выступление с научным докладом (очное)	1 доклад	20
I тур (кафедральный) в рамках плановых конференций	1 доклад	25
II тур (секционный) в рамках плановых конференций	1 доклад	25
На республиканской конференции	1 доклад	35
На международной конференции		40
Получение диплома (грамоты) I, II, III степени I тур (кафедральная конференция) II тур (факультетская конференция) На международной конференции	доклад доклад доклад	
Получение диплома (грамоты) I, II, III степени на конкурсах студенческих научных работ – вузовском – межвузовском – международном		
Поощрение медалью международных конференций на лучшую студенческую научную работу		
Научные публикации (опубликование) статьи в средствах СМИ. Тезисы докладов, победа в конкурсе грантов. Академическая мобильность и стажировка в организациях AP и за рубежом. Участие в хоздоговорных НИР, грантах, программах (на платной основе) в качестве исполнителей или штатной должности		
В течение 1 семестра В течение 1 года Более 1 года		
Работа в Совете молодых ученых БГУ		

Очевидно, что на развитие мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности влияет также атмосфера вуза, личность научного руководителя, его научные интересы и отношение к собственной деятельности, научная деятельность кафедры и факультета, формы и методы ведения учебной и научной работы. От удовлетворения мотивов студентов в научно-исследовательской и познавательной деятельности в целом зависит успешность их адаптации в науке и будущая профессиональная деятельность. Результаты психологических исследований показывают, что качественные характеристики, входящие в структуру уровней мотивационной сферы личности, позволяют определить, какая из диагностических характеристик требует внимания в ее развитии и формировании как профессионально важного качества личности, на что следует обратить внимание как в решении проблем образования, так и самообразования. Специфика мотивационной сферы личности имеет существенные различия в средствах ее развития, проявления, раскрытия потенциальных возможностей. Собран богатый материал по развитию мотивации учения в вузе у студентов первого и последующего курсов: результаты исследования позволяют раскрыть сущность мотивационной сферы личности на любом уровне ее развития [4].

Для формирования у студентов устойчивой мотивации к научно-исследовательской деятельности необходимо создание определенных условий, таких как повышение престижа вузовской науки, стимулирование участвующих в научно-исследовательской деятельности, привлечение студентов к исследовательской работе и научному творчеству, формирование у студентов умений и навыков в решении актуальных задач по различным направлениям науки, экономики, техники и культуры.

Библиографический список

1. Сборник законов Азербайджанской Республики № 9 (147). 30 сентября 2009.
2. Курганов А. Б. Формирование готовности студентов вузов к научно-исследовательской деятельности как один из важнейших факторов воспитания социально-ориентированной личности // Образование и воспитание и зарубежный опыт : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2008. – С. 51–53.
3. Мамедов Н. Р., Эфендиев Э. М. Основы научных исследований. – Баку, 2006. – С. 40.
4. Цветкова Р. И. Мотивационная сфера личности. – М., 2000. – 102 с.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА: ПУТИ ПОИСКА РЕШЕНИЙ

Ю. А. Слепцов

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, Якутия, Россия

Summary. The article considers the work of the nomadic camp where the children of the indigenous numerically small peoples of the North are taught their mother tongue and culture.

Key words: problem; language; children; nomadic camp; the Evens; ethnopedagogics.

В эпоху растущей глобализации, связанного с ней интенсивного промышленного освоения Севера сохранение уникальной культуры и родного языка среди коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока является одной из актуальных проблем современности.

Как показывает статистика, у народов Севера с каждым годом число людей, знающих свою культуру и разговаривающих на своем родном языке, становится меньше. Так, у эвенов владеют в совершенстве родным языком преимущественно люди преклонного возраста. Молодое же поколение не знает или плохо знает свой родной язык.

Данные предыдущей переписи населения показывают, что ежегодно сокращается число людей, владеющих родным языком своей национальности, например, у эвенов в 1970 г. – 41,7 %, в 1979 г. – 44,1 %, в 1989 г. – 34,7 %, в 2002 г. – 28 %, в 2010 г. 25,9 %.

Уменьшение количества людей, знающих родной язык, наблюдается и у других малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии, – это долгане, эвенки, чукчи, юкагиры.

Как показывают статистические данные, сохранение национального языка возможно только в местах компактного проживания малочисленных народов Севера. Проживающие в городах представители малочисленных народов Севера под влиянием урбанизации постепенно теряют не только родной язык, но и культуру своего народа.

Одной из причин сокращения числа носителей родного языка явилось то, что национальный язык не применяется в обиходе – повседневной жизни. Существенное изменение во второй половине 1950-х годов традиционной системы социализации и передачи знаний стало также одной из главных причин этого явления. Основной формой школьного обучения стали школы-интернаты. Независимо от воли родителей дети стали обучаться в интернатах. Большинство взрослых разговаривали с детьми во время обучения по-русски, а в

некоторые периоды времени общаться на родном языке запрещалось детям даже между собой.

На данный момент некоторые родители считают русский язык наиболее предпочтительным для дальнейшего развития своего ребенка, вследствие чего родной язык остается на втором плане, а впоследствии «забывается», такая тенденция наблюдается и у якутов.

Отказ от национального этнонима в пользу более крупных народов явно таит в себе угрозу разрыва со своей культурой, вырабатываемой продолжительное время усилиями большого числа интеллектуалов.

В целях привлечения детей эвенов к ознакомлению с культурой и обучению родному языку мною в 2000 г. был создан кочевой лагерь, в котором дети изучали родной язык на местах кочевий предков. Освоение ребенком родного языка оказывает на него благоприятное влияние: с его помощью он познает мир, приобщается к национальной культуре, через него ощущает себя представителем той или иной нации.

Родной язык формирует в нем сопричастность к истории своего народа, гордость за своих предков, определяет общее развитие ребенка [1, с. 149].

Применение кочевого лагеря для обучения эвенскому языку явилось одной из педагогических инноваций в области образования, изучения родного языка.

В нашем случае объектами педагогического исследования выступают изменения в образовательных процессах конкретных людей – учеников из числа эвенов.

Кочевой лагерь – очень эффективный механизм погружения и укоренения детей в родную культурную среду. Общение на родном языке, игровые занятия, изучение культуры и истории своего народа, культурно-бытовых навыков и традиций оказывает очень глубокое влияние на осознание ребенком своей этнической принадлежности [2, с. 104].

Не менее важной задачей кочевого лагеря является также участие в его работе детей эвенов, которые в силу специфики жизнедеятельности не имеют возможности вести кочевой образ жизни или отправить ребенка к родственникам в оленеводческие стада. Таким образом кочевой лагерь выполняет роль семейного воспитателя, исходя из этой задачи в лагерь набираются дети разного возраста.

В ходе работы кочевого лагеря воспитывается, развивается личность, усваивающая социальные нормы, ценности, опыт. Собираются и систематизируются народные знания о воспитании и обучении детей, народная мудрость, отраженная в легендах, сказках, песнях, играх, национальном шитье, в семейном и общинном укладе, быте, традициях, применяется весь педагогический потенциал, оказывающий влияние на процесс формирования личности.

Основным занятием было изучение родного эвенского языка, обычаев и культуры предков. Дети обучались родному языку каждый день по 1–2 часа. Во внеурочное время старались говорить на эвенском языке, например, во время приготовления пищи, работы и отдыха. Такой способ помогает детям быстро освоить слова из повседневного обихода. Кроме этого, дети учили песни и стихи, что тоже позволяло запоминать слова, понять их смысл.

Организация временных детских коллективов, коим является кочевой лагерь, создает своеобразный этнопедагогический микросоциум. Благодаря этому есть возможность сохранить этнопедагогические традиции, что может противостоять полной ассимиляции и деэтнизации эвенов.

Трудностью в первые годы работы кочевого лагеря явилось малое количество печатных материалов по обычаям, обрядам, топонимике, культуре, имеющих отношение к момским эвенкам. В связи с этим нами были проведены этнографические исследования по данной тематике, результаты которых в последующем использовались для выпуска изданий «По родным местам...» (топонимика Момского улуса), «Момский маршрут кочевого этноэкологического лагеря «Гарпанга», «Кочевой лагерь «Нелтэнкэ» и «Эвены Момского района Республики Саха (Якутия)».

Подобный опыт работы можно применить ко всем народам, ведущим кочевой образ жизни, что послужит отправной точкой поиска новых форм образования для коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Библиографический список

1. Портнягин И. С. Этнопедагог К. С. Чиряев: педагогические мысли, идеи, и взгляды / Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова, Ассоц. нар. педагогики Якутии. – Якутск, 2002. – 168 с.
2. Слепцов Ю. А. Кочевой лагерь как летняя школа по обучению родному языку малочисленных народов Севера // Наука и образование. – 2009. – № 1. – 120 с.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Л. А. Ширинская, Е. М. Клявина
Гимназия № 19 им. Н. З. Поповичевой,
г. Липецк, Россия

Summary. Historical monuments, the orthodox relics, protected places, promote the formation of moral-esthetic bases, spiritual needs and valuable orientations of a society, allow to resolve problems of interaction of different social groups.

Key words: culture monuments; the Top Podone; protected places.

Донская земля, как и любая частица великой России, бесконечна в своих исторических проявлениях, в многообразии событий, фактов, имен. Бесконечна она и в красоте незатейливой природы, взлелеявшей не одно поколение художников, писателей и музыкантов. На территории Верхнего Подонья сохранились от далекого прошлого многочисленные памятники материальной культуры: древние городища, произведения архитектуры, православные храмы, памятные места, связанные с историческими событиями и деятельностью самых замечательных людей. Под мощными пластами земли еще лежат остатки некогда существовавших и погребенных временем культур. В полях, лесах, степях, по течениям рек и поныне высятся воспетые народными песнями и преданиями молчаливые могильные курганы.

Приходилось ли вам когда-нибудь совершать поездку по равнинным просторам Подонья? Дорога бежит среди хлебных полей, и, кажется, нет ей конца. Огромные желтеющие нивы ржи и пшеницы сменяются сочной и яркой зеленью посевов свеклы, где-то вдали виднеется кукуруза, уже вставшая в рост человека и скрывшая в листве свои ровные рядки, а совсем рядом подсолнечник, вскинувший к небу яркие корзинки. Дорога то спускается в пересохшую балку, то едва заметно поднимается к горизонту, плывущему в мареве летнего зноя. А что там дальше, за горизонтом? Живописные байрачные леса, зеленые островки осинников. И селения. Белостенные домики издали кажутся совсем маленькими, сказочно-игрушечными, весело глядят красные и голубые крыши. У каждого населенного пункта своя история и свое лицо. Даже в названиях есть что-то таинственное и завораживающее: Репец, Нерёжа, Ксизово, Болховское.

Предлагаем вам совершить путешествие по одному из самых живописных уголков Русской равнины – Верхнему Подонью.

Гагарино

Нашей первой остановкой будет село Гагарино (прежде носило название «Чернавский Колодезь»). Маленькая деревушка стала

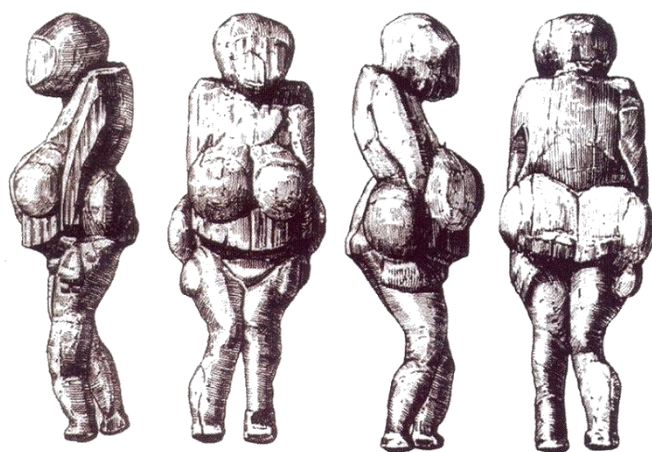
всемирно известной благодаря открытию крестьянина И. В. Антонова. В 1924 году И. В. Антонов, копая яму для сооружения подвала, наткнулся на крупные кости. Впоследствии губернским музеем было установлено, что находкой крестьянина оказались черепные кости мамонта и примитивное орудие труда – костяное шило длиной 12 сантиметров, что указывало на присутствие человека в нашем крае в еще в ледниковом периоде.

Первым вводит в научный оборот сведения о Гагаринской верхнепалеолитической стоянке М. П. Трунов (директор Липецкого музея в 20-е годы). Тогда же, в 20-е годы, появляются публикации в местной прессе. В 1926 году известный Воронежский археолог С. Н. Замятнин впервые побывал в с. Гагарино, а уже с 1927 года под его руководством велись раскопки стоянки, возраст которой датируется 30 тысячами лет [5, с. 36–37].

**Вид раскопа гагаринской стоянки в 1927 году.
Фото С. Н. Замятнина**

В процессе раскопок была собрана большая коллекция каменных орудий труда и изделий из кости. Особого внимания заслуживает находка шести женских статуэток из бивня мамонта, изображающих женщину-мать, обожествляемую нашими далекими предками [4, с. 46–47].

Гагаринские «венеры»

Это была первая находка подобного рода на территории СССР, которая впоследствии получила мировую известность. Изображения гагаринских «венер» как образцов палеолитического искусства помещены на страницах многих изданий по истории, археологии, истории искусства. Уже тогда страна не только заботилась об охране памятников, но и находила средства на проведение археологических раскопок.

В 1924 году губернскому комитету было предложено взять под охрану уникальные памятники прошлого, но, к сожалению, гагаринская стоянка до сих пор не имеет официального статуса охраняемого объекта.

Галичья гора

Далее наш путь лежит на юг, мимо села Донское Задонского района в самый маленький в мире заповедник «Галичья гора».

В 1882 году видные русские ученые-естествоиспытатели В. Я. Цингер и Д. И. Литвинов обнаружили на Галичье гора 17 видов редчайших и не характерных для восточно-европейской равнины горно-альпийских видов растений, таких как *asplenium rutamuraria*, *schivereckia podolica*, *potentilla pimpinelloides* и др. Последующие исследования подтвердили уникальность флоры урочища и вызвали огромный интерес к проблеме появления в самом центре России загадочных растений.

Детальное изучение флоры Галичье гора провел В. Н. Хитрово. Вместе со своими учениками он обследовал район выходов верхнедевонских известняков в бассейне рек верхнего Дона и Быстрой сосны. В результате было описано 497 видов сосудистых растений, открыты новые уникальные урочища, накоплен богатый гербарный материал.

«Галичью гору» исследовали многие известные ученые. Среди них академики Д. Н. Анучин, П. П. Семёнов-Тян-Шанский,

А. В. Флёрв и др. Уязвимость природных комплексов Галичьей горы, ее малая площадь требовали охраны. Первые призывы к необходимости создания заповедника на месте урочища прозвучали уже в начале 20 века, но осуществлено это было только 25 апреля 1925 года. Галичья гора стала первым заповедником Центрального Черноземья и седьмым в России.

Сейчас заповедник состоит из 6 участков, расположенных в Центральной части Задонского района по берегам Дона и его притоков. Разбросанные на десятки километров друг от друга, они составляют единую систему особо охраняемых природных территорий: скалы «Галичьей горы» и «Воронова Камня», дубравы «Плющани» и «Воргольского», ковыльные степи «Быковой Шеи», нагорные березняки «Морозовой горы».

Основной достопримечательностью заповедника «Галичья гора» являются причудливые скалы древнего девонского известняка, ставшие прибежищем редких растений: лилии-саранки, лапчатки донской, горицвета весеннего, эфедры двухколосковой и еще около сорока редких видов. Произрастание подобных растений в лесостепной зоне Среднерусской возвышенности в отрыве от основного ареала носит реликтовый характер, являясь свидетельством природных условий былых геологических эпох.

Шиверекия подольская

Тимьян известняковый

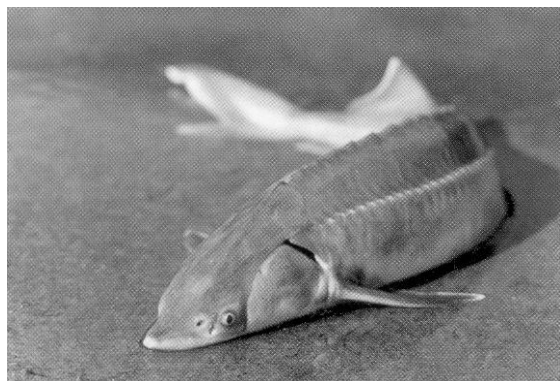
Сегодня «Галичья гора» имеет статус Государственного Всероссийского заповедника. Такие территории – гордость страны, каждого народа, объекты почитания и заботы. Сохранить их для себя и потомков – благороднейшая задача.

Монастырский лес

Продолжая наш путь по уникальному Задонскому краю, мы едем на юг от заповедника и оказываемся в Монастырском лесу – ландшафтно-биологическом памятнике природы. Этот лес интересен тем, что здесь, рядом с типичными для лесостепи дубом и березой, произрастают ели, которые не характерны для севера Русской равнины.

Монастырский лес подходит к самому Дону, реке, которая является нерестилищем ценных осетровых пород рыб.

Единственным видом осетровых рыб, обитающих только в реке Дон, является стерлядь. Что-то древнее усматривается в облике стерляди, а маленькие глазки придают ей какую-то особую таинственность. Стерлядь является сугубо речной рыбой: постоянно живет в русле реки и далеких миграций не совершает.

Удивляет разнообразие флоры и фауны Монастырского леса. Этот островок, расположенный в окружении антропогенных ландшафтов, является последним прибежищем многих видов диких животных и птиц.

Болотная черепаха

Косуля

В чащах Монастырского леса расположен памятник духовной культуры русского народа – Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь. Он построен во второй половине 19 века и является своеобразным памятником епископу Тихону Задонскому (1724–1783) – одному из самых почитаемых на Руси святых.

На Задонской земле святитель показал пример высокого благочестия и аскетизма, посвятив последние годы жизни занятиям литературной деятельностью и благотворительностью. После смерти Тихона Задонского монастырь стал местом паломничества тысяч верующих [3, с. 11–12].

**Задонский Тихоновский
нештатный общежительный
мужской монастырь
до 1873 г.**

История монастыря берет свое начало с Тихоновского нештатного мужского монастыря, существовавшего с 1865 г. в виде скита Задонского Богородицкого монастыря, в 7 км от г. Задонска, на берегу р. Дон.

В 1873 г. он был преобразован в самостоятельный монастырь. В годы советской власти монастырь дважды подвергался разрушению: в 20-е и в 60-е годы. Его воссоздание как женского монастыря

началось в 1992 г. Благодаря энергии и таланту ныне покойного архитектора А. Д. Зарубина удалось восстановить храм Живоначальной Троицы почти из руин. удалось восстановить храм «Живоначальной Троицы» почти из руин. Сейчас в этом храме проходят богослужения.

**г. Задонск.
Свято-Тихоновский
Преображенский
монастырь**

Посещая святыни монастыря: келью святителя Тихона Задонского, целебный источник, выкопанный святителем Тихоном, Иверскую икону Божией Матери, вы можете ощутить чудеса русской духовности.

Город Задонск

Покинув обитель Монастырского леса, мы, проехав 12 км, оказываемся в городе Задонске.

Территория современного города была заселена еще в древнейшие времена. В ближней округе археологами выявлен и исследован целый ряд поселений разной степени древности, начиная с последних тысячелетий палеолита (каменного века). На месте собственно города Задонска постоянное поселение появляется лишь в первые годы XVII в. Основой будущего города стала крестьянская слободка Тешевка, впервые упомянутая в исторических документах в 1615 г. Тешевка принадлежала монастырю во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, построенному около 1610 г. монахами Кириллом и Герасимом. Согласно проводившейся правительством Екатерины II политике изъятия в пользу государственной казны церковных землевладений, в 1765 г. монастырская слобода Тешевка была переведена в разряд экономических, то есть подведомственных государству. Указом Екатерины II «О составлении Воронежского Наместничества из 15 уездов» от 25 сентября 1779 г. слобода Тешевка была объявлена городом Задонском [3, с. 36–38].

Генеральный план застройки Задонска был утвержден 19 марта 1782 г., и именно по этому плану екатерининских времен проложены современные городские улицы.

Первое кирпичное здание на территории города появилось в Задонске на рубеже веков. В 1800 г. здесь была достроена и освящена соборная церковь во имя Успения Божией Матери. Этот храм сохранился до наших дней и является памятником архитектуры федерального значения.

В 1769 г. Богородицкую обитель г. Задонска избрал для пребывания на покое ушедший в отставку по болезни епископ Воронежский Тихон (Тимофей Савельевич Соколов) – человек, уже при жизни почитавшийся народом святым. Именно в стенах Тешевского, а потом уже Задонского монастыря этот архиерей достиг небесных высот на пути земном. Здесь родились главные духовные сочинения, принесшие ему славу «Российского Златоуста».

В мае 1846 г. при демонтаже старого, изрядно обветшавшего Владимирского собора постройки 1741 г., под алтарем которого покоился святитель Тихон, тело бывшего епископа Воронежского обретоно было нетленным. Соответствующее сообщение направлено было 20 мая 1846 г. в Святейший Синод. Обнаруженное телесное нетление стало дополнительным штрихом к уже сложившемуся к тому времени образу святого из Задонска.

Тысячи паломников, со всех концов России стекавшихся в Задонск, стали основой функционирования городской экономики, окончательно сориентировавшейся на обслуживание приезжих. Было до революции и несколько небольших предприятий, обслуживающих местные нужды, – 2 мельницы, несколько кирпично-черепичных производств, салотопленный и воскобойный заводики, филиал Елецкой табачной фабрики. Кроме того, в Задонске жгли известь, варили мыло.

Часть произведенного реализовывалась на ярмарках. В Задонске ежегодно проходили 4 ярмарки. Три – в дни праздников Владимирской иконы Божьей матери и одна – в день памяти св. Тихона.

**Владимирский собор
Богородицкого
монастыря**

В городе с населением около 9000 человек имелось несколько учебных заведений для получения полноценного среднего образования. Это были Школа ремесленных учеников, Высшее начальное училище, Уездное духовное училище и Задонская женская гимназия.

**Богородицкий
Тихоновский
женский монастырь**

**Святой источник
Святителя Тихона**

В 20-е годы по воле новой власти некогда общероссийский религиозный центр лишается всех своих монастырей и храмов, упраздненных и закрытых. Главная святыня – мощи св. Тихона Задонского – начала свой долгий путь по запасникам музеев. Часть культовых построек была разрушена. В остальном облик города оставался неизменным.

В 1941–45 гг. задонцы, как и все, работали на Победу. Те, кто мог, воевали на фронтах, а остальные трудились в тылу, разделяя тяготы военного времени. Прифронтовой Задонск дважды подвергался бомбовым налетам вражеской авиации.

В 1954 г. Задонск и Задонский район были включены в состав Липецкой области.

Наиболее значительным событием 1990-х гг. стало возрождение Задонского Богородицкого монастыря. 26 августа 1990 г. состоялось первое литургическое богослужение в заново освященном Владимирском соборе, а годом позже сюда вернулись мощи святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. 10 января 1992 г. возвращение Задонского монастыря было закреплено юридически – в этот день произошло утверждение устава новой обители. Благодаря этому г. Задонск вновь обрел прежнюю известность как центр религиозный, привлекая паломников и туристов из соседних областей и более отдаленных краев России.

В современном Задонске проживает 11,4 тысяч жителей. Задонцы любят свой город, хранят его историю, пишут о нем стихи, воплощают его образ в рисунках.

Ежегодно Задонск посещает большое количество туристов и паломников, спешащих насладиться благолепием православных храмов, святых источников. Но не только туристов привлекает Задонск, интересен он и для археологов, историков, художников, любителей исторической реконструкции [2, с. 20–21].

Село Репец

Есть в Верхнем Подонье село Репец. Названо оно так по протекающей здесь речке. История селения Репец начинается с первой четверти XVII века, известно, что в это время оно являлось владением патриарха Филарета. С тех пор много владельцев сменило друг друга, но ярким напоминанием об одном из них служит частично сохранившийся усадебный комплекс. Из всего комплекса уцелели дом, роскошная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (архитектор Б. Растрелли), парк в английском стиле. Парк имеет статус ландшафтно-дендрологического охраняемого объекта, так как на его территории произрастает **аспений стенной** – реликт неогена. В парке сохранились аллеи из старых лип, насчитывается 20 видов древесно-кустарниковых пород.

Усадебный дом эпохи классицизма с. Репец

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы с. Репец

К строительству храма приступили в 1767 году, а освящен он был в 1770 г. преосвященным Тихоном Задонским.

Интерьеры церкви выполнены в стиле позднего барокко. Обилие лепного декора необычно для небольшого провинциального храма.

К сожалению, лепное убранство почти полностью уничтожено. Но даже руины впечатляют и очаровывают. Внутри храм украшен витыми колоннами, пилястрами, затейливыми лепными орнаментами.

**Внутреннее убранство Покровского храма.
Включало скульптурное изображение
Архангела Михаила и великомученика Георгия,
укрытые в нишах (скульптуры не сохранились)**

Витые колонны, находящиеся в центре храма, полые внутри, представляют собой отличные голосники, вследствие чего в храме создается необыкновенно сильный звуковой резонанс. Всякое громко произнесенное слово повторяется долгим эхом. И даже сейчас, несмотря на отсутствие купола, здесь прекрасная акустика.

В настоящее в храме ведутся первоочередные противоаварийные реставрационные работы [1, с. 30–31].

Село Ленино

Село Ленино Липецкого района, ранее Романово, расположенное на правом берегу притока Дона реки Воронеж. Человек в этих местах начал селиться в очень далекое время. Археологи еще в 1930 году находили около села каменные топоры и другие орудия, сделанные в 5–3 тысячелетии до нашей эры. В период Киевской Руси здесь было укрепленное славянское поселение, разрушенное монголо-татарами. В конце 16 века эту местность захватили бояре Романовы, которые тогда же образовали на городище поселение.

Именно здесь, в Романове, зародился чудесный народный промысел – изготовление романовских игрушек, ставших со временем предметом торговли. Их делали из белой глины, которую добывали в селе Студёном. После лепки фигурки обжигали, а затем они попадали в руки мастеров-художников, которые расписывали игрушки яркими красками. Преобладающая роспись – серебряной, красной и жёлтой краской. Есть и черный цвет, который, оттеняя яркие тона, придает игрушке особый колорит. Нельзя не обратить внимания на

одну особенность игрушек: все они имеют какой-то определенный смысл, рисуют картины жизни, чаще всего крестьянской.

**Образцы романовской игрушки. Краеведческий музей
г. Липецк**

Период наиболее активного существования романовской народной керамики приходится на 19 век. В это время изделия гончарного промысла распространяются за пределы ближайших сел. Тем не менее широкой популярности глиняные изделия романовских мастеров не приобрели. Район их распространения был достаточно ограничен.

По словам романовского мастера-игрушечника А. Ф. Коняхина, после революции и гражданской войны в селе еще работало 9 семей мастеров. Но вскоре коллективизация, а затем установление жестких налогов привели к исчезновению промысла.

Интерес к народным промыслам в 80-х годах прошлого века коснулся и романовской игрушки. В эти годы создается Подгоренская фабрика народных промыслов. Ее директор заключил контракт с потомственным гончаром Иван Фёдорович Гунькиным и уговорил его сделать несколько игрушек. Уже первые игрушки по-

**Виктор Васильевич
Маркин**

казали то, что мастер владеет секретами ремесла. Иван Фёдорович Гунькин умер в декабре 1997 года, но свое умение он передал Виктору Васильевичу Маркину, который, работая в Троицкой средней школе учителем изобразительного искусства, организовал на базе школы кружок романовской игрушки. В 1998 году В. В. Мар-

кину присвоено звание народного мастера России, с 2000 года он является членом Союза художников России.

К сожалению, сейчас истинно народное искусство Романовской игрушки почти забыто... А ведь село Ленино могло бы стать центром народного промысла.

Верхнее Подонье – это уникальный край заповедной природы, древнейшей культуры, христианских храмов, дворянских усадеб. В нашем путешествии мы сделали шесть остановок. Три из них – Государственный заповедник «Галичья гора», ландшафтно-биологический памятник природы Монастырский лес, и дендрологический памятник природы в селе Репец – находятся под охраной государства и имеют особую ценность. Другие три – Гагаринская стоянка, город Задонск и село Ленино – можно отнести к территориям интенсивного рекреационного использования, которые включают места массового отдыха рекреантов. Стихийно сложившиеся зоны отдыха фактически находятся вне контроля органов Госкомприроды, что делает невозможным регулировать их использование и состояние на региональном уровне.

В настоящее время формирование рекреационных зон является неконтролируемым процессом, т. к. большинство подобных зон имеют ведомственную принадлежность либо находятся в частных владениях. В связи с новым законом о земле многие уникальные природные ландшафты, не имеющие юридического статуса особо охраняемой природной территории, могут быть распроданы в частные владения, отчуждены под частное строительство.

Миллионы лет уходят у природы на зодчество. Она создала для нас уникальный растительный и животный мир. Однако по самым различным причинам безвозвратно утрачиваются единственные в своем роде природные ценности.

Многие уникальные памятники архитектуры обречены на погребение и забвение. Чтобы этого не происходило, необходимо усовершенствовать систему контроля и учета особо охраняемых природных территорий для поддержания общего экологического баланса, спасения отдельных видов растений и животных, сохранения духовного и культурного наследия родного края.

Исторические памятники, православные святыни, заповедные места способствуют формированию нравственно-эстетических основ, духовных потребностей и ценностных ориентаций общества, позволяют разрешить проблемы взаимодействия разных социальных групп.

Библиографический список

1. Андреева Р. В., Будаков В. В., Попова Л. Ф. Славянский мир. – Воронеж : Центр духовного возрождения черноземного края. – 2001.
2. Безбородов И. Липецкая область: золотой юбилей. – «Липецк-Инфоцентр», 2004.

3. Геронтий (Кургановский). Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря. – СПб., 1893.
4. Клоков А. Ю., Клеймёнов А. Н. Записки краеведческого общества. Вып. 1. – Липецк, 1995.
5. Рудаков Л. По следам легенд. – Воронеж : Центрально-черноземное книжное издательство, 1986.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПРОШЛОГО

А. Ж. Габдулина

**Казахский агротехнический университет
им. С. Сейфулина, г. Астана Казахстан**

Summary. In article it is considered about development and preservation of a cultural heritage of republic Kazakhstan.

Key words: cultural heritage; architectural monuments; Turkic culture.

С обретением независимости для всех советских союзных республик одним из главных вопросов становится возвращение и сохранение культурного наследия, он по сей день является актуальной проблемой и имеет большое значение для исторического самосознания народа.

Поворотным этапом в изучении, сохранении, использовании культурного наследия в республике Казахстан стало обращение президента РК Н. А. Назарбаева к народу, в котором наряду с важнейшими задачами, стоящими перед Казахстаном, были названы вопросы развития культуры. В связи с этим была разработана государственная программа «Культурное наследие». Цель программы – развитие духовной и образовательной сферы, обеспечение сохранности и эффективности использования культурного наследия страны. Ученые Казахстана все эти годы участвуют в осуществлении основных положений программы. Археологи, научные сотрудники, хранители фондов архивов, исследовательских центров участвуют в археологических экспедициях, исследуют найденные образцы памятников прошлого, обобщают результаты своих изысканий, материалы исследований ведущих специалистов нашей республики и экспонируют их на различных выставках. Без воссоздания картины прошлого невозможно формирование национального единства нашей страны – Республики Казахстан, становление ее государственности, укрепление ее независимости.

В республике Казахстан огромное количество исторических мест, которые являются, благодаря Программе, центрами исследований. Наиболее яркие экспонаты расположены в Приаралье, в древней дельте Сырдарьи, на Мангышлаке, в Сарыарке, Жетысу,

Мугоджарах и Прииртышье. Найденные археологические материалы свидетельствуют о многообразии культуры Казахстана. На степных просторах нашей родины пересекались разные по своему характеру типы культур. Они дополняли и обогащали друг друга, и это способствовало развитию общества. Во многом благодаря археологическим данным выяснилось, что в цивилизациях таких средневековых государств, как Западно-тюркский, а затем Тюргешский и Карлукский каганаты, а также государств караханидов, кыпчаков, центры которых находились на территории Казахстана, гармонично слились традиции кочевников и земледельцев, городской культуры и степи.

Период VII–XII веков занимает центральное место в истории развития строительства и архитектуры, техники и культуры Казахстана. С этим временем связаны рост городов, прекратившийся позднее вследствие исторических причин, распространение новых типов сооружений в степи и городах, утверждение форм в архитектуре, ставших затем традиционными национальными приемами. В это время осуществляется своеобразный синтез архитектуры и прикладного искусства на основе возрождения античных традиций в прикладном, орнаментальном искусстве. В этот период возникли и определились следующие типы населенных мест: городские поселения – резиденции ханов (каганов) и феодальной верхушки; городские поселения на караванных путях, торгово-ремесленные поселения в степи как пункты хозяйственного и культурного общения оседлого и кочевого населения Казахстана; отдельные замки-крепости феодальной знати и караван-сарай как пункты, связующие отдельные поселения между собой; сельскохозяйственные поселения.

В период средневековья насчитывались десятки цветущих городов с прекрасными архитектурными ансамблями, с дворцами и мечетями, величественными мавзолеями и лачугами бедняков, с медресе и мастерскими гончаров, кузнецов и ювелиров. Археологами и историками установлено, что X–XII вв. были периодом оседло-земледельческой культуры Средней Азии и Казахстана. Уровень развития общества того времени находит свое отражение в расцвете ремесел, науки, искусства и архитектуры. В IX–XII вв. средневековые авторы пишут о городах тюрков. Так, Тараз назван «городом благословенных тюрков-чаруков». В городах Кулане, Касрибасе, Кульшубе, Джульшубе обитали карлуки. Тальхир находился на границе джикилей и карлуков, столицей карлуков был город Каялык. На берегах Алаколя и в Прииртышье располагались города кимаков; в Семиречье и низовьях р. Сырдарья находились города огузов. Города играли роль политических и административных центров, являлись местом средоточия ремесла, торговли и сельского хозяйства. В них развивались архитектура и искусство. Памятники зодче-

ства – источник богатейшей информации о жизни создавшего их общества.

На основе достижений в караханидский период выработались основные, ставшие затем традиционными, архитектурно-строительные приемы и формы монументальных сооружений: четкий, простой план (квадрат), центрально-портально-купольные сооружения со сферическими и конусообразными покрытиями. Форма купола подражает силуэту переносного шатрового жилища; зарождается обозначение главного фасада парапетом и дополнительной архитектурной обработкой.

При Караханидах в Таразе и его округе был сооружен целый ряд замечательных мавзолеев, из которых в сравнительно первоизданном виде до нас дошли два: мавзолеем Айша-Биби и Бабаджа-Хатун на территории села Головачевка.

Мавзолеем Айша-Биби представляет выдающуюся архитектурно-художественную ценность, является уникальным памятником, сохранившим до наших дней богатство и разнообразие орнаментальных мотивов и композиционных приемов. В X–XII вв. значительное развитие получает декоративное искусство. Изящные пропорции в ковровой обработке поверхностей полуколонн, врезанных в тело стены во входящих углах сооружений, ажурные арки, опирающиеся на эти полуколонны, представляют собой характерный для этой эпохи прием, они сохранились только благодаря остроумным конструктивным приемам зодчества.

Памятник Айша-Биби по существу является своего рода музеем, в котором сосредоточены основные орнаментальные сокровища архитектуры Казахстана и который содержит ключ к пониманию традиционных форм, принципов эволюции и сочетания отдельных орнаментальных мотивов. Мавзолеем стал неиссякаемым источником для творческого развития орнаментального декора Казахстана в последующие века: почти все виды орнаментики этого памятника представлены в оформлении предметов быта нашего народа.

Использование терракотовых плиток в архитектуре Средней Азии и Казахстана имеет длительную историю. Архитектура караханидского периода дает исключительное богатство орнаментальных мотивов на архитектурных плоскостях: сложнейшие растительные и геометрические сплетения, вязь букв, причем слагающие их плитки членятся нередко вне связи с орнаментом, поскольку размер их диктуется оптимальными условиями обжига. Несмотря на то, что большая часть исключительно богатого декора мавзолея Айша-Биби погибла в результате разрушений, даже при таком положении удалось восстановить около 20 различных форм терракотовых плиток с разнообразными рисунками (штампованными и ручной резьбы). Внимательное изучение и анализ их обнаруживают четыре основных ряда орнаментики. Один из них – геометрический орнамент в

виде плетеных многоугольников, крестов и звезд; другой – растительный орнамент в виде стебельков с цветами и цветов колокольчиков; третий – бараньи рога, преобразованные в растительный мотив; четвертый стоит несколько особняком от остальных – это S-образные рисунки. Орнаментальные мотивы плиток мавзолея своими корнями уходят в культуру тюрско-карлукской эпохи Семиречья, что также подтверждает местное происхождение архитектуры мавзолея.

Городище Кулан (Луговое) представляет собой типичный памятник средневековья. Город жил в период с VII до начала XIII столетия. В знаменитом географическом сочинении XIII в., составленном замечательным арабским энциклопедистом и географом Якутом ал-Хамава, Кулан назван «приятным городком на границах страны тюрок со стороны Мавераннахра». Огромный четырехугольный бугор размерами 320 x 300 м и высотой 9–10 м с остатками цитадели (наиболее укрепленной части) представляет внушительное зрелище. К городищу примыкает обширная территория, около 50 кв. км, окруженная оплывшим валом. На ней располагаются десятки плоских сверху холмов, которые, судя по их топографии, являются руинами раннесредневековых замков и усадеб. Один из таких бугров был раскопан отрядом Семиреченской археологической экспедиции. Внешне бугор по форме напоминал усеченную пирамиду высотой 5 м и размерами в основании 30 x 40 м. К нему примыкал огражденный стеной прямоугольный дворик. Однако уже после удаления верхнего дернового слоя на поверхность выступили очертания мощных стен, образующих хорошо продуманную планировку оригинального архитектурного комплекса. Здание состояло из семи помещений. Стены сложены комбинированной кладкой из рядов пасховых блоков и прямоугольного сырцового кирпича. Изнутри стены обмазаны толстым слоем глиняной штукатурки и забелены алебастром. Обмазка и побелка производились множество раз, и за долгие годы жизни замка общая толщина одних лишь слоев побелки составила 4–5 см. Архитектура и техника строительства замков на городище Кулан (Луговое) характерны для Средней Азии и юга Казахстана в VII–VIII вв.

На том месте, где сейчас раскинулись кварталы современного города Тараза, важного промышленного и культурного центра страны, находятся остатки одного из крупнейших средневековых городов Казахстана. Первое упоминание о нем содержится в византийских источниках и относится к концу VI в. Поселение на месте будущего города существовало уже в первые века н. э. Тараз являлся укрепленным торговым городом на караванном пути с развитым ремесленным производством; об этом говорит и само название города купцов (тараз-весы). Расцвет города наблюдается в XI–XII вв., менее активен он в XIII–XVIII вв. Мощные тротуары, улиц близ

бани, наличие системы водоснабжения, построенной из гончарных труб (с конусообразными раструбами), свидетельствуют о высокой степени благоустройства города. Как известно, бани играли важную роль в жизни древних и средневековых горожан. В них не только мылись, но использовали их также для поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встреч и дружеской беседы с приятелями, для разговора о купле-продаже, о торговой сделке и показа мастерства в шахматах и нардах. Популярность этих заведений среди городского населения Востока была велика, т. к. они являлись общественными центрами. Первые бани в Средней Азии появились, видимо, не ранее VII в. Материалы, полученные археологом А. Н. Бернштамом в ходе раскопок древнего Тараза (XI–XII вв.), свидетельствуют о том, что в домонгольский период для среднеазиатского региона в целом характерна античная традиция. Помещения бани были перекрыты куполами, и все здание имело многоугольную форму. Отапливалась баня нагретым воздухом, циркулирующим в каналах, проложенных под полом и полками.

Архитектура монгольского периода характеризуется расцветом мемориального зодчества. Произошли изменения в композиционном построении архитектурных форм, были разработаны новые конструктивные решения и приемы убранства, основанные на использовании орнаментальных терракотовых и поливных плит.

Среди сохранившихся до нашего времени строений особый интерес вызывают мавзолеи и мазары («жилища мертвых»). Широкую известность приобрели мавзолеи Жошы-хана и Алаша-хана (близ Жезказгана), относящиеся к XIII веку; Жубан-ана, Каип-ата, Маулим-берды в долинах рек Сарысу и Кенгир; мавзолеей Кара-хана в Таразе и др.

Многие из них и сегодня восхищают оригинальностью архитектурной композиции, декоративным убранством и высоким строительным искусством. С большим совершенством применялись в этих зданиях фигурная кладка кирпича и новые виды строительного материала: ганч, алебастр, терракотовые и изразцовые плиты.

В середине века в Центральном Казахстане в горах Алатау, на реке Сарысу и Кенгире располагались города, ставки степных владельцев, зимовки и поселения металлургов. Одним из крупных городищ Центрального Казахстана является памятник, известный как «Комплекс Жошы-хана». Ученые считают, что раньше это был город Орда-базар, ставка джучидов. Он состоит из мавзолеев и жилых сооружений, сохранившихся в виде бугров. К мавзолею с юга и юго-востока примыкают казахские мазары. В 1228–1230 гг. на левом берегу р. Кенгир в 45 км от современного Жезказгана был построен мавзолей сына Чингисхана Жоши. Портально-купольное сооружение состоит из двух помещений: погребальной камеры-гурханы (5,10 x 5,20) и передней типа зиаратханы, перекрытой сомкнутым,

стрельчатой формы сводом в нише портала. Здание возведено из жженого красного кирпича на неглубоком фундаменте из кирпичного боя. Памятник интересен формой перекрытия, которое представляет собой двухболочковый купол – внутренний полусферический и внешний шатровый гофрированный, посаженный на семнадцатигранный звездчатый барабан. Портал музея прорезан глубокой стрельчатого очертания нишей, архивольт которой поддержан декоративными трехчетвертными колонками. Арочная ниша окружена П-образными углубленными лентами, предназначенными для вставки поливных бирюзовых плиток. В отличие от фасада, интерьер был лишен какой-либо декорации. Здание ориентированно на юго-запад.

В Казахстане трудно найти район более интересный в археологическом отношении, чем Отрарский оазис. В 200 километрах к северо-западу от Испиджаба (Сайрама) находится позднесредневековая столица Южного Казахстана – Туркестан, крупнейший центр казахских ханств; город с богатым историческим прошлым.

Туркестан обрел широкую мировую известность благодаря проповеднической деятельности прославленного суфийского шайха и философа Ходжи Ахмеда Яссави. В то время (XII в.) город был известен под именем Яссы. Отсюда и нисба (имя-прозвище по месту рождения) в имени известнейшего на Востоке мусульманского святого – Яссави.

В XVI–XVIII вв. Туркестан был столицей Казахского ханства. Казахские ханы осознавали политическую и духовную значимость этого города для сплочения казахского народа. Туркестан и его величественный памятник – мавзолей Ходжа Ахмета Яссави – связываются с идеей казахской государственности. Эта роль подчеркивается еще и тем фактом, что столь значительное и почитаемое место со временем превратилось в пантеон выдающихся государственных деятелей, знаменитых ученых и поэтов. Внутри комплекса были погребены такие известные в истории люди, как Абулхайр-хан, Рабига Султан-Бегим, Жолбарыс-хан, Есим-хан, Ондан-султан, Абылай-хан, Каз дауысты Казыбек-би и многие другие.

Нравственный авторитет Ходжи Ахмеда Яссави привлекал людей, искавших совета и утешения. Живым примером личной жизни и доступным языком призывал Ходжа Ахмед следовать добру и бескорыстию, правде и справедливости. Путь Ходжи Ахмеда Яссави был очень тернистым и трудным, его учение вначале не хотели признавать. В течение 30 лет он был гонимым человеком, но, несмотря на все трудности, он не сворачивает с выбранного пути. Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави сегодня признан шедевром мирового зодчества.

Постройки старого Туркестана не сохранились до наших дней, и только мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави – уникальный памятник зодчих XIV в. – напоминает о большой древности города. Сюда, к

могиле поэта-мистика и «апостола бедности» суфия Ходжи Ахмеда, ежегодно стекались тысячи паломников. Когда завоевателю Тимуру показали могилу святого, он приказал построить над ней мавзолей.

В архитектуре сооружения нашли яркое отражение принципы тимуридской архитектуры (монументальность, грандиозность, богатое декоративное убранство), с другой стороны, здание уникально по своему планировочному решению. Особенность памятника состоит в четкой симметричной композиции плана, в пределы прямоугольного очертания которого заключены разнообразные и сложные по конфигурации залы. В архитектурно-художественной отделке памятника мастера применили все виды прикладного искусства: резьбу по дереву, кости, камню; прекрасные изразцы, окрашенные в синий, голубой, белый цвета; кирпичную кладку, образующую сложный орнаментальный узор. Использовали алебастр и металл.

Уже современники по достоинству оценили постройку. «Мавзолей Ахмеда Яссави, – писал историк Рузбехан, – одна из самых монументальных построек во всем мире, в архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство до поразительности и восхищения». На сегодняшний день три казахстанских объекта состоят в списке всемирного наследия ЮНЕСКО. Среди них – Мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави.

Некоторые города складывались как центры религиозной жизни. Появление в Казахстане таких типов зданий, как мечети, медресе и мектебы, связано с проникновением сюда мусульманской религии. Известно, что ислам распространился в центре Казахстана еще в VIII–X вв., а в остальных его районах он утвердился только после монгольского нашествия – в XIII–XIV вв.

По своему назначению мечети делились на три подтипа: поминальные мечети, жума мечети и обычные приходские. Первые строились в сочетании с гробницами особо почитаемых служителей религии. Таковы мечети-мавзолеи Ходжа Ахмеда Яссави (XIV в.) в городе Туркестане, Баба-Ата (середина XIX в.) в одноименной местности и Арыстан-Баба, находящийся около развалин древнего городища Отрара. Последний памятник, неоднократно подвергавшийся разрушению, в ныне существующем виде был построен заново в начале XX века. Он возведен из жженого кирпича и представляет собой сочетание гробницы и поминальной мечети.

В 150 километрах от г. Шымкента, недалеко от городища Отрар находится мавзолей проповедника ислама, религиозного мистика, жившего в XII веке, учителя и духовного наставника Х. А. Яссави, Арыстан-Баба (памятник архитектуры XIV в.). По легенде, Арыстан-Баб был сподвижником пророка Мухаммеда. Однажды пророк Мухаммед и его сподвижники сидели и ели хурму. Один из плодов это время выпадал из блюда, и пророк услышал откровение: «Эта хурма предназначена для мусульманина Ахмеда, который ро-

дится на 400 лет позже Вас». Пророк спросил у своих сподвижников, кто передаст эту хурму будущему хозяину. Никто не вызвался. Пророк повторил свой вопрос, и тогда Арыстан-Баб ответил: «Если вы у Аллаха выпросите 400 лет жизни, то я передам хурму». Согласно народным преданием и письменным источникам, Арыстан-Баб через 400 лет стал наставником Ходжи Ахмеда Яссави и действительно передал ему хурму.

В настоящее время над могилой Арыстан-Баба стоит мавзолей площадью 30 x 13 м. По историческим данным, этот мавзолей в XII–XVIII веках несколько раз был перестроен и отреставрирован. Первая постройка мавзолея относится к XIV–XV вв. От нее сохранились резные деревянные колонны айвана. В XVIII веке на месте древнего мазара, разрушенного землетрясением, было построено двухкупольное сооружение с айваном, опирающимся на две резные деревянные колонны. Здание XVIII века разрушилось и в 1909 году было отстроено заново, о чем гласит надпись на одном из картушей фриза. В 1971 году из-за высокого уровня грунтовых вод, приведших к ее аварийному состоянию, мечеть была снесена и отстроена заново. В настоящее время мавзолей является одной из мусульманских святынь Центральной Азии и является местом паломничества.

Последняя треть XIX в. оказалась периодом расцвета архитектуры Западного Казахстана. К этому времени в регионе складываются обширные некрополи, на которых возводятся разнообразные погребальные сооружения: надгробные стелы (кулпытас), каменные ящики (сандык-тас, уш-тас, ес-тас), надгробия в форме стилизованной фигуры барана (кой-тас, кошкар-тас), ограды (сага-на-там), мавзолеи. Этот процесс может характеризоваться возникновением за относительно короткий промежуток времени достаточно большого количества сооружений, многие из которых являются выдающимися памятниками народного зодчества Казахстана. Среди них – мечеть подземная Бекет-Ата в местности Огланды XVII вв.

Бекет-Ата остался в памяти народной как воин, совершивший подвиги в битвах с калмыками. Как предсказатель и пророк, которому открыта книга бытия. Как миротворец – при решении спорных вопросов с туркменами он проявлял мудрость, приводившую обе стороны к согласию. Как целитель – к нему приходили немощные и страдающие, и он даровал им здоровье и жизненные силы. Как учитель и наставник. Тысячные толпы верующих внимали его наставлениям – жить по правде, быть справедливыми и творить добро. Подземная мечеть Бекет-Ата занимает особое положение в мусульманском мире. Вырубленные в меловых породах семь комнат точно повторяют расположение комнат пирамиды Хеопса. Круглый год сюда стекаются паломники, чтобы открыть свои души. Уверяют, что одно упоминание в разговоре имени Бекет-Ата способно отвести беду, а молитва в мечети способна совершить чудо.

Республика Казахстан гордится своим богатым историческим наследием, как и другие народы и государства, каждое из которых имеет свою особенность, колорит и историю. Прикосновение через архитектурные шедевры прошлого к духовной родине – вот что объединяет нас, сближает, дает почувствовать причастность к мировой цивилизации, в которой существует и наш огромный мир.

Библиографический список

1. Архитектурные памятники Казахстана // Мадени – Мура (Культурное наследие). – Астана, 2010.
2. Памятники минувших поколений / пер., примеч. М. А. Салье // Избранные произведения. – Ташкент, 1952. – Т. 1.
3. Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алма-Ата, 1988.
4. Материалы по истории Казахского ханства XV–XVIII века (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969.
5. Архитектура и строительство Казахстана. – Алматы : Редакция «Золотая Книга», 2004.

СОХРАНИМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Ш. Н. Саяхимова

**Казахский агротехнический университет
им. С. Сейфуллина, г. Астана, Казахстан**

Summary. In article reflected current state of studying and retention of historical and cultural heritage of Republic of Kazakhstan under the program «Cultural heritage». This program accepted under the initiative of Nursultan Nazarbaev the president of Republic of Kazakhstan. The aim of this article is the propagation of the program «Cultural heritage» in the international level.

Key words: cultural heritage; restoration works; architecture; mausoleum; preservation of monuments.

Современное состояние культурного наследия Казахстана характеризуется посильным обеспечением комплекса мер по сохранению и дальнейшему развитию многовековой традиции, открытием новых памятников истории и культуры, активизацией работ по консервации, реставрации исторических памятников, музейных экспонатов, книг и древних рукописей, приобретению национальных раритетов, изготовлению копий древнерунических писем, организацией экспедиций ученых в зарубежные научно-исследовательские центры, архивы и библиотеки.

По инициативе президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева и при всемирной поддержке с 2004 по 2011 гг. в стране поэтапно был реализован национальный стратеги-

ческий проект – «Культурное наследие», который сыграл особую роль в расширении и углублении научных исследований, в сохранении для потомков богатейшего историко-культурного наследия, материальных и интеллектуальных ценностей.

С 2004 по 2006 гг. в республике была реализована Государственная программа «Мәдени мұра», которая имела несколько стратегических направлений: возрождение, реставрация, консервация памятников истории, приобретение копий книг, документов, относящихся к истории Казахстана, исследование богатого наследия национальной литературы.

Национальной библиотекой Республики Казахстан в 2005–2006 гг. была проведена научно-исследовательская работа в 8 библиотеках и архивах Англии, Франции, Испании, Италии, Ватикана и Германии. В ходе экспедиций приобретены копии 84 рукописей книг, выявлены 398 наименований печатных книг и периодических изданий. Фонды пополнены коллекцией трудов Мустафы Чокая (1890–1941), лидера Туркестанского национально-освободительного движения, премьер-министра Кокандской автономии [1, с. 4, 6].

С целью изучения, сохранения и восстановления историко-культурного наследия страны в 2007 г. принята программа «Культурное наследие» на 2007–2009 гг. За данный период завершены реставрационные работы на 51 памятнике истории и культуры, проведены археологические исследования 39 городищ, поселений, стоянок, курганов и могильников на территории Казахстана [2].

Благодаря программе в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО внесен мавзолей Ходжи Ахмеда Яссауи и комплекс Тамгалы. Мавзолей Ходжи Ахмета Яссауи (см. рис. 1), расположенный на юге Казахстана в городе Туркестане, – удивительный комплекс дворцов и храмов, шедевр архитектуры, построенный в период с 1385 по 1405 гг. Это грандиозное сооружение было воздвигнуто в честь жившего в XII веке известного на Востоке древнетюркского поэта и проповедника суфизма Ахмета Яссауи. Слово «Яссауи» означает «из Ясы». Так в древности назывался город Туркестан. Весь центр города является исторической и культурной резервацией Азрет-султана. Помимо мавзолея Ходжи Ахмета Яссауи, мавзолей включает в себя средневековую баню, хилвет, где жил великий святой, мавзолей внуки Тимура, Рабии Султан Бегим, и другие памятники. Мавзолей Ахмета Яссауи является архитектурным комплексом, в котором объединены функции мавзолея, мечети, ханаки (помещения для совершения массовых ритуальных обрядов), казандыка, помещений административного и хозяйственного назначения. В плане он имеет размеры 46,5 x 62,5 м. Внешне симметричный, компактный план включает до 35 помещений, соединенных переходами, лестницами и коридорами. Фасады насыщены геометрической и растительной орнаментацией с широким применением эпиграфики. Западный и

восточные фасады облицованы глазурованными кирпичами, а геометрический орнамент выложен синими плитками. Над порталом на высоком барабане возвышается купол кабырханы – усыпальницы Ахмета Яссауи.

Рис. 1. Мавзолей Ахмета Яссауи, купол кабырханы

Второй комплекс, вошедший в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, – это Тамгалы-Тас (см. рис. 2), находящийся в урочище Тамгалы-Тас у реки Или в 120 км к северу от города Алматы. Тамгалы Тас в переводе с казахского языка означает «камни со знаками», или «рисунки (надписи) на камнях». Комплекс Тамгалы состоит из 5 тысяч петроглифов, на которых изображены животные, сцены охоты, буддистские надписи, среди которых самое знаменитое изображение – это три буддистских божества.

Рис. 2. Тамгалы Тас, изображение Будды

Под рисунками высечен священный текст на санскрите, датированный историками XII веком: «Ом манэ падмэхум» («Снежная

жемчужина в цветке лотоса», или «Да будет благословен рожденный из лотоса»). Надписи на скалах сделаны на тибетском и калмыцком языках и относятся к позднему Средневековью.

Реализация данной госпрограммы подразумевает реставрацию и восстановление памятников истории и культуры не только казахского народа, но и других этносов, проживающих на территории страны. К примеру, отреставрированы здание Жаркентской мечети в Алматинской области, которое несет в себе многие элементы уйгурского декоративно-прикладного искусства, дом в Уральске, где в начале XX века жил великий татарский поэт Габдулла Тукай, Вознесенский собор в Алматы, Военно-Николаевская церковь в Туркестане [3].

За годы реализации программы «Культурное наследие» реставрационные работы проведены на 105 объектах истории и культуры, из которых 73 памятника отреставрированы полностью. Строительные и реставрационные работы велись не только в стране, но и за рубежом.

Рис. 3. Мавзолей аль-Фараби в Дамаске (Сирия)

Во время официального визита в Египет и Сирию президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева было подписано Соглашение о реставрации и строительстве мавзолеев и мечети выдающимся личностям Аль-Фараби (см. рис. 3) и султану Аз-Захиру Бейбарсу, выходцам из казахских земель.

Рис. 4. Мавзолей султана Бейбарса в г. Дамаске (Сирия)

У султана Бейбарса героическая судьба. Попав в рабство в юношеские годы, он сумел переломить судьбу и встал во главе мамлюкского государства. В честь великого полководца в Дамаске рядом с крепостью и Большой мечетью Омеядов в 1266 году был построен комплекс, объединявший школу, мавзолей (см. рис. 4) и библиотеку султана Бейбарса. Ценность комплекса султана Бейбарса заключается в культурной и исторической роли, которую он играл в течение многих веков. Начиная со средних веков и поныне мавзолей выполняет функцию культурно-просветительного учреждения.

С целью пропаганды национального исторического наследия на международном уровне начиная с 2007 года ведется реконструкция мавзолея султана Бейбарса в Дамаске и мечети султана Бейбарса (см. рис. 5) в столице Египта Каире.

Рис. 5. Мечеть султана Бейбарса в Каире (Египет)

В Дамаске завершены строительные работы в историко-культурном центре, который включает мечеть, экспозиционные за-

лы по истории и культуре, библиотеку с читальным залом, интернет-кафе, конференц-залы и гостиницу. В ходе работ восстановлены архитектурные формы комплекса, мозаика и узорное оформление стен, современным оборудованием оснащен архив, в котором хранятся более 200 тыс. раритетных книг [4].

В ходе реализации программы успешно завершены работы по восстановлению памятника Абаю в Ташкенте.

При воплощении программы создана целостная система изучения национального культурного наследия. Впервые после обретения независимости в Казахстане предприняты шаги по созданию на государственном языке полноценного фонда гуманитарного образования. Организованы научно-поисковые экспедиции в Китай, Турцию, Монголию, Россию, Японию, Египет, Узбекистан, Армению, США и страны Западной Европы. По их итогам приобретено около пяти тысяч рукописей и печатных изданий по истории, этнографии, искусству Казахстана, ранее неизвестных в отечественных научных кругах, восстановлены 73 памятника нашей истории и культуры.

Международным советом Ассамблей ЮНЕСКО 1983 году 18 апреля был объявлен днем «Охраны памятников», в ходе этого мероприятия во всех областях были организованы работы по сохранению, изучению и восстановлению историко-культурного наследия.

По национальному стратегическому проекту «Культурное наследие» в 2009–2011 годах были продолжены археологические раскопки на поселениях и городищах Есик, Койлык, Талгар – в Алматинской области, Бозок в Акмолинской области, Берел, Шиликты – в Восточно-Казахстанской области, Жуантобе – в Южно-Казахстанской, Саршык – в Атырауской, Сауран, Сидак, Отрар – в Южно-Казахстанской области, Акыртас – в Жамбылской, Кырык оба – в Западно-Казахстанской области Айбас, Кент, Талдысай – в Карагандинской области и др. [5, с. 8].

Был исследован один из крупных средневековых городов Жетысу Талхир (Тальхиз), который упоминается в источниках X века. Открытием стало обнаружение высокоразвитого железоделательного и кузнечного производства в Талгарском ущелье. В Талгаре варили булатную сталь, работал монетный двор. Научные исследования доказали, что булатную сталь изготавливали не только в Дамаске, но и на территории Казахстана в Талгаре.

Это был центр внутренней и международной торговли, о чем свидетельствуют археологические находки [6].

В настоящее время составлен реестр памятников истории и культуры, куда вошли 218 республиканских, 11 тысяч 277 памятников местного значения.

Для реализации программы в 2004–2011 годах из республиканского бюджета было выделено 11 миллиардов 332 миллиона тен-

ге. За это время реставрационными работами было охвачено 93 объекта истории и культуры [7].

К 20-летию независимости Казахстана осуществлен запуск новой версии информационного портала «Мәдени мұра – Культурное наследие», на котором размещено множество книг, фотографий, аудио- и видеозаписей.

Посредством государственной программы «Культурное наследие» восстановлены многие ценные экспонаты национальной истории, которые стали частью духовной культуры нации, осуществляется перевод на казахский язык лучших произведений мировой литературы.

Памятники истории и культуры должны войти в систему казахстанских и международных туристических маршрутов, стать точками роста развивающейся туристической отрасли. Сейчас рассматривается программа развития туризма в Казахстане, и все значимые историко-культурные памятники должны стать туристическими объектами. Таким образом, можно обеспечить финансовую поддержку нашим памятникам истории и культуры [8].

Таким образом, по программе «Культурное наследие» ведется работа по восстановлению культурных ценностей, сбору раритетов, изучается целостность отечественной истории. Благодаря данной программе достигнуты большие успехи в культурном строительстве и духовном развитии народа.

Библиографический список

1. Шаймарданова З. История Казахстана во взаимосвязи пространства и времени // Казахстан мұрағаты. – 2007. – 1 (3). – С. 4, 6.
2. Тезисы выступления Министра культуры и информации М. Кул-Мухаммеда от 4 ноября 2008 г.
3. Назарбаев Н. А. Выступление на расширенном заседании Общественного совета по реализации государственной программы «Культурное наследие». – Астана, 2007.
4. URL: www.madeni-mura.kz
5. «Мәдени мұра»: мощный импульс развития отечественной культуры // Казахстанская правда. – 6.12.2011.
6. Байпаков К. Археология и культурное наследие. – Астана, 2005.
7. Саудабаев К. Президентская программа «Мәдени мұра». URL: www.madeni-mura.kz
8. «Мәдени мұра» – основа национальной истории // Туркестан. – 16.06.2011. – № 24.

III. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Г. Б. Сайфутдинова, Т. И. Махмутова
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. In pre-war decade, the population of the Tatar Autonomous Republic has undergone significant changes. An important role in reducing the workforce, and played organized sets immigration policy, actively pursued in the country in the first half of 1930

Key words: working-age population; population policy; the general employment.

Начиная с 1930-х гг. сельское население стало массово переселяться в города. Несмотря на введение паспортной системы в городах в начале 1930-х годов, на прикрепление сельского населения к земле в результате коллективизации, мужчины молодого возраста предпочитали деревне город с более благоприятными условиями труда и жизни, что вызывало вымывание мужской рабочей силы из сельской местности. В дореволюционной России существовали многочисленные законы, запрещающие или ограничивавшие применение женского труда в ряде профессий, вредных для женского организма. В Октябрьскую революцию 1917 года все эти законы потеряли силу. Начавшаяся индустриализация страны потребовала огромного количества рабочих, и речь шла уже не об ограничении женского труда, а о его расширении. Широко применялся не только женский, но и детский труд, особенно в сельской местности. Значительные демографические потери Татарской АССР произошли в годы войны (не менее 650 тысяч человек). Миграционные процессы в Республике Татарстан в 90-е гг. XX в. и первые годы XXI в. складывались в основном под воздействием распада СССР. По данным Минздрава РТ, за 1991–1995 гг. в 1,5 раза возросло число детей, родившихся больными. В 1995 г. удельный вес таких детей, а также детей с риском возникновения различных заболеваний составил 83 %. В 1994–1995 гг. число родившихся здоровыми сократилось с 33 % до 17 %. Современные меры по улучшению демографической ситуации носят формальный характер.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РИМСКОЙ АРМИИ В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Ю. А. Павлов

Дальневосточный государственный гуманитарный
университет, г. Хабаровск, Россия

Summary. In article the change of ethnical structure of the Roman army in Principate era is analyzed. On an example of various categories of soldiers (legionaries, Praetorian Guard, auxilia) provincialization and barbarization of the Roman army are considered. The gradual displacement of the centre of military force, authority and glory from the centre to periphery and from west to east is shown.

Key words: Roman army; provincialization; barbarization; Principate era.

Римская империя была подлинно евразийской державой. Как крупнейшее политическое образование она охватывала огромную территорию от Испании на западе до Месопотамии на востоке и от Африки на юге до Британии на севере. Одним из главных инструментов формирования и поддержания мощи Римской империи была ее армия. По мере установления императорской (принципат) и имперской власти (*Pax Romana*) менялся и национальный состав самой армии. В процессе своего развития последняя существенно изменила свой облик: будучи в I в. н. э. преимущественно армией римлян, в конце I – начале II в. армией италиков, она уже в конце II – начале III в. н. э. превратилась в армию романизированных варваров, оставшись «римской» лишь по названию. Это был двойственный, парадоксальный процесс: чем более романизированными по духу, языку, архитектуре и одежде становились провинции империи, тем более варваризированной делалась ее армия.

В данной статье будет предпринята попытка проанализировать изменение национального состава римской армии в период I–III в. н. э., а также систематизировать и обобщить сведения о явлении, именуемом «провинциализация армии».

Римская армия: устройство, особенности функционирования

Римская армия после ее реорганизации в ранней империи состояла из трех разных по своему составу частей: преторианской гвардии, легионеров и вспомогательных войск. Гвардия пополнялась из числа римских граждан, главным образом италийского происхождения. Легионеры комплектовались по принципу добровольного набора из римских граждан, главным образом провинциального происхождения. Вспомогательные войска (*auxilia*) набирались из провинциалов, не имеющих права римского гражданства, так называемых перегринов (галлов, иберов, фракийцев, германцев, сирийцев и др.). Эти части не входили в состав легионов, имели свою органи-

зацию, вооружение, экипировку. По различным оценкам, общая численность римской армии в I–III вв. н. э. составляла 250–400 тыс. чел. [4–6; 13; 23; 36; 43; 45; 47; 48].

В 13 г. до н. э. срок военной службы был установлен в 16 лет для легионеров и 12 – для преторианцев. В 5 г. н. э. периоды службы были увеличены до 20 и 16 лет соответственно. Солдаты вспомогательных частей обычно служили 25 лет до выхода в отставку [24, р. 31; 31, р. 309–310; 43, р. 208].

Теоретически призыв в римскую армию осуществлялся по мобилизации. Однако государству было несложно поддерживать численность войск за счет призыва только добровольцев. Типичным римским солдатом в эпоху принципата был доброволец. И хотя главной обязанностью солдата было противостояние врагу в бою, ее выполнение приходилось только на дни самых суровых обстоятельств. Большая часть службы солдата, особенно в I–II вв. н. э., приходилась на мирные дни [9, с. 39–40]. Как писал Р. Мак-Маллен, «многие молодые солдаты никогда не наносили ударов противнику где-либо еще, кроме как в тавернах» [Цит. по: 9, с. 172].

Привлекательность военной службы в имперском периоде была основана главным образом на получении регулярного денежного содержания, премий и подарков, на доступе к хорошему лечению, питанию и социальному обеспечению. Кроме того, служба в армии давала римское гражданство, т. е. делала человека полноправным субъектом гражданских правоотношений.

Ежегодное жалованье римского легионера в ранней империи составляло 900, во вспомогательных войсках 750–1050 сестерциев. Преторианцы получали в полтора-два раза больше. Центурион в легионе получал 13500, а центурион первого копия (*primus pilus*) – 54000 сестерциев. Во вспомогательных войсках центурион получал 3750, а декурион – 4500–5250 сестерциев. С I по III в. н. э. денежное содержание армии было увеличено в восемь раз [14; 46].

Кроме жалованья, армия получала премии (*donatives*), часто выдававшиеся при коронациях и иных торжественных мероприятиях. В зависимости от щедрости правителя и его финансовых возможностей размер премии колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч сестерциев на каждого солдата. В III в. н. э. премии начали давать каждые 5 лет. Ко времени Диоклетиана, *donatives* давался каждый год, так что премия фактически стала частью основного жалованья солдат [33].

В I – первой четверти III в. воины-ветераны освобождались от уплаты земельного налога и только с императора Александра Севера (222–235 гг. н. э.) подобным налогом стало облагаться их наследственное (*patrimonium*) и приобретенное имение (*possesio*). Освобождение от повинностей было дано только тем ветеранам, которые

ушли в почетную отставку или в отставку вследствие ранения [3, с. 117; 11, с. 372].

Стоит отметить хорошее сбалансированное питание, предоставлявшееся в армии. Образ римского солдата-вегетарианца, перебивавшегося с хлеба на воду, как показали современные исследования, не соответствует действительности. Рацион римского солдата был разнообразным, питательным и калорийным. Так, например, минимальные требования килокалорий для взрослого мужского населения Римской империи в возрасте 20–50 лет (именно этот период в основном приходился на службу в армию) составляли 2600–2900 ккал [35, р. 599], в то время как питание в римской армии было более сбалансированным, обеспечивая человека примерно 3400 ккал в день, т. е. существенно выше, чем у гражданского населения [44, р. 43].

И напоследок, не стоит забывать об армии как канале социальной мобильности. Благодаря военной службе многие представители социальных низов не только улучшили свое материальное положение, но и продвинулись по карьерной и социальной лестнице. Даже многие римские императоры достигли высшего положения только благодаря военной службе. По подсчетам известного социолога П. А. Сорокина, среди 92 римских императоров 36 достигли этого высокого положения благодаря службе в армии [8, с. 150]. Все эти факторы делали военную службу привлекательной в глазах населения.

Национальный состав армии: общая динамика

Учеными давно было высказано обоснованное мнение о постепенном снижении в римской армии уроженцев Италии и увеличении представителей провинций. Такое утверждение берет начало с известной работы Л. Р. Дина, написанной в 1916 г. В ней автор представил сведения о происхождении римских легионеров преимущественно I–III в. н. э. Дин провел лингвистический анализ происхождения фамилий легионеров и выяснил, что из обнаруженных им 1333 фамилий солдат и центурионов Римской армии на лиц не римского происхождения приходилось 367 (27,5 %) [26, р. 64, 94–102]. То есть в эпоху принципата четверть легионеров была провинциалами. Однако плохо сохранившиеся данные о времени службы легионеров и центурионов не позволили Л. Р. Дину более детально проанализировать национальный состав римской армии и показать процесс провинциализации в динамике.

Это удалось другому историку – итальянцу Дж. Форни. В своем исследовании о рекрутировании легионеров он, основываясь на эпиграфических данных, установил заметное снижение числа уроженцев Италии в римской армии в I–III вв. н. э. По его подсчетам, в период Августа – Калигулы среди легионеров было 65 % итальян-

цев, при Клавдии и Нероне – 48 %, понижаясь к 21 % в период Веспасиана – Траяна и опускаясь практически до нуля к периоду Диоклетиана [32, р. 103]. В дальнейшем практически все известные обобщающие работы по римской армии опирались на эти цифры, слегка корректируя их в ту или иную сторону, но общий фон, воссозданный Дж. Форни, оставался неизменным [4–6; 13; 23; 36; 43; 45; 47; 48].

По мнению Й. Бляйкена, в I в. н. э. основную часть новобранцев в легионах составляли римские граждане, уроженцы Италии и колоний римских граждан в западных провинциях. Это были младшие сыновья муниципальных собственников, которые не могли надеяться на значительное наследство и хотели обеспечить свое существование посредством военной службы. Однако уже в I в. н. э. ряды легионеров пополняются и за счет провинциалов – перегринов, получавших права римских граждан при записи в легион. В начале II в. н. э. при Адриане римляне полностью перешли к практике набора солдат в легионы из жителей тех провинций, в которых эти легионы размещались. Отныне легионерами становились жители провинций, романизированные далеко не в той степени, как население внутренних провинций [21, s. 223].

Что касается преторианцев, то они в ранней империи набирались преимущественно из числа романизированных граждан. Действительно, чтобы попасть в гвардию, в I в. н. э. нужно быть италийцем. Более того, вплоть до времени Тиберия доступ туда ограничивался молодежью из Лация, Этрурии, Умбрии и самых старых колоний. При Клавдии в списки для набора включается Цизальпинская Галлия. В начале II в. 89 % этих солдат поставляет Апеннинский полуостров, и в течение всей эпохи Антонинов наблюдается лишь незначительное уменьшение этой доли. Переворот произошел в начале правления Септимия Севера – с 193 г. н. э. Чтобы наказать преторианцев, которые устроили торг империей после смерти Коммода, африканский император, который к тому же хотел вознаградить собственных солдат, распустил преторианские когорты и вновь сформировал их из провинциалов (преимущественно иллирийцев). В III в. н. э. преторианская гвардия стала подлинно интернациональной, в ее составе можно было найти выходцев со всех окраин империи [2, с. 721; 7, с. 561–562; 17, р. 103; 41, р. 141–189; 42, р. 158].

Известный ученый конца XIX – начала XX в. А. Домашевский даже утверждал, что С. Север, открывая провинциалам доступ к преторианской гвардии, сознательно стремился уничтожить ее римские (италийские) корни [30, s. 90]. Однако сегодня подобное утверждение учеными не разделяется [40, р. 115–116]. Некоторые сведения о месте рождения корпуса конной стражи (*Equites Singulares Imperatoris*) во II в. н. э. дает следующая таблица.

**Места рождения солдат корпуса конной стражи
во II в. н. э. (%)**

Провинция	Число	Провинция	Число
Паннония	30	Сирия	4
Германия Нижняя	14	Мавритания	3
Фракия	11	Африка	2
Реция	10	Германия Верхняя	2
Норик	9	Британия	2
Дакия	7	Бельгика	1
Мёзия	4	Далмация	1

[24, p. 81]

Даже среди римских императоров было немало провинциалов. Так, например, Отон (69 г. н. э.) был выходцем из Этрурии; Траян (98–117 гг. н. э.) – из Умбрии, но фактически провел юность в Испании; Антонин Пий (138–161 гг. н. э.) и Кар (282–283 гг. н. э.) – из Нарбоннской Галлии; Вителлий (69 г. н. э.) и Веспасиан (69–79 гг. н. э.) были сабинянами; Пертинакс (193 г. н. э.) – лигурийцем; Песций Нигер (193 г. н. э.) и Септимий Север (193–211 гг. н. э.) – африканцами. Последний до конца своих дней говорил с сильным африканским акцентом, а его жена (сирийка) не знала ни слова по-латински. Сирийцами же были Каракалла (211–217 гг. н. э.) и Элагабал (218–222 гг. н. э.). Деций (249–251 гг. н. э.) и Проб (276–282 гг. н. э.) происходили из Паннонии; Кладвий II Готик (268–270 гг. н. э.) и Аврелиан (270–275 гг. н. э.) – из Мёзии; Макрин (217–218 гг. н. э.) – из Мавритании; Филипп Араб (244–249 гг. н. э.) – из Аравии, Максимин Фракиец (235–238 гг. н. э.) – из Фракии, Диоклетиан (284–305 гг. н. э.) – из Далмации [31]. Если учесть, что почти все из перечисленных лиц пришли к власти с помощью оружия («солдатские императоры»), то по изменению национального облика правящей элиты можно судить о той гигантской трансформации всей римской армии в эпоху принципата.

Местные уроженцы или иноземцы?

Как отмечалось выше, в римской армии применялся смешанный тип комплектования армии. В одних провинциях солдаты преимущественно набирались из местных уроженцев, в других из вновь прибывших иноземцев. Тексты эпитафий солдат паннонских легионов I – середины II в. н. э. свидетельствуют, что их родиной были италийские города Кремона, Аквилея, Антин, Верона, Регий, Комум, Флоренция, Вицетия, Тергеста, Медиолан и города Нарбоннской Галлии, Германии, Норика, Реции, Далмации (Арелат, Вирун, Авеннион, Толоса, Лугдун и др.). Во II в. н. э. солдаты паннонских легио-

нов были преимущественно уроженцами других провинций, а в III в. – чаще местными уроженцами [3, с. 78, 150].

В 30 г. до н. э. – 110 г. н. э. среди легионеров Египта уроженцев этой провинции было всего 13 %, а если учитывать соседние территории (Кирена, Сирия, Палестина), удельный вес местных уроженцев немного увеличится до 26 %. Т. е. лишь каждый четвертый солдат в это время был местным уроженцем, остальные прибыли на службу из других провинций. Высокий удельный вес в это время дают уроженцы Малой Азии (Галатия, Вифиния, Кипр) – 49 %. После 110 г. н. э. местные уроженцы Египта составили всего 5 %, а с учетом близлежащих территорий (Сирия, Палестина) 18 %. Теперь высокий удельный вес приходился на лиц, прибывших из африканских провинций, – 51 %. Таким образом, число местных уроженцев Египта за два столетия сократилось с 13 до 5 %, а с учетом близлежащих провинций с 26 до 18 % [15, с. 42–43].

В Нижней Мёзии стояли 1-й и 11-й легионы. Мы имеем список принятых солдат 11-го легиона 155 г. н. э., содержащий 75 имен, среди которых 12 человек греки или уроженцы восточных провинций. Остальные (большинство) – местные. В Верхней Мёзии стояли 4-й и 7-й легионы. Для последнего мы имеем два списка ветеранов, принятых на службу в 134/135 г. н. э. Среди них из 36 имен 6 греческие (16,7 %). Другой список относится к солдатам, принятым в 169 г. и вышедшим в отставку в 195 г. н. э. В этом списке из 130 человек 12 происходят из Фракии, трое из Македонии, подавляющее большинство было выходцами из дунайских провинций. В 5-м легионе, расположенном в Дакии, из 125 ветеранов все имена были римскими [11, с. 233–234].

Из 50 солдат, которые поставили памятник императору Септимию Северу в Ламбезском лагере (Северная Африка), где располагался 3-й легион, только трое были родом не из Африки, остальные местные уроженцы [22, с. 59]. Исследование Я. Ле Бозка подобного свидетельства для солдат 3-го легиона показывает приблизительно 25 % новичков, рожденных в лагере в период Антонинов, и почти 40 % – в период Северов [38, р. 491–530].

Из 39 солдат, вышедших в отставку из 2-го легиона в Александрии (194 г. н. э.), 22 прибыли из лагеря (*castra*), 8 из греческих городов в Египте, и только 9 не были рождены в этой провинции. Из 133 солдат, вышедших в отставку в следующем году из 7-го легиона, размещенного в придунайских провинциях, 104 прибыли из Верхней или Нижней Мёзии, и остальные все, кроме одного, прибыли из дунайских областей [24, с. 80].

По данным Дж. Вилкеса [49, р. 99], изучившего сохранившиеся надписи 7-го легиона в Верхней Мёзии (195 г. н. э.), из 142 солдат по крайней мере 102 были завербованы в пределах той же самой области. Подобная надпись из Александрии (194 г. н. э.) свидетельствует,

что среди 41 легионера, чье происхождение зафиксировано, 32 были уроженцами Египта [23, p. 148–151]. Изменение удельного веса местных уроженцев в испанских легионах представлено в таблице 2.

Таблица 2

Удельный вес местных уроженцев в испанских легионах (%)

Уроженцы (регион)	1-я пол. I в. н. э.	2-я пол. I в. н. э.	II в. н. э.	III в. н. э.
Италия	23,0	25,4	2,6	0
Испания	60,6	67,8	84,6	80,6
Галлия	16,4	6,8	2,6	0
Африка	0	0	10,2	12,9
Другие	0	0	0	6,5
Всего	100	100	100	100

[39, с. 224]

В испанских легионах среди солдат количество местных уроженцев продолжало оставаться значительным в течение всего исследуемого периода. Итальянцы и галлы, имевшие заметные позиции в начале принципата, теряют их к концу и уступают место африканцам. Опираясь на данные, собранные К. Крафтом, для вспомогательных войск рейнских и дунайских провинций I–III в. н. э. можно вычислить, что доля местных уроженцев среди первых никогда не опускалась ниже 57 %, а среди вторых – 45 % [37, s. 64–68].

Во II–III вв. значительно возрос удельный вес солдат, называющихся при вербовке на военную службу местом рождения лагеря (*castris*). Это свидетельствовало о консолидации римской армии, укреплении в ней корпоративных связей и наследственного характера военной службы. Ряд исследователей говорит о формировании к концу II в. н. э. на окраинах империи особого военного сообщества, проникнутого одной целью и единой идеологией [13, s. 36].

Бремя империи: Запад или Восток?

Одним из дискуссионных вопросов в истории римской армии является проблема ее этнокультурной динамики в контексте широкой парадигмы «Запад – Восток». Если итальянцы с каждым годом теряли свои позиции, то кто их замещал? Кто подхватил военное знамя? Кто завоевал для Рима Британию и Дакию? Кто вел войны с германцами и парфянами? На чьих плечах лежала ответственность за поддержание порядка и безопасности в империи? Кто были эти новые солдаты, одетые в римскую униформу?

Интересное исследование сравнительно недавно провел Э. Маккормак. В своей работе он проследил процесс провинциализации римских всадников и центурионов от Августа до Галлиена. От-

давая дань уважения своим предшественникам, сделавшим многое для изучения этнического состава римской армии (В. Баер, Э. Бирли, Г. Альфельди, Б. Добсон, Я. Ле Боэк и др.), он справедливо констатировал, что каждое из вышеупомянутых исследований проводилось в пределах определенных территориальных или хронологических рамок и поэтому не позволило увидеть всю картину целиком [13; 16; 18–20; 27–29; 38]. Опираясь на массив опубликованных и неопубликованных источников, Маккормак для удобства разделил все территории империи на три категории: Италия, Запад, Восток и выявил динамику за три столетия. Такой подход представляется интересным и позволяет уйти от мелких территориальных споров и увидеть, куда перемещался центр тяжести по обеспечению безопасности Римской империи в контексте широкой культурной парадигмы «запад – восток». В таблице 3 представлены сведения Э. Маккормака об изменении происхождения офицеров-всадников в эпоху принципата.

Таблица 3

Изменение географического происхождения офицеров-всадников в 14–268 гг. н. э. (%)

Период	Италия	Запад	Восток	Всего
14–54 гг. н. э.	71	18	11	100
54–98 гг. н. э.	47	34	19	100
98–138 гг. н. э.	38	40	22	100
138–192 гг. н. э.	36	41	23	100
193–235 гг. н. э.	25,5	49	25,5	100
235–268 гг. н. э.	19	47,5	33,5	100
Итого, I–III в.	-52	+29,5	+22,5	

[составлено по: 40, с. 63–117]

Из представленных в таблице данных следует, что удельный вес офицеров-всадников Италии за два с половиной столетия существенно снизился (почти в четыре раза), вместе с тем примерно одинаково возрос удельный вес западных (на 29,5 %) и восточных провинций (на 22,5 %). Подобная тенденция характерна и для центурионов римской армии эпохи принципата (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Изменение географического происхождения
центурионов в 27 г. до н. э. – 268 г. н. э. (%)**

Период	Италия	Запад	Восток	Всего
27 г. до н. э. – 41 г. н.э.	68	23	9	100
41–98 гг. н. э.	58	25	17	100
98–192 гг. н. э.	47	45,5	7,5	100
193–268 гг. н. э.	28,5	55	16,5	100
Итого, 1–3 в.	-39,5	+32	+7,5	

[составлено по: 40, с. 63–117]

Здесь, как в ситуации с офицерами-всадниками, замечено более чем двукратное снижение числа уроженцев Италии, значительное увеличение представителей западных провинций (на 32 %) и синусоидальные, колебательные движения для центурионов Востока с ярко выраженными приливами (I и III в. н. э.) и отливами (II в. н. э.).

Сравним данные о среднем командном составе, выявленные Э. Маккормаком, со сведениями о легионерах Дж. Форни (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Изменение географического происхождения
легионеров римской армии (%)**

Регион	27 г. до н. э. – 41 г. н. э.	41–68 гг. н. э.	69–117 гг. н. э.	117–193 гг. н. э.
Италия	61,8	52,5	22,3	1,2
Запад	14,9	37,6	45	84,3
Восток	23,3	9,9	32,7	14,5
Всего	100	100	100	100

[составлено мной по: 32, с. 103; 48, с. 108]

Из-за того, что при классификации авторы использовали различный хронологический принцип группирования объектов, представляется сложным дать более точную характеристику исторической динамике национального состава римской армии за два столетия, но выявить ведущую тенденцию вполне возможно (см. таблицу 6).

Таблица 6

**Изменение удельного веса офицеров-всадников,
центурионов и легионеров римской армии
в эпоху принципата (%)**

Период	Италия			Запад			Восток		
	А	В	С	А	В	С	А	В	С
27 г. до н. э. – 41 г. н. э.	61,8	71 ¹	68	14,9	18 ¹	23	23,3	11 ¹	9
41– 98 гг. н. э.	37,4 ²	47 ²	58	41,3 ²	34 ²	25	21,3 ²	19 ²	17
98– 192 гг. н. э.	1,2 ³	37 ⁴	47	84,3 ³	40,5 ⁴	45,5	14,5 ³	22,5 ⁴	7,5
Итог	- 60,6	-34	-21	+69,4	+22,5	+22,5	-8,8	+11,5	-1,5

[составлено мной по: 40, с. 63–117; 32, с. 103; 48, с. 108]

Примечание: А – легионеры; В – офицеры-всадники; С – центурионы.

¹ Периоды «14–54 гг. н. э.» и «27 г. до н. э.– 41 г. н. э.» условно соотнесены.

² Периоды «41–98 гг. н. э.», «54–98 гг. н. э.» и «41–117 гг. н. э.» условно соотнесены.

³ Периоды «117–193 гг. н. э.» и «98–192 гг. н. э. условно соотнесены».

⁴ Взято среднее значение между периодами «98–138 гг. н. э.» и «138–192 гг. н. э.»

Исходя из таблицы 6, следует, что для Италии в целом характерна отрицательная тенденция. За два столетия регион «растерял» все категории военнослужащих, особенно легионеров. В то же время для западных провинций характерна положительная тенденция: именно эти территории стали основой комплектования рядового, среднего и высшего командного состава римской армии. В связи с этим уместно вспомнить известный фильм «Гладиатор» (США, 2000), действия которого разворачиваются во времена императора Марка Аврелия, а главный герой Максимус (Рассел Кроу) – командовавший легионом в войне с германцами – является испанцем. Причем последнее обстоятельство вовсе не художественная вольность сценаристов фильма, как может показаться несведущим лицам, а объективная реальность, отраженная в фильме. Именно представители западных провинций империи (галлы, испанцы и др.) доминировали в римской армии в указанный период. Наконец, для восточных провинций характерны противоречивые, непоследовательные тенденции. Здесь можно отметить постепенное, устойчивое снижение удельного веса легионеров с одной стороны и увеличение офицеров-всадников с другой. Что касается корпуса центури-

онов, то среди этой категории наблюдалось заметное увеличение лиц восточного происхождения в течение всего I в. н. э., которое во II в. сменилось противоположной тенденцией.

Для выявления динамики удельного веса провинций Запада и Востока в среде преторианской гвардии воспользуемся данными А. Пассерини, собранными для I–III в. н. э. (см. таблицу 7).

Таблица 7

**Происхождение солдат-преторианцев в эпоху
принципата (%)**

Регион	I–II в. н. э.	III в. н. э.
Италийцы	86,3	0
Западные провинции	9,5	60,3
Восточные провинции	4,2	39,7
Всего	100	100

[41, с. 141-189]

И наконец, последний штрих. Проанализируем сведения, содержащиеся в работе Г. Л. Чизмана, о составе вспомогательных войск в I–II в. н. э. в русле той же парадигмы «Запад – Восток».

Таблица 8

**Места происхождения вспомогательных частей
римской армии (%)**

Регион	До 70 г. н. э.	После 70 г. н. э.
	Конница, пехота	Конница, пехота
Западные провинции	77,3	64,6
Восточные провинции	22,7	35,4
Всего	100	100

[составлено мной по: 24, с. 60–62]

Таким образом, общий фон военного напряжения для западных провинций снизился, а для восточных провинций возрос на 12,7 %. Подобным переменам есть объяснение. Если в I в. н. э., особенно с периода Клавдия (41–54 гг. н. э.), перекрипы после 25-летней военной выслуги и выхода на пенсию получали римское гражданство вместе с семьей и детьми, рожденными в течение службы, то после 140 г. н. э. привилегии были изменены. Из списка лиц, получавших гражданство, были изъяты дети перекрипов. Все лица, родившиеся до отставки своих отцов, римскими гражданами не становились, не могли наследовать ни их фамилию, ни их имущество. Это уменьшило привлекательность службы во вспомога-

тельных частях. Кроме того, западные провинции к середине II в. н. э. в значительной степени были романизированы, а их жители получили римское гражданство. Поэтому вступление во вспомогательные войска не обеспечивало им хороших условий для продвижения по карьерной и социальной лестнице. Лучшие условия предоставляли легион и преторианская гвардия. Служба здесь была более престижной и материально выгодной [25, с. 6; 11, с. 351].

Вывод

Социологами давно отмечено, что организация может пережить несколько поколений людей, но изменения, которые будут в ней происходить, не означают потери ею своего лица, своей индивидуальности, даже если все люди, составляющие эту организацию, будут со временем заменены другими. Организация сохраняет свою идентичность и продолжает существовать как одно и то же целое нередко в течение столетий [1, с. 93; 12, с. 126]. Это же можно сказать и о римской армии. За два с половиной столетия произошла значительная трансформация национального облика и группового сознания римских солдат. Легионеры и преторианцы эпохи Августа разительно отличались от своих коллег времен Диоклетиана.

Военная служба, бывшая делом чести и предметом амбиций в Римской республике, становится ненужной и обременительной обязанностью для итальянцев в период империи. Ратное дело, будучи вполне терпимым и материально выгодным в относительно спокойных I и II вв. н. э., к III в. потеряло для жителей Апеннинского полуострова всякую привлекательность. Не желая проливать кровь за проживавших с ними под одной крышей перегринов, сибаритствующие римляне все более сосредоточивались на вершине социальной лестницы, в более безопасных и хорошо оплачиваемых местах гражданской администрации.

Постоянный характер римской армии, внутренние и внешние волнения вынуждали правительство периодически обращаться к провинции и черпать оттуда людские ресурсы. Сначала военная машина империи прибегла к помощи италийцев, затем жителей романизированных провинций, соседствующих с Италией, и, наконец, все далее и далее от центра и все ближе к варварской периферии. Период принципата был временем ухода власти, силы и славы из-под штандартов правящего итальянского меньшинства к знаменам варваров. За 300 лет армия сформировала новую военную элиту: во II в. это были галлы и испанцы, в III в. – африканцы и иллирийцы. Изменилась не только организационная структура, но и организационная культура: на смену товариществу по оружию пришло деловое партнерство. Армия стала прагматичной. Она больше не была частью римского населения и не выражала его интересы.

Как известно, организациями среднего возраста управляют люди третьего-пятого поколения, не имеющие сильной эмоцио-

нальной связи с первоначальной культурой и ее ценностями, а потому более прагматичные в оценке будущих направлений развития [10, с. 238–239]. Именно такими прагматиками на троне стали многие «солдатские императоры» I–III в. н. э. Это был закономерный и неизбежный процесс обновления системы, приспособления ее к новым вызовам внутренней и внешней среды. Все это позволило империи получить передышку, устоять и выйти на новый виток институционального развития.

Библиографический список

1. Блау П. Исследование формальных организаций // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М., 1972. – С. 93–105.
2. Ковалев С. И. История Рима. – СПб. : Полигон, 2002. – 864 с.
3. Колосовская Ю. К. Паннония в I–III веках. – М. : Наука, 1973. – 254 с.
4. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи ранней империи. – М. : Росспэн, 2001. – 400 с.
5. Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. – Нижний Новгород : изд-во ННГУ, 2000. – 235 с.
6. Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб. : изд-во СПбГУ, 2006. – 440 с.
7. Машкин Н. А. История древнего Рима. – М. : Высшая школа, 2006. – 751 с.
8. Сорокин П. А. Социальная мобильность. – М. : Academia, 2005. – 588 с.
9. Уотсон Дж. Римский воин. – М. : Центрполиграф, 2010. – 189 с.
10. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб. : Питер, 2008. – 336 с.
11. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 512 с.
12. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М. : Прогресс, 1969. – 240 с.
13. Alföldy G. Romische Heeresgeschichte: Beitrage 1962–1985. – Amsterdam : Verlag, 1987. – 575 s.
14. Alston R. Roman military pay from Caesar to Diocletian // The Journal of Roman Studies. – Vol. 84 (1994). – P. 113–123.
15. Alston R. Soldier and Society in Roman Egypt: a social history. – London and New York, 1995. – 263 p.
16. Baehr W. De Centurionibus Legionariis Quaestiones Epigraphicae. Doct. Diss, Berlin : Universitate Friderica Guilelma Berolinensi, 1900. – 54 s.
17. Birley A. R. Septimius Severus the African Emperor. London and New York : Routledge, 1971. – 292 p.
18. Birley E. The Equestrian Officers of the Roman Army // Roman Britain and the Roman Army. – Kendal, Westmorland, U. K. : Titus Wilson & Son, 1961. – P. 133–153.
19. Birley E. The Origins of Equestrian Officers: Prosopographical Method // Roman Britain and the Roman Army. – Kendal, Westmorland, U. K. : Titus Wilson & Son, 1961. – P. 154–170.
20. Birley E. The Origins of Legionary Centurions // Roman Britain and the Roman Army. – Kendal, Westmorland, U. K. : Titus Wilson & So), 1961. – P. 104–124.
21. Bleicken J. Verfassungs- und sozialgeschichte. Bd. 1–2. – Verbesserte Auflage Paderborn, 1981. – 352 s.

22. Boissier G. *L' Opposition sous les Césars // Римская империя. Сборник статей.* – М. : Типография И. Д. Сытина, 1900. – С. 54–108.
23. Campbell B. *The Roman Army, 31 BC – A.D. 337: A Sourcebook.* – London and New York : Routledge, 1994. – 272 p.
24. Cheesman G. L. *The Auxilia of the Roman Imperial Army.* – Oxford : Clarendon Press, 1914. – 192 p.
25. Cuff D. B. *The auxilia in Roman Britain and the Two Germanies from Augustus to Caracalla: Family, Religion and Romanization.* PhD Thesis. – University of Toronto, 2010. – 346 p.
26. Dean L. R. *A Study of the cognomina of soldiers in the Roman legions.* – Princeton : Intelligencer Print, 1916. – 321 p.
27. Devijver H. *The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army.* Vol. 1–2. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1989–1992. – Vol. 1. – 474 p. – Vol. 2. – 354 p.
28. Devijver H. *The Geographical Origins of Equestrian Officers // The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army.* Vol. 2. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1992. – P. 109–126.
29. Dobson B. *Die Primipilares.* – Köln : Rheinland-Verlag, 1978. – 386 s.
30. Domaszewski A. *Die Rangordnung des römischen Heeres.* – Bonn : A Marcus und E. Weber's Verlag, 1908. – 275 s.
31. *Encyclopedia of the Roman Empire / revised edition by Matthew Bunson.* – New York : Facts on File, 2002. – 636 p.
32. Forni G. *Il Reclutamento delle Legioni da Augusto a Diocleziano.* – Milan – Rome : Fratelli Bocca, 1953. – 244 p.
33. *Inflation and the fall of the Roman Empire by Joseph R. Peden // Seminar on Money and Government in Houston, Texas, on October 27, 1984.* URL: <http://mises.org/dayly/3663>. - Дата обращения: 20.01.2012.
34. Jarrett M. G. *The African Contribution to the Imperial Equestrian Service // Historia.* – Vol. 12 (1963). – P. 209–226.
35. Jongman W. M. *The Early Roman Empire: consumption // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / eds. W. Sheidel, I. Morris and R. Seller.* – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – P. 592–618.
36. Keppie L. *The Making of the Roman Army from Republic to Empire.* – New Jersey : Routledge, 1984. – 255 p.
37. Kraft K. *Zur Rekrutierung von Alen und Kohorten an Rhein und Donau.* – Bern : A. Francke, 1951. – 200 s.
38. Le Bohec Y. *Le troisieme Legion Auguste.* – Paris : Centre National de la Recherche Scientifique. – 1989. – 632 p.
39. Le Roux P. *L'armee romaine et l'organisation des provinces iberiques d'Auguste a l'invasion de 409.* – Paris : Publications du centre Pierre, 1982. – 493 p.
40. McCormack E. P. *The regionalization of equestrians and centurions in the Roman Imperial Army.* M.A. Thesis. – The University of New Brunswick, 1997. – 133 p.
41. Passerini A. *Le coorti pretorie.* Real Istituto Italiano per la Storia Antica. Studi 1. – Rome, 1939. – 362 p.
42. Platnauer M. *The life and reign of the Emperor Lucius Septimius Severus.* – London : Oxford University Press, 1918. – 221 p.
43. Pollard N. *The Roman army // A Companion to the Roman Empire / ed. D. Potter.* – Malden : Blackwell Publishing, 2006. – P. 206–227.
44. Roth J. P. *The Logistics of the Roman Army at war (264 B.C. – A.D. 235).* – Leiden and Boston : Brill, 1999. – 399 p.
45. Southern P. *The Roman Army. A social and institutional history.* – Santa Barbara : ABC Clio, 2006. – 383 p.
46. Speidel M. A. *Roman army pay scales // The Journal of Roman Studies.* – Vol. 82 (1992). – P. 87–106.

47. War and Society in the Roman World / ed. by J. Rich and G. Shipley. – London and New York, 1993. – 315 p.
48. Webster G. The Roman Imperial Army of the first and second centuries A. D. – Norman : University of Oklahoma Press. – 343 p.
49. Wilkes J. J. The Roman army as a community in the Danube lands // Goldsworthy A. and Haynes I. (eds.) 1999. The Roman Army as a Community. – Portsmouth, Rhode Island, 1999. – P. 95–104.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В БАШКИРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Т. А. Чернова

**Троицкий филиал Челябинского государственного
университета, г. Троицк, Россия**

Summary. Article considers formation of religious views the Bashkir, long process of merge of pagan and Islamic traditions. The close attention is given to a government position. The adopted laws and hristianizatsiya attempts the Bashkir are analyzed.

Key words: religious policy; Islam; hristianizatsiya; Bashkirs

В литературе довольно широко распространено мнение о жесткой религиозной политике, проводимой русским правительством на присоединенных территориях, о последовательной насильственной христианизации иноверных подданных. С этих позиций часто описывают русско-башкирские отношения второй половины XVII в. На наш взгляд, прежде, чем говорить о влиянии русских властей на конфессиональные взгляды своих башкирских подданных, необходимо рассмотреть процесс становления религиозности у жителей Урало-Поволжья и выяснить, насколько зрелым было их религиозное самосознание.

Как известно, древние башкиры были язычниками и поклонялись Небу как верховному божеству. Л. Н. Гумилев назвал данную религиозную систему тенгрианством [4, с. 85–87]. У путешественника Ибн-Фадлана сохранилось довольно подробное описание башкирских верований начала X в. Он утверждает, что общей конфессии у башкирских племен нет и что их идолы весьма разнообразны. «Кое-кто говорит, что у него двенадцать господ (богов): у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый больший из них, но только он объединяется с ними (остальными богами) в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [12, с. 66]. Здесь мы видим косвенное подтверждение того, что у древних башкир существовал культ Тенгри – Неба. Наряду с названными «бога-

ми», разные группы поклонялись всевозможным идолам: «(одна) группа поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбе, (третья) группа поклоняется журавлям» [12, с. 67].

В то же время в Башкирию из Булгарии начинает проникать ислам. Ибн-Фадлан отмечает, что проводником им был башкир-мусульманин: «был с нами один из них, который уже принял ислам, и который служил у нас» [12, с. 66]. Однако, по всей видимости, мусульманство не было широко распространено.

В 1235–1237 гг. венгерский монах-доминиканец Юлиан совершил путешествие в «Великую Венгрию», легендарную прародину венгров, располагавшуюся, как признано большинством исследователей, на территории современного Башкортостана. Вернувшись из этого путешествия, Юлиан весной 1237 г. побывал в Риме, где его доклад папе Григорию IX был записан братом Рихардом. Юлиан в 1236 г. нашел своих соплеменников «близ большой реки Этиль», отождествляемой с рекой Белой [2, с. 73, 81, прим. 1]. Оказалось, что «язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их» [2, с. 81].

Юлиан об уральских «венграх» сообщает: «Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери» [2, с. 81].

Эта характеристика гораздо примитивнее по сравнению с той, которую Ибн Фадлан дал башкирам. Однако «язычниками» Юлиан называет вообще всех некатоликов, например волжских булгар [2, с. 80].

Работа другого европейского автора, Гильома Рубрука, также дает сведения о религиозных обычаях башкир. Гильом де Рубрук (1215–1295) – францисканский миссионер, отправленный Людовиком IX к монгольскому великому хану. Путь Рубрука в Монголию (1253–1255) и обратно пролегал степными маршрутами. Страну Паскатири, отождествляемую им с Великой Венгрией, Рубрук помещает к северу от маршрута своего путешествия [5, с. 76]. Интересен следующий отрывок из Рубрука: «То, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Сарацинами, и многие из них стали Сарацинами» [5, с. 101]. В земле Паскатири, отождествляемой Рубруком с Великой Венгрией, до прибытия татар побывал лишь один Юлиан (о других проповедниках нам ничего неизвестно). «То время», о котором говорит Рубрук, связывается с татарским нашествием, однако жители страны Паскатири были покорены не татарами, а булгарами, что объяснить довольно трудно. Скорее всего, имеется в виду домонгольский период [3, с. 41].

Очень важным источником по истории Башкортостана является «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу

ордена, брату Михаилу из Чезены», написанное в 1320 г. Католический миссионер Иоганка прожил в Башкирии «6 лет непрерывно» [2, с. 92.], о чем он и рассказывает в своем письме: «Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: «Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому» [2, с. 92–93].

Принятие ислама в качестве официальной религии в Башкирии, таким образом, произошло незадолго до приезда Иоганки, при жизни тогдашнего поколения, так как если бы миссионеры пришли сначала, государь Баскардии и члены его семьи могли бы принять их веру («во всяком случае приняли бы» – это утверждение лежит на совести Иоганки) [3, с. 42]. Иоганка прибыл в Башкирию не позже 1314 г. Поэтому можно считать, что принятие ислама в качестве официальной религии произошло там где-то на рубеже XIII–XIV вв. Такое событие могло послужить одним из факторов победы ислама в Золотой Орде в целом. Но вряд ли оно было прямым следствием переворота Узбека в 1312 г. и последовавшего насаждения ислама среди не только самих татар, но и подвластных им народов. Трудно представить, что за такой короткий промежуток времени государь Баскардии и его семья могли совершенно «заразиться сарацинским заблуждением». Однако об исповедании рядового населения Башкирии Иоганка ничего не сообщает. Вряд ли оно тоже было мусульманским.

Это подтверждается испано-арабскими источниками. Ибн Саид ал-Магриби в произведении «Книга распространения Земли в длину и ширину» (70–80-е гг. XIII в.) пишет: «Басджирты безбожники; они убивают всякого, кто приходит к ним» [8, с. 34]. Эти сведения дословно повторяет сирийский историк и географ Абу-л-Фида в работе «Упорядочение стран» (первая треть XIV в.) [8, с. 118].

Арабский автор первой половины XIV в. ал-Омари пишет: «В земле Башкырдов (находится) мусульманский кади, пользующийся почетом» [3, с. 43]. Это свидетельствует о слабости распространения ислама в Башкирии, так как там был только один мусульманский кади, хотя и пользующийся почетом.

Польский ученый Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) упоминает Башкирию в числе областей, которые «коснеют в язычестве и идолопоклонстве, поклоняются солнцу, луне, звездам, лесным зверям и чему попадет» [10, с. 117]. Такая характеристика башкир в глазах Матвея Меховского была связана с представлением об их отсталом образе жизни и вряд ли соответствовала действительности, так как уже к XVI в. ислам, безусловно, глубоко проник в башкирскую среду [16, с. 315]. Похоже, для этого

польского автора, как и для его предшественников, «язычниками» были все не католики.

Из данных Ибн Фадлана следует, что ислам начал распространяться среди башкир уже в X в. Но тогда количество мусульман исчислялось единицами. После монгольского нашествия мусульман в Башкирии, как пишет Рубрук, стало много, а на рубеже XIII–XIV вв., как можно понять из письма Иоганки, ислам был принят в Башкирии в качестве официальной религии. Разумеется, это не означало полной исламизации населения всей страны.

В первой половине XIII в. территория современного Башкортостана вошла в состав Монгольского государства. При хане Узбеке (1312–1342 гг.) ислам стал официальной религией Золотоордынского ханства, что способствовало и более интенсивной исламизации башкир, которые под влиянием господствующей татарской феодальной верхушки принимали ислам. К башкирам с миссионерской целью были посланы мусульманские проповедники, получившие духовное образование в Булгарах. В долинах рек западной Башкирии – Белой, Уршака, Демы, Ика – расположены могилы более чем 20 мусульманских миссионеров [9, с. 59]. Необходимость в миссионерах лишний раз подтверждает, что рядовые башкиры еще сопротивлялись воздействию ислама на их духовную и культурную жизнь. В духовной сфере это выражалось в приверженности языческим верованиям тюркской тенгрианской традиции, сохранности и широкой популярности доисламских по своему происхождению башкирских национальных сказаний о батыре Урале [7, с. 192–195], напоминающих русские героические былины, в которых, среди прочего, воспевалась борьба с захватчиками-мусульманами. Не только сопротивление Казани, но и кочевнический образ жизни препятствовал укоренению ислама в Башкирии [15, с. 205–207]. Но, несмотря на то, что новая религия не укоренилась в сознании людей и выражалась в поверхностном исполнении обрядов, сохранение ислама в неприкосновенности было одним из главных условий принятия российского подданства со стороны башкирских племен. Объяснить этот феномен можно лишь тем, что за два века башкиры адаптировали ислам под свой образ жизни и смогли сочетать его традиции и обряды с языческими. Добровольно вступая в состав Российского государства, башкиры добились для себя значительных послаблений и привилегий. Одной из таких привилегий стала неприкосновенность религиозной жизни башкир.

После присоединения к России башкирские племена претерпевают существенные изменения. Прежде всего, речь идет о внутренней консолидации до этого разрозненных башкирских племен в рамках единого государства. Позиции ислама среди башкир еще больше окрепли в результате все более активной колонизации края русскими переселенцами и привнесения на Южный Урал христиан-

ства. Ислам становится дополнительным фактором формирования этнического самосознания, этнокультурной консолидации башкир.

Несмотря на заключенные соглашения, ситуация в стране постепенно видоизменяется, стремление к централизации приводит к тому, что правительство начинает постепенно наступать на привилегии и свободы подданных. Эта тенденция не могла пройти мимо Башкирии. Наряду с изменениями государственной политики в отношении земель и налогов, серьезное беспокойство башкир вызывало негативное отношение правительства к мусульманской религии. Во второй половине XVI – начале XVII в. оно придерживалось своих обещаний не преследовать религию и обычаи башкир. Во всяком случае, нет прямых свидетельств о насильственной христианизации населения края.

С середины XVII в. власть предпринимает ряд шагов по распространению христианства среди местного населения. Целый ряд законов ограничивал землевладельческие права иноверцев, как бы подталкивая их к смене вероисповедания, чтобы сохранить свои привилегии.

С другой стороны, в главе XVI «О поместных землях» Соборного Уложения была зафиксирована попытка защитить земельную собственность как иноверцев, так и русских: 14-я статья – выморочные земли «иноземцев», оставшиеся после отдачи определенной части на «прожиток» жене и детям, было велено отдавать беспоместным и малопоместным «иноземцам» того же рода. Чтобы уравновесить ситуацию, повелевалось «русских людей поместей иноземцом не давать». Таким образом, Соборное Уложение закрепило известную норму, по которой поместья «иноземцев» обращались только в кругу «иноземцев», а владения русских помещиков – в кругу русских. 43-я статья запрещала всем разрядам русских служилых людей отчуждать любыми способами (покупка, мена, аренда) поместные земли «князей и мурз» [13, с. 356].

Но вскоре после принятия Соборного уложения в текущем законодательстве наметились признаки отступления от принципа, согласно которому земли нерусских помещиков обращались только внутри данной этносоциальной группы. Первым шагом в данном направлении стал указ Алексея Михайловича от 1651 г., разрешивший некрещеным вдовам и девушкам-иноземкам сдавать свои прожиточные поместья новокрещеным родственникам (сыновьям, братьям, племянникам, зятям), а также в «русские роды» за то, чтобы «тем людям с тех их поместей государевы службы служить, и их вдов и девок кормить, и замуж выдавать с приданым...» [11, с. 49]. Таким образом, вполне объяснимое желание правительства связать земельные пожалования со службой конкретных людей, а заодно обеспечить семьи, потерявшие кормильца, фактически сузило сферу действия 14-й, 41-й и 43-й статей главы XVI «О поместных землях»

Соборного уложения, открыв лазейку для перехода земель нерусских феодалов в руки русских помещиков.

В 1653 г. этот процесс получил развитие в указе, установившем «иноземцам, всяких чинов людям, вотчины свои продавать русским людям, а иноземцам некрещеным не продавать» [11, с. 49.]. В случае продажи нерусскими феодалами земли она в любом случае попадала в руки русских или новокрещенов. Постепенно поместная форма землевладения должна была полностью вытеснить вотчинную, а иноверцы, соответственно, обрекались на службу. Хотя процесс слияния поместий и вотчин, набравший все больший размах в российском обществе, для русской его части также носил принудительный характер и проводился в жизнь ускоренными темпами.

В конце царствования Алексея Михайловича появляется указ от 19 июля 1675 г., запретивший новокрещенам продавать, менять или сдавать свои поместья и вотчины [11, с. 51]. Мера не совсем понятная, поскольку запрет носил всеобщий характер и отменял все операции с землей не только с некрещеными, но и с русскими людьми, что никак не стыковалось с законодательной практикой предшествующих лет. До этого новокрещены могли совершать все виды операций с землей между собой и с русскими людьми. Подобное запрещение, видимо, диктовалось какими-то текущими соображениями и не могло рассчитывать на долгую жизнь, хотя было подтверждено в «Новоуказных статьях о поместьях», вышедших в марте 1676 г. после воцарения Федора Алексеевича, а также в их новой редакции от 10 августа 1677 г. [11, с. 51] Уже вскоре, 20 февраля 1678 г., состоялся «боярский приговор», признавший указы 1675–1677 гг. «противными» положениям статей 3 и 18 главы XVII «О вотчинах» Соборного уложения и разрешивший различные виды операций с землей между новокрещенами и русскими людьми [11, с. 51].

Временем царствования Алексея Михайловича датируется и указ «Об оставлении вотчин и поместий, отобранных у татар и других иноверцев, за теми, кому они отданы, и о приискании новокрещенам из выморочных вотчин» [11, с. 52], вышедший не позднее января 1676 г. Из содержания документа неясно, за какие провинности у иноверцев были отобраны их земельные владения. Вполне возможно, что это стало следствием нарушения служебного долга, наиболее массовым проявлением которого был побег со службы. В зависимости от вины он наказывался дифференцированно, вплоть до полной конфискации поместий.

Не исключено также, что при Алексее Михайловиче была осуществлена попытка отчуждения земельных владений у нерусских феодалов. На эту мысль наводит то обстоятельство, что уже в скором времени подобные меры предпримут его преемники, а также отдельные формулировки указа 1676 г., в частности следующая фраза: «которые татарские и иных иноземцев поместья и вотчины розданы

в роздачу русским людям и новокрещенам за крещение в православную веру, и тем быть за теми по даче; а прежним помещикам басурманам не давать» [11, с. 52]. По-видимому, таким образом правительство пыталось поощрить переход в православие иноверческих феодалов, поскольку другим путем юридически они уже не могли претендовать на получение новых земель.

Допускались и исключения – примером одного из них является указ от 29 сентября 1678 г., когда служилым мурзам и татарам, наряду с русскими людьми, прибавили поместные и денежные оклады за их участие в боевых действиях под г. Чигирином против турок. Награждались лица, получившие ранения. За тяжелые раны полагалось 100 четвертей земли и 5 рублей денег к окладу, а также выдавалось 4 рубля на лечение; за легкие раны, соответственно, 50 четвертей земли, 3 рубля к окладу и 3 рубля на лечение [11, с. 52].

В 1680 г. вновь был поднят вопрос о вотчинах иноземцев, принявших православие. Коллизия здесь вновь возникла из-за того, что порядок наследования вотчин, установленный Уложением 1649 г. и признававший приоритет наследования за ближайшими родственниками, противоречил указам последних лет царствования Алексея Михайловича, по сути, запрещавшим некрещеным иноземцам владеть и свободно распоряжаться вотчинами, доставшимися в наследство от крестившихся родственников. Результатом рассмотрения дела стало установление следующего принципа – в вопросах наследования крещеные родственники обладали правом первенства перед некрещеными, даже более близкими по степени родства. Если до этого указа такая норма и существовала, то выполнялась от случая к случаю. Теперь же она была взята за общее правило разрешения подобных дел.

В 1680 и 1681 гг. правительство обращалось к мусульманам страны с призывом перейти в православие. Указ от 16 мая 1681 г. некоторыми историками трактуется как провозглашение принципа насильственной христианизации. Но надо обратить внимание, что это были лишь ответные шаги правительства на притеснения православных крестьян со стороны феодалов-мусульман: «...мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят много налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере и чинят осквернение...» [6, с. 65–67]. В наказание они теряли свои земли. В свою очередь, те из них, кто переходил в христианство, получали жалованье и льготы [1, с. 60]. Так что говорить о насильственной христианизации, ознаменованной изданием данного указа, будет неверно. Государство лишь защищало своих православных подданных.

Противодействие иноверцев указу от 16 мая 1681 г. стало не последней причиной, вынудившей правительство пойти через год на его отмену. Уже после воцарения Петра и Ивана Алексеевичей в мае 1682 г. было велено вернуть мурзам и татарам половину ото-

бранных поместий и вотчин [11, с. 54]. Через некоторое время, 13 июля того же года, «великие государи пожаловали мурз и татар поместьями и вотчинами другою половиною по прежнему» [11, с. 54]. Здесь же выразалось пожелание, чтобы они, «видя их великих государей милость, им великим государям служили, а ко крестьянам никаких налог, и православной христианской вере тесноты не чинили» [11, с. 54].

Государство по-прежнему нуждалось в услугах служилых людей других национальностей. На фоне активизации российской внешней политики, обратившей свое внимание на Черное море, нельзя было пренебрегать такой значительной воинской силой. Поэтому, начав с возврата отобранных поместий и вотчин, правительство Софьи Алексеевны стало проводить линию возрождения прежних правовых традиций.

Мы видим, что недовольство башкир религиозной политикой Москвы, накладываясь на сложные налоговые и поземельные вопросы, и приводило к серьезным последствиям. Попытка властей активизировать христианизацию мусульман в Башкирии послужила поводом к восстанию 1681–1684 гг. [1, с. 60]. Правительству пришлось отказаться на время от этой идеи. В начале XVIII в. власти вновь вернулись к этой политике. Но это также было вызвано, скорее всего, экономическими потребностями казны в условиях активной внешнеполитической деятельности Петра I. Начавшееся в 1704 г. восстание вынудило власти и на этот раз отказаться от своих планов [1, с. 61]. Новое наступление на ислам происходит в 30-е годы XVIII в. Опираясь на светские власти и вооруженные команды, «Новокрещенская контора» приступила к христианизации мусульман и язычников Среднего Поволжья. Начавшееся в 1735 г. восстание в Башкирии помешало христианизации местного населения. Однако правительству удается ограничить права мусульман: ведется жесткий контроль за мусульманским духовенством, запрещено без специального разрешения строить новые мечети и школы.

Реальные итоги христианизации мусульман Башкирии были более скромными, чем в соседнем Среднем Поволжье. Это объясняется относительной слабостью позиции в крае царской администрации, отсутствием планомерной массовой христианизации местного населения и частыми восстаниями [1, с. 62–63].

Как ни парадоксально, падение Казанского ханства вместе с присоединением к России положило начало более серьезной исламизации башкир, чем та, что имела место раньше. На протяжении долгих веков ислам проникал в Башкирию, встраивался в сложившуюся морально-ценностную систему, но вплоть до XVI в. исламизации подвергалась лишь внешняя, обрядовая сторона. После вступления башкирских союзов племен в российское подданство

начинается объединение башкир в единый этнос, в том числе по религиозному принципу.

Насильственная христианизация татар, уничтожение их сел, конфискация имущества с XVI века вызывали их постоянный отток в Башкирию. Вместе с населением уходили и мусульманские ученые и религиозные деятели. Именно гонимые русской администрацией исламские деятели, вызывающие симпатию среди местного населения, спровоцировали новую волну распространения ислама среди башкир. На тот момент он осознавался не только как религиозное учение, но и как фактор этнического самосознания башкирского народа, как идеология, вокруг которой можно сплотиться против нарушения договоренности со стороны государства и массовой колонизации русских крестьян из Центральной России.

Но о проникновении веры глубоко в людские сердца в то время говорить пока не приходится. Башкиры «закон мусульманский» соблюдали плохо и богослужение посещали редко [14, с. 111].

Таким образом, нельзя говорить о жестокой политике правительства, направленной против мусульманских подданных. Несмотря на то, что делались попытки подтолкнуть башкир к принятию православия, ни один закон не призывал к насильственной христианизации. Тем более что законы нередко противоречили друг другу и были созданы под влиянием конкретной ситуации. Следовательно, неправомерно говорить о планомерной и последовательной политике правительства по принуждению башкир сменить вероисповедание. К сожалению, такие непродуманные действия, накладываясь на усиление налогового гнета, не могли не спровоцировать конфликтов, которые вылились в кровопролитные башкирские восстания.

Библиографический список

1. Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 257 с.
2. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – М.; Л., 1940. – Т. III. – С. 71–112.
3. Антонов И. В. Башкиры в эпоху Средневековья / Лаборатория археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы. – Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2012. – 308 с.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / отв. ред. Е. М. Гончарова. – М. : Айрис-Пресс, 2012. – 560 с.
5. Джиованни дель Плано Карпини. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1911. – 224 с.
6. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях / сост. Ф. Х. Гумеров. – Уфа : КИТАП, 1999. – 216 с.
7. Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1970. – 258 с.

8. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. – М. : Наука, 2009. – 224 с.
9. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа.. – М. : Наука, 1978. – 276 с.
10. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер., комм. С. А. Аннинского. – М. – Л. : АН СССР, 1936. – 301 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб., 1826–1830. Т. IX–XXV // Ногманов А. Татары и самодержавие. – Казань : Тат. книжн. изд-во, 2005. – С. 48–56.
12. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии / отв. ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939. – 193 с.
13. Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л. : Изд-во АН СССР, 1987. – 444 с.
14. Старостин А. Ислам в Башкирии. – Уфа : КИТАП, 1996. – 164 с.
15. Щипков А. Во что верит Россия. Лекция пятая. Ислам и язычество. Башкирия. – М. : Наука, 2003. – 273 с.
16. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа : Китап, 1999. – 356 с.

ФИННО-УГОРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Г. Б. Сайфутдинова, Т. С. Биканова

**Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. The Finno-Ugric group - the third largest among all the peoples of Russia. Of the 25 million Finno-Ugric peoples of the planet for more than 3 million now lives in Russia. We are represented by 16 nations, five of which have their own nation-state, and two – the national-territorial formations.

Key words: Finno-Ugric peoples; Udmurt; Mari; Mordovians.

Значительная часть финно-угров живет в титульных субъектах Федерации, в Поволжье это – республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртия. Диаспоры их имеются в республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашии. Характерной особенностью финно-угров является открытость к этнокультурному взаимодействию. Поиск путей укрепления связей с родственными народами не разрывает традиционные культурные контакты с другими народами. Финно-угры сберегли и сохранили свои языки, основные элементы культуры. Связь с этнической традицией в сфере культуры в основном выражается у них в национальных песнях, музыке, танцах, в национальных блюдах, одежде, а также в сохранении некоторых старинных обрядовых действий, например свадебных, похоронных, поминальных и т. д. В субъектах Федерации, в которых представлены финно-угорские народы, федеральные органы власти уделяют немало внимания развитию культур, языков этих народов. Разработаны и приняты законы о культуре, в ряде республик Поволжья – о языках (республики Марий Эл). Подготовлены и действуют региональные программы

национально-культурного развития народов, в которых значительное место занимают конкретные мероприятия по вопросам национальной культуры, образования, языков. В республиках Мордовия, Удмуртия, Марий Эл финно-угры располагают собственными концепциями и программами национального развития. В Республике Марий Эл создан Фонд развития культур финно-угорских народов.

СКЛАДЫВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВЕЩАНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ «БАШКОРТОСТАН»

Э. В. Мухаметзянова

**Стерлитамакская государственная педагогическая
академия им. Зайнаб Бишевой, г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия**

Summary. The Republic of Bashkortostan is multinational region of Russian Federation. The important role in the process of consolidation multiethnic region is played the television and radio company «Bashkortostan». The principle of multicultural tolerance was put in a basis of the concept of its broadcasting. Since the 1990-s in the network television broadcast transmissions had increased quality not only in Bashkir but Tatar languages and also volumes of broadcast in the other languages of the people of Bashkortostan.

Key words: television; Bashkortostan; multiethnic.

Телевидение Башкирской АССР возникло во второй половине 1950-х годов, когда в Советском Союзе начинает формироваться система центрального, республиканского и местного вещания. Башкирская телестудия стала структурной единицей союзного телевидения, основным предназначением которой было знакомство телеаудитории с местным материалом и создание передач для общесоюзного вещания.

Статус автономной республики в составе РСФСР на долгие годы определил характер и объем телевидения Башкирской студии. Практически весь советский период функционирования республиканского телевидения на него отводился крайне низкий объем (до 4 часов в сутки) телевизионного времени на экране. Развитие телевидения полностью находилось под контролем партии, указания которой определяли не только содержание и главное направление телевизионных передач в центре и на местах, но также формировали концепцию и характер программирования, являясь основой текущих и перспективных планов вещания [1, с. 34].

Большинство передач Башкирской студии телевидения с самого начала работы выходило на русском языке. Однако с 1966 г. в

рамках реализации постановления бюро Башкирского обкома КПСС «Об упорядочении передач Башкирской студии телевидения на русском и башкирском языках» устанавливалось соотношение 40 % и 60 % соответственно [4, с. 54].

С первых же дней вещания Башкирская телестудия стала стремиться к созданию собственных оригинальных передач, исходным материалом для которых стала богатая культура народов, проживающих на территории республики. За годы работы Башкирского телевидения на экранах были показаны лучшие спектакли театров Урала и Поволжья, проходили телевизионные фестивали. Так, в честь 50-летия образования БАСССР Башкирская телестудия в 1969 г. провела телевизионный фестиваль дружбы народов, в котором приняли участие 10 студий страны. В свою очередь, программы Башкирской студии телевидения были показаны телезрителям Дагестана, Чечено-Ингушетии, Магнитогорска, Челябинска.

В основу концепции вещания республиканского телевидения второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов был положен ряд принципов: сохранение, воспроизводство и пропаганда национальной самобытной культуры народов региона; формирование у населения морально-эстетических ценностей, мировоззрения; приобщение народа к лучшим достижениям советской и мировой культуры; создание новых культурных ценностей. Начиная с 1960-х годов, происходило постепенное увеличение показа передач художественно-эстетической направленности, которые в наибольшей степени способствовали реализации принципа межкультурного диалога в республике. С 1970-х годов планка объема художественного вещания не опускалась ниже 40 % в общем объеме телевещания.

Новая историческая ситуация, возникшая в результате распада СССР, привела к распаду единого телевизионного пространства страны. Следствием этого стало устранение жесткой зависимости местных и региональных телестудий от центра. Фактически же полномочия по управлению телестудиями в стране перешли в руки местных органов власти, которые сформировали собственную стратегию по развитию республиканского телевидения. Под влиянием вышеуказанных процессов произошли серьезные изменения в организационной структуре телестудий, в тематике и содержании республиканских телепрограмм, увеличился хронометраж передач на национальных языках. Процесс укрепления и развития республиканского телевещания объясняется тем, что телестудии ориентированы на максимальное удовлетворение духовных запросов местной аудитории в соответствии с ее этническим составом, политическими, экономическими, культурными особенностями региона.

Однако развитие национального телевидения в республике имело свои особенности, это было связано с тем, что коренная нация Башкортостана занимала лишь третье место по численности

населения, существенно уступая по численности русскому и татарскому населению. Основная часть русскоязычного населения республики требовала ухода Башкирского телевидения с первого и второго каналов в связи с тем, что оно своими вставками перекрывало программы Центрального телевидения.

В связи с этим возникла насущная необходимость Башкирского телевидения в собственном телеканале и ухода с российских каналов. Руководство Республики Башкортостан приняло решение о создании собственного спутникового телеканала, который начал свою работу в 2002 г.

Задачами студии телевидения «Башкортостан» на новом этапе являлись: во-первых, удовлетворение информационных, духовных и интеллектуальных потребностей населения Республики Башкортостан; во-вторых, содействие развитию государственности РБ, обеспечение общественно-политической стабильности и международного согласия в республике; в-третьих, повышение культурного уровня жителей республики [3, с. 74].

Составной частью модернизации республиканского телевидения, особенно проявившейся в 1990-е годы, стало то, что в «общем объеме передач, финансируемых за счет средств республиканского бюджета, было предусмотрено увеличение количества... передач, посвященных... возрождению национальных традиций и обычаев народов Башкортостана, развитию образования, культуры и искусства» [2, с. 167].

Студия телевидения «Башкортостан» в настоящее время ведет вещание на русском, башкирском, татарском, а также на языках других народов, проживающих в Башкирии (татар, чувашей, марийцев и др.). Особое внимание ГТРК «Башкортостан» уделяет созданию программ, направленных на сохранение духовного наследия и развитие национальных культур всех народов, населяющих Башкортостан. Об этом свидетельствует создание Творческое объединение межнациональных программ, которое готовит передачи на родных языках народов, проживавших в Республике Башкортостан.

Таким образом, новая общественно-политическая обстановка 1990-х годов и полиэтнический характер населения Башкортостана способствовали складыванию концепции вещания, в основу которой положен принцип поликультурного диалога и международного согласия.

Библиографический список

1. Егоров В. В. Телевидение и зритель. – М., 1977.
2. Текущий архив ГТРК «Башкортостан». Исходящая корреспонденция за 1998 г. Т. 1. Д. 01-04.

3. Текущий архив ГТРК «Башкортостан». Переписка с вышестоящими организациями РФ и РБ по основной деятельности (исходящая документация). Д. № 04-564.
4. ЦГАОО РБ. Ф.и9860. Оп. 1. Д. 15.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МИГРАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА В РОССИИ

Т. М. Бормотова

**Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России, г. Москва, Россия**

Summary. Aggravations of interethnic and interfaith differences are used in politics, the struggle for power. The growth of denominational diversity can have a negative impact on society and the consolidation of political stability in Russia.

Key words: international and interfaith relations; the integration of migrants.

Социально-экономическое, политическое развитие современного мирового социума обусловлено нарастающей интенсивностью, разноплановостью и многомерностью. Современная ситуация в стране и в мире характеризуется сложным переплетением множества процессов. Однако существуют сложившиеся ситуации, которые не вызывают сомнений в решающей роли их воздействия на сегодняшнее состояние человечества или социумы стран и регионов. Одна из ситуаций – современные миграционные процессы. Они стали одной из главных причин многих важнейших социальных, экономических, политических и других событий.

Миграция населения меняет этнокультурный облик регионов и создает напряженность в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

Экономическая составляющая в миграции является одним из важнейших факторов. Приезд мигрантов экономически выгоден промышленным регионам России. Необходимо отметить, что надобность привлечения трудовых мигрантов, например, в промышленные регионы России обусловлена действием трех основных факторов:

– кризисные явления в демографических процессах, что находит выражение в неуклонном сокращении численности населения регионов и его отрицательном естественном приросте начиная с 1991 г.;

– усиление дефицита рабочих кадров, в первую очередь для высококвалифицированных и малоквалифицированных (и низкооплачиваемых) вакансий;

– уменьшение объемов внутренней (межрегиональной) миграции и интенсивная миграция из сельских поселений в города.

В постсоветском пространстве в бывших среднеазиатских республиках СССР сформировалась группа выталкивающих факторов, влияющая на интенсивную миграцию населения. К экономическим и демографическим выталкивающим факторам относятся бедность, безработица, низкий уровень зарплат, высокая рождаемость, слабость базового здравоохранения и образования. В политические выталкивающие факторы включаются наличие конфликтов, отсутствие безопасности, насилие, плохое управление, коррупция, нарушения прав человека; а к социальным и культурным выталкивающим факторам относится дискриминация по этническому, половому, религиозному и другим признакам.

Наличие в развитых промышленных регионах России потребности в рабочей силе и неблагоприятные экономические условия в странах Центральной Азии, Закавказья и российских регионах Северного Кавказа обуславливают значительные миграционные потоки с юга на север.

Это объясняет лавинообразный миграционный прирост в России в целом в 2000-е годы, хотя формирование миграционных общин выходцев из южных республик началось на территории России еще в советское время. Но даже к концу 1980-х гг. их число было незначительным.

Для мигрантов советской поры религиозная составляющая не играла заметной роли, т. к., во-первых, власти страны проводили активную работу по атеистическому воспитанию населения, а во-вторых, промышленные регионы России, населенные преимущественно русскими, не располагали к активной демонстрации исламских традиций, принятых на родине мигрантов. Поэтому для переселенцев первой волны переезд в иноязычные и инокультурные регионы с прочными секулярными взглядами населения стал побудительным мотивом либо для полного отказа от религии, либо для сохранения лишь ее обрядовой части, которая проявлялась только в домашних условиях.

Распад СССР, экономическая и политическая нестабильность в республиках Центральной Азии и Кавказа способствовали увеличению потока мигрантов в 1990-е гг. [1, с. 32]. А с 2000 г. резко увеличивается приток трудовых мигрантов. В то же время сегодня происходит относительная стабилизация потока мигрантов и даже некоторое его снижение по отношению к началу 2000-х гг., что стало последствием экономического кризиса 2008–2009 гг.

Центром духовной жизни мусульманской общины и местом притяжения верующего мусульманина, как известно, является мечеть. Приезжающие в Россию для заработка трудовые мигранты, будучи верующими людьми, стремятся регулярно посещать мечеть

не только для того, чтобы молиться, но и найти решение проблем, связанных с трудоустройством, легализацией своего статуса и разрешением конфликтов с правоохранительными органами.

Этнический состав приходов мечетей татаро-башкирского населения центральной части России постепенно на протяжении 1990–2000-х гг. начал меняться за счет выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана, а также Чечни, Дагестана и Азербайджана. Мусульмане из Центральной Азии и регионов Кавказа приносили свои, не свойственные ранее в местных мечетях, элементы религиозных практик.

Довольно часто проявлялись факторы конфликтогенности мигрантов и коренного мусульманского населения в промышленных регионах России, что осложняло их общение и интеграцию.

Разобщенное мусульманское сообщество, которое не может решить и свои проблемы, столкнулось с новой, глобальной проблемой в виде миграции, решить которую не может даже государство. В связи с деструктивным влиянием мигрантов на ряд мусульманских общин, а также тем, что коренное население уже судит об исламе по мигрантам, складывается стереотип, что это религия «приезжих» со всеми проблемами неграмотности, неустроенности, нищеты, криминала и пр.

Тем не менее формирование мусульманских анклавов в крупных городах исламоведы считают довольно опасным и нежелательным [2], хотя процессы формирования районов компактного проживания мигрантов уже идут в Москве [3] и ряде крупных городов России, в том числе на Среднем Урале. Во всяком случае «бунта предместий», который имел место в странах Европы, России вряд ли пока нужно опасаться.

Библиографический список

1. См.: Аналитический мониторинг по проблемам азербайджанской диаспоры в Пермской области / под. ред. А. А. Борисова. – Пермь, 2002.
2. Общественный мониторинг и анализ процессов трудовой миграции из Республики Таджикистан в Свердловскую область. НП Межнациональный информационный центр. Екатеринбург, 2009 [Электрон. ресурс]. URL: <http://research-migration.narod.ru/>
3. Старостин А. Разница методологических подходов – тема постоянного диалога российских и британских исламоведов [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusopinions/3133/>

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДИАСПОРА КАЗАХСТАНА

С. А. Наушабеков

Казахский аграрно-технический университет
им. С. Сайфуллина, г. Астана, Казахстан

Summary. In article are considered history of resettlement of Azerbaijanians in Kazakhstan. Stages of violent deportation and their moving in Kazakhstan. Problems of preservation of language, culture, traditions in modern independent Kazakhstan are considered. The author has emphasized position of Azerbaijanians in modern Kazakhstan and their integration into the Kazakhstan society.

Key words: diaspora; culture; cultural-national center; history; language; deportation.

Тюркские племена, господствовавшие в 1-м тысячелетии нашей эры в обширнейших срединных пространствах Евразии, являются родоначальниками многих народов. После разделения единого и огромного тюркского народа на его базе образовались многочисленные нации и народности. Древние вершины Кавказа, уникальные системы горных озер ледникового происхождения, плодородные низменности, неповторимый ландшафт Каспийского моря – прекрасен облик земли, взрастившей азербайджанский народ, который принадлежит огузской ветви тюркских народов.

В Казахстане азербайджанцы поселились не по собственной воле, а в результате насильственного переселения из родных мест в недостаточно обжитые регионы. Первое массовое появление современных азербайджанцев на казахской земле относится к первой половине 20 века, когда в результате военной интервенции со стороны Советской России происходит падение Азербайджанской Демократической Республики и в Азербайджане устанавливается Советская власть. Узники Независимой Республики Азербайджан в это время выселяются на восток страны, в том числе и в Казахстан.

Вторая волна переселенцев началась во время сталинских репрессий 1933–1937 годов, во время которых в Среднюю Азию, в основном в Казахстан, было выслано свыше 150 тысяч азербайджанцев [1]. Их высаживали на маленьких степных станциях и в лагерях. В том, что они выжили в этих тяжелых условиях, огромная заслуга казахского населения, которое, само нуждаясь во всем, оказывало помощь прибывшим репрессированным.

Следующий этап связан с массовым насильственным переселением из Грузинской ССР в 1944 году, в результате которого были выселены жители целых регионов различных национальностей, в том числе и азербайджанцы в Казахстан. Места их расселения в основном располагались почти по всей Транссибирской магистрали Казахстана, но наиболее компактно азербайджанцы селились на территории Южного Казахстана. По некоторым данным, количество

депортированных азербайджанцев превысило 1 миллион человек, и в основном они разместились в Южно-Казахстанской, Алматинской и Джамбулской областях. При получении свободы перемещения азербайджанцы все-таки остались жить в Казахстане. На этот факт повлияло много причин, одной из которых было дружелюбное отношение со стороны казахского населения.

Еще небольшая часть азербайджанцев (около 15 тысяч) попали в Казахстан по различным причинам: в связи с освоением целинных и залежных земель, работой нефтяниками, учебой, службой в армии и т. д. Среди этого контингента было большое количество специалистов, которым были предоставлены жилые помещения. Самое позднее массовое переселение азербайджанцев в Казахстан связано с событиями в Нагорном Карабахе. В начале 90-х годов после известных «чисток» 20 % жителей – азербайджанских беженцев и вынужденных переселенцев (приблизительно 20 тысяч человек) – также переехали в Казахстан.

По данным переписи населения 1989 года, в Казахстане проживало 90 083 азербайджанца, или 1,3 % от всех азербайджанцев, проживающих в СССР [2]. После распада СССР их численность уменьшилась, но незначительно. В середине 90-х годов, когда из-за тяжелого экономического положения из Казахстана уехало большое число славянских народов, отток азербайджанцев был незначительным. Этому способствовали межнациональный мир и согласие, существующие в нашей стране, и дружелюбное отношение казахского населения ко всем народам, живущим в республике. Численность азербайджанцев, по данным переписи населения 1999 года, в Казахстане составляла 78 295 человек. По данным Видади Салахова, председателя ОЮЛ «Ассоциация „Союз азербайджанских культурных центров Казахстана”», на сегодняшний день в Казахстане проживают около 250 тысяч азербайджанцев [2]. Многие азербайджанцы, приехавшие в Казахстан работать, полюбили эту гостеприимную землю и остались на ней жить, при этом сохранив любовь к родному языку и традициям. Обычай и традиции предков казахстанские азербайджанцы берегли всегда. Сначала – как память и воспоминание о далекой родине, позже – чтобы сохранить для детей национальную самобытность – то, что всегда составляет невидимую опору и внутренний стержень, благодаря которым этнос не растворился среди других диаспор.

В Казахстане созданы все условия для сохранения культуры, языка и традиций всех народов, живущих в республике, и азербайджанцы используют эти возможности. Существует национально-культурный центр «Хазар», организованный в 1999 году. За этот период под руководством председателя Видади Умуд оглы Агаева, который отмечен двумя медалями и благодарственными письмами за подписью президента

Н. А. Назарбаева, он превратился в один из самых активных культурно-национальных центров. В настоящее время национально-культурный центр «Хазар» имеет свой танцевальный и музыкальный ансамбль «Хазар», а также воскресную школу. В школе дети обучаются родному языку, истории Азербайджана, музыке, фольклору и другим направлениям культурного наследия своего народа. Культурный центр содействует совершенствованию национальных отношений в Республике Казахстан и активному вовлечению азербайджанцев во все сферы общественной и культурной жизни. Главная цель центра – дальнейшее развитие родного и государственного языков, национальной культуры и традиций [3].

В Астане с мая 2008 года функционирует ОЮЛ «Союз Азербайджанских Культурных Центров Казахстана», президентом является Видиди Короглы Салахов. Союз объединяет в себе 14 областных азербайджанских культурных центров, а также городов Алматы и Астаны. Среди руководителей региональных объединений – 3 доктора наук, 2 депутата областных маслихатов. Особой гордостью азербайджанцев Казахстана является председатель Алматинского областного НКЦ Аслы Осман. Она возглавляет большое объединение и достойно справляется с любыми сложными вопросами. При всех культурных центрах функционируют воскресные школы, которые посещают все желающие. Обучение ведется азербайджанскому языку, музыке, истории. Деятельность центра направлена также на издание газеты международного масштаба «Туран-экспресс», которая распространяется бесплатно. Вместе с тем азербайджанцы не забывают о трагических датах истории своего народа. Так, Союз культурных центров азербайджанцев Казахстана и Астанинский культурный центр «Хазар» провели в Казахском университете бизнеса и технологии в г. Астане мероприятие, посвященное 19-й годовщине геноцида в Ходжалы. По информации АПА, на мероприятии с участием сотрудников посольств Азербайджана и Турции, а также членов азербайджанской, турецкой, кыргызской диаспор, студентов и преподавателей университета, азербайджанской молодежи были продемонстрированы фотостенды, книги, документальный фильм о геноциде в Ходжалы. Память жертв геноцида в Ходжалы была почтена минутой молчания, после чего президент Казахского университета бизнеса и технологии Сеидгасым Байбеков, директор колледжа при университете Шерим Тулегенов подчеркнули, что для предотвращения террора наподобие Ходжалинского геноцида миролюбивые народы всего мира должны объединиться и сказать «нет» террору в Ходжалы. Сегодня азербайджанцы успешно интегрированы в казахстанское многонациональное общество. Во всех сферах жизни и деятельности

Республики Казахстан участвуют и трудятся представители азербайджанской диаспоры.

Библиографический список

1. Булуктаев Ю. Этнодемографическая ситуация в Казахстане после приобретения независимости // Простор. – № 5. – 2011.
2. Магамедов Т. Под общим небосводом // Казахстанская правда. – 05.06. 2010.
3. Этносы Акмолинского Приишимья: история и современность / под ред. Д. Р. Айтмаганбетова. – Астана, 2009.

КОРАБЛЬ «ИСИДА» ИЗ НИМФЕЯ

А. Б. Кисельников

Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Summary. The article investigates some methods in the studying of the fresco «Isis» from Nymphaion.

Key words: warship «Isis»; the Nymphaion fresco; reconstruction.

Во время проводившихся раскопок в 1973 г. на территории боспорского города Нимфея, на южном склоне нимфейского плато, были открыты остатки культового сооружения. Пять лет археологических изысканий завершились уникальной находкой. В развалах строения археологи обнаружили полихромную штукатурку желтого цвета, обвалившуюся когда-то со стены в одно из помещений святилища и состоящую из множества фрагментов. Площадь восстановленной стены составила приблизительно 12–15 кв. м. Ее поверхность была покрыта рисунками, символами и надписями. Центральное место занимала фреска (ок. 5,2 м / 2,3 м) с изображением большого, богато украшенного судна с тремя рядами весел. Учитывая сопутствующий археологический материал и встречающиеся на штукатурке надписи с именем Перисада, рисунок был датирован второй четвертью III в. до н. э. [1].

Изогнутая форма киля, высокие оконечности, надпись «ΙΣΙΣ» на столесе корабля и изображение Диоскура – все это в совокупности позволило руководителю раскопок Н. Л. Грач определить судно как египетскую триеру, прибывшую на Боспор с какой-то политической миссией. В отечественной историографии тема присутствия египетского корабля в Северном Причерноморье получила свое продолжение в развитии идеи о начавшихся во времена Перисада II тесных взаимоотношениях Боспора с Египтом [2]. По этим вопросам нам хотелось высказать некоторые замечания.

Во-первых. Вопреки мнению Нонны Леонидовны [3], рисунок корабля все-таки достаточно стилизован. Но даже такое исполнение позволяет увидеть, что корабельная архитектура «Исиды» отличается от архитектуры греческой триеры. Л. Бах и О. Хёкман, не сумевшие найти ни одного изображения warships подобного нимфейскому кораблю, высказали предположение, что «Исида» вполне могла быть «восьмеркой» (октера) (или ранней «девяткой») [4].

Такие корабли входили в состав флотов Птолемея Кервана и Филадельфа [5]. В 281 г. до н. э. в морском сражении, произошедшем между Керваном и Антигоном (сыном Деметрия Полиоркета), участвовала одна октера, называвшаяся леонтофорой и, как сообщает Мемнон, «приводившая в изумление величиной и красотой» (Мемн. *Heraclea*. Fr. 13. 13 / В. П. Дзагуровой). Поводом считать «Исиду» октерой послужило отсутствие на рисунке т. н. «*oarboxes*» – вступающих с обоих бортов подпрямоугольных конструкций с весельными портами для верхнего (третьего) ряда гребцов, постановка которых на крупных судах была делом весьма затруднительным [6]. В. Мюррей и Дж. Моррисон не разделяют точки зрения Л. Баха и О. Хёкмана [7]. «Исида», по мнению Моррисона, обычная «пятерка», изображение которой встречается на фресках из Остии (ок. 20 г. до н. э.) и Помпей (44 г. н. э.). Исследователь обращает внимание на неточности в передаче конструктивных особенностей нимфейского корабля, но приходит к выводу, что «детали корпуса в его надводной части выполнены по той же схеме и отличаются незначительно» [8]. Вопрос, к какому типу кораблей следует отнести «Исиду», пока остается открытым. Тем не менее можно с полной уверенностью говорить, что по своим размерам корабль значительно превосходил триеру.

Во-вторых. Считать «Исиду» египетским судном также нет достаточных оснований. Такое название носили многие корабли со времен Александра Великого вплоть до Римской империи [9]. Что касается рисунка Диоскура, то как покровителей моряков этих героев почитали не только в Египте, но и у сицилийских и италийских греков, этрусков, а в дальнейшем и у римлян. Изображения Диоскуров известны на больших Делосских кораблях эллинистического времени [10]. Культы Диоскуров присутствовали и на Родосе. Небесные защитники мореплавателей были столь же популярны, как позже египетская богиня Исида. Нос судна встречает морскую волну, таран должен выдерживать удар о борт вражеского судна, поэтому не удивительно, что моряки пытались защитить штевень, помещая в этой части корабля символы различных богов. И чем больше, тем лучше [11].

Дж. Моррисон высказал три возможные версии относительно принадлежности судна: 1) это был корабль Лисимаха, который в 289 г. до н. э. овладел Гераклеийским побережьем и установил контроль

над проливами. Появление македонского судна у берегов Боспора, откуда шел основной поток товаров в Восточное Средиземноморье, можно было бы расценить как «демонстрацию флага», – пишет исследователь; 2) египетская «Исида» прибыла на Боспор с какой-то политической миссией после поражения Птолемея II Филадельфа от Антигона Гоната в сражении у острова Кос (258/6 г. до н. э.) [12]; 3) корабль был родосским, а причиной его появления мог стать конфликт греков с Византием, начавшим взимать высокие пошлины с судов, идущих в Понт (Polyb. IV. 46. 6) [13].

На наш взгляд, последняя версия заслуживает большего внимания, чем уделяет ей сам исследователь. В 279/7 гг. до н. э. византийцы оказались под ударом воинственных галатов и были вынуждены, по утверждению Полибия, «постоянно откупаться подарками, уплачивая по три, по пяти, а иногда и по десяти тысяч золотых, лишь бы избавить свою страну от разорения. ...Удручаемые данью, послали сначала послов к эллинам с просьбою о помощи и о поддержке их в тогдашней нужде. Так как большинство эллинов оставило просьбы их без внимания, то византийцы вынуждены были взимать пошлину с судов. ...Народы, занимающиеся морской торговлей, обратились с жалобами к родосцам, так как эти последние почитались сильнейшим морским народом. Следствием этого была война» (IV. 46. 3–47. 2 / пер. Ф. Г. Мищенко). Результатом этой войны стал отказ Византийцев от введенных ранее санкций.

Л. Бах и Дж. Мориссон указывают, что в то время основной ударной единицей родосского флота была маневренная двухпалубная «четверка» (τριημιόλια) [14]. Поэтому легче ожидать появления на Боспоре судна, которое, по выражению Дж. Моррисона, «могло бы убедить, а не производить впечатление» [15]. Но не исключено, что в качестве посольского корабля родосцы использовали «пятерку» (катаφράκτος ναῦς IG XII,1 [Rhodes]: doc. 432; 413; 75b6). В документах катаφράκτος ναῦς и τριημιόλια несколько раз упоминаются вместе.

Отношения Боспора с Египтом носили эпизодический характер [16]. Кроме единственного письма дийокета Птолемея Апполония из архива Зенона, где упоминаются послы боспорского царя Перисада II [17], нет других свидетельств о контактах или взаимной заинтересованности государств поддерживать отношения в дальнейшем [18]. Что касается Родоса, то с середины III в. до н. э. его продукция начинает занимать на рынке Северного Причерноморья господствующие позиции. К концу III – началу II в. в связи с отменой Византием таможенных пошлин родосский импорт заметно возрастает, о чем красноречиво свидетельствуют данные археологии [19]. К сожалению, на сегодняшний день пока не исследован весь археологический материал с нимфейского комплекса, а поэтому дать более или менее надежную датировку памятника сложно.

Библиографический список

1. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. – 1984. – № 1. – С. 81–86. Той же точки зрения придерживается Ю. Г. Виноградов. *Der Staatsbesuch der Isis im Bosporos // Ancient Civiliz from Scythia to Siberia.* – 1999. – Vol. 5. – № 4. – P. 276.
2. См., например: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. – М., 1949. – С. 77 ; Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. – Киев, 2004. – С. 113–114 ; Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. – Нижний Новгород, 1994. – С. 99 ; Литвененко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до. н. э. // ВДИ. – 1991. – № 1. – С. 23 ; Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. – М., 1990. – С. 303.
3. Грач Н. Л. Указ. соч. С. 84.
4. Общепринятые названия эллинистических и римских военных кораблей в западной историографии. «Пятеркой» (five), «восьмеркой» (eight), «девяткой» (nine) и т. д. назывались суда, где весельную группу обеспечивало пять, восемь и девять гребцов соответственно. См., например: Casson L. *The Ancient Mariners: Seafarers and Sea fighters of the Mediterranean in Ancient Times* (2nd ed.). – 1991. – P. 146–147.
5. Basch L. *L'Isis de Ptolémée II Philadelphie // Le musee imaginaire de la marine antique.* – P. 493 ; Hockmann O. *Naval and other graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* – 1999. – Vol. 5. – № 4. – P. 321–322.
6. Basch L. *Op. cit.* P. 193 ; Hockmann O. *Op. cit.* P. 320.
7. Murray W. M. *The age of titans: the rise and fall of the great Hellenistic navies.* – Oxford, 2012. – P. 197–198 ; Morrison J. S., Coates J. F. *Greek and Roman Oared Warships 399–30 BC* 1996. – P. 212.
8. Morrison J. S. *Op. cit.* P. 212.
9. Landels J. G. *Engineering in the ancient world.* – London, 1978. – P. 160.

«ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ» В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Н. В. Беленов

Самарская академия государственного и муниципального управления, г. Самара, Россия

Summary. This article focuses on the history of the Volga Bulgar. Discusses the problem of the relationship of the Volga Bulgars and nomads: Pechenegs, Torquay, Kipchaks. Described their ethnic and political relations.

Key words: Volga Bulgar; nomads; Kipchaks; «black Hoods».

Из русских летописей широко известен тот факт, что древнерусские князья привлекали на службу различные племена степных кочевников, по тем или иным причинам попавших в зависимость от них. Их селили в основном на приграничных со степью территориях, создавая «буферную зону» между своим оседлым земледельческим населением и враждебной и непредсказуемой степью. На Руси это население получило название «черных клобуков» или «своих поганых». Как правило, на службу к русским князьям поступали те

роды кочевников, чьи племенные союзы были ослаблены межплеменной борьбой или борьбой с самой Киевской Русью. Таковыми были печенеги после их разгрома под Киевом в 1036 году и наступления в степях торков, многочисленные «черноклобуцкие» роды или народности, упомянутые в «Слове о полку Игореве» [9], некоторые половецкие роды – например, Берендичи, или берендеи. Что касается торков, то союзнические отношения с ними, насколько можно судить из летописей, имели достаточно давнюю историю. Первое упоминание совместных действий русских и торков относится к 985 году, оно связано с походом князя Владимира на волжских болгар [6]. Такое традиционное взаимодействие было обусловлено, по-видимому, наличием общего врага – печенегами. Неудивительно, что после поражения от половцев многие торческие роды нашли убежище у русских князей.

Другое восточноевропейское государство, также находившееся в условиях перманентной войны со степью, – Волжская Булгария – не оставило после себя собственных летописных источников. Однако, по имеющимся в нашем распоряжении отрывкам из иноязычных летописей, а также исходя из значительной схожести географического и военно-политического положения двух государств, можно попытаться восстановить картину отношений между волжскими булгарами и степняками.

Как нам представляется, она была во многом сходной с той, что сложилась в Киевской Руси, тем более что кочевые народы, с которыми приходилось иметь дело обоим государствам, представляли в основном одни и те же племенные объединения. Есть все основания полагать, что в Волжской Булгарии также сложилась система с использованием «своих поганых», форму и специфику которой мы и рассматриваем в данной статье. Отметим, что специальных исследований, посвященных этой проблеме, нами не обнаружено.

Летописных данных о печенегах на службе волжских болгар у нас нет, однако есть некоторые сведения, при рассмотрении которых четко прослеживается болгарский след. Так, под 1136 годом упоминается нападение на Рязань печенегов, предводителя которых звали Темир-Хозя [3]. Для этого времени печенеги, действующие против русских самостоятельно, – явный анахронизм. Однако все легко объяснимо, если предположить, что эти печенеги пришли с территории Волжской Булгарии. Вторая часть имени печенежского богатыря аналогична распространенным в Волжской Булгарии именам религиозно-политических деятелей. Действовали ли напавшие на Рязань печенеги по указке болгарских эмиров или самостоятельно – вопрос открытый, для его однозначного разрешения у нас недостаточно данных.

Об участии в оборонительной системе Волжской Булгарии другой кочевой народности – торков – у нас имеются более опреде-

ленные сведения. Так, в летописных источниках при описании событий похода князя Всеволода на волжских болгар упоминается городок Торцск. Учитывая болгарскую специфику именовать города по титульной нации, мы вправе предположить, что Торцкий городок – не что иное, как поселение болгарских «своих поганых», аналогичное черноклобуцким городкам в Поросье. Показательно, что город с практически таким же названием – Торческ – имелся и в Киевской Руси, где являлся центром черноклобуцких земель [7]. То, что болгарский Торцск – самоназвание, а не русскоязычная передача имени города, доказывает гидроним (речка Торцкая), указанный Р. Г. Фахрутдиновым. На этом основании ученый указывает и археологический памятник – остатки летописного Торцкого городка, который защищает с юга подступы к Билярскому городищу [10].

К огузским или кыпчакским племенам может относиться и сообщение Ибн ал-Асира о каком-то кочевом тюркском народе, осенью 1043 года принявшем ислам. При этом особо отмечается, что летописки этих тюрков находились «вблизи области болгар» [1]. Очень вероятно, что обращение этих кочевников в ислам явилось результатом деятельности болгарских мусульманских проповедников. Привлечение на свою сторону враждебных ранее племен путем обращения их в свою веру – достаточно распространенный в Средневековье дипломатический ход.

Отношения с половцами, насколько можно судить, были у болгар сложными. В свете имеющихся в нашем распоряжении источников можно утверждать, что наибольшей кыпчакизации подверглась восточная часть болгарского государства с центром в городе Биляре. Согласно Б. А. Серебренникову, перед уничтожением Волжской Булгарии монголами в стране существовало два болгарских языка: классический волжско-болгарский язык огузской группы, потомком которого является современный чувашский, и так называемый болгарский тюрки, который сложился под сильным влиянием кыпчакских языков [8]. На болгарском тюрки написано, в частности, крупнейшее из дошедших до нас произведений болгарских авторов – «Кысса-и-Йусуф» Кул Гали. В то же время, на западных рубежах болгарского государства отношения с половцами носили характер ожесточенного противостояния. Здесь наиболее информативны русские летописи. Прежде всего, в доказательство данной точки зрения можно привести эпизод с отравлением половецкого хана Аепы [4], а также успешные действия русско-половецких войск и прорусски настроенной части мордвы против мордовского инязора Пургаса, занимавшего проболгарскую позицию [6]. По-видимому, с этим связан и совместный поход русских и кимаков («половцев емяковых») против волжских болгар в 1183 году. На наш взгляд, события именно этого похода и дают ключ к разгадке столь разнохарактерных болгаро-половецких отношений на востоке и на

западе государства. Видимо, дело в том, что к середине XI века Волжская Булгария, также как и Киевская Русь, переживала период феодальной раздробленности. По мнению некоторых исследователей, именно этим фактом можно объяснить отсутствие имен болгарских правителей в русских летописях. Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что в Волжской Булгарии междоусобные войны носили более выраженный характер межэтнических противостояний, чем это было в Киевской Руси. Практически все крупные болгарские города являлись в то же время центрами различных племен, составлявших болгарский союз: Сувар был центром одноименного народа, который в некоторых источниках назван также «суваз», Ошель являлся центром народа эсегель, в Биляре, начиная с XI века, прослеживается сильное кыпчакское влияние. Последний факт прослеживается и археологически – раскопки Биляра подтверждают, что начиная с XI века в городе компактно проживала достаточно многочисленная кыпчакская диаспора. Исходя из приведенных данных, можно предположить, что кыпчаки оказывали на политическую жизнь Волжской Булгарии гораздо большее влияние, чем в Киевской Руси. Западные области болгарского государства, куда входили, по нашему мнению, Булгар, Сувар, а также болгарские территории по правому берегу Волги, находились в состоянии войны с кыпчакизированными восточными областями. Надо полагать, что кыпчакоязычные кочевники – половцы, кимаки и прочие – поддерживали в этой борьбе этнически близкую им сторону. Именно этим фактом можно объяснить совместный с кимаками поход русских князей на Булгар, а также активное участие половцев в борьбе с Пургасом на стороне Пуреши.

В заключение отметим, что значительную роль в привлечении степных кочевников на службу волжскими булгарами играло и некоторое этническое родство. Племена печенежского союза были, насколько мы сейчас можем предполагать, огузоязычными, то есть не были родственны булгарам [2]. Но при своем движении на запад печенеги разгромили оседло-кочевую общность, которую в археологии принято называть салтово-маяцкой культурой. По мнению большинства исследователей, оседлое население СМК было аланским, а кочевое в основном болгарским [4]. После военного поражения часть булгар переселилась к этнически родственным волжским булгарам, часть откочевала с мадьярами в Паннонию, но довольно значительная часть, надо полагать, не стала изменять кочевым традициям и на неизвестных нам условиях влилась в состав печенегов. В дальнейшем некоторые болгарские имена встречаются и у половецких князей, что позволяет предполагать наличие болгарского компонента и в половецкой орде: таковы, например, половецкие ханы: Аскел, Сокал, Осень (по аналогии с дунайско-болгарским Асень) [4, 5]. Следовательно, логично предположить, что в первую очередь

волжские булгары привлекали на пограничную службу именно такие, имевшие болгарские корни, роды.

Таким образом, в отношениях между Волжской Булгарией и миром кочевников можно отметить следующие основные тенденции.

1. Булгарскими эмирами в отношении степных кочевников проводилась та же политика, которая была принята на вооружение русскими князьями, – расселение лояльных родов на своих южных рубежах. Как и на Руси, это военизированное население могло использоваться и в междоусобных войнах.

2. В качестве одного из рычагов влияния болгарские эмиры использовали исламизацию кочевников, о чем свидетельствует сообщение Ибн ал-Асира.

3. Отношения с кыпчакоязычными кочевниками сложились в Волжской Булгарии по-иному, нежели в Киевской Руси. В первую очередь, это объясняется сильным воздействием кыпчакского населения на восточнобулгарские области. Обладая большим политическим влиянием, чем в Киевской Руси, в среде волжских булгар, кыпчаки и претендовали на большее. Они самостоятельно вели против огурозязычных булгар межплеменные войны, нередко привлекая при этом на помощь своих кочевых соплеменников.

Библиографический список

1. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3 : ст. из «Энциклопедии ислама» // Баласагун. – М., 1965.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки – М., 1960.
3. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. – М., 1965.
4. Плетнёва С. А. Половцы. – М., 1990.
5. Поучение Владимира Мономаха // Изборник. Повести Древней Руси / сост.: Л. А. Дмитриев, Н. В. Поньрко. – М., 1987.
6. ПСРЛ // Лаврентьевская летопись. – Л., 1926–1928.
7. Рыбаков Б. А. Торческ – город черных клобуков // Археологические открытия 1966. – М., 1967.
8. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
9. Слово о полку Игореве // Изборник. Повести Древней Руси / сост.: Л. А. Дмитриев, Н. В. Поньрко. – М., 1987.
10. Фахрутдинов Р. Г. Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области // СА. – 1981. – № 1.

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Г. Б. Сайфутдинова, А. Р. Загрудинов
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. With the conquest of the Tatar khanate of the Volga has stopped many years of military-political confrontation between Moscow Russia to the heirs of the powerful Golden Horde. It has significantly enhanced its international prestige. Acquisition of new and fertile land allowed to increase the income of the treasury, to start a broad Russian colonization (development) of new territories and operation of new citizens of the state.

Key words: the Khanate of Kazan; Ivan the Terrible.

Внешняя политика Ивана Грозного в 1550-е гг. XVI века складывалась хорошо. Для «Казанского взятия» был выбран очень удачный момент: основные внешние соперники России были либо ослаблены, либо не решились поднять голос в защиту Казани или Астрахани. Лишь Турция попыталась организовать поход на Москву, чтобы вынудить ее вернуть независимость татарским ханствам. Именно по этой причине в 1569–1570 гг. обострились русско-турецкие отношения. Турция настолько угрожала безопасности России, что Иван Грозный даже был готов «поступиться» Астраханью. Но это обещание так и осталось невыполненным: уже в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в. Турция ослабла так, что и не вспоминала более о поволжских проблемах. В конечном итоге татарские ханства Поволжья остались в составе России. С точки зрения царского правительства, это был крупный военно-политический успех. Исторические последствия завоевания Казани имели и другую сторону. Со временем проявились определенные положительные черты включения края в состав Русского государства. Так, экономика этого государства в целом развивалась более быстро, чем экономика бывшего Казанского ханства. Присоединение Среднего Поволжья способствовало постепенному включению и татарского населения в общероссийское экономическое развитие. Гораздо более активными стали в крае и межэтнические контакты татар с другими народами, в первую очередь с русским, например, в хозяйственной и культурной сферах, что благотворно влияло на все народы. Таким образом, овладение обширной территорией Среднего, Нижнего и Верхнего Поволжья имело для Русского государства далеко идущие последствия. Однако последствия утраты государственности для татарского народа стали по-настоящему катастрофическими, и некоторые положительные стороны произошедших событий не смогли изменить общую картину.

ВЗГЛЯД Н. Н. ПАЛЬМОВА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА С ДЖУНГАРСКИМ ХАНСТВОМ И КИТАЕМ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

О. Н. Болдырева

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста,
Республика Калмыкия, Россия

Summary. This scientific article is about opinions of famous researcher of Kalmyk history N.N. Palmov on Kalmyk khanate's, Dzhungaria khanate's and China's relations. In his book "Etudes are about history of privolga's Kalmyk people in XVII and XVIII centuries" he showed relations of Kalmyk and Dzhungar people, in 1714 and 1731 stages of Beijing's missions in Kalmyk khanate.

Key words: Kalmyk khanate; Dzhungaria khanate; China; relations.

Известный исследователь истории Калмыкии профессор Н. Н. Пальмов в четырехтомнике «Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века» подробно рассмотрел отношения калмыков с джунгарами, этапы прохождения пекинских посольств 1714 и 1731 гг. в Калмыцкое ханство.

В данной статье мы остановимся на анализе взглядов Н. Н. Пальмова на историю взаимоотношений Калмыцкого ханства с Джунгарией в XVIII веке.

Из материалов тт. I–III известно, что в 1714 году Аюка выдает дочь Сетер-Джан за правителя Джунгарского ханства Цеван-Рабтана (1696–1727 гг.). Годом раньше из калмыцкой степи на богомолье в Тибет отправился сын владельца Назар Мамутова Арабжур. Калмыцкий нойон выехал с матерью Цаган-Замсо, сестрой и пятьюстами подвластными калмыками. Побывав в Тибете, он отправился в Пекин, где был задержан властями под предлогом невозможности проехать в Калмыкию через Джунгарию.

Из работ Н. Н. Пальмова известно, что сын Аюки Санжип поссорился с отцом и в 1701 году откочевал в Джунгарию с 15 тысячами калмыцких кибиток. Вследствие этого возникли неприязненные отношения между Аюкой и Цеван-Рабтаном. Однако Цеван-Рабтан скоро вернул Санжипа к отцу, но всех его калмыков оставил у себя, раскассировав между джунгарами [1, с. 35–38].

Чрезвычайная заботливость пекинских властей о безопасности Арабжура и милости богдыхана, давшего ему высокий титул бэйлэ и земельный участок, по мнению Н. Н. Пальмова, не могли не наводить на подозрения. Награждать нужных людей из числа чужеземцев – обычный прием китайского правительства. Так, после смерти правителя Джунгарии Галдан-Череня (1727–1746 гг.) были пожалованы в достоинство «ванов» претенденты на власть в Джунгарии в период междоусобий Амурсана и Дабачи. Близкое родство Арабжура с Аюкой и кочевье отца Арабжура Назар Мамутова в

междуречье Волги и Яика сильно заинтересовали пекинскую дипломатию, и она задумала использовать калмыцкого нойона в своих целях. Пребывание Арабжюра в Пекине способствовало поддержанию связи Китая с приволжскими калмыками. Пекинцы не ошиблись, посчитав, что задержка калмыцкого владельца вызовет присылку посольства за ним с Волги от калмыцкого хана и даст удобный повод вступить с ним в переговоры по интересовавшему богдыхана и хана джунгарскому вопросу [1, с. 39].

Исследователь верно заметил, что союз с Цеван-Рабтаном мог бы дать некую долю политической независимости, если бы дальновидность не подсказывала калмыцкому хану, что политическое падение Джунгарии составляет лишь вопрос времени, и Джунгарии не устоять под натиском Китая. Но Аюка все же не порвал добрых отношений с Джунгарией. Он отдал в Джунгарию свою дочь и сам в последний раз женился на джунгарке Дарма-Бале примерно в 1699–1700 году. Дарма-Бала играла немаловажную роль в калмыцкой политике. Она являлась в политике сторонницей джунгарской ориентации и только после загадочной смерти Цеван-Рабтана в 1727 году на время изменила эту ориентацию на китайскую. Однако ей не удалось вывести Аюку из состояния колебания и двойственности политического настроения, оторвать его внимание от Китая и склонить к Джунгарии. Хотя были два критических момента, о которых в 1767 году писал астраханскому губернатору Н. А. Бекетову хошоутовский владелец Замьян [1, с. 25], когда недовольство русской ограничительной политикой в отношении к калмыкам настраивало хана на решение уйти из России. Оказалось, что в эти тревожные моменты сам Аюка не знал, куда ему удобнее идти, и он оставался в России.

Таким образом, в начале XVIII века Калмыцкое ханство поддерживало добрососедские отношения и с Джунгарией, и с Китаем.

Библиографический список

1. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Т. 1. – Астрахань, 1926.

DEVELOPMENT OF TURKISH-AMERICAN POLITICAL, ECONOMIC AND TRADE RELATIONS (1991–2007)

G. Aliyeva-Mamedova
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Summary. Today the economic and political relations between Turkey and the USA play a big part in the region. These relations are important for us. But sometimes the relations between these two republics have some problems.

The construction of the pipeline Baku-Tbilisi-Ceyhan is very important for the USA and Turkey, for the other republics of the region and for Azerbaijan.

Turkey is the ally of the USA since 1952.

Turkey is taking a participation in all processes in the region.

In the whole, the relations between Turkey and the USA are very good at the modern stage.

Key words: USA; Turkey; political; economic; trade; ally; NATO.

Today, Turkey is an important power in the region and is actively involved in all political events in the region. Turkey is the main ally of the United States and since 1952 has been a member of NATO. Development of Turkish-US economic and trade relations play an important role for the whole region.

Still in the early XX century the U.S, outpacing the developed industrial countries of Europe for volume of production, is firmly holding the leadership. In 2001, its GDP amounted to 21.4 % of the world; only slightly make way to the gross domestic product of the three following economic giants of the present – China, Japan and Germany. At the same time the U.S. have 41 % of world production of high-tech products. The U.S. ranks in the first place in market openness, investment climate, availability of venture capital, computerization, education level and effectiveness of stimulating labor. U.S. the main trade power of the Earth: their annual turnover is approaching to 2 trillion dollars.

The U.S. is a permanent member of the UN Security Council and the main financier of the organization, paying about a quarter of its budget. Washington enjoys the predominant influence among the eight leading states, the World Bank and IMF (here the U.S. has 17% of the vote, twice more than the other major shareholder of Germany) [2, p. 559–664].

The main ally of the U.S. Turkey's economy plays an important role in the region.

As a result of the transition from early 80s to a new economic strategy Turkey, which since the late 70s was in a deep economic crisis, had achieved the economic success [5, p. 26]. First of all, has sharply raised the growth in production: if, during the 1978–1983 years gross domestic product grew on average to 2.5%, in 1984–1990 to 5.5, in 1992 – to 5.9%.

During these years, the activity of private national capital strikingly increased, products of which saturated the local market, made its way to

other countries. As a result, a huge increase gained in the volume of national export (from \$ 2.9 billion in 1980 to 14.8 in 1992) [10].

Tightening of macroeconomic policy in 1994 was not prolonged. Despite of reduce in the share of the budget deficit in GDP; in general, the state was not able to solve the problem of deficit. Caused by the tightening of monetary policy the raise of interest rates increased the real government expenses on servicing the state debt. Thus, macroeconomic populism in late 1995 led to the stopping and ultimately to the failure of stabilization. Stabilization program in 1994 failed to solve the problems of the Turkish economy. Significant role in the failure of the program was the fact that it was based only on sufficiency of macroeconomic (monetary and fiscal) policy. It did not take into account the need for major institutional and structural reforms, without which, as proved once again the Turkish experience, macroeconomic stabilization policy is doomed to failure [15]. Shortly after the publication of the “Memorandum on economic policy” the adopted program was evaluated by the council of directors of the IMF under article 4 of the agreement. In the published statement was highly appreciated the programs of Turkish government [4, p. 75]. In implementing the program the IMF also highly valued commitment of Turkey for stabilization of the economy [15].

The dynamics of the Turkish economy in 2000 made it possible to estimate the success of the program.

Economic growth had to be up to 7 %, which was higher than the planned 5.6 %. In 2000, monthly inflation rates were significantly lower than those of 1999. During the 2000 year inflation (according to consumer price index) was approximately 34–35 %.

This was the lowest annual value since the mid 80's; on the other hand, it clearly exceeded the target figure of 25 % [1, p. 8–9].

In December 2000 the IMF approved aid to Turkey in the amount of \$ 7.5 billion under the Supplemental Reserve Facility (SRF).² The first tranche of \$ 2.25 billion dollars entered on December 22. Along with it was given the fourth and fifth tranche of the loan agreed earlier on standby agreement in the amount of 550 million dollars. At the time the World Bank approved a new strategy for aid to Turkey, according to which it was given support in the amount of \$ 5 billion within 3 years [15].

By the end of 2004 the ratio of the state debt of GDP reduced to 68 % versus 98 % in 2001 and inflation to 9 % versus 70 % [13].

Already in 2002, GDP grew by 7.9 % in 2003, 5.9 %, in 2004 to about 9 %.

Also positive is that the Turkish economy becomes more open. There is no denying the fact that Turkey has made many important steps to improve the economic situation, namely very successful ones. Turkey is gradually establishing trade links with countries of the European Union, which is certainly not profitable for its main partner – the U.S., but very profitable for Turkey [3, p. 7].

It appears that in the near future, the European Commission will be harder to find shortcomings of the Turkish economy. That is, if it was in the economy, Turkey has long been in the EU.

An important direction of development in the Turkish foreign economic relations in 1991–2007 was and continues to be the cooperation with the United States. The U.S. market has always been ideal for Turkey and is the second after Germany.

Major trade partners of Turkey

Countries	The approximate turnover of the country (billion. U.S.)
Germany	about 10,0
USA	More than 5,0
Italy	More than 4,5
Russia	about 4,5
France	3,0
Great Britain	about 3,0

Source: <http://www.foreigntrade.gov.tr>- Site of the Ministry of Commerce of Turkey, section-Statistics.

For this reason, mainly is focused on the development of markets in the United States. Among the products of Turkish exports the main are minerals, outer garments and accessories, metal products, tobacco, carpets, agricultural products, furniture, etc. From America Turkey imports mainly household appliances, medical equipment, chemicals, weapons, stationery, toys, drinks, etc. Over the past few years the mutual statistics of imports and exports of both countries have changed.

Turkish imports to the United States

products	for 2006 year (\$)	for 2007 year (\$)
Minerals	125.438.532	507.881.901
Clothing and accessories	593.940.764	417.609.332
cement	224.200.096	318.631.661
metals and metal products	150.312.996	214.920.957
tobacco and tobacco products	144.746.759	164.241.047
carpets	46.214.370	62.653.319
synthetic fibers	50.633.466	62.565.821
rubber	20.233.373	34.616.533
organic materials	18.479.205	31.552.123
furniture	34.083.185	27.679.786
meat products	2.304.939	2.561.750
dairy products	1.903.275	1.824.768
spices	96.804	157.574

antiques	10.741	34.314
Source: http://www.foreigntrade.gov.tr -site Minister of Commerce of Turkey; see also: http://www.atonet.org/tr/yeni/index.php?p=1140&i=1		

The USA import to Turkey

products	for 2006 year (\$)	for 2007 year (\$)
home appliances	596.087.874	765.913.562
products of chemical industry	278.737.530	346.148.780
minerals	148.717.689	297.224.308
weapons	27.649.075	47.296.036
jewellery	44.207.936	27.918.451
furniture	12.455.830	19.266.297
stationery	9.992.173	11.654.288
dairy products	3.298.428	2.732.904
ceramics	2.233.836	2.088.938
musical instruments	800.145	1.053.865
sugar	234.761	840.330
alcoholic beverages	3.335.811	673.705
coffee	166.113	327.866
cocoa	797.390	349.804
Source: http://www.foreigntrade.gov.tr - site of the Ministry of Commerce of Turkey see also: http://www.atonet.org/tr/yeni/index.php?P=1140&i=1		

As seen from the above-stated tables, over the past two years, imports and exports of both countries have increased in several million dollars, and this – despite the deterioration of Turkish-American political relations.

With regard to cooperation on nuclear programs, it should be noted changes in recent years: for instance, in 2006, the U.S. decided to help Turkey in the construction of eight nuclear reactors: on February 9, 2006 in Washington, met the Minister of Energy and Natural Resources of Turkey H. Guler and his American colleague S. Bodman [17].

The U.S.-Turkish economic cooperation in the field of operation of energy resources over the past 10 years has improved strikingly in the territories of strategically important regions of the world. Thus, from 1995 the U.S. government has provided great support to the project of Turkish route for transporting Caspian oil and gas resources, which was the need to ensure regional security, economic independence and development of trade, and that was of great importance for Turkish-American

relations [6, p. 17]. Today, Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipe-line plays an important role in the region and is the guarantee of stability.

This pipeline is important not only for Azerbaijan but also for Turkey and the United States and many other countries around the world. This project also is called the "Silk Road of the XXI century" or "The Legend of three seas".

With the commissioning of the Baku-Tbilisi-Ceyhan project into operation the U.S. decided the major political issue of creating the alternative one, to bypass Russian territory, a channel for transportation of oil from the Caspian region, thus reducing the dependence of a number of producing countries in the region on Moscow. Azerbaijani President Ilham Aliyev said that "the pipeline will bring economic benefits to all member countries of the region" [1].

The problem for the Turkish-American relations was the issue of Turkey's EU membership. Events of September 11 had contradictory consequences for the solution of this problem. On the one hand, it provided new arguments for those who considered entry into the EU the best way to strengthen democracy in the Islamic state. In the fight against terror is essential to rely on a stable secular Muslim democracy. On the other hand, fears of terrorism gave reason to those who believed Muslims pose a potential danger, and therefore were against further

Muslim immigration and admission to the EU, which until the mid-century will be the leader state of the Union for its population. With the advent of pro-Islamic Justice and Development Party, led by R. T. Erdogan to power, the Turkish government has a policy of maneuvering between the U.S. and Muslim countries. In aggravation of the Iraq-U.S. crisis, most of them opposed the use of force in bypass of the UN resolutions adopted previously for Iraq. Not only Turkey, but also Washington occurred in the sensitive, ambivalent position in solving the Iraqi crisis which was closely related with the Kurdish problem.

Military-industrial complex of Turkey technologically firmly linked to the military-technical cooperation of the United States. Most of implemented programs, including the program of 2000 were carried out in cooperation with the Americans.

Thus, one of the largest and most promising programs in those years was the participation of Turkish companies of aviation industry in the development and production of modern American war aircraft F-35 [14]. In order to strengthen its position in Turkey and in the region, the United States after September 11, 2001 continued to provide military-technical aid to Ankara. At the beginning of 2003 (i.e. before the second war in the Gulf), this aid was promised to be in \$ 26 billion dollars [12].

However, Turkey remained outside the 63 billion dollar of the U.S. military package provided to Middle Eastern countries [14], which was certainly due to general distrust of these states to each other after the Iraq crisis of 2003.

However, since 2006, the military-technical cooperation between the two countries became more intense, which was also due to positive changes in political relations. In April 2006, the U.S. approved the plans for the establishment of three naval bases in the territory of Turkey [11].

The army in Turkey has always been a matter of national pride. Today, the army of Turkey is the most organized and powerful state institution in the country. Chief of the General Staff, appointed by the president is responsible for overall management of the Turkish armed forces, control over them, training of the army for war, and the effective management of military operations. Chief of the General Staff, who is the chief of the Armed Forces, is responsible before the Prime Minister for fulfilling his duties [16].

Another step for rapprochement between Turkey and the United States was the visit of the U.S. State Secretary Condoleezza Rice to Ankara in 2007, which may be regarded as an important aspect aimed at softening of relations between the two countries. During her meetings with the President of Turkey A.Sezer, Prime Minister Recep Tayyip Erdogan and Foreign Minister (now President) Abdullah Gul C.Rice said, "that will be made serious efforts to create an alliance among the United States, Iraq and Turkey against the PKK (Kurdish Party of Workers)" [9].

Another important problem of Atlantic strategy of Turkey of the last decade was the problem of Northern Cyprus. If at the origins of this territorial issue in the era of the "cold war" the West supported Ankara, and the Soviet Union supported the Greek-Cypriots, then in the 90s, "all the scenarios do not account for the interests of Turkey in solving the problem".⁴ What the maximum Washington had ensured was "a tolerant attitude towards the Turkish Cypriots in the unified Cyprus within the European Union" [8, p. 159–161], as well as succession in the issue of the property in Northern Cyprus.

In any event, today, Turkey belongs to the "coastal zone" and, consequently, geopolitical theorem of Turkish policy in global scale is being solved through balance and confrontation between the two orientations – Atlantic and Eurasian. Since the time of M. K. Ataturk Turkey has had strong national consciousness; it perceives its statehood as a tremendous value and strives to "play an independent and strong party in regional context" [7]. Consequently, the historic investments in a geopolitical choice, the balance between the force lines of Atlanticism and Eurasianism in Turkey are enormous.

In this geopolitical phase Turkey made the Atlantic choice and began to build its policy on anti-Sovietism. In the issue of Northern Cyprus the USSR held strict pro-Greek position, supported the Kurds, the Arab baasist countries against Israel that further strengthened the integration of Ankara towards Atlanticism.

The U.S. also had its benefits: a secular government in Turkey restrained the growth of the Islamic factor, and the hard anti-Communism

of Ankara made Turkey a potential enemy of the USSR. Historical opposition between Turks and Arabs of the Ottoman Empire put Ankara in a special position with respect to countries in the Middle East region, which dictated, in particular, the rapprochement with Israel.

That is, America had to devise a mechanism to influence a state with a strategic geographical position, control on which will have a key influence on the Middle East. Moreover, the U.S. politicians had to consider the complex circumstances that qualitatively distinguished the Republic of Turkey.

At the same time under the foreign policy strategy of the U.S. relating to Turkey is understood state activities aimed at inclusion of Turkey "to the process of forming a profitable model of international relations", including the formulation of long-term goals and long-term planning with regard of use of required resources to the space and time [8].

Summing up the issue of economic cooperation between Turkey and the United States, we should note that the end of the XX – beginning of the XXI century was marked by the intensification of globalization processes in all areas of the world economy. Successful development of political relations between these countries is an important factor in the region and plays an important role for all countries in the region.

Bibliography

1. Россия между Европой и Азией. – Москва, 2001.
2. Современные международные отношения и мировая политика. – М., 2005
3. Турция: перспективы экономического роста // Коринф. – 2003. – № 13.
4. Турция и Европейский Союз // Коринф. – 2003. – № 5.
5. Моисеев П. Чему учит турецкий опыт // ААС. – 1994. – № 2.
6. Эмир-Ильясова Э. Азербайджан в системе международных отношений. – Баку, 2000.
7. East Business and Banking, June, 1992.
8. Duik N., Karatnycky A. New Nations Rising: The Fall York: John Wiley, 1993.
9. The Financial Times. 26.05.2005.
10. Turkish Review Quarterly Digest. Winter 1994.
11. Helen Chapin Metz, ed. Turkey: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1995.
12. Helen Chapin Metz, ed. Turkey: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1995.
13. İktisadi Rapor. Ankara, 2004.
14. www.pwgs.org
15. http://www.russiancyprus.net/main.asp?to_pid=4200&id=840
16. <http://www.regionplus.az/artic/46/polit/p1.php>
17. www.foreigntrade.gov.tr

INSTITUSIONAL MEXANİZM ALI TƏHSİL MÜƏSSISƏSİNİN BEYNƏLXALQ ƏMƏKDAŞLIQ KONSEPSİYASININ GERÇƏKLƏŞDIRİLMƏSİ ÜSULU KİMİ

S. R. Bağirova

Gəncə Dövlət Universiteti, Gəncə şəhəri, Azərbaycan

Summary. The scientific article examine an attempt to disclose theoretical problems of the cooperation and first of all the concept of international cooperation of higher schools. There is investigated conceptual provision of the international scientific-academic cooperation of the Azerbaijan higher schools. The institutional content of the international scientific-academic cooperation of the Azerbaijan higher schools is considered there.

Key words: international cooperation; scientific-academic cooperation; institutional content.

Azərbaycan ali təhsil müəssisələrinin beynəlxalq əməkdaşlıq təcrübəsi nəticəsində, onun təşkili, tənzimlənməsi və inkişafının müəyyən forma, metod və vasitələri formalaşmışdır. Lakin beynəlxalq təhsil xidmət və əmtələri bazarına daxil olmanın dövlət strategiyasının olmaması Azərbaycan ali təhsil müəssisələrinin bu istiqamətdə taktiki hərəkətlərinin qeyri-ardıcılığını şərtləndirir. Bu, öz ifadəsini onların xarici iqtisadi praktikasının onun institusional tərkib hissəsinə uyğun gəlməməsində tapır və müxtəlif ölkələrin ali təhsil müəssisələrilə qarşılıqlı bazar münasibətləri prosesində institusional ziddiyyətlərin dərinləşməsinə yardımçı olur [4, 92].

Ötən əsrin 90-cı illərinin əvvəllərində Azərbaycan ali təhsil müəssisələrinin xarici iqtisadi fəaliyyətinin liberallaşdırılması mərhələsində institusional tərkib hissə nəzərə alınmırdı, çünki o zaman ortada bu müəssisələrin duruş gətirə bilməsi məsələsi dururdu. Bu boşluq elm-təhsil xidmət və əmtəələrini ixrac edən ölkələrdən əməkdaşlığın qayda və məhdudiyyətlərinin əxz edilməsilə (əsasən, Azərbaycanın ali təhsil müəssisələrinin transavropa TEMPUS proqramında iştirakı vasitəsilə) qismən dolduruldu.

Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın Azərbaycan və xarici ali təhsil müəssisələrinin qarşılıqlı bazar əlaqələrinin sabit inkişafını təmin etməyə qadir olan institusional mexanizminin təkamül qaydasında təşəkkülü əməkdaşlıq institutlarının aramsız yaradılma, inkişaf və transformasiya prosesi və bunların normalar, qaydalar, növlər və formalarda əks olunması kimi təsəvvür edilir. Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın subyektləri qismində onun fərdi iştirakçıları – əməkdaşlıq institutlarının funksional məhdudiyyətlərinə riayət etmək barədə razılığa gələn və öz qarşılıqlı əlaqə sistemini formalaşdıran ali peşə təhsili müəssisələri, təhsil orqanları çıxış edir.

Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın institusional mexanizminin obyektləri onun əməkdaşlıq subyektlərinin birgə iqtisadi

fəaliyyətini tənzimləyən müvafiq məhdudiyyətləri, norma və qaydaları ehtiva edən institutlarıdır. Belə ki, təhsil xidmətləri, onların keyfiyyət standartları, beynəlxalq proqramların lisenziyalaşdırılması. barədə müqavilələrin şərtlərinə riayət edilməsi bazar şəraitində ali təhsil müəssisələrinin qarşılıqlı əlaqələrinin zəruri institusional atributları olacaq.

Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın institusional mexanizminin məqsədi institusional obyektin və ya subyektlərin inteqral mənafeyi ilə müəyyənleşir. Bu məqsədə yetişmək onların differensial maraqlarının gerçəkləşdirilməsini tələb edir. Belə institusional mexanizmin inteqral məqsədi əməkdaşlıq institutunun, yəni dünya birliyi tərəfindən tanınan institusional məhdudiyyətlərin və üstün olanların qorunub saxlanmasıdır. Differensial məqsədlər isə institutların xarici və daxili mühitin dəyişməsinə müvafiq aradan qaldırılması, transformasiyası və ya modifikasiya edilməsi ola bilər.

Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın bazar mexanizminin subyektləri həm də onun institusional mexanizminin subyektləri kimi çıxış edir. Odur ki, institusional mexanizmin metodları beynəlxalq akademik qarşılıqlı əlaqələrin iqtisadi mexanizminin üsul və vasitələrinə müvafiq istifadə edilir, çünki, eyni zamanda, onların tətbiqinin bir hissəsi və nəticəsidir. Məsələn, dövlət tənzimlənməsi metodları əməkdaşlığın bazar tərkib hissəsini ali təhsil müəssisəsinin sahibkarlıq fəaliyyətinin inkişafını birbaşa və dolayısı ilə təsirin əlaqələndirilməsi vasitəsilə stimullaşdırma bilər. Dolayısı metodlar beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlıq subyektlərinin iqtisadi maraqlarının balansını onların inkişafı üçün əlverişli şərait yaratmaqla təmin edir. Subyektlər beynəlxalq qarşılıqlı əlaqələrin iştirakçılarının ictimai və özəl mənafeyinə yardımçı olan formaları barədə müstəqil qərar qəbul edirlər. Akademik mobillik, təhsil xidmətlərinin idxal və ixracı sahəsində, beynəlxalq konvensiyalara qoşulma metodu sahibkarlıq fəaliyyətinin, bazar rəqabətinin stimullaşdırılması mexanizmləri mövcud olduqda, intellektual mülkiyyət institutu və elm-təhsil xidmət və əmtəələrilə mübadilə inkişaf etdirildikdə təsirli olacaqdır [6, 317].

Beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın subyektivi olan, ali təhsil müəssisəsi əməkdaşlığın bu növünün bazar mexanizmi subyektinin məzmununu təşkil edir. Kadrlar yetişdirməklə və elm-təhsil xidmət və əmtəələrinin istehsalını həyata keçirməklə, ali təhsil müəssisəsi əməkdaşlıq institutunun təkrar bərpasını təmin edən institusional tələblərin irəliləməsi, təsbiti və dəyişdirilməsi funksiyalarını yerinə yetirir. Institusional tələblər mikro-makro səviyyələrin subyektlərinin təşkilati və sosial şəraitini təmin edir. Bu subyektlər beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın subyektlərinin çoxsəviyyəli sistemə daxil olaraq, institusional mexanizm sistemini təşkil edirlər. Bu sonuncu sistem isə beynəlxalq təhsilin qlobal milli və digər birliklərini, ali təhsil

müəssisələrini, onların bölmələrini, orqanlarını və təmsilçilər qismində fərdləri ehtiva edir [5, 162].

BEAƏ-nin iqtisadi və institusional mexanizmlərinin qarşılıqlı əlaqəsinə baxmayaraq, onlar arasında fərqlər də var. Əməkdaşlığın iqtisadi mexanizmində prinsip və metodlar, institusionalda isə elmi-akademik birliklərin bölüşdüyü dəyərlər, norma və qaydalar, ənənələr, təsərrüfat və mədəniyyət stereotipləri fəaliyyət göstərir. Ali təhsil xidmət və əmtəələrlə ticarətin beynəlxalq təhsil bazarının mövcud olduğu demək olar ki, yarım əsr ərzində formalaşan ümumi prinsipləri hazırda akademik tərəfdaşlığın ayrı-ayrı sektorlarında, ali təhsil müəssisələrində onun subyektlərinin fəaliyyətini tənzimləyən norma və qaydalar formasını kəsb etmişdir. Bu norma və qaydalar bir sıra Avropa konvensiyasında və YUNESKO konvensiyasında əks olunmuşdur.

Xarici iqtisadi fəaliyyətin şərtləri və amilləri hər məkan-zaman kəsimində dəyişdikcə, ali təhsil müəssisəsi, onu təşkil edən institutlar və onların gerçəkləşdirilməsi vasitələrinə aramsız olaraq yenidən baxacaq və dəyişəcəkdir. Institutionallığın strukturuna C.Bükənen yanaşmasına [2, 19-20] əsaslanaraq, onda aşağıdakı funksional blokların fərqləndirilməsi mümkündür: norma və qaydaların formalaşdırılması; onların həyata keçirilməsi və onlara riayət edilməsinə nəzarət; norma və qaydaların monitorinqi və təshih; formal norma və qaydaların beynəlmilləşdirilməsi [8, 473].

Avropada vahid təhsil məkanı yaradılması üzrə Bolonya prosesinin norma və qaydaları BEAƏ-nin dövlət subyektlərini təhsil haqqında sənədlərin tanınmasının desentralizasiya edilmiş modelinin, vahid Avropa məqbul vahidləri sisteminin (ECTS) tətbiqi, təhsil proqramlarının sertifikatlaşdırılması və s. bağlı fəaliyyətə məcbur edir. Lakin respublikanın beynəlxalq təhsil xidmət və əmtələri bazarının fəal iştirakçısı olan əksər ali təhsil müəssisələri ECTS standartlarından və elm-təhsil xidmət və əmtəələrinin satışının əlverişli şəraitinin təmin edilməsi məqsədilə öz akademik proqramlarının sertifikatlaşdırılmasından artıq çoxdan istifadə edirlər.

Əməkdaşlığın norma və qaydalarının beynəlmilləşdirilməsi xarici motivasiyaların şəxsiyyətin daxili qaydaları ilə uyğunlaşdırılması üçün şərait yaradılmasından ibarətdir. Ali təhsil müəssisəsində beynəlxalq proqramların koordinasiyası institutunun tətbiq və təsbiti onların idarə edilməsində orqan və qurumların iştirakını təmin edir, onların BEAƏ-nin səmərəsi haqqında təsəvvürlər sisteminə bağlılığını gücləndirir və davranışlarını onun prioritetlərinin tanınması yönündə dəyişdirir» [5, 97].

Beləliklə, ali təhsil müəssisəsinin beynəlxalq əməkdaşlığının institusional mexanizmi xarici iqtisadi əlaqələrin reqlamentləşdirilməsinin müəyyən sistemindən ibarətdir. Bu sistem milli və xarici kadrlar hazırlığı institutlarının formalaşması, inkişafı və

transformasiyasını, akademik xidmət və əmtəələr ticarətini dəstəkləyir. Yeni informasiya toplandıqca, əməkdaşlığın istiqamət, məqsəd və vəzifələri dəyişdikcə, onun yeni atributları yarandıqca, BEAƏ-nin institusional mexanizminin funksiyaları və təşkilati formaları təkmilləşir və dəyişir.

İndi isə BEAƏ subyektlərinin institusional qarşılıqlı əlaqəsinin çoxsəviyyəli modelinin nəzərdən keçirək.

İntellektual əmək kadrlarının hazırlığının, akademik xidmət və əmtəələr ticarətinin beynəlxalq xarakteri, onların müasir formaları biliklər, informasiya və peşə vərdişləri kimi məhdud ehtiyatların iki və daha artıq institusional struktur kontekstində sistemli idarə olunmasını nəzərdə tutur. Bu strukturlar qarşılıqlı əlaqənin müxtəlif səviyyələrində yerləşə bilər. Odur ki, ən önəmli strateji vəzifə ali təhsil müəssisəsinin əməkdaşlığının seçilmiş istiqamətlərinin, bir tərəfdən, xarici əhatənin institusional subyektlərinin tələblərinə, digər tərəfdən, onun institusional mühitinin xüsusiyyətlərinə uyğunluğunun müəyyənləşdirilməsidir.

BEAƏ subyektləri qismində beynəlxalq elm-təhsil xidmət və əmtəələri bazarının bütün subyektləri, onların yaradıcıları və istehsalçıları, istehlakçıları və agentləri çıxış edir. Bunlar aşağıdakılardır: ayrı-ayrı şəxslər, ali təhsil müəssisələri və onların bölmələri, müəssisələri, akademik proqramların, lisenziyalaşdırılması, ali təhsil müəssisələrinin qeydiyyat və akkreditasiyası orqanları, təhsil nazirlikləri və onların BEAƏ idarəetmə orqanları.

BEAƏ obyektləri elm-təhsil xidmət və əmtəələri, onların istehsalı və ali təhsil müəssisəsinin institusional inkişafı üçün istifadə olunan ideyalar, biliklər və informasiyalar, həmçinin müşayiətedici və ya dolay xidmətlərdir (məişət, mədəni, nəqliyyat və s.). Əməkdaşlığın seçilmiş istiqamətlərindən asılı olaraq, onun subyektləri qarşılıqlı müəyyən məqsədlər qoyurlar ki, həmin məqsədlər onların planlaşdırılan nəticənin əldə olunmasına şüurlu şəkildə can atmalarının real predmetləridir və onlar məkan-zaman və ehtiyatlar həddləri [7, 118] nəzərə alınmaqla formalaşdırılır.

BEAƏ məqsədləri ümumi problemlərin həllinə yönəlmişdir: ali təhsil müəssisəsinin intellektual potensialının yüksəldilməsi; təhsil xidmət və əmtəələri bazarında bazar rəqabətinin təhlili vasitəsilə əldə olunan bərabərhüquqlu iştirak; beynəlxalq təhsil xidmətlərində elmi-akademik prioritetlərin yerinə yetirilməsi və beynəlxalq elmi-akademik proqramların strateji idarəetmə sisteminin yaradılması; ali təhsil məhsullarının daxili və xarici bazarlarda satışından gəlirin maksimallaşdırılması; onların istehsalı və tədarüku üçün məsrəflərin minimallaşdırılması.

Ali təhsil müəssisələrinin **taktiki məqsədləri**, yəni strateji məqsədlərə yetişmə üsulları qismində xidmət və əmtəələrin orijinal komplekslərinin yaradılması, onların məzmununun daimi

təkmilləşdirilməsi və keyfiyyətə nəzarət; beynəlxalq proqramların idarəetmə sistemində kənar təsirlərdən və məhdudiyətlərdən asılı olaraq dəyişikliklər edilməsi; onların unifikasiyası və standartlaşdırılması, həmçinin BEAƏ-nin təməl dəyərlərinin tətbiq edilməsi.

BEAƏ monitorinqinə onun formalarının həyata keçirilməsini əməkdaşlığın vəziyyəti barədə məlumat verən indikatorlar vasitəsilə aramsız izlənməsini təmin edən tədbirlər sistemini daxil edirlər. O, xarici mühit zərurəti, resurs bazasının çatışmazlığı və s. ilə bağlı ola bilən mənfi xarici və daxili amillərin erkən diaqnostikası üçün istifadə edilir. Bu, beynəlxalq qarşılıqlı əlaqələrin idarəetmə sistemində pozuntuları vaxtında üzə çıxarmağa, xarici və daxili mühitdəki dəyişikliklərə müvafiq qərarlar qəbul etməyə, əməkdaşlığın alternativ növlərinin orta və uzunmüddətli planlaşdırılmasını həyata keçirməyə imkan verir.

Əməkdaşlıq prosesinin aramsız izlənməsinin təşkili onun inkişafı barədə zəruri informasiya əldə etməyə imkan verir. Bazar şəraitində bu rolu akademik xidmətlərə görə beynəlxalq qiymətlər sistemi, həmçinin ali təhsil müəssisələrinin rəqabətinin məqsəd xarakteristikaları yerinə yetirir. Əldə olunan informasiyanın təhlili, onun dolğunluğu və vaxtında olması idarəetmə qərarının seçilməsinin mürəkkəbliyini azaldır. Bundan başqa, BEAƏ-nin neqativ effektlərinin izlənməsinin davam etdirilməsi və müsbət effektlərin inkişafı, nəticələrlə məqsədlər arasında əks əlaqənin təmin edilməsi də monitorinqin vəzifələridir.

BEAƏ institusional mexanizmi onun hər bir subyektinin digər iştirakçıların iqtisadi və institusional maraqlarını öz maraqlarına bərabər tutması prinsipi üzərində qurulur. Odur ki, ali təhsil müəssisəsinin insan kapitalının formalaşdırılması və inkişafı üzrə əsas məqsədinin gerçəkləşdirilməsi beynəlxalq əməkdaşlığın iştirakçılarının qarşılıqlı maraqlarının beynəlmilləşdirilməsi və onların həmin maraqlara riayət etmək barədə könüllü öhdəliklər götürmələri olmadan mümkünsüzdür [1,472-473].

Ali təhsil müəssisəsinin beynəlxalq əməkdaşlıq formalarının gerçəkləşdirilməsi üçün əməkdaşlıq iştirakçılarının funksional təşkilati və informasiya münasibətlərini təmin edən müvafiq infrastruktur zəruridir. 100 və daha çox xarici tələbəsi olan müəssisədə o, aşağıdakıları ehtiva edə bilər: beynəlxalq əlaqələr üzrə prorektor, beynəlxalq əlaqələr idarəsi və ya şöbəsi, xarici tələbələrə iş üzrə dekanlıq və b.

Bazar şəraitində BEAƏ infrastrukturunun funksional (institusional) infrastrukturunu ali təhsil müəssisələri arasında yaranan, elmi-akademik xidmət və əmtəələrinin istehsalını, bölüşdürülməsini, paylanmasını, işləyib hazırlayanlar və müəllimlərlə (adətən, eyni simada təmsil olunurlar), sifarişçilər və istehlakçılar arasında mübadilənin götürərək əmtəə-pul münasibətlərinin sabit inkişafını təmin edir. Beynəlxalq xidmət və əmtəələrin sifarişçiləri qismində həm istehlakçıların özləri (xarici və azərbaycanlı tələbələr, aspirantlar, təcrübə keçənlər və b.), həm də

əməkdaşlığın təhsil və digər xidmətlərinə görə ödənişi həyata keçirən, yaxud belə bir ödənişin üçüncü şəxslər, məsələn, beynəlxalq və ya milli fondlar tərəfindən aparılmasını təşkil edən subyektləri çıxış edə bilər.

Beynəlxalq fəaliyyətin strukturunun təşkilinə əsas metodoloji yanaşma beynəlxalq əməkdaşlığın məqsəd, vəzifə və problemlərinin risk, mümkün neqativ effektlərin proqnozlaşdırılması və neytrallaşdırılması amillərinin nəzərə alınması ilə kompleks şəkildə nəzərdən keçirilməsi sayılır. Biz rus alimi Q.Gimpelin belə bir qeyd ilə razıyıq ki, “beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığın təşkilati strukturu araşdırmalar və təlimin bazarın tələblərindən irəli gələn dəyişən xarakterinə müvafiq olmalıdır”. Deyilənlərlə əlaqədar, ali təhsil müəssisəsinin beynəlxalq əməkdaşlığının təşkilati strukturunun ən mühüm xarakteristikalarından biri onun mərkəzləşdirilmə dərəcəsidir. Bu struktur tam mərkəzləşdirilmiş, yəni marketing, maliyyələşdirmə, təhsil xidmətlərinin istehsalı və satışı üçün cavabdehlik daşıyan ixtisaslaşmış orqan və qurumlardan ibarət ola bilər. Beynəlxalq layihələrin koordinasiyası xarici və daxili şəraitin dəyişməsinə dərhal reaksiya verilməsini tələb edir [3, 57-58].

Beləliklə, beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlıq ali təhsil müəssisəsinin fəaliyyətinin struktur və funksional inteqrasiyasını və sosiallaşmasını səmərəli şəkildə təmin edən və getdikcə daha əlçatan olan ehtiyatdır.

Ali təhsil müəssisəsinin beynəlxalq elmi-akademik əməkdaşlığının institusional mexanizmi hər bir ali təhsil müəssisəsinə rəqabət mühitində uğur qazanmağa və bütün ali təhsil sektoru üçün əlçatan ehtiyatlar uğrunda səmərəli mübarizə aparmağa imkan verir.

Ədəbiyyat

1. Аакер Д. А. Стратегическое рыночное управление. Бизнес-стратегия для успешного менеджмента. – СПб. : Питер, 2002.
2. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. – Т. 1. – М. : Тарус, Альфа. 1997.
3. Зорников И. Н. Международная деятельность современного университета. Выводы столетия // Вестник ВГУ. Серия проблемы высшего образования. – 2002. – № 1.
4. Лебедева Н. Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. – Волгоград : Волга, 2002.
5. Мелар К. Экономика организаций. – М. : Инфра-М., 1996. – 160 с.
6. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. – М. : Мысль, 2001
7. Трепев Н.Н. Стратегическое управление. – М. : Приор, 2002.
8. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М. : Дело, 2001.

**АКТУАЛЬНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОГРАММАХ
ПРОДВИЖЕНИЯ КНИГИ И ЧТЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ФЕСТИВАЛЯ «ЧИТАЮЩАЯ ЕВРАЗИЯ»
К 100-ЛЕТИЮ Л. Н. ГУМИЛЁВА)**

Ю. В. Гушул

**Челябинская государственная академия культуры
и искусств, Челябинск, Россия**

Summary. The experience of Russian–Kazakhstan scientific, school and public libraries and scientific and educational centers supporting harmonization of inter-ethnic relations and intellectual reading in the world is presented. The urgency, problems and prospects of cooperation in international programs to promote books and reading are shown in the preparation of the International Festival «Reading Eurasia» for the 100th anniversary of L. N. Gumilev. The significance of making the young people acquainted with the cultural heritage of Eurasia nations is emphasized. The methods of libraries activities in this area are discussed. The main problem and prospects is the activity, fast and respectfull communication.

Key words: Eurasia; interethnic relations; methods of libraries activities; International Festival of Reading «Reading Eurasia»; Informational society.

Актуальность сотрудничества. Значительный объем чтения сегодня приходится на образовательное, научное, деловое профессиональное чтение. Эту ситуацию следует активно осмысливать, теоретически обосновывать и укреплять, так как стремительно развивающиеся технологии провоцируют появление принципиально новых видов деятельности, и молодым нужно успевать вписываться в стремительно развивающиеся и еще более стремительно меняющиеся профессиональные отношения и информационные образования (виртуальная организация, викиномика, глобальная информационная инфраструктура, коллективный интеллект, онлайн-социальные сети или социально-сетевые услуги и др.). Виды деятельности, формируемые на основе использования новых информационных технологий, порождают новые профессии, что вместе взятое, в свою очередь, предполагает выдвижение новых требований к обществу: готовность к электронизации, медиакультура и др., к профессионалу: цифровая грамотность, культура пользователя электронными ресурсами, медиаграмотность и др., – в том числе могущих вычисляться с применением конкретных показателей: готовность к жизни в информационном обществе (готовность общества к электронным технологиям и электронному окружению), индекс информационного общества, индекс развития сетевого общества, индексы для измерения уровня профессиональной подготовки и инноваций и др.

В инновационных направлениях особо выделяемы сегодня: мобильность, активность, все более акцентируемы требования: обучаемости и даже более – самообучаемости индивидуума. В обществе приветствуется любая активность с приставкой само-, как то: самоинформирование, самообслуживание, самообразование. Потому на первый план вновь выдвигается образование, причем образование непрерывное, образование в течение всей жизни, образование на протяжении всей жизни, дополнительное образование, дистанционное образование. Положительно, что обозначился поворот к качественному образованию, но не – к овладению информационными технологиями. Следовательно, обозначится поворот к чтению. Появившийся сегмент нового читателя – молодое активное поколение XXI века – должен уметь творчески перерабатывать, пересказывать, грамотно использовать в речи полученную не только посредством чтения информацию, но и услышанную, увиденную, принятую в игровой деятельности (медиаграмотность, медиакультура). И с новым читателем необходимо работать по-новому.

Перспективы сотрудничества. Проблемы чтения в электронной среде, читательской рефлексии, передачи информации о прочитанном, рекомендации текстов для чтения находятся в кругу пристального научного интереса многих научно-исследовательских и образовательных коллективов мира. В целях изучения названных проблем, поиска возможных путей их решения таковые коллективы объединяются в мобильные рабочие группы для проведения теоретических исследований и практических работ. Объединение происходит на региональном, межрегиональном, международном уровнях. Объединению разных структур – научных, образовательных, досуговых – способствуют знаковые события мировой науки и культуры, могущие быть интересными для всех заинтересованных групп и несущие в себе потенциал единой идеи сплочения, взаимодействия, сотрудничества. Так, к примеру, Научно-образовательный центр «Информационное общество» (Челябинск, Ю. В. Гушул), секция школьных библиотек Российской библиотечной ассоциации (Омск, Т. В. Лавневич), Национальная академическая библиотека Республики Казахстан (Астана, Г. Г. Дарибаева), Научная библиотека Павлодарского государственного педагогического института (С. Ш. Исаканова) инициировали проведение Международного фестиваля научно-исследовательских и творческих проектов «Читающая Евразия», посвященного 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилёва.

Мы считаем, что имя Л. Гумилёва и его труды способны объединить разные народы, проживающие на территории Евразии одной идеей национального самосознания, самоуважения и уважения к другим народам. Мы уверены, что интеллектуальные тексты Л. Гумилёва, содержащие евразийскую идею единения и гуманного сосуществования, имеют потенциал выступить стержнем, обобща-

ющим работу. Мы видим, что нетривиальный подход к пропаганде чтения – через осмысление евразийской идеи посредством творчества: танца, музыки, драматургии, рисунка и др. творческого самовыражения – более весом и актуален сегодня потому, что задействует информацию в разных форматах, вполне понятных поколению читателей XXI века и используемых ими. Форма фестиваля предоставит молодым читателям возможность заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа.

Мы апробируем возможности разных структур: научной, образовательной, библиотечной, просветительской – в совместной работе. Так, библиотечный подход к изучению научного наследия ученого отличен от теоретического, научно-исследовательского. В библиотеке присутствуют иные методы познания научной мысли и ее продвижения, приобщения к ней через чтение. Библиотечные средства: уже электронные выставки, обзоры литературы, библиотечные массовые мероприятия – должны быть активно включены в электронную образовательную среду. Средствами библиографии: массовое информирование, индивидуальное распространение информации, подготовка библиографических пособий – также возможна качественная и современная пропаганда и популяризация интеллектуального наследия. Мы полагаем, единение разнообразных средств принесет положительные видимые результаты.

Кроме библиотек, к подготовке Фестиваля привлечены кафедры журналистики Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова и библиотечно-информационной деятельности Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кафедра ЮНЕСКО Челябинской государственной академии культуры и искусств; преподаватели Евразийского государственного университета им. Л. Н. Гумилёва, Павлодарского инновационного Евразийского университета и Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова; специалисты ОО «Славянский культурный центр» (г. Павлодар). Фестиваль поддерживается редакциями профессиональных журналов России и Казахстана «Библиотека в школе» (издательский дом «Первое сентября»), «Мир библиографии», «Кітапатшалығы» (г. Астана), «Открытая школа» (г. Алматы); газет «Друг читателя» (г. Алматы), «Ұстаздар газеті» (г. Павлодар), а также заинтересованными в продвижении книги и интеллектуального чтения специалистами, библиотекарями.

Форма фестиваля чтения, в котором главное – обсуждения и передача прочитанного, видится самой перспективной и действенной в рамках культурной модернизации Евразии; в России – в рамках «Стратегии – 2020». Весьма важно популяризировать, пропагандировать научное наследие, привлечь молодежь к чтению

научной литературы; учить анализировать интеллектуальные тексты, дискутировать, преподносить и защищать свою точку зрения.

Конкретные шаги сотрудничества. Программы поддержки и развития чтения целесообразно сверять с государственными программами развития, приурочивать к заявляемым президентами разных стран «юбилейным годам». Так, к примеру, нынешний год объявлен годом столетия со дня рождения Л. Н. Гумилёва. С одной стороны, библиотекари своими особыми – библиотечными – формами и методами работы по пропаганде книги могут поддержать инициаторов и организаторов мероприятий юбилейного года – ученых, издателей. Здесь могут быть и библиотечные уроки, и библиографические занятия, и работа книжных кафе, и библиотечные инсценировки книг, и обсуждения прочитанного, и само чтение вслух. Здесь уже должны быть электронные выставки, списки литературы как навигаторы по электронным ресурсам Интернета и многое другое. С другой стороны, библиотекам будет предоставлено обновленное поле для действия. Действительно, в рамках юбилейного, поддержанного президентами, года всеми заинтересованными структурами форсируются работы по созданию информационных ресурсов, изданию книг, публикации архивных материалов, выпуску медиапродукции, проведению мероприятий – всего того, что является дополнительным стимулом к чтению, созданию атмосферы чтения, появлению первичных ресурсов и необходимости их библиографической переработки. Центральными событиями в фестивале «Читающая Евразия» должны стать познавательная игра по итогам чтения научной литературы «Интеллектуальный лидер Евразии» и конкурсы библиографических, творческих, научно-исследовательских, библиотечно-просветительских (по поддержке и развитию чтения) проектов.

Актуальны и интересны, требуют изучения не только научные воззрения Л. Н. Гумилёва, но – сама его жизнь, отражающая важные, трагические, революционные, героические события истории СССР, России. Через жизнь одного человека – одного из самых ярких граждан СССР – можно изучать и историю страны. Действительно, Л. Н. Гумилёв – ровесник века; он явился очевидцем всех ипостасей России: от царской империи, через страну строящегося коммунизма, победившую фашизм, через годы «оттепели», «застоя», «перестройки» – до обновленной России. Чтение его работ активизирует знания учащихся/студентов по истории Древней Руси, истории России, истории Евразии, географии, литературе, объединяя усилия историков, географов, литераторов и библиотекарей в образовательном процессе.

После того, как выбраны направление и тема проекта по поддержке и развитию чтения, начинается формирование программы и разработка отдельных мероприятий. Модернизируемое образование

требует включения в работу инновационных разработок-сценариев, к примеру – интеллектуальных игр, выступающих интерактивными формами работы по продвижению научного знания и чтения интеллектуальной литературы. Отличия таких мероприятий-занятий могут заключаться в следующем: 1) проведение игры после прочтения научной литературы; 2) включение в игру конкурсов, закрепляющих начальные профессиональные знания по изучаемым предметам, курсам, дисциплинам; 3) игра проводится как наглядная демонстрация библиотечного мероприятия по поддержке и развитию чтения; 4) подготовительная «домашняя» работа участников отвечает требуемой индивидуализации образовательного и просветительского процессов. Все это мы планируем апробировать на мероприятиях самого разного уровня – от городских до международных – фестиваля «Читающая Евразия» в текущем году.

В методические разработки следует включать: варианты оформления аудитории; библиографический конкурс, ориентирующий в информационных ресурсах по проблеме; конкурс творческого выразительного чтения; мы предлагаем для апробации своеобразный конкурс «Жизненное древо ученого». «Жизненное древо» в малом формате заранее выдается каждому участнику, чтобы те видели место того этапа в жизни Л. Н. Гумилёва, по которому собирают дополнительный материал, а также место своего выступления на игре. Участникам выдается список литературы, на основе изучения которой они быстро и точно подбирают интересные и познавательные факты. Каждый участник выявленные конкретные примеры оформляет письменно, возможно, сопровождая их иллюстративным материалом (по желанию: собственными рисунками, найденными готовыми фотографиями, изоматериалами и т. д.), затем на игре, выступая по очереди в порядке этапов жизни и творчества ученого, выбранных для изучения, «оживляет» «древо». В итоге зрители и все участники прослушивают и узнают краткую историю жизни и деятельности ученого с более подробным рассказом о конкретных фактах, сопровождающимся выразительным чтением стихов, отрывков произведений, фрагментов мемуаров.

Конкурс творческого, выразительного чтения заранее подготовленных стихотворений Л. Н. Гумилёва или фрагментов его научных текстов по выбору участников предлагаем сопровождать краткой справкой-сообщением, включающей информацию либо об истории создания текста, либо о времени его создания, либо о реакции общественности на его появление и др.

Проблемы сотрудничества. 1. Готовность всех заинтересованных сторон к мобильной коммуникации, творческому активному взаимодействию в решении рабочих вопросов. 2. Отсутствие инновационных методических разработок. Большая необходимость предложения конкретных методических материалов, сценариев ме-

роприятий, дающих выбор варианта оформления аудитории, отчетных/конкурсных заданий, примера подготовки библиографических материалов при проведении аналогичных творческих мероприятий, посвященных изучению жизни и деятельности иных авторов, специалистов. 3. Готовность к сотрудничеству всех участвующих в мероприятиях сторон: научной, образовательной, библиотечной, архивной, исполнительской, административной и др. Готовность мы понимаем в том числе как непосредственные ответы на предложения о сотрудничестве, касающиеся участия в жюри конкурсов, оказания консультативной помощи, обмена информацией и ресурсами, распространения информации о мероприятиях, привлечения участников. Ответы могут быть и положительными, и отрицательными; но они должны быть.

Интеллектуальные тексты Л. Н. Гумилёва, содержащие евразийскую идею единения и гуманного сосуществования, имеют потенциал выступить стержнем работы по поддержке и развитию чтения. Формы фестиваля и интеллектуальных игр, предоставляющие молодым читателям возможность приобщения к научным текстам и передачи прочитанного посредством творчества: танца, музыки, драматургии, рисунка и др. творческого самовыражения, более весомы и актуальны сегодня потому, что задействуют информацию в разных форматах, вполне понятных поколению читателей XXI века и используемых ими. Единение разнообразных средств и форм продвижения чтения принесет результаты. Только в объединении усилий – залог успеха в формировании читающей нации.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ТЮРКСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР: ЕВРАЗИЙСКАЯ ВЕРСИЯ

Т. В. Серёжкина

**Казахский университет международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы, Казахстан**

Summary. This article represents the historical and culturological analysis of interaction and interference of Turkic and Russian cultures through a prism of the Euroasian idea which has arisen in circles of Russian emigration. Today the Euroasian theoretical model is an important component in formation of ways of association of subcultures of Eurasia.

The Euroasian continent, its studying, interaction of ethnoses on the former Soviet Union remains topical issue in economic, sociocultural and geopolitical spheres of activity.

Key words: Kazakhstan; Eurasian idea; Turkic peoples; Slavs; patriotism; traditional values; Slavic-Russian civilization; Turkic civilization; nationality; originality.

Изучение культурных взаимосвязей между этносами представляет не только теоретический интерес, но имеет прямое отношение к решению экономических, социальных, политических проблем. Поэтому необходимость культурологических исследований процессов межэтнических и межкультурных взаимодействий не вызывает сомнений.

Казахстан – полиэтничное государство, страна, в которой проживают представители более чем 130 национальностей, каждая из которых хранит и развивает собственные культурные традиции, и именно это многообразие этнокультурного ландшафта Казахстана является основой развития общенародной, общенациональной культуры. Сегодня с уверенностью можно сказать, что народы и представители разных этнических общностей, живущие на территории Казахстана, представляют собой единое государственное и историко-культурное целое. Истоки гармоничного, неконфликтного, дружественного характера сосуществования столь многочисленных и столь разных по своим культурным традициям этнических групп лежат в истории культурного взаимовлияния народностей, составляющих и составлявших в прошлом основную массу населения евразийских стран, – прежде всего, славянских и тюркских народов.

Евразийская идея, возникшая в кругах русской эмиграции и оформленная в логически стройную концепцию Н. Трубецким, Г. Вернадским, П. Савицким, В. Ильиным, М. Шахматовым, Л. Карсавиным, Л. Гумилевым, в последнее десятилетие рассматривается многими представителями социально-гуманитарной науки Казахстана и России как основная теоретическая модель, раскрывающая возможности и пути объединения субкультур Евразии. Сформированная евразийцами новая концепция объединения народов Евразии опиралась не только и не столько на геополитические, сколько на религиозно-философские, историко-культурные, этнологические аргументы.

Например, американский этнограф Э. Тайлор (или Тэйлор, как принято писать его фамилию в более поздних изданиях его работ), описывая процессы этнокультурного развития на территории Евразии, придерживается принципа иерархического разделения народов и культур этого региона: «Татарское семейство Северной Азии и Европы (туранское, употребляя это слово в ограниченном смысле) представляет явление совершенно другого рода. Эта широко распространенная группа племен и народов имеет членов, почти или вполне стоявших на уровне дикарей в древние или даже новейшие времена, каковы, например, остяки, тунгусы, лопари, тогда как более или менее высокие разряды культуры представлены монголами, турками и венграми. Но в этом случае не может быть сомнения, что малокультурные племена представляют древнейшее состояние татарской расы, из которого, как известно, поднялись более смешан-

ные и цивилизованные народы, главным образом через принятие чуждой культуры буддистских, мусульманских и христианских народов, а отчасти, благодаря внутреннему развитию» [1].

В отличие от традиционных западных социально-политических учений евразийская концепция государственного единства делает акцент не на изучении государственных и политических форм институционализации этого единства, а на его природных условиях (географических, климатических и т. д.) и духовных основаниях (тип религиозности, ментальность, социально-психологические особенности этнических общностей). Именно этими условиями и основаниями определяется то, что жизнеспособные формы государственного устройства не могут быть результатом свободного выбора народа или политического решения элиты, принятого по тем или иным соображениям. С этой точки зрения должна быть по-новому интерпретирована и социально-политическая история. Евразийцы в своих работах большое внимание уделяли анализу политической организации тюрков, усматривая в ней структуры, которые должны быть положены и в основание современного государственно-политического устройства евразийских стран.

Г. Вернадский считал, что «кочевое общество проявляло высшую мобильность, а политика кочевников отмечалась динамизмом. В качестве примера можно привести точку зрения на данный феномен Г. Померанца: «Общая черта жизни национальной в отличие от племенной и имперской – постоянная переключка друг с другом, внимание к чужому опыту, готовность освоить его. Именно благодаря такой переключке Европа Нового времени оставила позади великие культуры Азии, скованные имперской системой, при которой общая для нескольких народов верховная власть не способствует самостоятельному развитию каждого из них и свободному обмену достижениями» [2]. Как видим, именно те черты единства, взаимовлияния культур тюркских и русских этносов, которые отмечали евразийцы и исходя из которых они создавали имперскую социально-политическую модель, – именно эти черты рассматриваются Г. Померанцем как решающий аргумент против общей для нескольких народов верховной власти.

Больше всего евразийцы боялись распада страны. В письме к П. Б. Струве – своему учителю в России – П. Савицкий писал, что «вслед за падением большевиков вал народной анархии захлестнет Россию. И в обстановке этой анархии выползут, как гады, самостийники». У великой страны должна быть владеющая как народом, так и его лидерами «идея-сила». Евразийцы видели эту общенациональную идею в патриотизме, антизападничестве, государственности, соборности, Православии.

Основоположник евразийства Н. С. Трубецкой отмечал, что тюркские народы в истории России играли большую, подчас опре-

деляющую роль. Эти народы в некоторой степени стали организаторами объединения всех славянских княжеств в единое русское государство. В то же время зависимость евразийской культуры от Запада становится реальной угрозой уничтожения культурной самобытности славянско-русской цивилизации. Л. Н. Гумилев, разделяя и развивая эти идеи, считал, что славянским народам необходимо приобщиться к тюркской культуре, так как именно тюрки внесли решающий вклад в становление русской государственности и этнокультурной идентичности. Евразия является естественным географическим месторазвитием для русского этноса вследствие симбиоза славян и тюрков, ставшим основой развития уникальной евразийской культуры и ее духовной самобытности.

Российские политологи (А. Панарин, А. Куркчи и др.) отмечают, что именно развитие евразийской культуры сможет ограничить притязания Запада, в первую очередь США, на культурную гегемонию. А. Панарин считает, что евразийская культура «как субкультура консервативного типа наиболее перспективна для развития евразийских стран. Она лишена того сентиментального этноцентризма, который издавна является источником слабости почвеннических идей, не умеющих устоять под натиском доктринально строгих и рационализированных текстов цивилизационного типа» [3].

Казахстан как легитимный наследник, представитель, пользователь и субъект развития культурного богатства народов Евразии принимает на себя и обязательства по обеспечению условий толерантного взаимодействия этнокультурных общностей, идентифицирующих себя в соответствии с конфессиональными различиями. В этом отношении необходимо принять во внимание то обстоятельство, что именно через восстановление религиозных воззрений большая часть населения страны пытается возродить традиционные ценности и укрепить морально-нравственные устои казахстанского общества. Религиозная (конфессиональная) принадлежность становится основным индикатором этнической идентичности. Казахские философы А. Нысанбаев и С. Колчигин пишут: «В существующих в настоящее время оценках числа верующих определенной конфессии довольно часто представители какого-либо этноса на основании лишь национальной принадлежности относятся к религиозному сообществу. На самом же деле процент действительно религиозных людей, то есть тех, чье социальное поведение определяется соответствующими заповедями и традицией, охватывает лишь часть этноса и национальной диаспоры. Причем эта часть может в силу специфики нашего транзитного общества составлять и меньшинство этнической группы» [4].

Современники Чингисхана, западные хронисты Плано Карпини и Рубруквис, труды которых изучил и подробно цитировал С. М. Соловьев, отмечали, что в ставке ордынского хана терпимо от-

носились к большинству религиозных учений, в первую очередь к христианству, проповедники которого даже находились на иждивении хана. С. М. Соловьев пишет: «...Минорит Рубруквис сам был свидетелем, как перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные лица, потом муллы магометанские, наконец, языческие жрецы. Рубруквис описывает также любопытный спор, происходивший по ханскому приказанию между проповедниками трех религий – христианской, магометанской и языческой. Рубруквис, защищавший христианство против языческого жреца, позван был после того к хану, который сказал ему: «Мы, татары, веруем в единого бога, которым живем и умираем; но как руке бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам бог дал писание, и вы его соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живем в мире». По уставу Чингисхана и Октая, подтвержденному впоследствии, служители всех религий были освобождены от платежа дани» [5].

Взаимовлияние культур, многообразие традиций, безусловно, являются основой развития национальной культуры Казахстана. Наряду с национальными интересами у всех народов Евразии есть общие цивилизационные интересы. В одном из своих интервью «последний евразиец» Лев Гумилев говорил: «Знаю одно и скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [7].

Научная, социально-философская и культурологическая критика концепции евразийцев важна и необходима. Но, как отмечает С. Лавров, куда важнее взгляды реальных геополитиков Запада, ибо именно оттуда идут импульсы неприятия евразийства, более того – недозволенности России иметь собственную геополитическую концепцию: «Збигнев Бжезинский вроде бы уважительно отмечал, что «евразийству» был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым: историком, географом и этнографом, который в своих трудах подвел мощную научную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, вследствие исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культуры и духовной самобытности. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своего этноса и души» [8].

Оценивая евразийскую концепцию взаимовлияния тюркских и русских этносов и культур, необходимо отметить, что в этой версии, безусловно, много преувеличений и натяжек, тенденциозных интерпретаций истории и искаженных толкований источников. Общим знаменателем различных вариантов концепции евразийства является идея своеобразия этнокультурного типа, возникшего в результате взаимодействия народов и культур Европы и Азии.

Евразийцы характеризовали жителей Евразии как открытых всему миру людей, и эту открытость как специфическую особенность туранско-православной ментальности они вместе с тем рассматривали как общечеловеческую культурную норму. Многие современные исследователи евразийских учений (А. Панарин, А. Нысанбаев, С. Колчигин, А. Куркчи и др.) справедливо считают, что евразийское понимание этнических культур и их взаимодействия способно служить ориентиром при осмыслении путей предотвращения надвигающейся опасности разобщения культур и народов. Как отмечают казахстанские философы А. Н. Нысанбаев и С. Ю. Колчигин, евразийская идея предполагает способность и предназначенность человека к пониманию других людей и их культур. В евразийской идее «соборность смыкается с идеалом гуманизма, а в своем высшем пределе – с идеалом общечеловеческого братства и общепланетарной культуры. И если девиз Запада – «Познай и переделай внешний мир», а девиз Востока – «Познай и переделай самого себя», то девизом евразийства может служить призыв «Твори добро», или, говоря словами Абая, – «Будь человеком» [9].

Библиографический список

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 246.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М. : АСТ, 2000. – 720 с.
3. Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 54–56.
4. Нысанбаев А., Колчигин С. Евразийство – метафора большого явления // Мысль. – 1997. – № 10. – С. 58–61.
5. Панарин А. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 60–69.
6. Померанц Г. Никакая культура не одинока... // Знание – Сила. – 1989. – № 6. – С. 30.
7. Праздников Г. А. Традиция как диалог культур // Советская этнография. – 1981. – № 3. – С. 26.
8. Тайлор Э. Первобытная культура. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 517 с.
9. Трубецкой Н. С. Мы и другие // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. – М. : Айрис-пресс, 2002. – С. 385–401.
10. Флиер А. Цивилизация и субцивилизация России // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 70–83.
11. Шнирельман В. Движение биосферы милостью божьей // Итоги. – 1973. – № 9 (94). – С. 62.
12. URL: [gumilevica.kulichki: net /TNS/ tns13. htm](http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ (В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТЕЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСТВА)

С. М. Губаненкова

Орловский государственный университет, г. Орёл, Россия

Summary. The article considers geopolitical and geographical features of Euro-Asian world which are characterized by «Evraziystvo» – the Russian philosophy of the beginning of the 20th century. The accent of the article is on the idea of necessity and expedience to change Russian foreign policy. The vector of this policy must be changed from European to Euro-Asian. The author gives arguments of Russian philosophers on this problematike.

Key words: Eurasian union; evraziystvo; Russian-Euro-Asian culture; Russia-Eurasia; middle world; mestorazvitie.

События, происходящие в XXI веке, показали возрастающую роль в мировом политическом процессе государств азиатского региона. Страны Азии постепенно занимают лидирующие позиции в экономическом развитии, активно вовлекаются в мировую политику, интеграционные процессы. Это нашло свое отражение и в сотрудничестве государств на постсоветском пространстве. Основы взаимодействия государств бывшего СССР закладывались еще в 90-е г. XX века и связаны с созданием СНГ, затем ЕврАзЭС, Таможенного союза, Общественного Договора о Коллективной Безопасности и др.

Процессы глобализации способствуют дальнейшему развитию этих процессов, что осознается лидерами государств постсоветского пространства. Об этом заявляет и президент России В. В. Путин в своей статье, написанной для газеты «Известия» и озаглавленной как «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» [3]. В ней он рассуждает о необходимости дальнейшей интеграции России, Белоруссии и Казахстана и создании на основе этих стран нового объединения – Единого экономического пространства, которое наряду с Таможенным союзом закладывает фундамент для будущего Евразийского экономического союза, за счет подключения к уже существующим членам новых государств-участников Азиатского региона (Киргизии, Армении, Азербайджана и др.).

По мысли В. В. Путина, эти процессы будут выступать стартовой площадкой для более обширного интеграционного союза – Евразийского. Это «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [3]. Евразийский союз будет выступать ядром дальнейших объединительных процессов не только в Евразии, но и в Европе. Данная система партнерства

Евразийского союза и ЕС будет способствовать созданию условий, способствующих изменению в том числе геополитической и геоэкономической конфигурации континента, что, несомненно, по мнению российского президента, позитивно скажется на развитии современных государств.

Данная идея вызвала неоднозначную реакцию мирового сообщества и побудила вновь вернуться к проблеме геополитического положения России и ее взаимосвязи с культурами Запада и Востока.

Современный исследователь В. В. Толмачев отметил, что «сегодня российский мыслитель находится на распутье: он вынужден либо эклектично соединять в своего рода компендиуме новомодные направления, развиваемые зарубежными коллегами, либо в собственной истории и культуре искать момент заброшенного старта. Отсюда – необходимость переосмысления всего богатого наследия русской философии» [6, с. 60]. Поэтому целесообразно будет вспомнить доктрину евразийства, обосновавшую особую связь российской культуры с восточной, азиатской, что позволило характеризовать первую как русско-евразийскую.

Евразия, в трактовке представителей евразийства, предстает как особый континент, культурный мир, в центре которого располагается Россия. Вследствие этого евразийская культура связана с другими культурами. Однако России-Евразии в силу географического положения, исторического развития, этнопсихологического типа ближе всего именно азиатские народы и культуры. Идеологи философии евразийства (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Карсавин и др.) считали необходимым вслед за поворотом к Европе, начатым Петром I, совершить разворот к Азии, что скажется на внешней политике российского государства.

Особенностью геополитики России и ее культуры, по мнению евразийцев, является обращенность в одинаковой мере и к Востоку, и к Западу. «В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада» [4, с. 297]. Евразийцы в своих произведениях стремились осуществить синтез восточных и западных начал, в том числе используя геополитические доказательства этого единства. Они рассматривали Россию-Евразию как ось Старого Света (Евразии), без которой все остальные его части «рассыпаются», лишаются своей системной связи. Данная роль объединяющего «срединного мира» показывала свое значение в истории – политическое влияние в евразийском мире кочевников от Европы до Китая, через Переднюю Азию, Иран и Индию, которые служили посредниками между разрозненными культурами. Россия-Евразия обеспечивает единение государств Старого Света, сочетая элементы Востока и Запада и тем самым снимает дихотомию между ними. По мнению П. Савицкого, этот факт, лежащий в природе вещей, подводит к одной из главных задач объединения – культурной интегра-

ции. Поэтому для России Восток и Запад представляют собой два ее фронта политики – западный и юго-восточный.

Л. Н. Гумилёв, называвший себя «последним евразийцем», высказывал идею о том, что, привлекая к себе лучшее из Азии и Европы, Россия не переставала быть самой собой [1, с. 21]. Это обстоятельство, по мысли российского ученого З. С. Алябьевой, делает нашу страну – страной будущего, способной сохранить мир для разных людей и культур.

Географическое положение, природа стран Европы и Азии способствуют появлению небольших замкнутых миров. Здесь существуют необходимые условия для существования малых государств, специфических культурных укладов, экономического разнообразия на узком пространстве. Евразия, благодаря «флагоподобному» расположению географических зон, способствует постоянной миграции людей, смешивая культурные и этнические элементы. Сама история, природа этого континента способствует политическому, культурному и экономическому объединению народов, его населяющих. По мнению, евразийца Н. С. Трубецкого, Евразия представляет собой географическое, экономическое и антропологическое целое. Наличие в нем разнообразных природных и географических частей, а также существование между этими частями естественной связи предопределяет тот факт, что Евразия по своей природе исторически предназначена для государственного объединения.

Центробежные тенденции, если и случаются, то на исторически короткое время, сменяясь центростремительными процессами, подталкивающими государства к взаимодействию. П. Савицкий писал, что «над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас – от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивание, что здесь легко просыпается «воля к общему делу» [4, с. 302].

Воспринимая эту традицию объединения России, на современном этапе необходимо, по замыслу евразийцев, отказаться от прежних методов насилия и использовать инструменты культурного творчества, сотрудничества народов. Тем более что евразийское «месторазвитие» способствует общему делу и начинаниям народов мира. Категория «месторазвитие» в учении евразийства выступает центром геополитической концепции и объясняет влияние географических факторов на культуру, внутреннюю и внешнюю политику государств. Так, В. Н. Побединский отмечает, что «месторазвитие» как определенный «пространственный фактор в учении евразийцев, предполагает непосредственное влияние природных ландшафтов на

историю каждой из культур. Географическое пространство в решающей степени влияет как на культуру, так и на национальную историю народов...» [2, с. 24].

Для понимания политических и исторических процессов той или иной страны необходим синтез географических и политико-исторических фактов. П. Савицкий рассматривал Россию-Евразию как «географический индивидуум», т. е. географический, хозяйственный, экономический, исторический, этнический и т. д. ландшафт, особое месторазвитие, зная особенности которого, можно познать разнообразные явления и особенности социально-исторической среды.

Таким образом, евразийство может выступать привлекательной концепцией в осмыслении и решении проблем, стоящих перед современной Россией. Тем более что ключом к осмыслению современных процессов общественной жизни в значительной степени выступают исторические события. Последние, в свою очередь, дают примеры взаимосвязи российской внутренней и внешней политики с государствами Азии.

Библиографический список

1. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004.
2. Побединский В. Н. Культура и «почва» в учении евразийцев: геософия или геополитика? // Вопросы культурологи. – № 11. – 2009.
3. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // URL: www.izvestia.ru от 03.10.2011 (дата обращения: 06.10.2011).
4. Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // Континент-Евразия. – М. : Аграф, 1997.
5. Толмачев В. В. Евразийский подход к национальному вопросу в контексте современности // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новороссийск, 1998.

MÜASİR DÜNYANIN INKIŞAF MEYLLƏRİ

T. B. Ağayev

Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The article reviews the problems of the modern world based on the processes of globalization. In particular, it pointed out the problems that have arisen in connection with the clash of civilizations, a clash of two development projects - an open society and the forces of total power.

Key words: peace; social development and civilization; an open society; totalitarianism.

Müasir şəraitdə bütün dünya dərin dəyişikliklərə məruz qalır, sosial dəyişikliklərin intensivliyi daim yüksəlir. XX əsrin sonu və XXI əsrin əvvəlləri bu cəhətdən görünməmiş sürətlə səciyyələnir. Bu gün gözlərimizin qarşısında ən müxtəlif səviyyəli sosial struktur kompozisiyaları tanınmayacaq dərəcədə dəyişir. Bir nəslin həyatı dövründə yalnız ayrı-ayrı cəmiyyətlərin deyil, həm də bütün dünya düzəninə təşkilat formaları dağılır və yeniləri yaranır. Dəyişikliklərin məntiqi bəşəriyyəti əvvəllər görünməmiş elə sosial vəziyyətə gətirmişdir ki, onun təsiri cəmiyyətlərin hər birinin sivilizasiya əsaslarından asılı olmayaraq, milli sərhədlərin hüdudlarını aşır. İnsan üçün belə mütəhərrik sosial reallıqda dayaq nöqtəsi tapmaq, ona uyğunlaşmağın yeni vasitələrini axtarmaq getdikcə daha da çətinləşir.

Müasir dünyada nə baş verir? Onun inkişafının əsas meylləri hansılardır? Sürətlə dəyişən dünyada Azərbaycanın yeri necədir? Həmin məsələlərin sosioloji təhlili həm elmi-nəzəri, həm də praktik əhəmiyyət kəsb edir.

Dünya sisteminin inkişafında son onillikdə bəzi yeni meyllər üzə çıxır. Bunlar ictimai həyatın informasiyalaşması, sosial proseslərin qloballaşması, müasirləşmənin böhranı ilə bağlıdır. İctimai həyata yeni informasiya-kommunikasiya texnologiyalarının tətbiqini bəzi alimlər haqlı olaraq, informasiya inqilabı adlandırırlar. Cəmiyyətlərin informasiyalaşması və kompyuterləşməsi sosial reallıqda inqilabi dəyişikliklər ilə müqayisə oluna biləcək əhəmiyyətli dəyişikliklər doğurur: sənaye sistemlərinin dərinliklərində yeni informasiya cəmiyyəti yaranır.

Bu termini elmi dövriyyəyə Tokio Texnoloji İnstitutunun professoru Y.Xalşi daxil etmişdir. İnformasiya cəmiyyəti dedikdə, yapon alimləri kompyuterləşmənin yüksək səviyyəsinin informasiyaya daxil olmağı təmin etdiyi cəmiyyəti başa düşürdülər. Artıq mexanizmlərlə yox, simvollarla işləmək vərdişləri inkişafın əsas vasitəsidir: informasiya, biliklər, ideyalar, layihələr, sürətlər, fərasətlilik, təxəyyül və i.a. İnformasiya ehtiyatı müasir cəmiyyətlərin inkişafında strateji əhəmiyyət kəsb edir. Bu, elm, təhsil, xüsusilə də ali təhsil sistemlərinə münasibəti əhəmiyyətli dərəcədə dəyişir; o, müxtəlif dövlətlərin sosial inkişafında strateji

əhəmiyyət kəsb edir. Cəmiyyətin sosial stratifikasiyası əsaslı dərəcədə yeniləşir. İyerarxik vertikalın ən yüksək təbəqələrini elə sosial qruplar tutur ki, onlar informasiyaya, biliklərə, ideyalara malik olma, layihələndirmə və sair bacarığı ilə səciyyələnilirlər. Bu, bir qayda olaraq, yüksək ixtisaslı işçilərdir. Dünyanın inkişaf etmiş ölkələrində onların sayı digər sahələrdəki işçilərin sayından daha artıqdır. İnformasiya texnologiyaları müxtəlif təsərrüfat subyektlərinin fəaliyyətinin səmərəliliyini, rəqabətə davamlılığını müəyyən edir.

İnformasiya texnologiyaları sosial əlaqələrin yeni xüsusiyyətlərini şərtləndirir. İnsanlar bir-biri ilə birbaşa, sosial təsisatlardan, o cümlədən sərəhəd, norma, qayda, proseduralara malik dövlətdən yan keçməklə əlaqə qururlar. Planetin istənilən nöqtəsi real zaman rejimində insanlar, ideyalar, sənədlər üçün əlçatan olur. Belə şəraitdə informasiya iqtisadi və sosial həyatın əsas komponenti kimi çıxış edir.

Bununla yanaşı, tədqiqatçılar informasiyalaşmanın mənfi nəticələrini də qeyd edirlər. Sənaye cəmiyyəti ilə müqayisədə informasiya cəmiyyətində daha intensiv şəkildə solumun iki təbəqəyə parçalanması baş verir. Bunlar biliklərin daşıyıcısı olan intellektuallar təbəqəsi və yeni informasiya iqtisadiyyatına daxil olmayanlardan ibarət təbəqədir.

Statistika göstərir ki, bütün XX əsr ərzində, xüsusilə də 20-ci illərin ortasından başlayaraq 70-ci illərin ortalarına qədər, yəni 50 il ərzində inkişaf etmiş ölkələrdə əmlak bərabərsizliyi davamlı şəkildə kiçilmişdir. 70-ci illərin ortasından başlayaraq isə o, eynilə davamlı şəkildə artır. Bu, informasiya cəmiyyətinin təşəkkül tapması ilə bağlıdır. Bu cəmiyyətin ən mühüm xarakteristikası biliyin ictimai sərvətin əsas elementinə çevrilməsidir. Yeni cəmiyyət hamıya müxtəlif imkanlar, müxtəlif həyat keyfiyyəti verir, çünki burada sosial təbəqələşmə prosesi artıq təhsil əlamətinə görə dərinləşir.

İlk dəfə olaraq şüurun formalaşdırılması texnologiyaları o dərəcədə ucuzlaşır və sadələşir ki, onlar praktiki olaraq hamı üçün əlçatan olmuşdur. Ənənəvi marketinqdən fərqli olaraq, onlar əmtəəni insanların arzularına yox, əksinə, insanları mövcud olan əmtəəyə uyğunlaşdırır. Bundan ən müxtəlif, o cümlədən çirkin siyasi məqsədlərlə istifadə etmək olar.

Dünya sistemində son illikdə baş verən sosial, siyasi, iqtisadi dəyişikliklər qlobal transformasiyanın konturlarını: beynəlxalq münasibətlər sahəsində sivilizasiya dinamikasını və yeni hadisələri, hələ ki, çox qeyri-müəyyən bir surətdə formalaşdırır.

Müasir ümumbəşəri sivilizasiyadakı dəyişikliklər üç baxış nöqtəyindən izah olunur. Bu halda üç yanaşmanı fərqləndirmək mümkündür. Birinciyə Frensis Fukuyamanın «tarixin sonu» nəzəriyyəsi aiddir. Bu nəzəriyyəyə görə, dünyada inkişaf etmiş cəmiyyətlərin bütün sosial atributlarının, hər şeydən əvvəl liberal demokratiyanın, rasionallaşdırılmanın yayılması tarixin sonunun çatmasını göstərir.

Fukuyamanın «irrasionalizmin sonuncu dayağı» adlandırdığı Sovet İttifaqının dağılması ilə tarixin sonu çatdı, bundan sonrakı hər şey rasionallıq və qabaqcadan bilinəndir. Hətta 2001-ci ilin 11 sentyabrında baş verən məlum terror aktından sonra öz məqalələrindən birində Fukuyama qeyd etmişdi ki, bu, dünyanın bütövlükdə uğurla davam edən modernləşməsinin yalnız acı nəticəsidir.

İkinci nöqteyi-nəzər dünya sistemindəki müasir proseslərin ciddi dəyişikliklər kimi qiymətləndirilməsinə əsaslanır. Modernləşmə prosesi ziddiyyətlərdə «dolaşmış qalıb», bəşəriyyət müasirləşmədən öz məyusluğunu özünəməxsus demodernləşmə, «sosial postmodernlə» - iqtisadi səmərəliliyə söykənməkdən imtina etməklə, ictimai qaydanın bürokratik strukturlarına etinasızlıq, elmi rasionallığa inamsızlıq və irrasional davranışla vurğulayır. Ən ekstremal aspektdə «postmodern» dünyanın «neoanarxiyalaşması» kimi – müasir sosial həyata sənayedən əvvəlki, icma zamanının adət və ənənələrinin çıxarılması ilə təzahür edir. Bu nöqteyi-nəzər müəyyən dərəcədə S.Hantinqtonun «sivilizasiyaların toqquşması» konsepsiyasında öz əksini tapmışdır. Dünyada modernləşmə dəyərləri sisteminin irəli çəkilməsi labüd olaraq onun digər dəyərlər sistemləri ilə toqquşmasına gətirəcəkdir. XXI əsr planet məkanında müxtəlif sivilizasiyaların üfüqi toqquşmaları əsridir.

Üçüncü nöqteyi-nəzər (İ.Vallersteyn, A.İ.Neklessa) dünyadakı sosial dəyişikliklərdə, qarışıqlıqda və xaosda müasir sivilizasiyanın Yer kürəsində mövcud olan mədəniyyətlərlə yox, gələcək sivilizasiyanın təzahürləri ilə toqquşmasını görür.

Müasir dünyanın xarakterik xüsusiyyətlərindən biri də beynəlxalq münasibətlərin yeni sisteminin formalaşmasıdır. Müasir dünyada uzun müddət Avropada hegemonluq uğrunda mübarizə aparan dövlətlər arasında 1648-ci ildə bağlanan Vestfal sülhünə görə Vestfal sistemi adlanan keçmiş beynəlxalq münasibətlər sistemində ciddi dəyişikliklər baş verməkdədir. Bu sistemdə beynəlxalq əlaqələr formal olaraq bərabər və suveren dövlətlər arasında münasibətlər kimi başa düşülür. Qəbul edilmişdir ki, dövlətlərarası uzlaşdırma üzrə tənzimləyici rolunu Birləşmiş Millətlər Təşkilatına – BMT-yə məxsusdur. BMT-yə 191 dövlət daxildir, onların hər biri bu birlikdə bərabərhüquqludur.

Lakin SSRİ-nin, dünya sosialist sisteminin iflası ilə beynəlxalq münasibətlərdə prinsiplial dəyişikliklər meydana çıxmağa başladı. İlk növbədə dünya üzərində bir geosiyasi gücün total hakimiyyətinin bərqərar olması meylli özünü tam açıqlığı ilə göstərməyə başladı. Belə ki, beynəlxalq münasibətlər sisteminin özündə dövlətlərin iyerarxiyası yaranmağa başladı. Yeni, beynəlxalq münasibətləri tənzimləyən subyektlər yarandı: «qlobal dövlət», NATO, «Böyük səkkizlik».

Qlobal iqtisadiyyatın idarə edilməsinə fəal şəkildə ixtisaslaşmış təsisatlar – Beynəlxalq Valyuta Fondu (BVF), Beynəlxalq Yenidənqurma və İnkişaf Bankı (BYİB), Beynəlxalq Ticarət Təşkilatı (BTT) və s.

qoşuldular. Onların hamısı dövlətlər arasında bərabər hüquqlu yox, elitar münasibətlə fərqlənir. A.İ.Neklessanın təbirincə desək, yeni qlobal tənzimləyici birliklərdə «bir ölkə – bir səs» forması üzrə səsvermənin rolu «bir dollar – bir səs» alternativinin hesabına azalmağa başladı. Hazırkı böhranlı dünya mühitində dövlətlər arasında münasibətlər sisteminin səciyyəvi cəhəti qeyri-müəyyənlik olmuşdur (amiranə təşəbbüsün Vestfal beynəlxalq sisteminin qanun və qaydalarından üstünlüyü; beynəlxalq orqanlar tərəfindən dövlətlərin istefaya çıxmış və fəaliyyətdə olan şəxslərinin məhkəmə təcibi praktikası) [5, 103].

Müasir böhranlı dünya mühitində gələcək dünya düzəninin iki meyli, iki qlobal strateji layihəsi toqquşur: dünya sisteminin qlobal açıq cəmiyyətə sosial-mədəni təşkili və dünya üzərində bir geosiyasi gücün total hakimiyyətinin bərqərar olması. İkinci meyl getdikcə daha artıq dərəcədə özünün tutarsızlığını nümayiş etdirir.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Həsənov Ə. Geosiyasət. – B., 2010
2. Mehdiyev R. Yeni siyasət: inkişafa doğru. – B., 2008
3. Cozef E. Stiglits. Qloballaşma və onun doğurduğu narazılıqlar. – B., 2004.
4. Xəlilov S. Sivilizasiyalararası dialoq. – B., 2009.
5. Неклесса А. И. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений. Мировая экономика и международные отношения. 2002. – № 9. – С. 103–112.

SIYASI SOSIALLAŞMA VƏ INFORMASIYA CƏMIYYƏTI

Ü. A. Şəfiyev

Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The different stages of political socialization are related to social systems and life cycle of man. Over the past 20 years of post-Soviet reforms in society, enhanced the political maturation of individuals, especially seniors. As young people, there is link between generations (in terms of political socialization) is broken. Thus, the socio-political norm sand values, political traditions are destroyed formed a certain vacuum. Depending on the nature of the interaction between the individual and society, researchers distinguish between several types of political socialization, which are also referred to in the article.

Key words: community; identity; political socialization; the types of political socialization.

İnkişaf etmiş informasiya şəraitində siyasi sosiallaşma sosial-informasiya nöqtəyi-nəzərindən araşdırılır. Siyasi sosiallaşma bir tərəfdən cəm olma, analiz, mənimsəmə və informasiyanın şəxsiyyət tərəfindən qəbul olunması deməkdirsə, eyni zamanda, xüsusi sosial

təcrübə nəticəsində və qarşılıqlı münasibətlərdə və davranışlarda da özünü təqdim edir.

Bu nöqteyi-nəzəri başqalarından fərqləndirən odur ki, siyasi sosiallaşma prosesi bu və ya digər subyektin fəaliyyəti kimi təqdim olunmamış, eyni zamanda cəmiyyətin özü təşkil olunmuş informasiya sisteminin bir xassəsi kimi təqdim olunur.

Burada informasiya hal-hazırda cəmiyyətdən alınan informasiyanın məzmunu kimi çıxış edir. Bu halda sosiallaşma kimi insan nəzərdə tutulur, insanlar qrupu siyasi şüurun daşıyıcısı kimi nəzərdə tutulur. (fərdi, qrup, kütləvi). Dövlət həmişə siyasi sosiallaşmanın agentı kimi çıxış edir. Agentlər, predmetlər, beləliklə informasiya sisteminin elementlərinə çevrilir. Siyasi sosiallaşmanın vacib funksiyaları siyasi məkanda şəxsiyyətin uğurları və bacarıqlarıdır, eyni zamanda siyasi sistemin işə salınması, dövlətin sələfçiliyinin inkişafı deməkdir.

Bir tərəfdən insan mövcud olmağa can atır, siyasi sistemdə öz maraqlarını realizə edir, ona görə də onun informasiyaya tələbatı yaranır və o bunu şüurlu və qeyri-şüuri vəziyyətdə edir. O, siyasət haqqında müəyyən səviyyədə biliklər alır. Sosial qrupla özünüuyğunlaşdırma, eyni zamanda millətlə identifikasiya baş verir. Nəhayət, onun dəyər ölçüləri formalaşmağa başlayır. Bütün bunlar özünəməxsus informasiya filtrləridir, həm də istənilən siyasi fəaliyyətin istiqamətləndiricisidir.

İkincisi, siyasi sosiallaşma – bir alətdir, hansı ki, onun vasitəsilə rejimin lejitimliyi dəstəklənir, burada rejim siyasi kurs keçir, həm də bu siyasi sistemin müəyyən mexanizmidir.

Bu funksiyalar bir-birinin əksi deyil. İnformasiya axınlarının hormonal birləşməsi siyasi prosesləri nizamlamaqla məşğuldur, həm də siyasi sistemin stabilliyini təmin etmək üçün fərd və qruplar məcmusunun tələblərinin həcminə cavab verir. Sosiallaşmış şəxsiyyət sosial-siyasi cəmiyyətin çərçivələrində özünü uğurla realizə edir. Beləliklə, siyasi sosiallaşma cəmiyyətin sisteminin bir xassəsidir.

Belə ki, siyasi sosiallaşma-ikitərəfli prosesdir, əvvəla cəmiyyət tərəfindən məktəb tədris proqramlarını yoxlamaq mümkündür, eyni zamanda kütləvi informasiyanı, tərbiyə və təbliğatı nəzarətdə saxlayır. İkincisi, şəxsiyyət informasiyanı qəbul edib etməmək amillərini ayırd edir. Burada bir şeyi xatırlamaq lazımdır ki, insanın informasiyanı seçmə məsələlərinə gələndə isə bu münasibət şüuraltı səviyyədə yerləşir. Bu seçmə, bir qayda olaraq insanın şüurunda yerləşən informasiyaya şərait yaradır. Məhz buna görə də siyasi sosiallaşma prosesi, başqa sosiallaşmalar kimi ətrafdan daxil olma şəklində təqdim olunur.

Öz növbəsində, siyasi şüur geniş mənada siyasi sosiallaşmanın nəticəsidir. İnsanın şüurunun formalaşması mexanizmi iradi və qeyri-iradi diqqəti özündə birləşdirir və bunlar informasiya axarını nizamlayır. İradi diqqətə insan iradəsi özü şərait yaradır. Qeyri-iradilər isə insanın emosional psixoloji şüura uyğun olaraq inkişaf edir.

Yuxarıda qeyd edildiyi kimi siyasi sosiallaşma prosesi özündə tərbiyəni, siyasi fəaliyyət vərdişlərini, siyasət haqqında bilikləri birləşdirir. Siyasi sosiallaşmanı təşkil edən göstəricilər inəan şüurunun formalaşmasına təsir edən xarakterik mexanizmləri təqdim edir. Ona görə də «tərbiyə» terminin işlənməsi subyektin siyasi sosiallaşmaya məqsədyönlü təsirini nəzərdə tutur.

İnformasiya tələbatını idarə etməklə insanların informasiya davranışına təsir göstərmək olar. Siyasi sosiallaşmanın belə mexanizmləri təsirin birbaşa və dolay mexanizmləridir. Belə ki, əgər fərdə uşaqlıqdan informasiya müəyyən baxış bucağından təqdim olunursa, onda bu həmin şəxsiyyətin bu istiqamətdə formalaşmasına səbəb olur. Gələcəkdə şəxsiyyət özü informasiyanı seçir və o, öz istiqamətinə uyğun olan informasiyanı əldə edir [1, s. 10]. Tərbiyə siyasəti və informasiyalaşma sabiq Sovet İttifaqında və əksər ölkələrdə, eyni zamanda ABŞ-da bu yolla inkişaf etmişdi. O faydalıdır və hakimiyət subyektlərinə insanların davranışını nəzarətdə saxlamağa imkan verir. Lakin siyasi sistemin dəyişməsi və modernləşməsi zamanı insan böyük stress keçirir, dəyərləri rədd edir, quruluş cəmiyyətin gələcək inkişafına əks təsir göstərir, ya da vəziyyəti qiymətləndirmək bacarığına malik olmur və başqa siyasi qüvvələrin manipulyasiyası altına düşür.

Təsirin ikinci yolu odur ki, insanı çoxölçülü məkanda asan və sərbəst olaraq ölçü götürməyə öyrədir. Siyasi mədəniyyət səviyyəsinin cəmiyyət tərəfindən idarə olunması, həm də sosiallaşmanın idarə olunması bir qədər sadədir və burada özünü inkişaf, özünü izamlama mexanizmləri vardır. Lakin belə cəmiyyətin yaradılması prosesi çox zaman tələb edir və burada sosiallaşma agentlərini və amillərini nəzərə almaq lazım gəlir.

Siyasi sosiallaşma agentləri kimi konkret insanlar və formal institutlar çıxıs edir ki, onlar da siyasi dəyərləri ötürür. Siyasi sosiallaşma agentlərini siyasi və qeyri-siyasi növlərə bölmək olar. Real həyatda siyasi və qeyri-siyasi sosiallaşma sıx şəkildə kəsişir. İnformasiya yanaşması nöqtəyi-nəzərindən subyektlərin bütün məcmusu siyasi sosiallaşmaya təsir göstərdiyindən belə bir altsistem birliyini təqdim etmək olar:

1. Tərbiyə altsistemi – ailə, məktəb, qeyri-formal qruplar, dostlar, klub və təşkilatlar, kilsə, KİV
2. Təhsil altsistemi – məktəb, orta və ali məktəblər, ali məktəb sonrası müəssisələr
3. Kommunikasiya və kütləvi informasiya vasitələrinin altsistemi.
4. Cəmiyyətin siyasi mütəşəkkilliyi - qanunlar, dövlət, siyasi partiyalar və hərəkatlar, gənclər təşkilatı.

Siyasi informasiyanı ötürən mənbədən asılı olaraq ilkin və sonrakı mənbələri ayırd etmək olar. İlkin olanlar ictimai funksiyaları yerinə yetirir və geniş təbəqələrin siyasətə qoşulmasını təmin edir.

(KİV) ikincilər (sonrakılar) – siyasi informasiyanın müəyyən sosial qrupa və ya fərdə ötürülməsi üçün təyin olunmuşdur.

Göstərilmiş funksiya ailə institutları ilə, təhsil ocaqları ilə, qeyri-formal mühitlə həyata keçirilir. İlk mənbələr sonrakılardan variativliyi fərqlənir. İnformasiyanın ötürülməsi və «ikinci» işlənməsi buna şərait yaratmışdır. Ona görə də effektivlik peşəkar keyfiyyətlərdən ,eyni zamanda pedaqoji cəhətlərdən asılı olacaq.

İlkin olanlar – siyasi kompetentlikdən (təcrübə və peşəkarlıq) və şəxsiyyətdən asılıdır, ikincilər – siyasi informasiyanın «çatdırılma» bacarığı üzərində bazisləşir fərdi və yaş həddi xüsusiyyətlərini nəzərə alır.

Siyasi sosiallaşmanın ilkin mərhələlərində əsas və vacib rolunu ailə oynayır, hansı ki, uşağın siyasi baxışlarını formalaşdırır, eyni zamanda siyasi davranışın modellərini müəyyən edir. Kifayət qədər sabit siyasəti olan ölkələrdə uşaqların valideynlərindən asılılığı hökm sürür. Ailədə tərbiyə olunaraq uşaq siyasi sosiallaşmanın agentləri ilə ünsiyyətə girir, sonra məktəb heç də ailədən az rol oynamır.

Məktəb tək-cə sosiallaşmanı tamamlamır, eyni zamanda uşağın ailədə aldığı informasiyanı yenidən qurur. Məktəbdə siyasi sosiallaşma iki istiqamət üzrə həyata keçir. Birincisi, birbaşa siyasi sosiallaşma humanitar fənlərin tədrisi ilə həyata keçir, harada ki, ölkənin siyasi quruluşunun prinsiplərindən danışılır və vətəndaşların hüquq və vəzifələri izah olunur. İkincisi, latent vasitəli sosiallaşmadır. Siyasi sosiallaşma prosesi zamanı şəxsiyyətin sosiallaşmasında məktəbin yeri sosiallaşmanın xarakteri ilə müəyyən olunur. Məktəbin latent təsiri iki informasiya axınında baş verir. Əvvəla , müəllimlərlə şagirdlər arasındakı təmasın xüsusiyyətləridir, eyni zamanda uşaqlar arasındakı münasibət və şagird özünüidarə təşkilatları arasındakı təmasdır.

Daha sonra – ikincisi bu tədris müxtəlif fənlərin tədris olunması və informasiyanın qazanılması yolu ilə gerçəkləşir.

Siyasi sosiallaşmanın vacib agentləri eyni zamanda ailədən kənar yaxın mühitdir – bu yaşlılar, dostlar və müxtəlif personalar ola bilər. Müəyyən vəziyyətlərdə bu agentin təsiri ailə və məktəbdən güclü ola bilər [2, s. 298].

Müasir dövrdə siyasi sosiallaşmanın birinci mərhələsində agent kütləvi ünsiyyət vasitələridir: mətbuat, radio, televiziya, kino, videoyazı, kompüter şəbəkələri.

KİV gənclərə və yeniyetmələrə təsirindən danışarkən, birinci növbədə informasiya təsirini qeyd etmək lazımdır. Kütləvi İnformasiya Vasitələri sayəsində mənzillərimizin divarları planetin sərhədlərinə qədər hərəkət edir [3, s. 46]. Eyni zamanda rəngarəng, ziddiyətli, qeyri-sistematik insan davranışları, həyat tərzləri, müxtəlif sosial təbəqələr, dinlər, ölkələr haqqında məlumat əldə olunur. Böyüməkdə olan hər bir insanın istifadə etdiyi kütləvi kommunikasiya vasitələri xüsusi özünəməxsus informasiya aləmi yaradır. Müəyyən həyat məkanında

yaşayan insanların informasiya dünyası (sınıf yoldaşları, qardaşlar, qohumlar) bir-birindən fərqlənir və bu da dəyər ölçülərinin üst-üstə düşmədiyini müəyyən edir. Bundan əlavə KİV qeyri- formal sistemi formalaşdırır və müxtəlif elm ocaqlarında tədris sistemləri bir-birindən fərqlənir. Texniki çevrə yeni komponentlər yaradır.

O uşaqların inkişafı üçün şərait yaradır, eyni zamanda uşaqların söz ehtiyatını azdırır, geniş informasiya mühiti yaradır. Həm də obyektiv olaraq dinləyicini, tamaşaçını, tələbatçını formalaşdırır.

Məsələn, texnosfera informasiya məkanının siyasi davranışa və şüura təsir etməsi gənclərdə siyasi hadisələr və bu hadisələrdə insanların iştirakı baxımından illüziyalar yarada bilər. Öz növbəsində siyasət özü getoliksə virtual təsir bağışlaya bilər. Bir çox siyasətçilər siyasətə şou elementləri ilə başlayırlar. Belə ki, emosional, arqumentləşmiş, inanılmış nitqlər xalq qarşısında əvvəllər vərəqlər və mətbuatla müraciət olunurdu, indi isə audio-videoroliklər siyasəti yarım ay içində dəyişməyə qadirdir.

Kütləvi informasiya vasitələri həm də siyasi sferada insan şüuruna hökmranlıq edən normaların özünə yer tapması vəzifəsini icra edir. Daha böyük təsiri göstərən televiziya və radiodur. Kütləvi informasiya vasitələri ictimai rəyin formalaşması prosesinə təsir edir. Bununla belə kütləvi informasiya vasitələri siyasi manipulyasiya üçün bir vasitədir, həm də siyasi şüurun gizli idarə olunması üçün və insanların davranışını idarə etmək üçün vasitədir.

Müasir global proseslər göstərdi ki, siyasi mədəniyyət, situasiya ölkələrdə daha səylə dəyişir, nəsillər növbələşir, ona görə də proses sosiallaşma çərçivəsində bütün həyat boyu müşayiət olunur. Siyasi sosiallaşmanın mərhələlərlə növbələşməsini bu qaydada təsvir etmək olar.

Doğulandan 6-7 yaşına qədər münasibətlərin hakim prinsiplərinin əsaslarını mənimsəyir, valideynlərə tabe olmağı öyrənir, avtoritetləri öyrənir, doğmaların və yaşlıların təsirini qazana bilir. Bu mərhələdə insan informasiyanı analizsiz qəbul edir, lakin informasiyanın emosional təsiri qalır. Sosiallaşmanın əsas institutu hazırkı mərhələdə ailədir, dövlətdir. (belə ki, sovet dövründə uşaq uşaq bağçalarında kollektivçilik ruhunda və böyüklərin rəyi ilə tərbiyə olunurdu).

Növbəti mərhələ (7–14 yaş) ictimai fəaliyyətin ilk təcrübəsini mənimsəməklə səciyyələnir. Bu mərhələdə insan əsas hüquqları ilə tanış olur. Bundan əlavə bu yaşda insan informasiya məkanına qoşulur. Siyasi liderlərin obrazı müasir uşaq və yeniyetmələr üçün fərdiləşib, konkret simalarda və şəxsiyyətlərdə davranış isə siyasi nöqteyi-nəzərdən stereotipləşir. Siyasi sosiallaşmada əsas institutlar ailə ilə bərabər məktəb və kütləvi informasiya vasitələridir. İlkin sosiallaşmanın xüsusiyyəti odur ki, insan siyasi sistemə adaptasiya olmalıdır, normaları, mənaları anlamalıdır. Ona görə də siyasi mədəniyyət normaları mərhələ çərçivəsində emosional və altşüur səviyyəsində mənimsənilir.

Gənclik yaş qrupu (14–28 yaş ikili prosesdə sosiallaşır, hansı ki, bir tərəfdən normaların mənimsənilməsi, dəyərlərin, gözləntilərin və tələblərin mənimsənilməsi reallaşır, digər tərəfdən şəxsiyyət ənənə və təsəvvürləri nümayiş etdirir və siyasi davranış bu və ya digər formada möhkəmlənir. Gənclik, bəzən amansız reallıqlarla toqquşaraq bilik və təhsil əldə edir və ona cəhd edir. Bu cəhət gəncliyə xas olan xüsusiyyətlərdəndir. Yeni informasiyalara canatma, siyasi hüquqlara sahib olma, həddi-bülüğa çatma və hüquqi status əldə etmə, fiziki yetişkənlik, bir qədər təcrübə toplama enerji cəhətdən potensiallıq, bütün bunlar birləşərək gənclərdə güclü siyasi qüvvə yaradır.

Ona görə də siyasətin bütün subyektləri: dövlət, siyasi partiyalar və hərəkatlar, kilsə və başqa dini təşkilatlar, ayrı-ayrı liderlər, kütləvi informasiya vasitələri gənclərə təsir etmək marağındadırlar. Məhz həyatın bu çağında siyasət çevrəsinin dərk olunması prosesi intensiv olaraq özünü göstərir. Tədricən o, passiv və aktiv seçki hüququ qazanır və ictimai təşkilatların, siyasi partiyaların üzvünə çevrilir. 30 yaşına yaxın insan müəyyən təcrübəyə malik olur və siyasi çevrədə ölçüləri bilir. Məhz iki prosesin üst-üstə düşməsi – siyasi biliklərin və təcrübənin formalaşması – həmin yaş həddini xarakterizə edir.

Gənclərin siyasi sosiallaşmasında institutların sayı cəmiyyətin sosial-siyasi inkişafında çoxalmağa malikdir. Bundan əlavə gənclik real hadisələrin birbaşa iştirakçısına çevrilir, hansı ki, siyasi institutlarda və təhsil sistemi ilə bərabər siyasi sosiallaşmanın agentləri kimi çıxış edir.

Göstərilmiş yaş həddinin daha bir xüsusiyyəti – arzulanan həyat ilə imkanların təqdim etdiyi həyat tərzi arasında olan kəskin fərkdir. Bu dövrdə insan təkcə siyasi cəhətdən sosiallaşmır, eyni zamanda iqtisadi, elmi cəhətdən həyat sferalarına daxil olur. Bir çox ölkələrdə hazırkı vəziyyətdə orta və az təminolunan təbəqələrin gəncləri öz baza tələblərini belə ödəyə bilmirlər, o ki, qaldı yüksək Maslou piramidasının tələblərini ödəyə bilsinlər. Ona görə də siyasi hadisələr, onların traktovkası, hansı KİV-nin əlindədir, gənclik tərəfindən kəskin qarşılır, lakin böyük nəsillər artıq stabillik və təcrübə toplayaraq çətin vəziyyətlərdə nə edəcəklərini bilirlər.

Siyasi sosiallaşmanın növbəti mərhələləri – əmək və əməkdən sonrakı dövrü əhatə edir. Postsovet məkanı üçün axırıncı iyirmi il, islahatlar dövrü yuxarı nəsillərin siyasi sosiallaşmasının aktivləşməsi prosesi ilə səciyyələnir. Bu proses gənclərin siyasi sosiallaşması ilə paralel çox qayğılı keçir. Ona görə də ictimai-siyasi norma və ənənələrin nəsildən-nəslə ötürülməsi pozulur.

Fərdin və siyasi sistemin bir-birinə qarşılıqlı təsirindən asılı olaraq siyasi sosiallaşmanın növbəti tipləri ayırd edilir: harmonik, plüralist, münaqişəli, hegemon.

Harmonik tip dövlət üçün optimal modeldir, hansı ki, açıq, inkişaf etmiş cəmiyyət üçün hesablanmışdır.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Киселев Н. Н Информационная потребность как фактор социализации личности. – Новосибирск. 1998.
2. Щеглов И. А. Политическая социализация личности и современный исторический процесс // Социально-гуманитарные знания. – 2000 – № 4.
3. Мудрик А. В. Социализация и «смутные время». – М.,1997.

SUBYEKTLƏRİN EKOLOJİ DAVRANIŞININ DETERMINASIYASI SOSIAL MÜNASİBƏTLƏRİN EKOLOJİLƏŞMƏSİNİN TƏRKİB HISSƏSİ KİMİ

A. N. Məmmədova

Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. Formation of environmental ethics is closely related to ecologization social relations. The crisis originated in recent years between society and nature, require special environmental behavior, which should facilitate the harmonization of relations between humans and the environment. The article covers the basics of environmental determination of human behavior.

Key words: ecology; environmental behavior; determination of environmental behavior; environmental crisis.

Subyektlərin ekoloji davranışının determinasiyası prosesinə cəmiyyət tərəfindən nəzarət edilir. Ekoloji davranışın determinasiyası sosial münasibətlərin ekolojiləşməsinin tərkib hissəsi olub, müəyyən təşkilati formalara və normativ əsaslara malikdir. Təbiətlə qarşılıqlı təsirdə meydana çıxan əsas ziddiyyətlərin həll edilməsi məqsədilə cəmiyyət subyektlərin şüurlu, bəzən isə axıradək dərk olunmamış ekoloji fəaliyyətini təşkil edir və onun qaydalarını işləyib hazırlayır. Odur ki, təşkilati-normativ əsasların olması sosial-ekoloji proseslərin çox vacib, obyektiv şəkildə mövcud olan xassəsidir.

Subyektlərin ekoloji davranışının sosial qiymətləndirilməsi, eləcə də onun istiqaməti və məzmunu obyektiv və subyektiv şərtlərlə determinə olunmuşdur. Bu halda o özü də sosial-ekoloji davranışın determinasiyası prosesinə daxil olur. Məsələ ondadır ki, ətraf mühitlə qarşılıqlı təsir sferasında subyektlərin (fərdlərin, böyük insan qruplarının, siniflərin) davranışı, dövlət orqanlarının və cəmiyyətin fəaliyyəti düzgün, yaxud qeyri-düzgün elan olunursa, bu zaman qiymətləndirmə bəyənیلən və bəyənilməyən davranış variantının seçilməsi problemini və eyni zamanda onun özünün determinasiya olunduğu şəraitdə etdiyi seçimə görə məsuliyyəti problemini yaradır [1, s. 130].

Aydındır ki, indiki mərhələdə ətraf təbii mühitlə qarşılıqlı təsir sferasında subyektlərin hər birinin qəbul edilməyən davranışının sosial qiymətləndirilməsinin məzmunu tarixən şərtləndirilmişdir. Lakin sosial qiymətləndirmə dəyişərək, subyektlərin ekoloji davranışının elementi kimi insan cəmiyyətinin bütün tarixi boyunca həyata keçirilir. Belə ki, artıq ibtidai cəmiyyətdə ovçuluğa, əkinçiliyə, təbii ehtiyatların əldə olunmasına dair yazılmamış bəzi qanunlar mövcud olmuşdur və bu qanunlar insanların davranışının mahiyyətini müəyyən edirdi [2, s.95]. Hansı formada olmasından və hansı sanksiyalarla təmin edilməsindən asılı olmayaraq, cəmiyyətdə ekoloji davranışın qiyməti özündə bəşəriyyətin gerçək tələbatları ilə şərtləndirilmiş həqiqətlə insanların bu barədə kifayət qədər biliyə malik olmadığını əks etdirən yanlışlığı birləşdirə bilər: ümumi maraqları ifadə edən sosial faydalını və qrup, yaxud fərdi maraqları əks etdirən, ümumi maraqlara zidd olan faydasız. Deməli, sosial və digər faktorların təsiri ilə sosial-ekoloji qiymətləndirmə normaya çevrilərək qanunazidd və qanunauyğun, cinayətkar, qeyri-qanuni və qanuni davranış anlayışlarını müəyyən edir. Normalar nə qədər sərt olarsa, onlar cəmiyyətin müəyyən inkişaf mərhələsində adət halını almış sosial-ekoloji davranış formaları ilə daha çox qarşı-qarşıya dururlar.

Sosial münasibətlərin ekolojiləşməsinin bu aspektini təhlil edərkən qeyd etmək lazımdır ki, məhz bu nöqtəyi-nəzərdən sosiologiyada iki spesifik istiqamət – hüquq sosiologiyası və sosial ekologiya bir-birilə qovuşur [3, s. 268]. Sosial-ekoloji, texniki və başqa ictimai şərtlər ilk növbədə təbii nemətlərin əldə edilməsi üsullarını və texnologiyasını müəyyən edir ki, bu da real davranışda və normativ planda götürülmüş ətraf təbiətin qorunması vəzifələrinin yerinə yetirilməsinə müvafiqdir.

Qeyd etmək lazımdır ki, ətraf mühitin, xüsusilə onun təbii nemətlərinin qorunmasının və istifadə formalarının, üsullarının, metodlarının determinasiyası prosesində sosial məsuliyyət üçün zəruri hesab olunan vəziyyətlər yaranır ki, bunlardan ilk növbədə sosial-ekoloji davranış üsulunun həyata keçirilməsi və resurs tutumu, onun mürəkkəbliyi, ətraf mühit üçün təhlükəli olması məsələsi meydana çıxır. Bu, sosial fəaliyyətin müxtəlif sferalarında təzahür edir. Torpağın yenidən işlənməsinin müasir texnologiyası, ənənəvi şumlama erroziya proseslərinin artmasına, torpağın məhsuldarlığının aşağı düşməsinə gətirib çıxarmışdır. Lakin eyni zamanda, torpağın qorunub saxlanması metodlarının mövcud olmasına baxmayaraq, onlardan paradoksal olsa da, az istifadə olunur. Artıq indi aydın olmuşdur ki, bəşəriyyət sonsuz enerji tətbiq edə bilməz, əkinçiliyin təbii bazisini ucu-bucağı olmadan genişləndirə bilməz.

İstehlakın orta ölçüsü tarixən şərtləndirilmişdir. O obyektivdir, hərçənd hər bir tarixi mərhələdə fərqlidir. Əlbəttə, sosial qrupların təbii nemətlərdən normalaşdırılmış, yaxud nizamsız istifadəsi müxtəlifdir. Bu

fərqlər mülkiyyət münasibətlərilə, sosial inkişafın şərait və məqsədlərilə, obyektiv və subyektiv imkanlarla determinasiya olunur.

Müasir dövrdə təsərrüfatçılığın çoxformalı şəraitində seçmək imkanları meydana çıxır ki, bunların pozulması normativ nizamlama tələb edir. Yeraltı sərvətlərdən istifadə hüququ məhdudlaşdırılır, torpaq və su ehtiyatlarından istifadə normaları müəyyənləşdirilir [4, s.47]. Bununla yanaşı hüquqi normalar tənzimləyici funksiya daşıyır, məsələn, bir sıra hallarda təbii resursların pullu istifadəsinin tətbiq edilməsi. O, həmçinin qoruyucu vəzifəni də öz öhdəsinə götürür, məsələn, qadağanlar sisteminin tətbiq edilməsi.

Deməli, ekoloji davranışın determinasiyası prosesi həmişə ətraf mühitin mühafizəsi və istifadəsinin qaydalarını, norma və hüdudlarını müəyyən edir ki, bu da zəruri ilə mümkün olan arasındakı ziddiyyəti dəf etmək cəhdidir. O sosial subyektlərin cəmiyyət tərəfindən dağıdılmış ekoloji davranışını həyata keçirməyə yol verir, lakin özündə sosial-ekoloji münasibətlərin imkanlarını gizli saxlayır. Ona görə də problem ondan ibarətdir ki, qanunauyğun ekoloji davranışı müəyyən edən faktorların, determinantların işinə hansı proseslər və necə təsir göstərir, onların şəklini dəyişdirərək kənarlaşmalara gətirib çıxarır.

Qanunla müəyyən edilmiş əhəmiyyətli ekoloji davranış qaydaları özünün obyektiv mahiyyətinə və subyektiv ifadəsinə görə determinasiya olunmalıdır (davranışın forması – tənzimləmənin hüdudları – sanksiyaların seçilməsi); cəmiyyət tərəfindən yüksək dərəcədə bəyənilmiş sərvətləri müdafiə etməlidir; neqativ ekoloji davranışın yalnız müəyyən hissəsini əhatə edərək cəmiyyətin və ayrı-ayrı sosial qrupların maraqlarına az-çox müvafiq ola bilərlər; bütün vətəndaşların əməl etməsi üçün əlverişlidir.

Ekoloji davranışın antisosial determinantları aşağıdakı təsirlərə malikdir:

1) həqiqi tələbatlar haqqında təsəvvürləri, tələbatların özlərini, təbii nemətlərin əldə edilməsinin qəbul olunmuş normalarının qiymətini və onların mühafizəsi vəzifələrini deformasiya etdirirlər;

2) tələbatların reallaşma imkanlarını onun normativ təzahüründə məhdudlaşdırır, normativ və qeyri-normativ tələbatların sosial baxımdan qəbul olunmayan üsullarını yaradırlar;

3) resursları məhdudlaşdırmaqla müvafiq maraqları, sosial fəaliyyətin və fərdi davranışın motiv və məqsədlərini deformasiya etdirməklə cəmiyyətin ekoloji qayda-qanunu müdafiə etmək cəhdlərinə mane olurlar;

4) güclü təsirə malik mənəvi neqativ normalar da daxil olmaqla, köhnəlmiş, cəmiyyətə qarşı çevrilmiş, ictimai şüurun və sosial psixologiyanın mənfi elementlərinin meydana çıxmasına və canlanmasına səbəb olurlar;

5) neqativ hadisələrin konsentrasiyasına (cəmlənməsinə), antisosial effektin yaranmasına gətirib çıxarırlar, məsələn, ekoloji münaqişə şəraiti.

Antisosial determinasiya prosesində aşağıdakı amillər fəal iştirak edirlər: ekoloji problemləri qlobal problemlərə çevirən müxtəlif xarakterli ümumtarixi faktorlar; mənşə etibarilə əvvəlki ictimai sistemlərə aid olan qalıq faktorlar; mövcud sosial sistemin inkişaf qanunauyğunluqları və ziddiyyətləri əsasında törəmiş faktorlar. Aydın olur ki, qüvvətli antisosial ekoloji faktorlar tarixən uzun mərhələni əhatə edir, lakin onların təsiri ya azala, ya da arta bilər. Bütün bunlar keçmişdən qalmış və bazar münasibətlərinə keçid dövründə meydana çıxmış, hələ həllini tapmamış məsələlərin mövcudluğunu müəyyənləşdirir.

Beləliklə, sosial subyektlərin ekoloji cəhətdən əsaslandırılmış davranış tərzləri ilk növbədə təbiətdən istifadənin növlərindən asılı olaraq müəyyən edilir. Bu problemin vacib aspekti ondan ibarətdir ki, sosial subyektin özünün təbiətdən istifadə hüququnu reallaşdırması digər sosial subyektlərin təbiətdən istifadə hüququna heç bir ziyan gətirməməlidir. Bununla əlaqədar olaraq qanun istifadə etmənin subyektiv hüququnun reallaşması prosesinə müəyyən tələblər qoyur ki, bunlar da həm istifadə olunan təbiət obyektinə, həm də bu obyektin ayrı-ayrı hissələrinə onun zərərli təsirinin qarşısını almalıdır. Belə ki, Azərbaycan Respublikası Qanunvericiliyinin «Təbiətin və təbiətdən istifadənin mühafizəsinə dair» 56-cı maddəsində nəzərdə tutulur ki, torpaqdan istifadə edənlər onlara ayrılmış torpaq sahələrindən elə istifadə etməlidirlər ki, qonşuluqda olan torpaq istifadəçilərinin maraqlarına xələl gətirməsinlər. Faydalı yeraltı mədənlərin tədqiqatı ilə məşğul olan müəssisə, təşkilat və idarələr, həmçinin kənd təsərrüfatı, meşə və digər torpaq mülkiyyətlərinə mənfi təsir göstərən fəaliyyət növlərilə məşğul olanlar neqativ hərəkətləri maksimal dərəcədə məhdudlaşdıran, yaxud onların qarşısını alan tədbirləri həyata keçirməyə borcludurlar [5, s. 21].

Neft məhsulları ilə çirklənmiş suların Xəzərə tökülməsi dənizin fauna və florasının vəziyyətinə mənfi təsir göstərir ki, bu da şübhəsiz, sosial-ekoloji münasibətlərin müxtəlif subyektlərinin, neft hasil edən və balıqçılıq təsərrüfatı nümayəndələrinin maraqlarındakı ziddiyyətləri üzə çıxarır. Azərbaycan Respublikası Qanunvericiliyinin «Təbiətin və təbiətdən istifadənin mühafizəsinə dair» 60-cı maddəsində deyilir ki, insan orqanizmi üçün və Xəzəryanı ekoloji zona hüduqlarında ətraf təbii mühitdə təhlükə yarada bilən zərərli kimyəvi maddələrin tətbiq edilməsi qadağandır [5, s. 29].

Deməli, təbiətdən istifadə prosesində ayrı-ayrı sosial subyektlərin müxtəlif tələbatları, maraqları, ehtiyacları meydana çıxır ki, bunlar da bir-birilə toqquşaraq, bir-birinə keçərək tədricən dəyişilir və inteqrasiya olunur; tələbatlar və maraqlar daha dinamik, razılaşdırılmış və münasib olurlar. Sonra onlar cəmiyyətdə hökm sürən dəyər və normalar sistemindən keçir (filtrasiya olunur) və bütün cəmiyyətə aid edilir. Təkcə

tələbat və maraqların özlərinin deyil, həm də onların təmin olunma vasitələrinin sosial-ekoloji diffuziyası (tədricən qarışması) baş verir. Sosial nəzarət mexanizmlərinin çoxluğu sayəsində diffuziya subyektlərinin sosial-ekoloji maraqlarının həmrəyliyi pozmur, əksinə, ona yardım edir. Beləliklə, sosial-ekoloji diffuziya – sosial-ekoloji tələbat və maraqların hərəkəti olub, cəmiyyətdə hökmranlıq edən norma və dəyərlər sistemindən onların filtrasiya olunması nəticəsində sosioekosistemə keçirilməsinə və tarazlaşdırılmasına səbəb olur [6, s. 73].

Lakin cəmiyyətin daxilində təbii mühit obyektlərindən istifadə üzrə sosial-qrup şəklində razılaşma (konsensus) nadir hadisə olduğu üçün müəyyən ictimai münasibətlərdə sosial-ekoloji münaqişələrin baş verməsi mümkündür.

Sosial-ekoloji münaqişə sosial münaqişənin xüsusi növü olub, sosial subyektlərin təbiətlə qarşılıqlı münasibətlərində, onların maraqlarının toqquşmasında ifadə olunur. Bu o zaman meydana çıxır ki, ya sosioekosistemdə ziddiyyətlərin inkişafının ən yüksək mərhələsi başlayır, ya da sosial qrupların ekoloji fəaliyyətində meyillərin qarşıdurması güclənir, bu isə dəyər-normativ ekoloji sistemdə pozuntulara gətirib çıxarır. Bu pozuntular ona görə əmələ gəlir ki, birincisi, sosial-ekoloji münasibətlər sistemində dəyər-normativ vakuüm yaranır (yəni normaların yoxluğu); ikincisi, bu münasibətlərin subyektlərinə sosial normaların aşağı səviyyədə təsiri, sosial-ekoloji davranışın təmizlənməsində onların təsirinin effektiv olmaması; üçüncüsü, normativ ekoloji göstərişlərin dəyişkən, qeyri-müəyyən və ziddiyyətli olması; dördüncüsü, ekoloji fəaliyyətin məqsədlərini müəyyənləşdirən ekoloji normalar arasında və bu məqsədlərə çatmaq vasitələrini tənzimləyən ekoloji normalar arasında ziddiyyətlərin meydana çıxması.

Sosial-ekoloji münasibətlər sahəsindəki konfliktlər davamlı, təkrarolunan və ümumilik xarakteri alarsa, onlar müəyyən ictimai vəziyyətlərdə sosial-ekoloji böhrana çevrilə bilər. Sosial-ekoloji böhran – sosial subyektlərin qarşılıqlı münasibətləri sferasındakı ekoloji ziddiyyətlərin kəskin formada təzahürü olub, cəmiyyətin dəyər-normativ sistemindəki pozuntularla əlaqədardır. Ümumiyyətlə, ekoloji təzadlar sosial-ekoloji böhranın obyektiv əsasını təşkil edir, onun subyektiv tərkibinə – sosial-ekoloji vəziyyətin son dərəcə ağır olduğunun dərk edilməsi, çıxılmaz vəziyyətin hiss olunması (məsələn, Çernobıl faciəsi), sonrakı optimal sosial-ekoloji qarşılıqlı fəaliyyətin mümkünsüzlüyü aiddir [7, s. 71].

Sosial-ekoloji qarşılıqlı təsir sosial münasibətlərin ekolojiləşməsinin əsası olub, özündə müxtəlif sferaların, sosial subyektlərin həyatındakı hadisələrin və proseslərin qarşılıqlı təsirini əks etdirir; ekoloji fəaliyyət vasitəsilə həyata keçirilir. O, bu fəaliyyət prosesində həm təbii mühitin ayrı-ayrı obyektləri arasında, həm də hər hansı təbiət obyektinin daxilində, onun elementləri arasında mövcuddur. Müvafiq olaraq daxili və

xarici sosial-ekoloji qarşılıqlı təsir ayırd edilir. Sosial-ekoloji qarşılıqlı təsir obyektiv və subyektiv tərəflərə malikdir. Onun obyektiv tərəfini sosial subyektlərdən asılı olmayan, lakin onların qarşılıqlı münasibətlərinin məzmun və xarakterini vasitələndirən və nəzarət edən əlaqələr təşkil edir. Subyektiv tərəf sosial subyektlərin bir-birinə şüurlu münasibətlərindən ibarətdir ki, bu da qarşılıqlı müvafiq davranışa əsaslanır. Sosial-ekoloji qarşılıqlı təsirin mexanizminə bu və ya digər sosial-ekoloji hərəkətləri yerinə yetirən subyektləri, bu fəaliyyət nəticəsində ekosistemlərdə və bütövlükdə sosioekosistemlərdə əmələ gələn dəyişiklikləri və nəhayət, bu dəyişikliklərin digər subyektlərə, onların əks reaksiyasına təsirini aid edirlər. Sosial-ekoloji qarşılıqlı təsirlər, adətən, bir-birilə qarşılıqlı əlaqədə olan iki məqama gətirib çıxarırlar: sosial münasibətlərin ekolojiləşməsinə və ekoloji münasibətlərin sosiallaşmasına.

Daha sonra qeyd etməliyik ki, subyektlərlə təbiət arasındakı münasibətlər subyektiv baxımdan sosial, obyektiv baxımdan isə ekolojidir. İnsan və təbiət arasındakı qarşılıqlı təsir sisteminin bu iki komponenti arasındakı nisbət onların sosial-ekoloji davranışının xarakterini müəyyən edir. Bununla yanaşı nəzərə almaq lazımdır ki, sosial-ekoloji davranış subyektlərin fəaliyyətində sosial xarakter almaqla ekoloji motiv və stimulların qarşılıqlı təsiri prosesində formalaşır. Ekoloji fəaliyyətin motivləri dedikdə, sosial-ekoloji hərəkətin daxili sövqediciləri başa düşülür ki, bunlar da subyektlərin şüurunda onların obyektiv sosial və ekoloji tələbat və maraqlarını əks etdirir. Onlar sosial-ekoloji fəaliyyətin məqsədlərinin subyektiv tərəfindən təkmilləşdirilməsini şərtləndirir. Ekoloji maraqlardan davranışın məqsədinə keçid mərhələsində daxili sövqedicilər və sosial-ekoloji fəaliyyətlə yanaşı xarici sövqedicilər – stimullar da mövcuddur. Sosial-ekoloji davranışın stimulları – subyektlərin həyat fəaliyyəti sferalarına daxil olan xarici təbii mühitin obyektiv faktorlarıdır. Bunlar ekoloji mühitin özünəməxsusluğunu bildirir.

Sosial-ekoloji fəaliyyətin xarici təzahürü kimi sosial-ekoloji davranışda subyektlərin konkret mövqeyi üzə çıxır. Bu, sosial əhəmiyyətli ekoloji obyektlərə münasibətdə təbiətdən istifadə üzrə fəaliyyətin real, konkret hərəkətlərə çevrilməsi formasıdır. O özündə hərəkətlərin xarici müşahidə olunma sistemini ifadə edir ki, burada da subyektlərin daxili niyyətləri reallaşır. Konkret şəraitdə sosial qrupun müəyyən ekoloji fəaliyyətə sosial meyliyi bu və ya digər tələbatlarını ödəməyə çalışan sosial-ekoloji fəaliyyət subyektiv təbii mühit stimullarına cavab vermək formasıdır. Bir çox hallarda bu, davranışın səbəblərini, məqsədini və onun saxlanma vasitələrini müəyyən edir.

Son nəticədə sosial-ekoloji davranış mövcud olan strukturda subyektiv obyektiv mövqeyi ilə, bu mövqe ilə şərtləndirilmiş tələbatlar və maraqlarla, o cümlədən digər subyektlərlə qarşılıqlı təsirlə determinasiya

olunduğu üçün özünə sosial-ekoloji münasibətlərin elementlərini də daxil edir. Sosial münasibətlərin ekolojiləşməsi və ekoloji münasibətlərin sosiallaşması prosesləri bir-birilə qarşılıqlı əlaqədədir və onlar eyni zamanda fəaliyyətdə olan proseslərdir.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Новиков Ю. В. Экология, окружающая среда и человек. – М., 2000.
2. Гирусов Э. Б. Основы социальной экологии. – М., 1998.
3. Sosiologiya. – Bakı, 2008.
4. Hüseynov S. Məişət ekologiyası. – Bakı, 1985.
5. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası. – Bakı, 1995.
6. Маркович Д. Ж. Социальная экология. – М., 1997.
7. Сорокин П. Кризис нашего времени. – М., 1992.

QLOBALLAŞMA PROSESİNİN BƏZİ ASPEKTLƏRİ

A. I. Kosayev

Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The article discusses some aspects of international relations in the political context of globalization. Analyzed in detail the similarities and differences between different types of state-of democratic development in terms of the global community.

Key words: globalization; liberalism; neoconservatism; marginalization; choice and maneuver; democratic processes and globalization.

Elmi fikirdə bu gün müşahidə edilən ən təhlükəli meyl gözlənilənin yaxud ola biləcəyi ehtimal edilənin reallıq kimi qələmə verilməsidir. Hipotetik qiymətləndirmənin gerçəkliklə (perspektiv anlamda) bağlılığı yalnız və yalnız ehtimal xarakterli ola bilər.

Hazırda dünyanın "immun sistemi" çox təhlükəli meyillərin birbaşa təsiri altına düşmüşdür. Beynəlxalq təhlükəsizlik, həm bütövlük keyfiyyətinə malik qlobal sistem olmaq etibarilə, həm də ayrı-ayrı regionlar və ölkələr bölümündə ifrat dərəcədə mürəkkəb məzmunlu problemləli situasiya ilə üz-üzədir. Problemin fəlsəfi ideallaşdırılması və bu prizmadan çıxış yollarına baxış birmənalı olaraq "realist məktəbin" (D.Qobson, K.Klauzevits, Q.Morqentau, Q.Kissincer) öz mahiyyəti etibarilə artıq kifayət qədər "tüklənmiş" Pareto-optimumundan elə də fərqlənməyən konseptual yanaşmasına gətirib çıxarır. Sabit qaydaların, sabit dünya nizamının mövcudluğu mütləq təhlükəsizliyin qarantı kimi çıxış etmək keyfiyyətinə malik deyildir. "Realist məktəbin" məntiqindən çıxış etsək, onda belə məlum olur ki, bir ölkənin "mütləq təhlükəsizliyi", digər bir ölkənin yaxud ölkələr qrupunun nisbi təhlükələrə məruz qalması şəraitində reallığa çevrilə bilər. Başqa sözlə, qlobal miqyasda ölkələrarası qarşılıqlı asılılığın assimetrikliyi adi gözlə müşahidə olunmaqdadır.

Qlobal assimetriklik nəyin paylanması yaxud bölüşdürülməsindən asılı olmayaraq, kütləvi şəkildə ədalətsizlik doğurur. Ədalətsizliyin qlobal miqyaslı təzahür formaları, dünya nizamının quruluş prinsiplərinin yanlışlığı ucbatından təbiilik xassəsinə malik empirik nəticələr kimi ortalığa çıxır.

Qlobal assimetriklik gerçək məzmunlu qlobal "bütövləşmənin" və deməli, "qlobal metasistem" deyilən funksional (bəzilərinə görə determinləşmiş) yaranışın reallığa çevrilməsini əngəlləyən başlıca amildir. "Müxtəlifliklərin kontiniumu" gerçəkdirmi sualına adekvat cavab axtarışı sonsuzluğuna qədər uzana bilər. Qlobal assimetriklik insan cəmiyyətinin insan kimi yaşayan cəmiyyət halına gətirilməsini mümkünsüz etməklə hər cür fitnə-fəsadın (müharibələr, konfliktlər və s.) ideal mənbəyi kimi çıxış edir. Bu gün bəşəriyyətin tən yarısının – 3,2 milyard insanın insan kimi yaşamaq imkanının yoxluğu və bu sferada hər hansı real məzmunlu bir irəliləyişin olmaması assimetrikliyin - onun ədalətsizlik komponentinin doğurduğu acı gerçəklikdir.

Digər tərəfdən, hələ keçid dövrünü yaşayan ölkələr, o cümlədən Azərbaycan Respublikası qloballaşma prosesinin əhatə dairəsində olmaqla müəyyən yanaşma tərzini ortalığa qoymaq məcburiyyətindədirlər.

Qlobal situasiyaya (bəlkə "oyun qaydalarına") uyğunlaşma zəruriliyi "kiçik ölkələr" üçün həyati əhəmiyyət daşıyır. Münasibətlər sisteminin kökündə dayanan ziddiyyətli yaranış - "sərhəd" tanımayan real məzmunlu bazar funksional fəaliyyətin prioritet sahələrini yaxud məcburi gediş kimi digər sferaları geoiqtisadi məkana çıxarır və mexaniki olaraq artıq formalaşmış qlobal "oyun qaydalarının" nəzarətinə keçir. Əgər göstərilən aspektdə uyğunsuzluq yaranarsa yaxud mövcuddursa, onda prosesin əks-istiqlamətli gedişi labüdləşir və nəinki labüdləşir, həmçinin mənfə işarəli effektlə "yüklənərək" ölkədaxili iqtisadi nizamı dağıdıcı təsir göstərir.

Problemin məntiqi strukturu "uyğunsuzluq" istilahının nizamlı prosesə çevrilməsinin, yəni fərq ziddiyyət əkslik mübarizə oxu üzrə getdikcə artan şiddətlik dərəcəsinin "hərəkətə" keçməsinin qarşının alınması zəruriliyini təbii şəkildə aktuallaşmış problem kimi ortalığa çıxarır. Ənənəvi metodika uyğunsuzluğun "fərqə" çevrildiyi anı birmənalı olaraq problem kimi qəbul edir. Yəni problem yaradan proses elə ilkin mərhələdə, uyğunsuzluq fərq çevrilməsində təzahür etməklə özünün bitkin formasını alır. Şiddətlənmə dərəcəsinin maksimumu - mübarizə mərhələsinə çatma ilə ilkin mərhələ arasında elə bir mahiyyət fərqi yoxdur. Yalnız bu halda, yəni uyğunsuzluğun maksimumu halında itkilərin (bəzi hallarda qarşılıqlı itkilər) həcmi artır, dağıdıcı effekt doğuran hadisələr baş verir. Başqa sözlə, ilkin və son hədd arasında (iqtisadi sistemə təsiri nöqtəyi-nəzərindən) meydana çıxan mənfə effekt yalnız kəmiyyətcə fərqlənir. Bütövlükdə, sistemə təsirin keyfiyyət ölçüsü hər iki halda eyniyüklüdür və ölkədaxili iqtisadi proseslərin nizamlı gedişində müəyyən əngəllər törədirlər.

İlk baxışdan iqtisadi prosesin müəyyən mərhələsində meydana çıxan, başqa sözlə, geoiqtisadi məkanla bağlı olan və təbiəti etibar ilə institusional mahiyyət daşıyan problemin məhz "təbiiliyi" nəzər-diqqəti cəlb edir. Digər ifadə ilə söhbət həmin "təbiiliyin" metodoloji anlamda elmin mental-dəyər səviyyəsində dərkinin problematikliyindən gedir. Həqiqətən də, iqtisadi münasibətlər sisteminin qaynaqlandığı dəyər-konseptlərin mahiyyətinə daxil edilmədən yalnız xarici kəsimdə aktuallaşan uyğunsuzluq qondarmadır, yalançı aktuallaşmadan başqa bir şey deyildir. Milli qlobal qarşılaşmada birincidən ikinciyyə keçid, yaxud birincinin ikinciyyə "qovuşması" prosesində uyğunsuzluq meydana çıxırsa, onda həmin məntiqlə davam etsək, belə alınır ki, "qloballaşma" dediyimiz şey özü qondarmadır, milli, yaxud millilərdən qaynaqlanmayan, millilərə mahiyyət və məzmunca yabançı olan elə kriteriya və prinsiplərə söykənərək formalaşır ki, onu təbii-tarixi prosesin məcburi gedişi kimi səciyyələndirmək olmaz.

Qlobal səviyyədə qarşılıqlı asılılığın assimetrikliyi müxtəlif ölkələrin planetar "oyun qaydalarına" uyğunlaşmaların müxtəlif sürətliliyindənmi doğub?

Doğurdanmı, ölkənin institusional açıqlıq dərəcəsinin qloballaşan dünyada qərarlaşmış analoji halla fərqliliyi, yaxud hər iki istiqamətdə prosesin məna tutumunun üst-üstə düşməməsi qlobal assimetrikliyin əsas səbəbidir? Qloballaşma lokallaşma dixatomiyasını ziddiyyətli vahidlik adlandırmaq olarmı?

Haşiyəyə çıxaraq qeyd edək ki, gerçək elmi əsaslandırma olmadan yalnız müşahidə əsasında (yəni idrak prosesi bir proses olmaq etibarilə yekunlaşmadan) hər hansı bir ölkədə cəmiyyətin idarə edilməsinin qlobal səviyyəli idarəetmə ilə qırılmaz bağlılığının mövcudluğunu iddia etmək ən azı elmi sadələvhlük təsiri bağışlayır. Belə bir iddiada bulunanlar tərəflərarası mahiyyətə bir istiqamətli xarakter daşıyan bağlılığı əsaslandırmaq üçün yazırlar ki: əvvəla, qloballaşma və ayrı-ayrı ölkələr və sositumlararası asılılığı, eləcə də beynəlxalq əlaqələri bütün sferalar (iqtisadi, informasiya, siyasi, ekoloji və s.) üzrə kəskin şəkildə gücləndirmişdir. Bu deyimdə əsas məsələ sositumlararası bağlılığın real elmi fakt kimi səciyyələndirilməsidir.

Ayrı-ayrı epizodik hallar istisna olmaqla əslində belə bir şey yoxdur. Məlumdur ki, sositumlararası "ortaq məxrəcin" tapılması öz mahiyyəti etibarilə qlobal vahidləşmə arzusunda olanların mərkəzi problemidir və onun həтта uzaq perspektivdə belə reallaşacağı inamı mirajdır, xəyala qapılmazdır və hər nədirsə, gerçək olanla heç bir əlaqəsi yoxdur. İkincisi, həm ayrı-ayrı ölkələr, həm də qlobal səviyyədə cəmiyyətin təşkilində baş verən dəyişikliklərin obyektiv təmayüllərinin ümumiliyi mövcuddur və bu özünü, opponetlərin fikrincə, qloballaşma lokallaşma dixatomiyasının meydana çıxmasında göstərir.

Yenə də yalançı aktuallaşma ilə üz-üzəyik! Belə ki, əvvəla, təmayüllərin obyektivliyi nə deməkdir-anlaşılmır! Hansı kriteriya, yaxud ölçü vahidindən istifadə etməklə bu qənaətə gəlinib? Əgər təmayül - inkişaf qanunauyğunluğu deyilən şeyin dar çərçivədə təzahür formalarından yaxud o formaların "formalaşmasında" iştirak edən elementlərdən biridirsə, onda onun "subyektiv" olmaqlığı mümkünsüzdür. Yəni təmayül varsa, o yalnız obyektiv olaraq mövcud olur və buna görə də obyektiv təmayül ifadəsi "su yaşıdır" ifadəsi kimi adi tautologiyadır. İkincisi, qlokallaşma, yəni qloballaşma lokallaşma dixatomiyasının, ələlxüsus lokallaşma ilə bağlı prosesin planetar xarakter kəsb etdiyini sübuta yetirə biləcək heç bir elmi fakt yoxdur. Əgər söhbət sırf maddi məzmun daşıyan, başqa sözlə, ictimai rifahın yalnız və yalnız maddiyyat ölçüsünün ön plana çıxarılmasından, neoliberal "rasionalizmin" yeganə və mütləq dəyər kimi qlobal səviyyədə qəbul edilməsindən gedirsə, onda elə belə də yanaşmaq, məhz mahiyyət üzrə əsas müddəaları ortalığa qoymaq daha düzgün və ədalətli olardı.

Çox qəribədir ki, problemə yuxarıda təsvir etdiyimiz tərzdə yanaşma, sanki vahid mərkəzdən idarəolunan proses kimi kifayət qədər geniş yayılmış və əksər tədqiqatlarda həqiqət kimi qəbul edilir. Arzuedilənin gerçəklik kimi ortalığa qoyulmasında neoliberalistlərin əsas hədəflərindən biri - milli dəyərlər sistemini həm lokal, həm də qlobal səviyyələrdə "kütləvi" hücumla məruz qoymaq, onun mahiyyətini (modernləşmə bayrağı altında) kardinal şəkildə dəyişmək və neoliberal dəyərlərlə "silahlanmış" individiumu beynəlxalq və milli müstəvidə əsas aktora çevirmək niyyəti güdülür.

Aydındır ki, bu halda super iqtisadi gücə malik olan ölkənin (ABŞ-ın) dövlət maraqlarının tam şəkildə təminatı yolundakı bütün maneələr aradan qalxacaqdır.

Ümumiyyətlə, problemin bu aspektdə qoyuluşunun özü problematiktir. Belə çıxır ki, problemin mahiyyəti yaxud adının təsvirində yanlış aktuallaşma aparılır. Problemin qoyuluşunun problematikliyi hansısa prizmadan elmətrafı dairədə "elmi" qoyuluş kimi qəbul edilə bilər. Amma real elmi-metodoloji yanaşma çərçivəsində ən yaxşı halda iki problemarası "söz oyunu" keyfiyyətindən o yana çıxmır.

Həqiqətən də, ilkin şərtlərin problem xarakterli olması, məzmunca problemin dərkedilməzliyi anlamına gəlir ki, bu halda vəziyyətdən çıxış yolu kimi hər hansı bir cəhətin, yaxud formalaşmaqda olan situasiyanın hər hansı bir konkret münasibətlər məcmusunun ideallaşdırılması belə "yalançı" ideallaşma olacaqdır. Bu deyilənlər məsələyə yanaşmanın metodoloji yozumudur. O ki qaldı məsələnin real məzmununa, bu sferada tam anlaşılmazlıq hökm sürür. Axı, məlumdur ki, qlobal səviyyədə qlobal solumun idarəedilməsi problemi deyilən bir problem yoxdur, yaxud bu gün, eləcə də yaxın gələcəkdə gündəmə daxil ediləcəyi gözlənilmir.

Eyni zamanda məlumdur ki, "dünya hökuməti" adlı hansısa fəvqəlmilli qurum da yoxdur. Və qlobal solumun idarəolunması ilə, təkrar edirəm, idarəolunması ilə heç bir beynəlxalq struktur məşğul olmur. Mövcud beynəlxalq təşkilatların bir qismi planetar səviyyədə solumla bağlı bəzi problemlərin müzakirəsini (müzakirədən o yana keçmir) aparırlar və əgər qismət olursa bəzi hallarda müəyyən qərarlar da ortalığa qoyurlar. Amma beynəlxalq təşkilatların qərarları bir qayda olaraq, tövsiyə xarakterli olur, yəni heç bir hüquqi yük daşımır.

Qətiyyən unudulmamalıdır ki, nəyin və necə baş verməsindən asılı olmayaraq, solum həmişə milli xarakter daşıyır və bu xassə onun substansiyası kimi çıxış edir. "Abstrakt solum" xalis təxəyyül məhsulu olmaqla heç bir halda reallığa çevrilə bilməz. Solumdaxili baş verən və onun monolitliyini (bunsuz inkişaf yoxdur) formalaşdırən proses sosial-həmrəylik sosial əməkdaşlıq milli identiklik oxu üzrə getməklə heç bir tarixi dönmədə alayı məzmun daşımamışdır və bu əslində heç mümkün də deyildir.

Əslində nə baş verir? Neoliberal məzmunlu qloballaşma həm planetar, həm regional, həm də milli səviyyələrdə cəmiyyətin idarədilməsi sferasında mövcud olan və yeni yaranan problemləri ifrat dərəcədə kəskinləşdirməkdədir.

Eyni zamanda, qeyd edilməlidir ki, semantik yanaşmanın daxili məntiqinə söykənməklə gəlinən nəticənin həqiqiliyi müəyyən şübhələrlə qəbul edilə bilər. Belə ki, əvvəla problemə yanaşmanın metodoloji bazası müəyyən suallar doğurur. Praqmatik həqiqətin müəyyənləşdirilməsində semantik yanaşmadan istifadə nə dərəcədə doğrudur? Həqiqətin aşkarlanması və əsaslandırılması kriteriyalarının müxtəlifliyi inkar edilmədiyini təqdirdə - bu həqiqətdən də belədir - hansı əsasla gəlinən qənaətin gerçək olduğu iddia edilir?

İkincisi, vətəndaş cəmiyyəti heterogen xassəli funksional yaranış olmaq etibarilə (düzdür, vətəndaş cəmiyyəti quruculuğu prosesinin müəyyən mərhələsində determinləşmiş dinamika müşahidə edilir, yaxud edilə bilər) özündə ifrat dərəcədə parçalanmış mənafə qruplarının "mənə məxsus olmalıdır" prinsipi əsasında aparılan qarşılıqlı rəqabət müstəvisində göstərdikləri fəaliyyətlərinin məcmusunu ehtiva edir. Axı, vətəndaş cəmiyyətinin əksər struktur bölmə və elementlərini özündə birləşdirə biləcək "ümumi məqsəd" olmur. Və əgər məqsəd ümumiliyi yoxdursa, "bəlkə də qaytardılar" prinsipinə güvənmək, ümid etməklə hansı sinergetik effektdən danışmaq olar? Dövlət vətəndaş cəmiyyəti tandemi dayanıqlı inkişafın mühüm amillərindən biridir-yalnız o halda ki, dövlət-vətəndaş cəmiyyətinin struktur bölmələri arasında, eləcə də fərd-vətəndaş cəmiyyəti, fərd-dövlət və nəhayət, dövlət-vətəndaş cəmiyyəti arasında mənafə tarazlığını təmin edə bilsin.

Başqa sözlə, vətəndaş cəmiyyətinin, bir sıra tədqiqatçılar tərəfindən formalaşdırılmış "ideal simasının" real məzmun kəsb etməsi birbaşa və

bilavasitə dövlətin "davranış tərzindən" funksional asılılıqdadır. Başqa sözlə, vətəndaş cəmiyyətini beynəlxalq və milli səviyyədə dövlətə bərabər aktor kimi səciyyələndirmək nəinki yanlışdır, hətta çox ağır nəticələrə gətirib çıxara bilər.

Həmçinin, şübhə yoxdur ki, qloballaşma (neoliberal model çərçivəsində) ayrı-ayrı strukturların azadlıq dərəcəsi ilə onların planetar səviyyədə mənafe tarazlığının formalaşdırılması arasında birbaşa və tərs mütənəsb asılılığın olduğunu üzə çıxarır.

İradə azadlığı sosial məsuliyyət cütliyünün isə həqiqi bir "cütlik" olmadığı, daha çox arzu edilən funksional bağlılıq keyfiyyətinə sahibliyi və ifrat dəyişkən xarakterə malikliyi adi gözlə müşahidə edilməkdədir. Problemi qəlizləşdirən əsas məsələ ondan ibarətdir ki, qloballaşma ictimai sistemin açıqlıq dərəcəsini kəskin şəkildə genişləndirir və yüksəldir. Bu prosesə paralel olaraq ayrı-ayrı fəaliyyət sferalarının (qlobal miqyasda) nataraz yönümlü inteqral qovuşması baş verir ki, nəticədə alınan "inteqral bütövlük" daha çox anklav xarakteri kəsb edir və geridönməzliyi ilə səciyyələnir. Məsələn, qlobal maliyyə bazarının artıq ayn-ayrı ölkə yaxud region çərçivəsində spontan qaydalı əlahiddələşməsi mümkünsüzdür.

Yaxud mümkündür, amma çox ağır nəticələrlə sonuclana bilər. Məhdud zaman çərçivəsində müvəqqəti olaraq müəyyən əlahiddələşmələr baş verə bilər. Lakin yuxarıda da qeyd etdiyimiz kimi, müstəsna hallar bir qayda olaraq dayanıqlı xarakter daşımır.

Digər tərəfdən, anklav xarakterli "inteqral bütövlüklərin" yaranması bütünlükdə bəşəriyyətin davamlı və sabitqədəmli inkişafı nöqtəyindən nəzərdə fəsadlar kompleksi doğurur:

1. Hər şeydən əvvəl planetar miqyası əhatə edə biləcək "qlobal ümumilik" daha çox pərakəndəliklərin süni bütövlüyü təsirini bağışlayır. Belə ki, maliyyə sferasını çıxmaq şərti ilə qlobal bütövlük anlamına gələn ikinci bir sferanın adının çəkilməsi problematiktir.

2. Müasir qloballaşma prosesi nəinki "müxtəlifliklərin", hətta "müxtəlif sürətlilərin" belə ortaq məxrəcini tapmaqda acizdir.

3. Qloballaşma (neoliberal bazarla birlikdə) qlobal geniş təkrar istehsal prosesinin gedişində kəskin "separatizm" meyilləri doğurmaqda davam edir. Qlobal maliyyə sferası "özündə şeyə" çevrilməklə "isti pullar" (həmçinin real mövcud olmayan pullar), "möhtəkir əməliyyatlar" dalınca qaçmaqdadır.

Araşdırmalarımız göstərir ki, qloballaşmanın gətirdiyi naqisliklərin əsaslı səbəblərdən qaynaqlanmasında istinad edilən neoliberal bazar modelinin həlledici rolu vardır. Belə ki, neoliberal bazar modeli:

1. Seçim və manevr imkanlarını ifrat dərəcədə məhdudlaşdırır. Strateji qərarların qəbulu prosesi çox dar çərçivəyə salınır.

2. Bu model alternativsizlik keyfiyyətini ortalığa qoyur ki, nəticədə də milli səviyyədə siyasi pessimizm qaçılmaz olur.

3. Dayanıqlı inkişafın başlıca sütunlarından olan orta təbəqə eroziyaya uğrayır.

4. Əhalinin ifrat təbəqələşməsi və marginallaşması prosesi sürətlənir və s.

Göründüyü kimi, qloballaşma prosesi daha çox problem yaradan prosesdir.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Əhmədov Ə. Demokratiya qloballaşma və yeni dünya nizamı prizmasında // Dürçəliş XXI əsr. – Bakı. 2004. – S 76.
2. Василенко И. А. Политическая глобалистика. – М., 2000.
3. Дергачев Б. А. Политическая глобалистика. – М., 2004.

POSTMODERNİZM ŞƏRAITINDƏ ŞƏXSİYYƏTİN ÖZÜNÜGERÇƏKLƏŞDİRMƏSİNİN SUBYEKTİV VƏ OBYEKTİV ŞƏRTLƏRİ

R. V. Cabbarov, M. H. Mustafayev
Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The questions of self-identity in the modern development of society. The problem is investigated in terms of objective and subjective factors. In particular, substantiates the idea that postmodernism is not a process managed by intellectuals, Postmodernism - an outlook to adequately reflect today's information society based on free education, individuality, adequate self-realization.

Key words: society; postmodernism; individual; personality; self-realization.

Postmodernist ideyaların tətbiqi şəraitində cəmiyyətin gələcək inkişaf perspektivlərinin müəyyənləşdirilməsində məsuliyyət gənc nəslin- -sosial və şəxsi dəyərlərin daşıyıcılarının üzərinə düşür. Gənc nəslin bu ideyaların daşıyıcısına çevrilməsi üçün və mövcud ənənələri yaşatması üçün, onların təlim-tərbiyə prosesini elə elmi əsaslar üzərində qurulmalıdır ki, onlar keçmişlə müasirliyin inteqrasiyasının dərk edib, onu gələcəyə apara bilsinlər. Postmodernizin təşkkülü ilə elmdə, təhsildə, incəsənətdə və s.kimi sahələrdə baş verən dəyişikliklər istər-istəməz şəxsiyyətə, onun özünügerçəkləşdirməsinin formalarının dəyişməsinə də öz təsirini göstərir. Qloballaşma, mədəniyyətlərin inteqrasiyası yeni dəyərlər siteminin formalaşması, elmi-texniki proqressin cəmiyyətin inkişafını qabaqlaması və s.kimi məsələlər bugünkü cəmiyyətdə «yeni modelin»in ortaya çıxdığını göstərən bariz nümunədir. Əgər ənənəvi postulatlarda şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsində başlıca olaraq tərbiyə istiqamətləri əsas götürülürdüsə, indiki postmodernist şəraitində tərbiyəvi təsirlərin effektivliyinin aşağı düşməsi, mövcud tərbiyəvi

təsrlərin bir işə yaramaması fikirləri tez-tez səslənir. Bir mənalə şəkildə demək olar ki, şəxsiyyətə modernist yanaşma artıq özünü doğrultmur.

Müasir dövrdə ənnəvi olaraq hərtərəfli inkişaf etmiş şəxsiyyət formalalaşdırılması ideyası, hər şeydən öncə şəxsiyyətin müasir cəmiyyətdə özünü təsdiq etməsi və öz yerinin tapması, həyatın mənasının dərk olunması paradigmasına çevrilmişdir.

Məlumdur ki, özünügerçəkləşdirmə insanın daxili imkanlarının üzə çıxarılması və bu imkanların özünəməxsus təsdiqi prosesi və nəticəsidir. Tədqiqatlar göstərir ki, məhz insanın daxili yaradıcı potensialını mövcudluğu sayəsində özünügerçəkləşdirmə baş tutmuş hesab edilir. Belə yanaşma tərzinə görə özünügerçəkləşdirmədə daxili şərtləri ön plana çıxır, onun xarici şərtləri haqqında postulat öz mənasını itirir. Amma bu fikirlərlə birmənalı razılaşmaq olmaz. Ona görə ki, şəxsiyyətin inkişafı, onun seçimi, özünüformalaşdırması prosesi xarici aləmlə qarşılıqlı təsirdə mümkün olur və əksər hallarda onun nəticəsi kimi özünü göstərir.

Postmodernizmin formalaşması şəraitində daxili imkanlar olduqda belə şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsi üçün zəruri olan xarici şərait yoxdursa, özünügerçəkləşdirmə yalnız özünüifadə formasında qalır.

Tədqiqatçıların fikrincə əsl özünügerçəkləşdirmə o zaman mümkün olur ki, insanın öz qabiliyyətlərini dərk etməsi prosesi artıq bitir, «Mən obraz» tamamilə formalaşır və özünügerçəkləşdirmənin xarici şərtlərinin bütün tələblərini təmin etməyə şəxsiyyət hazırlığı yaranır. Bu zaman şəxsiyyətdə onu əhatə edən dünya ilə qarşılıqlı əlaqələrin sistemini yaratmaq zərurəti meydana çıxır ki, bu da sonda özünügerçəkləşdirməyə gətirib çıxarır. Əgər bu şərtlər gözlənilməsə, biz özünügerçəkləşdirmə deyil, özünüifadə prosesindən danışa bilərik.

Bildiyimiz kimi, özünüifadə zamanı hələ nümayiş etdirməyə heç nə olmur. Özünügerçəkləşdirmənin əsas kafi şərti insanda inkişaf etmiş mənlilik şüuru və refleksiyanın, özünü və gerçəkliyi dərk etmək qabiliyyətinin—real və potensial imkanların mövcudluğudur. Bu fenomenin müvəffəqiyyətli təzahürü üçün insan öz həyatının mənasını dərk etməyə çalışmalıdır. Lakin bu dərk etmə şəxsiyyətin daima dəyişən mühitə adaptasiyası zamanı ona kənardan kömək göstərilməməsi özünügerçəkləşdirmənin həyata keçməsinə ləngidir.

Şəxsiyyət daima tarixi və şəxsi ziddiyyətlərlə müşahidə olunan psixoloji şəraitində yaşayır. Yeni sosial şəraitdə qavranılmış dəyərlər krossmədəni elementlərlə çevrilir və bu krossmədəni mənzərədə müxtəlif diskurslar və situasiyalar öz əksini tapır ki, şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsi və özünü təsdiqi bu elementlərin təsiri dairəsində baş verir. Məhz belə bir şəraitdə şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsinin daxili şərtləri ilə bərabər xarici şərt də əsas postulata çevrilir. Situasiyanın bu fonda inkişafı şəxsiyyətin müstəqil şəkildə cəmiyyətdə özünü tapmasını, öz yerini müəyyən etməsinə çətinlik yaradır. Belə hallar gənc tələbələrdə daha çox müşahidə olunur.

Tələbələrin belə bir situasiyada peşə keyfiyyətlərini gersəkləşdirilməsi qeydinə qalırlar və şəxsi özünügerçəkləşdirmədən uzaqdaşır, öz imkanlarının üzə çıxmasını talenin axarına buraxırlar.

Təhsildə təhsil subyektlərini özünügerçəkləşdirməsi üçün yalnız daxili şərtlərin olması kifayət etmir və xarici obyektiv şərtlərin təmin edilməsi və bir sıra tələblərin ödənməsi zərurəti də ortaya çıxır.

Müasir dövrün əsas tələblərindən biri təhsilin, iqtisadiyyatın, cəmiyyətin bütün sahələrinin innovasiya inkişafı xarakterinin təmin edilməsidir. Bu bir başa şəxsiyyət elmentinə, onunun özünügerçəkləşdirməsinə diqqəti artırılmasına şərait yaradır. Şəxsiyyətin psixoloji xüsusiyyətlərinin nəzərə alınması, təhsilin yaradıcı təşkili, yeni tərbiyəvi təsirlərin həyata keçirilməsi, təfəkkürün və fəaliyyətin məzmununun dəyişdirilməsi və s. kimi amillər demək olar ki, özünügerçəkləşdirmənin xarici obyektiv şərtləri fonunda özünü göstərir. Bunu həyat keçirmədən gələcək perspektivləri təmin edən, cəmiyyətin postmodernizm istiqamətində yeni dəyərlərin yaradılmasına nail olmaq olmaz.

Tələbələrin potensial qabiliyyətlərinin müasir və adekvat qiymətləndirilməsi özünügerçəkləşdirmənin yeni formasının ortaya çıxması üçün, eləcə də onların təlim-tərbiyə prosesinə innovasiya baxımdan daxil olmasına, peşəkar və şəxsi özünügerçəkləşdirməyə hazırlığa imkan yaradır.

Innovasiyaların tətbiqi şəraitində öyrənmənin yeni metodlarının yaradılması, produktiv təlim fəaliyyətinə və ən əsası tələbənin özünü, öz qabiliyyətlərini dərk etməsinə zəmin formalaşdırır. Bu həm də tələbələrin yeni dəyişən şəraitə dərhal reaksiya verəməsinə, həmçinin hər bir şəxsin potensial imkanlarının istiqamətlərin ayırd edilməsinə gətirib çıxarır. Ancaq bununla belə daxili şərtlər olmadıqda bu prosesin uğurla nəticələnəcəyini söyləmək olmaz.

Şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsinə ənənəvi yanaşmada iki məqam özünü göstərirdi:

1. Şəxsiyyət özün başqasına oxşamaqla dərk edirdi.
2. Şəxsiyyət özünü başqasından fərqləndirərək dərk edirdi.

Bu modernist yanaşmanın əsas paradoksu idi. Lakin postmodernizmdə bu postulat öz əhəmiyyətini itirir. Müasir dövrdə şəxsiyyət heç kimə oxşamaq istəmir və özünün öz yolunu dərk edərək özünügerçəkləşdirir, öz ürəyinin səsinə qulaq asır.

Belə qənatə gəlmək olar ki, özünügerçəkləşdirmə prosesi nə xarici, nə də daxili amillərlə ayrı-ayrılıqda şərtlənməyib, müxtəlif funksiyaların və təşkil elementlərinin inteqrasiyası prosesi olub, zəmanın tələbləri səviyyəsində gərəkləşən prosesdir.

Bir məqamı da qeyd etmək lazımdır ki, postmodernizmi dövründə mədəniyyətlərin inteqrasiyası şəraitində dəyərlər də dəyişir. Bir mədəniyyətə məxsus dəyərlər sistemi digər mədəniyyət vasitəsilə

özünükləşdirir. Və şəxsiyyətin dəyərlər seçimində problemlər ortaya çıxır. Əgər şəxsi dəyərlər sistemi şəxsiyyət üçün zəruri leytomativə çevrilirsə, o zaman şəxsiyyətin vacib elementi olan özünügerçəkləşdirmənin daxili və xarici şərtləri olduqda belə onunu reallaşması imkanları azalır.

Təbii ki, şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsini zəruri edən şərtlərdən biri olan şəxsi mənə və dəyərləridir. Həyatın mənasının axtarışı insanın aktual tələbatlarını saf-çürük edir, dəyərlər isə onun imkanlarını şərtləndirir, insana özünügerçəkləşdirmənin harada baş tuta biləcəyini göstərir. Əgər şəxsi mənə və dəyərlər tələbatlar dünyasının və daxili imkanların proyeksiyasıdırsa, o zaman bu tələbatların gerçəkləşməsinə hazırlıq əsas səbəblərdən biridir. Dəyərlər hələ reallaşmamış, lakin özünün gerçəkləşdirilməsini tələb edən imkanlardır. Ancaq bu imkanlar açılacaqmı?

Postmodernizm şəraitində həmin imkanların açılması ehtimalı çoxdur. Amma hər bir insanda bu imkanlar açılmır. Bunun açılması üçün insandan xüsusi bacarıq, iradi səy və motivasiya imkanları tələb olunur. Əks halda bu imkanlar gerçəkləşmir və şəxsiyyətdaxili konflikt yaradacaq elementlərə çevrilirlər.

Fikirlərmizdən belə bir qənaətə gəlinməməlidir ki, heç də innovasiyaların mexaniki tətbiqi zəruridir. Burda yeni metodların mexaniki köçürülməsindən daha çox təhsilin cəmiyyətlə əks əlaqəsinin yradılması prosesi sürətləndirilməlidir. Əgər innovasiyalar mexaniki şəkildə bir mədəniyyətdən digərinə keçirilsə bu zəhmət heç də şəxsiyyətin produktiv özünügerçəkləşdirəmsindən deyil, onun bütünlüklə itirilməsi qorxusundan danşmaq zərurəti meydana çıxacaqdır.

Postmodernizm ideyalarının təhsilə, şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsinə bütünlüklə tətbiqi, cəmiyyətlə təhsilin əlaqə tipinin dəyişməsinə, cəmiyyətin bütünlüklə zəruri olan dəyərlərdən mərhum olmasına, svilizasiyanın sabitliyinin pozulmasına gətirib çıxara bilər ki, bunun da fəsadları qaçılmazdır. İstər şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsində, istərsədə təhsildə postmodernizmin tətbiqi təkamül yolu ilə həyata keçirilməli, dəyişən, çevik və mühitə adaptasiya oluna bilən tələbələr formalaşdırılmalıdır. Bu onların özünügerçəkləşdirmə imkanlarında və dəyərlər sistemində dyşiklik yaratmaycaqdır.

Sonda bir məqamı da qeyd etmək istərdik ki, insanın gerçəklik duyğusu müasir informasiya texnologiyalarının yaratdığı reallaıqdan kənarında-keçmişdə ilişb-qala bilməz. Vahid mədəniyyətlərin kiçik və submədəniyyətlərə bölündüyü bir zamanda insan artıq özünün hər hansı ümumliklə, sinflə, cəmiyyətlə, dövlətlə eyniləşdirə bilməz. O, yalnız öz imkanları və daxili potensialının gerçəkləşdirməsi ilə özünü eyniləşdirə bilər.

Postmodernizm intellektuallar vasitəsilə yaradılan, formalaşdırılan bir proses deyil. O, özünüdə azad tərbiyəni, fərdi unikalığı, fraqmantarlığı, azadlığı, özgürlüyü və dəyişikliyi əks etdirən bugünkü informasiya cəmiyyətinin dünyagörüşüdür. Məhz bunun əsasında şəxsiyyətin özünügerçəkləşdirməsinin gələcək perspektivləri daha ümid verici ola bilər.

Hesab edirik ki, təlim prosesində müəllimlər təhsil subyektlərinin özünügerçəkləşdirməsinə çalışarkən birtərəfli qayda ya subyektiv, ya da obyektiv şərtlərə üstünlük verməməlidirlər. Onlar nəzərə almalıdırlar ki, daxili imkanların və ideal təhsil mühitinin olması hələ şagirdin özünügerçəkləşdirməsi demək deyildir. Bu prosesdə obyektiv və subyektiv şərtlərin vəhdətinə nail olunmalı, postmodernizm şəraitində tələbələrin özü yerini tapmasına zəmin yaradan fərdi unikalıq və yaradıcı mühit formalaşdırılmalıdırlar.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Əliyev B. H., Cabbarov R. V. Təhsildə şəxsiyyət problemi. – Bakı, 2008. – 134 s.
2. Əliyev B. H., Cabbarov R. V. Şəxsiyyətyönümlü təhsil sistemində şəxsiyyət və təhsilin qarşılıqlı əlaqəsinin psixopedaqoji problemləri // Bakı Universitetinin xəbərləri, Sosial-siyasi elmlər seriyası. – № 2. – S. 141–148.
3. Гриценко В. П. Социосемиотика. – Екатеринбург : Институт международных связей, 2006. – 225 с.
4. Ишмухаметов Р. Р. Проблемы самореализации личности. – М. : Красанд, 2010. – 104 с.
5. Гершунский Б. С. Концепция самореализации личности в системе обоснования ценностей и целей образования // Педагогика, 2003. – № 10. – с. 6.
6. Галажинский Э. В. Системная детерминация самореализации личности. – Томск : Изд. Томского Университета, 2002. – 212 с.

ŞƏXSİYYƏTİN ETNİK-PSIXOLOJİ XÜSUSİYYƏTLƏRİNƏ DAİR

R. V. Cabbarov, M. H. Mustafayev
Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The article examines the impact of science, technology and information on the development of interstate and intrastate relations in the modern period. These changes will help to change the moral and ethical and cultural beliefs of people. On the other hand, national identity has a significant influence on the culture of the people, their spiritual values. That is why the transfer of cultural values from one ethnic group to another can not be mechanical.

Key words: society; ethnicity; personality; psychological characteristics of ethnicity; national identity.

Fərdin şəxsiyyət kimi formalaşmasını müxtəlif təsir proseslərindən kənarında götürmək mümkün deyil. İnsanın şəxsiyyət kimi inkişafı, təkmilləşməsi prosesinə həm bioloji, həm sosial amillər təsir göstərir. Bu

baxımdan şəxsiyyətin formalaşmasını da bu jür təsirlərdən kənar təsəvvür etmək mümkün deyil.

Şəxsiyyətdə etnik-psixoloji xüsusiyyətlərin təzahürü, onun formalaşması, hər şeydən əvvəl, həmin insanların yaşadığı cəmiyyətdə mövcud olan normativ qaydaların, etalonların hansı səviyyədə olmasından çox asılıdır. Bu baxımdan son illərdə respublikamızın milli, mənəvi, sosial, iqtisadi həyatında ciddi dəyişikliklər baş vermişdir.

Digər tərəfdən məlumdur ki, indi sərhədlər açılıb, dünyaya inteqrasiya imkanı yaranıb, qloballaşma prosesinə qoşulmuşuq. Əvvəla, qeyd edək ki, qloballaşma, inteqrasiya qaçılmaz, qarşısızalmaz bir prosesdir. Ondan qaçmaq demək olar ki, mümkün deyil. Onun qarşısını almaq heç bir xalqın, heç bir dövlətin imkanı daxilində deyil. Artıq beynəlxalq əlaqələr, iqtisadi, siyasi, mədəni münasibətlər elə bir həddə çatıb ki, ona qarşı çıxmaq mümkün deyil. İndi bir ölkənin daxilində gedən proseslər tək o ölkəyə aid deyil, dünyanın problemidir. İndi elm, texnika, informasiya vasitələrinin inkişafı elə bir həddə çatıb ki, onların vasitəsilə istənilən ölkənin daxili işlərinə asanlıqla təsir etmək mümkündür. Demək, inteqrasiyadan qaçmaq, onun qarşısını almaq yox, ona doğru getmək lazımdır. Lakin öz milli dəyərlərini, milli mənəviyyatını qorumaq şərti. İndi dövlətlər və xalqlar arasında əlaqə və münasibətlər elə bir həddə çatıb ki, bunsuz mümkün deyil. Deməli, əlaqə və münasibət qurulan xalqların milli xüsusiyyətlərini öyrənmək zəruridir. Axı, onları bilmədən onlarla münasibət qurmaq, həm də uğur qazanmaq qeyri-mümkündür.

İnteqrasiyadan, qloballaşmadan qaçmaq özünütəjridə, «özününtihara» bərabərdir. milli dəyərlərini, milli mənəviyyatını qoruya bilməmək də eyni dərəcədə təhlükəlidir.

Azərbaycan respublikası keçid dövrünü yaşayır. Keçid dövrü yalnız ideoloji, iqtisadi, siyasi dəyişikliklərlə məhdudlaşmır, həm də psixikada, şüurda, dünyagörüşdə, qarşılıqlı münasibətlər sistemində öz əksini tapır. Keçid dövründə xalqlar bir tərəfdən öz tarixi keçmişinə, soy kökünə qayıtmağa, digər tərəfdən inkişaf etmiş dünya dövlətlərinə inteqrasiyaya jan atır. Əlbəttə, bu deyilənlərin həyata keçirilməsi, düzgün istiqamət götürməsi o qədər də sadə məsələ deyildir. Şüurda, davranış və məişətdə özünə yer tutmuş, möhkəmlənmiş stereotiplərin yenilənməsi mürəkkəb bir prosesdir.

Hər bir xalqın özünəməxsus etnik psixoloji xüsusiyyətləri və mədəniyyəti vardır. Bu etno-psixoloji xüsusiyyətlər isə şəxsiyyətin mənəvi inkişafına və mənəvi təkmilləşməsinə mühüm təsir göstərir. Etnik psixoloji xüsusiyyətlər və mədəniyyət müəyyən ictimai-tarixi şəraitdə insanların qarşılıqlı münasibətlərinin xarakterindən asılı olaraq formalaşır. Etnik psixoloji xüsusiyyətlər nəsilədən - nəslə verilərək həmin etnos üzvlərinin əxlaqi adət və ənənələrində, inam və əqidələrində, davranış və rəftar tərzində, başqalarına, eləcə də özünə münasibətdə

təzahür edir. Onlara bələd olmadan etnosla əlaqə və münasibətlər sisteminin, rəftar tərzinin optimal yollarının müəyyənləşdirmək çətinidir. Burada etnik qrup daxilindəki qarşılıqlı münasibətlər sistemi rol və davranışların xarakteri, sosial təsir istiqamətləri, maddi həyat şəraiti, təlim-tərbiyə sistemi də az rol oynamır. Etnik psixoloji xüsusiyyətlər insanların qarşılıqlı fəaliyyətini, davranışını tənzim edir. Xarici alimlərin fikrincə, bu normalar sosial mühitin üzvlərini qarşılıqlı fəaliyyət, münasibət və davranışın etalon, standart modelləri ilə təmin edir. Hər bir xalqın etno-psixoloji xüsusiyyətləri və mədəniyyət nümunələri bir-birindən fərqlənir. Mədəniyyətdəki bu fərqlər isə hər bir şəxsiyyətin inkişafına özünəməxsus şəkildə təsir göstərir. Belə ki, şəxsiyyətin inkişafı müəyyən etnik birliyin çərçivəsində və müəyyən mədəniyyət sisteminə baş verir. Şəxsiyyət isə öz xalqına mənsub olan mədəniyyəti, adət-ənənələri, davranış formalarını, etnik stereotipləri mənimsəyir. Bu etno-mədəni amillər isə öz növbəsində gənclərin fəaliyyətinin və davranışının tənzimləyicisi olur. Qeyd etdiyimiz kimi hər bir şəxs öz davranış və fəaliyyətini bu etnik xüsusiyyətlər və mədəniyyət çərçivəsində qurur. Ayrı-ayrı xalqa, etnik birliyə mənsub olan insanların etno-psixoloji xüsusiyyətləri eyni olmur. Onlar bir-birindən təmamilə fərqlənirlər. Şəxsiyyətin təşəkkülü mədəniyyətin və etnik psixoloji xüsusiyyətlərin təbəddülatından kənarında götürülə bilməz. Etnik psixoloji xüsusiyyətlər içərisində, ilk növbədə, diqqəti cəlb edən etnosun özünü dərk etməsi, özünüqiymətləndirməsi və etnik şüur səviyyəsidir. Etnik özünüqiymətləndirmə mürəkkəb proses olub şəxsiyyətin özünü necə dərk etməsi ilə əlaqədardır. Yəni şəxsiyyətin özünüdərk etməsi onun özünü və öz imkanlarını, keyfiyyətlərini və başqa etnoslar içərisində öz yerini və mövqeyini qiymətləndirməyə, onun öz imkanlarını, keyfiyyətlərini, onun davranış və rəftarının tənzim olunmasını təmin edir. İnsanın ətraf aləmə, başqa etnoslara münasibəti onun özünüqiymətləndirməsindən asılıdır. İnsanın özünü necə qiymətləndirməsi onun mənəvi inkişafına, tərəqqisinə, fəaliyyətinin səmərəliliyinə təsir edir. Bu aspektdə gənclərdə milli mənlilik şüurunun formalaşması, ilk növbədə, onun özünü necə dərk etməsi və adekvat qiymətləndirməsi ilə əlaqədardır. İnsanın milli mənlilik şüurunun formalaşması, ümumən xalqın, millətin tərəqqisi üçün böyük əhəmiyyətə malikdir. Çünki insanın milli mənlilik şüurunun səviyyəsi bir tərəfdən xalqın, millətin obyektiv şəkildə fəaliyyətdə olan əlamətlərinin, xüsusiyyətlərinin inikasıdır və müvafiq stereotiplərdə, etnik identifikasiyalarda, təsəvvür və anlayışlarda təsbit olunur. Milli-mənəvi dəyərlərin qorunması və inkişaf etdirilməsi indi o qədər aktuallaşmış ki, cəmiyyətin geniş hissəsinin müzakirə obyektinə çevirib. Bu məsələ tədqiqatçılar tərəfindən həmişə diqqət mərkəzində olsa da sistemli şəkildə təhlil olunmamışdır. Yəni Azərbaycan cəmiyyəti geniş olaraq milli-mənəvi və əxlaqi dəyərlərin yenidən dərk edilməsi zərurətini ortaya qoyur. Azərbaycan cəmiyyəti sürətlə dəyişir. Bu dəyişiklik də avtomatik olaraq

insanların mənəvi-əxlaqi və mədəni təsəvvürlərinə təsir edir. Digər tərəfdən isə, milli mənlik şüuru xalqın mədəniyyətinin, mənəvi dəyərlərin yaradılmasına mühüm təsir göstərir. Ona görə də xarici ölkələrdə mövcud olan xüsusiyyətlər etnik milli mühitə onun tərbiyə sisteminə, adət və ənənələrinə mexaniki şəkildə transformasiya edilə bilməz.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Əliyev B. H. Ekologiya və etnopsixologiya // Dirçəliş XXI əsr, 2001. – № 1–2. – S. 181–184.
2. Əliyev B.H. Şəxsiyyət probleminə yeni baxış / Elm XXI əsrin astanasında elmi-praktik konfransının materialları. Bakı, 1998. – s. 3
3. Выготский Л. С. Психология искусства. – Мн. : Современное слово, 1998.
4. Гумилев Л. Етногенез и биосфера земли. – М., 2005.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995.

XIX–XX ƏSRLƏRDƏ AZƏRBAYCANDA BAŞ VERMİŞ MİQRASIYA PROSESLƏRİNİN NƏZƏRİ ARAŞDIRILMASI

S. Z. Quliyeva

Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary: Migration processes in XIX–XX centuries in Azerbaijan, causes and directions, regulation methods, as well as creation of diaspora and its role in the formation of population are reflected in this research. During the investigation we found out that this kind of research is important for international cooperation for the regulation of migration process.

Key words: Azerbaijan; migration; refugees; diaspora.

Azərbaycan Respublikasının Demografik İnkişaf Konsepsiyasında müasir dövrdə yaranmış demografik vəziyyətə təsir edən mühüm amillərdən birinin miqrasiya prosesləri olduğu və bu prosesin tənzimlənməməsi nəticəsində əhalinin strukturunun pozulması göstərilir. Bu məqsədlə də, demografik proseslərdə yaranmış neqativ halların aradan qaldırılması vacibdir. Demografiya sahəsində dövlət siyasətinin əsas prioritetləri sırasında əhalinin demografiya sahəsində biliklərinin yüksəldilməsi, demografiyanın tədrisi və elmi tədqiqat işlərinin gücləndirilməsi, miqrasiya proseslərinin tənzimlənməsi nəzərdə tutulur. Bu konsepsiya Azərbaycan ərazisində baş vermiş miqrasiya proseslərinin tədqiqatını, əhalinin formalaşmasında miqrasiyanın rolunun araşdırılmasını aktual edir [4].

Miqrasiya³ əhalinin demografik vəziyyətinə təsir edən mühüm amillərdən biridir. Tədqiqatçılar, ümumi olaraq, miqrasiyanın müəyyən edilmiş bütün növlərinin Azərbaycanda baş verdiyini göstərirlər. Beləki, XIX-XX əsrlərdə baş vermiş miqrasiya prosesləri siyasi, sosial-iqtisadi amillərlə bağlı olmuş, məcburi və könüllü səbəblərdən reallaşmış, müddəti daimi və müvəqqəti olmuş, əhalinin daxili və xarici miqrasiyası qeydə alınmışdı [8; 9; 18].

Tarixi faktlar və Azərbaycan əhalisinə dair tarixi-demografik tədqiqatlar XIX-XX əsrlərdə Azərbaycan ərazisində baş vermiş miqrasiya proseslərinin səbəblərini, istiqamətlərini, miqrasiya prosesində yaranan diasporanın formalaşmasını araşdırmağa imkan verir.

Miqrasiyaların səbəbləri: XIX əsrdə Rusiya–İran müharibələri, həmçinin Azərbaycan xanlıqlarının öz aralarında və Rusiya ilə müharibələri yerli əhalinin yerdəyişməsi və bu ərazilərə başqa ərazilərdən əhali köçürmələrinə əsas səbəb olaraq göstərilə bilər. Belə ki, hərbi əməliyyatlar nəticəsində əhali yaşayış yerlərini dəyişməyə məcbur olurdu. Xanlar isə köçürmə siyasəti və hərbi əsirlər vasitəsilə öz əhalisinin sayını artırmağa çalışırdılar. Sosial-iqtisadi şərait, vergilər, təbii fəlakətlər (Şamaxı zəlzəlesi və s.) də əhalinin miqrasiyasına səbəb olurdu.

Məsələn, Quba xanlığının əhalisinin təsvirinə dair 1820-ci il sənədləri təsdiq edir ki, qonşu ərazilərdən köçürülmüş əhaliyə müəyyən güzəştlər edilirdi. Bu isə xanlığın əhalisini artırmaq məqsədilə məcburi köçürülmə ilə yanaşı, həm də firavan həyat axtarışı ilə könüllü olaraq xanlığın ərazisinə köçməyə imkan yaratmışdı [10; 14, s.31]. Rusiya–İran müharibələri nəticəsində Qarabağ xanlığından Şəkiyə köçmüş əhali müharibələrdən sonra geri qayıtmışdır [7; 17, s.138-139]. Naxçıvan xanlığında isə hakimiyyət uğrunda mübarizə, sosial şəraitdən narazılıq, vergilərin ağırlığı əhalinin qonşu xanlıqlara (xüsusilə, Qarabağa) miqrasiyasına səbəb olmuşdur [15].

Rusiya–İran müharibələri və Şimali Azərbaycan ərazilərinin Rusiya tərəfindən işğalını rəsmiləşdirən 1828-ci il Türkmənçay müqaviləsinə əsasən, bölgəyə xristian əhalinin köçürülməsinə başlanılmış və onlar daimi məskunlaşdırılmışlar. Dövrələr və regionlar üzrə tədqiqatlar çarizmin köçürmə siyasətinin məhz işğalçılıq siyasəti ilə əlaqəli həyata keçirildiyini təsdiq edir. Qafqazı xristianlaşdırma məqsədilə bura əvvəlcə ermənilər (əsasən, İrəvan və Qarabağ xanlıqlarının ərazisinə), XIX əsrin ikinci yarısında isə Muğana, Qazaxa, Gədəbəyə, Şirvana və Abşeronu ruslar, kazaklar, malokanlar köçürülmüşlər [12, s. 97; 13, s. 146–151].

XIX əsrin ortalarından başlayaraq neft sənayesinin inkişafı ilə əlaqədar Azərbaycana Rusiya, İran, və Avropa dövlətlərindən sahibkarlar,

³ Latın dilindən tərcümədə “köçürəm, keçirəm” mənasını verən miqrasiya anlayışı əhalinin yaşayış yerini daimi və ya müvəqqəti dəyişməsini bildirir. Miqrasiyanın daxili (kənddən şəhərə, rayonlar arası v.s.) və xarici (emiqrasiya və immiqrasiya), məcburi və digər formaları vardır (12, s. 215; 21, 645).

müxtəlif sahələr üzrə ixtisaslı mütəxəssislər (məsələn, Nobel və Rotşild kimi şirkətlər və onların mühəndisləri, v.s.), adi fəhlə qismində işləmək üçün gələnlərin (məsələn, iranlılar) sayı getdikcə artır. Neft sənayesinin inkişafı ilə əlaqədar Bakıya həm daxildən, həm də xaricdən əhali axını olmuşdur. XIX əsrin 50–60-cı illəri ilə əsrin sonunu müqayisə etdikdə, şəhər əhalisinin immiqrantların hesabına artaraq bütün əhalinin 12,4%-dən 16%-ə çatdığı məlum olur. Tədqiqatlar göstərir ki, Bakı və Yelizavetpol quberniyalarında iqtisadi və mədəni mərkəzlərin inkişafı ilə əlaqədar əhalinin, əsasən, bu şəhərlərə axını baş vermişdir [16, s. 210–215]. Bu vəziyyət sovet hakimiyyətinin qurulmasına qədər davam edir.

Azərbaycanda XX əsrdə – Sovet hakimiyyətinin qurulmasından sonra əhalinin miqrasiyasında bir neçə cəhət xüsusi qeyd edilməlidir. Əsrin əvvəllərindən başlayaraq siyasi və sosial-iqtisadi vəziyyətlə əlaqədar əhalinin hərəkəti artmışdır. Birinci dünya müharibəsi, Azərbaycan ərazilərində məskunlaşmış ermənilərin azərbaycanlılara qarşı soyqırım siyasəti, erməni-bolşevik hücumları ilə əlaqədar daxili və xarici, həmçinin məcburi miqrasiyalar güclənmişdir.

Bir sıra tədqiqatçılar XX əsrin 20-ci illərini Azərbaycan əhalisinin xaricə miqrasiyasının ən geniş dövrü hesab edir [1, s.10-12]. Məhz bu dövrdə sovet rejiminə etiraz əlaməti olaraq xaricə köçənlərin sayı artmışdır. 30–50-ci illərdə isə əhali Sibir və Orta Asiyaya deportasiya olunmuşdu. Eyni zamanda, bu dövrdən başlayaraq sənayeləşmə ilə əlaqədar Azərbaycana müxtəlif millətlərdən olan ixtisaslı mütəxəssislər göndərilirdi, xüsusilə regiona rus millətindən olan əhalinin miqrasiyası əhəmiyyətli dərəcədə artmışdı. II Dünya müharibəsi illərində cəbhə xəttinə yaxın ərazilərin əhalisi, həmçinin sənaye strukturları və onların mütəxəssisləri (Belorus, Ukrayna v.s.) SSRİ-nin digər respublikaları ilə yanaşı Azərbaycana da köçürülmüşdür.

XX əsrin 50-ci illərindən başlayaraq, bütün dünyada olduğu kimi, Azərbaycanda da şəhərlər sürətlə inkişaf etmiş və böyümüşlər. Əhali siyahıyaalma materiallarına və cari statistik materiallara əsasən, bu prosesin əhalinin yerləşməsi vəziyyətinə də təsir etdiyini görürük [2, I hissə, s. 19–20; 6]. İnzibati-ərazi dəyişiklikləri, Mingəçevir və Sumqayıt şəhərlərinin salınması, Gəncə, Şuşa, Naxçıvan, Lənkəran və digər şəhərlərdə sənaye obyektlərinin tikilməsi, ali və orta ixtisas təhsili müəssisələrinin açılması, nəqliyyat sisteminin yaradılması əhalinin hərəkətinin canlanmasına səbəb olmuş, sənayeləşmə əhalinin şəhərlərə miqrasiyası ilə nəticələnmişdir. Bu isə miqrasiyanın xarakterinin dəyişdiyini göstərir.

Həm Azərbaycan daxilində, həm də SSRİ-nin müttəfiq respublikalarına təhsil və əmək fəaliyyəti ilə əlaqədar başlayan müvəqqəti miqrasiya (o cümlədən, təyinatla) sonradan əhalinin həmin yaşayış məskənində daimi məskunlaşması ilə nəticələnirdi.

Qeyd edək ki, 1988-ci ildən başlayaraq Ermənistanda azərbaycanlılara qarşı etnik təmizləmə siyasəti və Ermənistanın Azərbaycan ərazilərini işğal etməsi əhalinin məcburi miqrasiyasına səbəb olmuşdur. XX əsrin sonunda SSRİ-nin dağılması ilə sərhədlərin açılması, Ermənistan SSR ərazisində yaşayan azərbaycanlıların deportasiyası, siyasi və sosial-iqtisadi vəziyyət XX əsrin sonunda Azərbaycanda miqrasiyanın, xüsusilə xarici miqrasiyanın canlanmasına səbəb olmuşdur.

XX əsrin sonunda Azərbaycan ilə dünyanın aparıcı şirkətləri arasında imzalanmış müqavilələr, neft və qaz kəmərinin işə düşməsi, «Böyük İpək Yolu»nun bərpası və digər beynəlxalq layihələrin həyata keçirilməsi xaricdən bura əmək miqrantlarının axınına səbəb olmuşdur.

SSRİ dövründə aparılan siyahıyaalmalar, 1979-cu il və 1989-cu illərin Ümumittifaq əhali siyahıyaalma materialları, 1999-cu il müstəqil Azərbaycanın ilk əhali siyahıyaalma materiallarının müqayisəsi miqrasiya proseslərinin əhalinin demografik strukturuna, milli tərkibinə təsirini aydınlaşdırmağa kömək edir (3, IV hissə, s. 8–9). Beləki, bu materiallarında respublikada yaşayan yəhudi, erməni və rus millətindən olan əhalinin sayında azalma qeydə alınmışdır.

Beləliklə, XIX-XX əsrlərdə Azərbaycan ərazisində baş vermiş miqrasiya proseslərinin əsas səbəbi kimi siyasi və iqtisadi-sosial səbəbləri göstərə bilərik. Siyasi hadisələr əhalinin məcburi miqrasiyasını (mühacirət, deportasiya, qaçqın, məcburi köçkün), iqtisadi-sosial səbəblər isə əmək, təhsil, nikah və sair miqrasiyasını şərtləndirmişdir. Miqrasiya prosesləri nəticəsində əhalinin demografik strukturunda bir sıra dəyişikliklər baş vermişdir. Əmək miqrasiyası və «beyin axını» ölkənin iqtisadi-sosial həyatına mənfi təsir etmişdir.

Miqrasiyaların istiqamətləri: XIX əsrin əvvəllərində Şimali Azərbaycan ərazisində əhalinin həm daxili, həm də xarici miqrasiyası (xanlıqlararası, qonşu regionlara) qeydə alınmışdır.

XIX əsrdə Rusiya imperiyasının Qafqazda yeritdiyi işğalçılıq siyasətinin tərkibi kimi İran, Türkiyə və Rusiya ərazilərindən (həmçinin, Krımdan) xristian əhalini (əsasən, erməni, rus və malakanları) Azərbaycana köçürməyə başlayır. Bu dövrdə, Rusiya imperiyası əsirlikdə olan almanları və polyakların bir hissəsini də Azərbaycan ərazisində yerləşdirir. Bu miqrantlar Azərbaycanın bütün bölgələrində daimi məskunlaşdırılırdı.

Tədqiqatlar göstərir ki, XIX əsrin ortalarından başlayaraq kapitalist münasibətlərinin inkişafı nəticəsində Bakı, Gəncə, Quba, Şamaxı, Şuşa, Nuxa, Lənkəran kimi şəhərlərdə əhalinin ümumi sayının artması gəlmələrin (immiqrantların) hesabına baş vermişdir. Gələnlərin əsas hissəsini Cənubi Qafqaz, Dağıstan və Rusiyanın bir sıra quberniyalarından, həmçinin Cənubi Azərbaycandan olan əhali (xüsusilə,

müflisləşmiş kəndlilər) təşkil edirdi. Bu miqrantlar sonralar Şimali Azərbaycanın şəhərlərində daimi məskunlaşmışdılar.

XX əsrin əvvəllərindən başlayaraq azərbaycanlıların XX əsrdə 4 dəfə mərhələlərlə soyqırım və deportasiyaya məruz qalması onların əsasən qərbdən şərqə miqrasiyası ilə nəticələnmişdir. Soyqırımlar nəticəsində əhalinin qonşu regionlara – əsasən Türkiyə və İran istiqamətində də hərəkəti qeydə alınmışdır. 1920-ci ildə Azərbaycan və Ermənistan Sovet Sosialist Respublikaları qurulduqdan sonra Azərbaycana, İrana və Türkiyəyə məcburi miqrasiya etmiş əhalinin bir hissəsi öz tarixi torpaqlarına qayıtmışdır [15, s. 160–162]. Əsrin sonunda Ermənistandan qaçqın düşmüş vətəndaşlar, həmçinin müxtəlif xarici dövlətlərdən, xüsusilə də Əfqanıstan, İran, Rusiya (əsasən, Çeçenistandan) qaçqın statusu almaq niyyətində olan və sığınacaq axtaran şəxslər də Azərbaycana gəlmişlər.

Bununla yanaşı, xarici miqrasiyanın əsas istiqamətlərini, həmçinin Azərbaycana olan axının istiqamətini də müəyyən etmək mümkündür. Həm emiqrantlar, həm də immiqrantlar üçün miqrasiyanın istiqaməti dəyişməmişdir.

XX əsrin ortaları, xüsusilə II Dünya müharibəsi dövründə azərbaycanlılar məskunlaşdıqları ölkələrdə təşkilatlanmaq üçün ilk cəhdlər etmişlər. Amerika və Avropa qitəsində məskunlaşmış azərbaycanlıların əksəriyyəti bir müddət Türkiyə və Rusiyada yaşamış əhalidir. Hazırda Amerika və Avropa qitəsi ilə yanaşı, Mərkəzi Asiya, Hindistan, Banqladeş, Əfqanıstan, Pakistan, Çin, İndoneziya, İordaniya, Yəmən, Oman, Birləşmiş Ərəb Əmirliyi və digər Asiya və Afrika dövlətlərində yüz minlərlə azərbaycanlı yaşayır [1, s. 12–18].

XX əsrdə emiqrasiyanın əsas istiqamətləri Rusiya, Türkiyə, İran, Hollandiya, Almaniya, İsveç və ərəb dövlətləri olmuşdur. Əmək və Əhalinin Sosial Müdafiəsi Nazirliyinin məlumatına görə, 1991–1997-ci illər ərzində 272 min şəxs leqal şəkildə Azərbaycandan Rusiya, Ukrayna, Türkiyə, Almaniya, İsrail və Hollandiyaya miqrasiya etmiş və orada məskunlaşmışlar. Ümumiyyətlə, Avropa ölkələrindən Hollandiya və Belçika Azərbaycandan ən çox emmiqrant qəbul edən ölkələrdir.

Dövlətlərarası miqrasiya. Diasporanın formalaşmasına təsiri. Qeyd edək ki, elmdə beynəlxalq miqrasiyanın müstəqil sahə kimi öyrənilməsinə XX əsrin 90-cı illərindən başlanmışdır. Bu dövrdə miqrasiya axınları artıq beynəlxalq münasibətlərə hissediləcək dərəcədə təsir göstərirdi. Müasir dünyada ölkələr arasında qarşılıqlı iqtisadi-siyasi münasibətlərin daha da yaxınlaşması, sosial-mədəni həyatın beynəlmiləşməsi, eyni zamanda, milli, irqi, regional münaqişələrin, fəvqəladə vəziyyətlərin və təbii fəlakətlərin doğurduğu problemlər əhalinin kütləvi miqrasiyası ilə müşayiət olunur.

Konkret məqsədi və eyni hərəkət istiqaməti olmadığı üçün miqrasiya proseslərini vahid nəzəriyyə tətbiq etməklə izləmək, öyrənmək

və idarə etmək mümkün deyildi. Hazırda, miqrasiyanın hərəkətinə imkan yaradan aşağıdakı amilləri müəyyən olunmuşdur:

- **Struktur şərtləri:** regionlar və ölkələrarası iqtisadi inkişaf fərqləri əhalinin cəlbedici görünən dövlətə miqrasiyasına şərait yaradır. Dövlətlərarası münaqişələr və digər bu kimi hadisələr isə əhalinin daha təhlükəsiz əraziyə köçürülməsinə səbəb olur.

- **Təsisat kanalları:** dövlətlərin miqrasiya və inteqrasiya rejimi, hüquqi və tənzimləmə bazası. Bir sıra dövlətlər özləri miqrasiya üçün şərait yaradırlar.

- Bir-biri ilə əlaqədə olan **sosial şəbəkələr** (məsələn, diaspora). Belə şəbəkələr miqrantların öz adət-ənənələrini, dillərini və mədəniyyətlərini qorumağa imkan verir, hətta növbəti miqrasiyalar üçün zəncir yaradır [9].

XX əsrdən başlayan qloballaşma prosesi miqrasiyanın strukturuna, təsisat kanallarına, diasporanın formalaşmasına, səbəb və istiqamətlərinə təsir edir. Xarici miqrasiya immiqrasiya və emiqrasiya formalarında mövcuddur. Xarici miqrasiyanın subyektlərinə qaçqınlar, qaçqın statusu almaq niyyətində olan və sığınacaq axtaran şəxslər, əməkçi miqrantlar, tranzit miqrantlar, qeyri-qanuni miqrantlar, həmçinin təhsil və nikah nəticəsində miqrasiya edən şəxslər daxildir.

Dövlətlər bu prosesə uyğunlaşmaq üçün əhalinin hərəkətinin idarə edilməsində və miqrasiya proseslərinin tənzimlənməsində yeni mexanizmlər işləyib hazırlayırlar. Çünki, miqrasiya proseslərinin tənzimlənməməsi demoqrafik vəziyyətin kəskinləşməsinə təsir edən amillərdən birinə çevrilmişdir (xüsusilə, əmək yaşda olan əhalinin emiqrasiyası).

Beynəlxalq miqrasiya prosesləri ayrı-ayrı qitələrin, dövlətlərin və regionların iqtisadi inkişaf səviyyəsi ilə sıx surətdə bağlıdır. Miqrasiya axınlarının əsasən inkişaf etmiş Avropa ölkələrinə və Amerikaya istiqamətləndiyini nəzərə alaraq, həmin ölkələrin miqrasiya siyasətinə nəzər salmaq.

Tarixən baş vermiş miqrasiyaların səbəbi kimi insanların öz həyatı tələbatlarını ödəmək istəkləri, müharibələr, təbii fəlakətlər və digər amilləri göstərə bilərik. Əhalinin miqrasiyası, tarixi-siyasi hadisələrdən asılı olaraq, ayrı-ayrı dövrlərdə fərqli olmuşdur. Belə ki, Böyük coğrafi kəşflər nəticəsində avropalıların Asiya, Afrika, Amerika qitələrinə güclənən miqrasiyası XIX əsrdən başlayaraq zəifləməyə başladı. Dünyada, xüsusilə də Avropada iqtisadiyyatın və sənayenin inkişafı və urbanizasiyanın artması buna əsas səbəb oldu. Sonrakı dövrdə miqrasiya proseslərinə səbəb, əsasən, münaqişələr və müharibələr olmuşdur. XX əsrdə isə vaxtı ilə Avropa dövlətlərindən asılı və ya yarıməsli olan ölkələrdən müstəmləkə mərkəzinə axınları müşahidə edirik. Hətta, əgər 1976-cı ildə inkişaf etmiş ölkələrdən inkişaf etməkdə olan ölkələrə axın var idisə, 2005-ci ildə əksinə axın güclənmişdir [19, s. 168]. Son 30 ildə

Asiya və Afrika ölkələrindən Avropa və Amerikaya miqrasiya axını güclənmişdir. BMT-nin statistik göstəricilərinə əsasən demək olar ki, bir il ərzində orta hesabla 2,3 milyon insan miqrasiya edir [22; 23].

Hollandiyanın Erasmus Universitetinin tədqiqatçıları tərəfindən hazırlanmış Avropa əhalisinin genetik xəritəsi miqrasiya prosesinin genetik nəticələrini aydın göstərir. Tədqiqatlar nəticəsində məlum olmuşdur ki, Avropaya ilk axın 45 min il bundan əvvəl cənubdan olmuşdur. Sonrakı axınlar 17 min əvvəl və 10 min il əvvəl baş vermişdir. Müasir avropalının antropoloji quruluşunda cənubdan gələn əhalinin elementləri özünü aydın göstərir. Fin və italyanlar isə daha az dəyişikliyə uğramış genlərə sahibdirlər. Belə ki, alimlər bunu finlərin az saylı olması, Alp dağlarının isə italyanların digər Avropa xalqarı ilə “qaynayıb-qarışması”na maneə olduğunu göstərirlər [20].

XX əsrin ortalarında miqrantlar dövlətləri və yerli cəmiyyətləri narahat etmirdisə, artıq əsrin sonlarında ABŞ və Qərbi Avropanın bir sıra dövlətləri miqrasiya prosesinin tənzimlənməsi istiqamətində fəaliyyətə başlayırlar.

XX əsrin sonu – XIX əsrin əvvəllərində Sovet İttifaqının dağılması, milli münaqişələr bütün dünyada miqrasiya prosesinə güclü təsir etdi.

“Beyin axını” da miqrasiyanın diqqəti cəlb edən cəhətlərindən biridir. XX əsrin sonunda, əsasən SSRİ-nin dağılmasından sonra bu proses güclənmişdir. Buna səbəb isə elm və təhsilin yeni yaranan dövlətlərdə yaranan problemlər fonunda qalması və elmin gəlirli sahə olmaması, yaradıcılıq üçün şəraitin olmaması, dövlətin iqtisadi vəziyyətinin zəifləməsi ilə elmi maliyyələşmənin azalması idi. “Beyin axını”nın iqtisadiyyat, kənd təsərrüfatı və digər sahələrə mənfi sosial-iqtisadi təsiri vardır, yeni konsepsiyaların, yeni texnologiyaların tətbiqini çətinləşdirir. Miqrasiyanın bu növü dövlətin gələcəyi üçün ciddi problemdir.

Miqrasiya prosesinin qarşısının alınması üçün daha sərt tədbirlər isə qeyri-qanuni miqrasiyaya şərait yaradır. Digər bir cəhət isə bu halda geri qayıtmaq istəyən immiqrantların sayının azalmasıdır. Yəni, qeyri-qanuni miqrantlar sərt tədbirlər nəticəsində çətinliklərlə üzləşəcəklərini düşündüklərindən geri qayıtmırlar. Bu səbəbdən də miqrasiyanın tənzimlənməsi istiqamətində dövlətlərin əməkdaşlıq etmələri daha münasibdir.

İnkişaf etmiş dövlətlər miqrasiya prosesini çətin idarə edilən bir proses kimi qiymətləndirir və bir sıra əhali problemlərinin başlanğıcı kimi görürlər. Demograflar isə bir sıra müsbət cəhətlərinə görə miqrasiya prosesindən iqtisadi-sosial və digər sahələrdə istifadə etməyi təklif edirlər. BMT-nin statistik göstəricilərinə əsasən belə qənaətə gəlmək olur ki, doğum sayının azaldığı uzun ömürlü ölkələrlə əhalinin qocalması prosesi gücləndiyindən 40–45 il sonra əmək fəaliyyəti yaşında olan əhaliyə tələbat

yanacaqdır. Bu səbəbdən də, əhalinin strukturunu tənzimləmək üçün miqrasiya prosesindən düzgün istifadəni daha münasib hesab edir [19].

Ali təhsilli və təhsilsiz miqrantların qəbulu müxtəlif dövlətlər tərəfindən müxtəlif qarşılır. Belə ki, ali təhsilli miqrantların cəlb edilməsi üçün bir sıra güzəştli proqramlar həyata keçirilir, təhsilsiz miqrantlar isə ucuz işçi qüvvəsi kimi bir çox sahibkarın marağındadır. Mövsümü işlərin yerinə yetirilməsi üçün bir sıra Avropa dövlətlərinin ali təhsili olmayan ucuz işçi qüvvəsinə ehtiyacı olur. Dövlətlər miqrasiya tiplərinin (əmək, təhsil, nikah v.s.) həyata keçirilməsini də diqqətdə saxlayaraq onların birinin azaldılması ilə digərinin əhəmiyyətini artırmaqla miqrasiya proseslərinin yaratdığı problemlərin qarşısını almağa çalışırlar.

Hazırda Avropa İttifaqı (Aİ) ölkələri daxili sərhədlərini açmaqla daxili miqrasiya prosesini də tənzimləməyə çalışırlar. Belə ki, Aİ-na ölkələrindən birində yaşayan əhali iş axtarmaq üçün bu ölkələrdən birinə gedə, hətta orada işləyib yaşaya bilər. Belə tənzimləmə inkişaf etmiş Avropa dövlətlərinin öz aralarında miqrasiya prosesinə nəzarət etmələrinə şərait yaradır. Aİ-nın qanunvericilik sistemi üzv dövlətlərin əhalisinə vahid sosial şərait yaradılmasını təmin edir. Həmçinin, təhsilin eyniləşdirilməsi və diplomların tanınması istiqamətində də proqramlar həyata keçirilir. Bununla da miqrasiya prosesini daha kompleks şəkildə tənzimləməyə çalışırlar.

Vətəndaşların vizasız hərəkəti üçün (xüsusilə, turizm və biznes məqsədilə) Aİ, ABŞ, Kanada və Yaponiya öz aralarında və bir sıra ölkələrə güzəştlər müəyyən etmişlər. Bu proses qeyri-qanuni miqrasiyanın qarşısını almaqda mühüm addımdır. İnkişaf etmiş dövlətlər bir tərəfdən sərhədləri açsalar da, digər tərəfdə inkişaf etməkdə olan dövlətlərlə sərhədləri möhkəmləndirirlər ki, qanunsuz miqrasiyanın qarşısını alsınlar. Məhz buna görə də, İspaniya və Mərakeş ilə sərhəddində Aİ-nın ən mühüm sərhəd məntəqələrindən biri yerləşir.

Aİ üzvləri arasında qeyri-qanuni miqrasiya ilə mübarizədə əməkdaşlıq məqsədilə 2002-2006-cı illərdən Aİ ilə üçüncü dövlətlər arasında immiqrasiya, sığınacaq, viza məsələlərinə dair administrativ əməkdaşlığı əks etdirən proqram fəaliyyət göstərməyə başlayır.

Dövlətlərin miqrasiya siyasətinin öyrənilməsi, bu sahədə təcrübə mübadiləsi əhəmiyyətli və vacib vəzifəyə çevrilmişdir.

Aİ, Müstəqil Dövlətlər Birliyi (MDB) kimi beynəlxalq təşkilatlar, həmçinin ABŞ, Yaponiya, Türkiyə, Rusiya kimi dövlətlər miqrasiya proseslərinin dövlətlər tərəfindən idarə olunması və tənzimlənməsi sahəsində əməkdaşlığa, həmçinin elmi-nəzəri tədqiqatlara xüsusi əhəmiyyət verirlər. Miqrasiya proseslərinin tənzimlənməsində beynəlxalq təcrübənin öyrənilməsi və ondan istifadə olunması ölkə daxilində miqrasiya qaydalarının beynəlxalq standartlara uyğun təkmilləşdirilməsini, iki və çoxtərəfli əsaslarda beynəlxalq müqavilələrin

bağlanmasını, digər ölkələrlə qarşılıqlı şəkildə miqrasiya siyasətinin uzlaşdırılmasını şərtləndirir.

Azərbaycan Respublikasında da siyasi, sosial-iqtisadi proseslərlə əlaqədar XX əsrin sonlarından başlayaraq beynəlxalq miqrasiya güclənmişdir. Xüsusilə, qonşu dövlətlərə mövsümü miqrasiyalar güclənir. Bu prosesləri tənzimləmək məqsədilə Azərbaycan Respublikası Beynəlxalq Miqrasiya Təşkilatı, BMT-nin Qaçqınlar üzrə Ali Komissarlığı, Aİ, MDB, Avropa Şurası kimi beynəlxalq təşkilatlar, Almaniya, Avstriya, İsveçrə, Rusiya və başqa dünya dövlətləri ilə sıx əməkdaşlıq edir.

Bundan əlavə, dövlət siyasətinə uyğun olan bir sıra proqramlar həyata keçirir. Beynəlxalq miqrasiyasının genişləndiyi bir dövrdə bu proqramlar həm əhalinin hərəkətini izləmək, həm də Azərbaycan diasporunun fəaliyyətini təşkil etmək üçün zəruridir.

Azərbaycanın miqrasiya siyasətinin əsas məqsədi milli təhlükəsizliyi və milli maraqları qorumaqla miqrasiya axınlarının tənzimlənməsi, nəzarətsiz miqrasiya proseslərinin neqativ nəticələrinin qarşısının alınması, miqrantlara öz hüquqlarını həyata keçirmək üçün şəraitin yaradılması, əsas vəzifələri isə miqrasiya proseslərindən ölkənin inkişafı üçün səmərəli istifadə olunması; miqrasiya proqramlarının və tədbirlərinin həyata keçirilməsində dövlətin, cəmiyyətin və insanların mənafelərinə riayət edilməsi; qeyri-qanuni miqrasiyanın qarşısının alınması və miqrantların hüquqlarının müdafiəsidir.

Bu məqsədlə bir sıra qanunvericilik sənədləri ("Azərbaycan Respublikasında demoqrafiya və əhali sakinliyinin inkişafı sahəsində Dövlət Proqramı"; "Azərbaycan Respublikasının Dövlət Miqrasiya Proqramı (2006–2008-ci illər)"; "İmmiqrasiya haqqında"; "Əmək Miqrasiyası haqqında" v.s. Qanunlar) qəbul edilmiş [4; 6], ikitərəfli və çoxtərəfli sazişlərə, həmçinin Avropa Şurasının konvensiya və hüquqi aktlarına qoşulmuş, daxili qanunvericilik bazası yenilənmiş, respublika qanunvericiliyi Konstitusiyaya və insan hüquqları sahəsində tərəfdar çıxdığı beynəlxalq müqavilələrə uyğunlaşdırılmışdır [3; 5]. Azərbaycan Respublikasının qoşulduğu beynəlxalq Konvensiyalardan ən mühümləri aşağıdakılardır:

– Konsul əlaqələri haqqında Vyana Konvensiyası (qoşulma haqqında AR Milli Məclisinin 224 sayılı 21 iyul 1992-ci il tarixli Qərarı);

– BMT-nin qaçqınların statusu ilə bağlı Konvensiya və Protokolu (qoşulma haqqında AR Milli Məclisinin 402 sayılı 18 noyabr 1992-ci il tarixli Qərarı);

– Digər ölkə ərazisinə müvəqqəti gələn şəxslərə tibbi xidmət göstərilməsi haqqında Avropa Sazişi (qoşulma haqqında AR-in 111-İQ sayılı 31 may 1996-cı il tarixli Qanunu);

– Vətəndaşsızlıq hallarının azaldılması haqqında Konvensiya (qoşulma haqqında AR-in 105-İQ sayılı 31 may 1996-cı il tarixli Qanunu);

- Əmək miqrasiyası və mühacir zəhmətkeşlərin sosial müdafiəsi sahəsində əməkdaşlıq haqqında Saziş (təsdiq etmə haqqında AR-in 174-İİQ sayılı 8 oktyabr 1996-cı il tarixli Qanunu);

- Muzdluların cəlb edilməsinə, onlardan istifadə olunmasına, onların maliyyələşdirilməsinə və təliminə qarşı mübarizə haqqında Beynəlxalq Konvensiya (təsdiq etmə haqqında AR-in 366-İQ sayılı 30 sentyabr 1997-ci il tarixli Qanunu);

- Transmilli mütəşəkkil cinayətkarlığa qarşı Konvensiya və onun İnsan alverinin, xüsusən qadın və uşaq alverinin qarşısının alınması, aradan qaldırılması və cəzalandırılması haqqında və Miqrantların quru, dəniz və hava ilə sərhəddən qanunsuz keçirilməsinə qarşı Protokollar (təsdiq etmə haqqında AR-in 441-İİQ sayılı 13 may 2003-cü il tarixli Qanunu); v.s.

Qazaxıstan, Qırğızıstan, Ukrayna, Gürcüstan, İtaliya, Rusiya, Moldova, Belorusiya və digər dövlətlərlə əmək və əhalinin sosial müdafiəsi sahəsində əməkdaşlıq haqqında Sazişlər imzalanmışdır.

XX əsrdə beynəlxalq miqrasiya prosesləri nəticəsində xaricdə yaşayan azərbaycanlıların sayı artmışdır. XX əsrin əvvəllərindən başlayaraq əsasən, Avropada (Fransa, Polşa, Almaniya, Türkiyə) məskunlaşan azərbaycanlılar (xüsusilə, 1920-ci ildən başlayan repressiyalar ilə əlaqədar) müharicət həyatları yaşayarkən müxtəlif (siyasi, mədəni) təşkilatlar yaratmışlar. Bu fəaliyyətləri diaspora kimi ilk təşkilatma hesab etmək olar. Hazırda Rusiya, Türkiyə, Ukrayna, Qazaxıstan, ABŞ və Avropa ölkələrində yaşayan azərbaycanlıların təşkilatlanması işi müstəqil Azərbaycan dövləti tərəfindən həyata keçirilir [1]. Xaricdə yaşayan insanlar öz aralarında sosial şəbəkələr ilə əlaqələri qorumağa çalışırlar. Lakin həmin dövlətdəki səfirlik, konsulluq da bu işdə müəyyən xidmətlər göstərməlidir. Xalqın Vətəninə bağlı qalması, formalaşması və öz adətlərinə bağlı qalması üçün bu əlaqələr vacibdir.

Miqrasiyanın Azərbaycan əhalisinin formalaşmasında yeri və rolu. Miqrasiyanın xalqın formalaşmasına həm mənfi, həm də müsbət təsiri vardır. Əhalinin hərəkəti insanların mədəni və ictimai səviyyəsinə təsir etdiyinə görə cəmiyyətin inkişafında mühüm rola malikdir. Xüsusilə, ölkənin iqtisadi inkişafının təmin edilməsi üçün regionlar arası miqrasiya böyük əhəmiyyətə malikdir.

Azərbaycan əhalisinin formalaşmasında miqrasiyanın rolunu ümumiləşdirsək, aşağıdakı nəticələri əldə edə bilərik:

- **Əhalinin milli tərkibinin dəyişməsi:** XIX əsrin sonundan başlayan immiqrasiya nəticəsində əhalinin milli tərkibində dəyişiklik baş vermiş, Rusiya-İran və Rusiya-Türkiyə müharibələri nəticəsində bölgəyə başqa millətlərin (rus, erməni, polyak, alman v.s.) nümayəndələri köçürülmüşdür. XX əsrə aid məlumatlara nəzər saldıqda da ancaq say tərkibindəki dəyişikliyi görmək olar.

- **Əhalinin dini tərkibinin dəyişməsi:** XIX əsrdə bölgəyə xristian rusların, ermənilərin, katolik polyakların və almanların köçürülməsi əhalinin dini tərkibində yenilik etməsə də faiz nisbətində say dəyişikliyi yaratdı.

- **Şəhər-kənd əhalisinin dəyişməsi:** XIX əsrin sonundan başlayaraq şəhər əhalisinin sayı artmışdır. XIX əsrin 50-60-cı illəri ilə əsrin sonunu müqayisə etdikdə, şəhər əhalisinin immiqrantların hesabına artaraq bütün əhalinin 12,4%-dən 16%-ə çatdığı məlum olur. XX əsrdə sənayeləşmə prosesi nəticəsində əhalinin məskunlaşmasında urbanizasiyanın artması güclənmişdir (bunu şəhər və kənd əhalisinin sayının dəyişməsi ilə aydın görmək olu).

- **Əhalinin yaş-cins tərkibinin dəyişməsi:** Miqrasiya prosesi (urbanizasiya v.s.) əhalinin cins və yaş tərkibinə də təsir etmişdir. Gənclərin və kişi cinsinin azlığı kəndlərdə məşğulluğun azalmasına, kənd təsərrüfatında yeni texnologiyaların tətbiqinə mane olur. Bununla yanaşı, kəndlərdə doğumun azalmasına və əhalinin yaşlaşmasına səbəb olur. Şəhərdə əhalinin artımı isə “şəhərin yüklənməsi” yaşayış və məişət problemlərinin artması nəticələndir.

- XX əsrin sonlarında Ermənistanın Azərbaycana işğalçılıq siyasəti nəticəsində baş vermiş müharibə əhalinin səhhətində ciddi problemlər yaratmışdır. Nəticədə, ürək-damar və şəkər xəstəliklərinin sayı artmışdır.

- XX əsr ərzində baş vermiş müharibələr əhalinin demoqrafik vəziyyətinə və xalqın formalaşmasına öz mənfi təsiri göstərmişdir. v.s.

Müvəqqəti miqrasiyanın problemləri sırasında isə bəzi cəhətləri xüsusi qeyd etmək istərdik. XIX əsr ərzində miqrasiya prosesləri Rusiya imperiyasının maraqlarına uyğun olaraq bir tərəfli maraqla həyata keçirilmişdir. SSRİ dövründə isə, əsasən, sovet respublikaları arasındakı miqrasiya mövcud olmuşdur. SSRİ-də əhalinin miqrasiyası izləmək üçün qeydiyyatı aparılırdı və dövlət tərəfindən idarə edilirdi. Xüsusilə, dövlətin iqtisadi maraqlarına uyğun olaraq əhalinin hərəkəti geniş yayılmışdır. Azərbaycanda şəhərlərin salınması, şəhərlərdə sənaye obyektlərinin tikilməsi, ali və orta ixtisas təhsili müəssisələrinin açılması ilə əlaqədar digər respublikalardan mütəxəssislər işə cəlb edilirdi. Eyni zamanda, azərbaycanlılar müttəfiq respublikalarda aparılan quruculuq işləri ilə əlaqədar ora göndərilirdilər [1; 2; 3; 7].

Tədqiqatlar azərbaycanlılarının ümumiyyətlə az hərəkətli olduqlarını göstərir [9, s.211, 219, 258]. Bununla belə, Azərbaycan daxilində kənd və şəhər arasında, bir regiondan digərinə istiqamətlənən miqrasiyanın məcburi, mövsümü, əmək, təhsil, rəqqas kimi formaları mövcud olmuşdur.

Beləliklə, müasir dövrdə miqrasiya ənənəsi çoxcəhətlidir və onların öyrənilməsi demoqrafiyanın vacib məsələlərindəndir [3; 4; 5]. Dövlət siyasi və iqtisadi problemləri həll etmək, öz təhlükəsizliyini qorumaq

üçün miqrasiya proseslərini tənzimləməli və zəruri tədbirlər həyata keçirməlidir.

“Azərbaycan Respublikasında demoqrafiya və əhali sakinliyinin inkişafı sahəsində Dövlət Proqramı”nda miqrasiya proseslərinin tənzimlənməsinə dair 10 tədbir nəzərdə tutulmuşdur. Buna uyğun olaraq, miqrasiya sahəsində dövlət siyasətinin həyata keçirilməsi, idarəetmə sisteminin inkişaf etdirilməsi, miqrasiya proseslərinin tənzimlənməsi və proqnozlaşdırılması, bu sahədə müvafiq dövlət orqanlarının fəaliyyətinin əlaqələndirilməsi məqsədilə 2007-ci ildə Azərbaycan Respublikası Dövlət Miqrasiya Xidməti yaradılmışdır.

Yuxarıda göstərilənlər – beynəlxalq və milli qanunvericilik (o cümlədən, xaricdə yaşayan azərbaycanlıların vəziyyəti ilə əlaqədar qəbul edilən qanunvericilik sənədləri), həmçinin digər dövlətlərin təcrübəsi miqrasiya prosesinin tənzimlənməsi barədə tədqiqatlar aparılması üçün bazanın mövcud olduğunu göstərir. Bundan əlavə, miqrasiyanın əsas istiqamətləri, səbəbləri, tənzimlənməsi, miqrasiya proseslərinin, diasporanın demoqrafik göstəricilərinin öyrənilməsi və bu sahədə siyasətin təkmilləşdirilməsinə dair təkliflərin hazırlanması üçün tarixi, xüsusilə tarixi-demoqrafik və miqrasiya problemlərinə dair tədqiqatların aparılması zəruridir. Məhz belə tədqiqatlar vasitəsilə xalqın formalaşmasına mühüm təsir göstərən amilləri müəyyən etmək mümkündür.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Azərbaycan diasporu: böyük yolun başlanğıcı. – Bakı : Çarşıoğlu, 2006.
2. Azərbaycan Respublikası əhalisinin siyahıya alınması. 1999-cu il. – Bakı : Səda, 2000.
3. Azərbaycan Respublikasında demoqrafiya və əhali sakinliyinin inkişafı sahəsində Dövlət Proqramı. s.3198-3224 // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik toplusu. – 2004. – № 11 (89).
4. Azərbaycan Respublikasının Demoqrafik İnkişaf Konsepsiyası. 9 dekabr 1999-cu il. s. 2921–2927 // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik toplusu. 1999. – № 12.
5. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Miqrasiya Proqramı (2006-2008-ci illər). s. 1617–1627 // Azərbaycan Respublikasının Qanunvericilik toplusu. 2006. – № 7 (109).
6. Azərbaycan Respublikasının Statistika Komitəsi. // <http://www.azstat.org/> 20.12.2010.
7. Cavadova Z.Ə. Şimal-Qərbi Azərbaycanın əhalisi və tarixi-demoqrafiyası (XIX əsrin əvvəlləri – 70-ci illəri). – Bakı : Altay, 2002.
8. Fətullayeva M. Miqrasiyanın mahiyyəti, strukturu və xüsusiyyətləri // « Dirçəliş – XXI əsr » jurnalı. – № 133–134. – 2009. – S. 285–290
9. Həsənova L. L. Azərbaycan əhalisi XX yüzilliyin ikinci yarısında (sovet siyahıya almaları əsasında). – Bakı, BDU, 2003.
10. İbişov S. Quba xanlığının əhalisi. – Bakı : Bakı universiteti nəşriyyatı, 2004.
11. Məmmədova A. Ə. Car-Balakən camaatlığı. – Bakı : UniPrint, 2009.

12. Qazax sultanlığı. // Dünya azərbaycanlıları: tarix və müasirlik. Elmi-nəzəri toplusu. III buraxılış. – Bakı : MBM, 2009. – S. 88–102.
13. Qərbi Azərbaycanın əhalisi XIX-XX əsrlərdə. // Dünya azərbaycanlıları: tarix və müasirlik. Elmi-nəzəri toplusu. III buraxılış. – Bakı : MBM, 2009. – S. 142–177.
14. Quba xanlığının əhalisi. // Dünya azərbaycanlıları: tarix və müasirlik. Elmi-nəzəri toplusu. III buraxılış. – Bakı : MBM, 2009. – S. 16–33.
15. Quliyev N. Ə. Naxçıvan xanlığının əhalisi (tarixi-demoqrafik tədqiqat). – Bakı, Elm, 2006.
16. Rzayeva-Əliyeva Y. Ə. XIX əsrin II yarısında Bakı əhalisinin tərkibində sosial dəyişikliklər barədə. // Dünya azərbaycanlıları: tarix və müasirlik. Elmi-nəzəri toplusu. III buraxılış. – Bakı : MBM, 2009. – S. 210–215.
17. Şəki xanlığının əhalisi. // Dünya azərbaycanlıları: tarix və müasirlik. Elmi-nəzəri toplusu. III buraxılış. – Bakı : MBM, 2009. – S. 132–141.
18. Şükürov K. K. Azərbaycan əhalisi: öyrənilməsi tarixi və qaynaqları. – Bakı : Elm, 2004.
19. Фомичёва О. В.. Структурирование миграционного пространства в эпоху глобализации: роль развитых государств. // Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2007. – № 5. – С. 167–174.
20. Составлена генетическая карта Европы. Jurnal Current Biology. – URL: <http://www.day.az/news/unusual/127788.html>. – 05.02.2011.
21. The global approach to migration one year on: A comprehensive European Migration Policy – URL: <http://europa.eu> – 30.11.2006.
22. World Population Policies 2005. United Nations Department of Economic and Social Affairs/Population Division. – URL: <http://www.unpopulation.org>, P. 26–31. – 25.11.2010.
23. World Population Prospects: the revision 2006. United Nations Department of Economic and Social Affairs/Population Division. – URL: <http://www.unpopulation.org>, P. 25. – 25.11.2010.

TARİX FAKÜLTƏSİNDƏ TƏHSİLİN ƏNƏNƏLƏRİ VƏ YENİLİKLƏRİ

A. S. H. Rzayeva
Bakı Dövlət Universiteti, Bakı, Azərbaycan

Summary. The faculty of history of their Baku State University it is of according 90 c activity education it is on tradition formed. During the education process are reflected our people and all world history levees, material and moral history in the holy. The faculty of History takes and active part in the preparing education plans of textbooks and facilities of Azerbaijan Republic.

Key words: the faculty of history; education tradition world history; balloon process.

Bakı Dövlət Universitetinin yaşadı olan Tarix fakültəsi 90 ildə şərəfli inkişaf yolu keçərək, respublikamızda tarix elminin inkişafına öz töhfəsini vermişdir. Fakültə yarandığı dövrdən respublikamızın dövlət idarələri, elm, maarif və mədəniyyət müəssisələri üçün tarixçi kadrlar hazırlayan mühüm elm və tədris mərkəzi, eyni zamanda ideoloji mərkəz olmuşdur.

XX əsrin 80-ci illərinin sonlarından başlayaraq, milli-azadlıq hərəkatının önündə gedən Tarix fakültəsi Azərbaycanda gedən ictimai-siyasi proseslərin həmişə mərkəzində olmuş, milli dövlətçiliyin, sabitliyin və əmin-amanlığın qorunub saxlanması işində öz sözünü demişdir. Məhz Tarix fakültəsi kollektivinin təşəbbüsü, təkidi və Elmi Şuranın təklifi ilə Universitetin tarixi adı – “Bakı Dövlət Universiteti” adı bərpa edilmişdir.

XX əsrin 80-90-cı illərinin əvvəllərindən başlayaraq fakültədə müasir dövrün tələblərinə cavab verən tarixçi kadrların hazırlanması istiqamətində yeni mühüm tədbirlər həyata keçirildi: tarixçi tələbələrin dil və kompyuter hazırlığına, nadir ixtisaslar üzrə (tarixi demoqrafiya, mənbəşünaslıq, tarixşünaslıq, muzeyşünaslıq, diyarşünaslıq, regionşünaslıq, etnologiya) mütəxəssislər hazırlanmasına diqqət artırıldı, bu məqsədlə yeni elmi bölmələr, mərkəzlər və kafedralar yaradıldı.

Fakültənin kafedralarının tədris və elmi istiqaməti dünyanın bütün regionlarının tarixi əhatə edir. Fakültənin bu əhəmiyyəti müsbət cəhətlərdən biri kimi qeyd edilməlidir. Azərbaycan dövlət müstəqilliyini bərpa etdikdən sonra yeni dövrün tələblərinə uyğun olaraq struktur dəyişiklikləri aparıldıqda da, yenə bu əhəmiyyətə qorunmuşdu: SSRİ tarixi (Oktyabra qədərki dövr) kafedrasının bazasında Şərqi Avropa xalqları tarixi kafedrası, SSRİ tarixi (Sovet dövrü) kafedrasının bazasında isə Türk və Qafqaz xalqları tarixi kafedrası təşkil olundu. 2001-ci ildə Şərqi Avropa xalqları tarixi kafedrası Slavyan ölkələri tarixi kafedrası adlandırıldı. Azərbaycan tarixi kafedrasının bazasında iki kafedra – Azərbaycan tarixi (humanitar fakültələr üzrə) və Azərbaycan tarixi (təbiət fakültələri üzrə) kafedraları yaradıldı, Azərbaycanın Maddi Mədəniyyət Tarixi Elmi-Tədqiqat laboratoriyası və Dünya azərbaycanlıları (tarixi-demoqrafiya) Elmi-Tədqiqat laboratoriyası 2001-ci ildə «Azərbaycanşünaslıq» Elmi-Tədqiqat Mərkəzində birləşdirildi.

Bundan əlavə, fakültədə Tarix ixtisaslaşması üzrə bir neçə ixtisaslarda da təhsil aparılır. XX əsrin 80–90-cı illərində yaradılan yeni ixtisasların bazasında Beynəlxalq münasibətlər və Beynəlxalq hüquq, Sosial elmlər və fəlsəfə fakültələri yaradılmışdı. 2000–2001-ci tədris ilində fakültədə Regionşünaslıq (Qafqazşünaslıq) və 2004–2005-ci tədris ilində Regionşünaslıq (Amerikaşünaslıq) ixtisasları üzrə kadr hazırlığına başlanmışdır. Burada ümumi fənlərlə yanaşı göstərilən regionların tarixi, fiziki, siyasi, iqtisadi və tarixi coğrafiyası, daxili və xarici siyasəti, mədəniyyəti və digər problemlər də tədris olunur ki, bu da həmin regionların tarixini tədris və tədqiq edən yüksək ixtisaslı kadrların hazırlanmasına xidmət edir. 2009-cu ildən fakültənin əyani və qiyabi şöbələrində tarixçi kadrlarla yanaşı tarix müəllimi və 2010-cu ildən Antropologiya ixtisasları üzrə də kadr hazırlanmağa başlandı.

Fakültədə həyata keçirilən bütün bu islahatlar Tarix fakültəsinin inkişafına təkan verir.

Hələ keçən əsrin 90-cı illərinin əvvəllərində respublikamızın orta, orta ixtisas və ali məktəbərində milli tarixçi kadrlara olan ehtiyac nəzərə alınaraq Tarix fakültəsinin qəbul planı 50 nəfərdən (25 nəfər Azərbaycan bölməsi, 25 nəfər rus bölməsi) 100 nəfərə (75 nəfər Azərbaycan bölməsi, 25 nəfər rus bölməsi) çatdırıldı. Sonrakı illərdə Tarix fakültəsinə qəbul edilən tələbələrin sayı 200–250 nəfərə qədər artırıldı. Nəticədə, 2000-ci ildə fakültənin əyani və qiyabi şöbələrində təhsil alan tələbələrin sayı 904 nəfərə çatdırıldı. Müvafiq olaraq, kadr hazırlığı da ilbəl artmışdır. Belə ki, 1975-ci ildə fakültəni 103 nəfər bitirmişdirsə, 2000-ci ildə 185, 2005-ci ildə 216, 2008-ci ildə 284 nəfər, 2009-cu ildə 294 nəfər, 2010-cu ildə 297 nəfər, 2011-ci ildə 313 nəfər bitirmişdir. Ümumiyyətlə 2000-2011-ci illərdə fakültəni tarixçi ixtisası və Regionşünaslıq (Qafqazşünaslıq) və Regionşünaslıq (Amerikaşünaslıq) ixtisasları üzrə 3.004 nəfər bitirmişdir.

Hazırda fakültənin iki şöbəsində – əyani və qiyabi şöbələrində – ölkə üçün tarixçi kadrlar hazırlanır. Fakültədə ali təhsilin bakalavr pilləsi üzrə əyani və qiyabi şöbələrinin Azərbaycan və rus bölmələrində 1203 tələbə təhsil alır.

Fakültədə internetə qoşulmuş kompyuter otağı yaradılmış, Türk odası və Akt zalı proyektor və kompyuterlərlə təmin edilmişdir. Bunlar dərslərin tədrisində kompyuter texnologiyalarından istifadə etməyə imkan verir. Fakültənin kafedralarının İnternet şəbəkəsinə qoşulması əməkdaşların zəruri informasiya əldə etməsi, xarici ölkələrin elmi müəssisələri və kitabxanaları ilə əlaqələr üçün şərait yaratmışdır.

Bu gün Tarix fakültəsində tarix ixtisası üzrə ölkənin ən mühüm elm və təhsil mərkəzi kimi elm və təhsilimizin müasir tələblərə uyğun, hərtərəfli inkişafı üçün geniş islahatlar proqramı həyata keçirir. Qabaqcıl dünya təcrübəsinə əsaslanan bu proqramın ən mühüm tərkib hissələrindən biri də xalqımızın tarixi keçmişini, maddi və mənəvi mədəniyyətini hərtərəfli və dərinlən araşdırmaqdan ibarətdir.

Azərbaycan Respublikasının ümumtəhsil, orta ixtisas və ali məktəbləri üçün tədris planları, dərslikləri və dərs vəsaitləri hazırlanmasında Tarix fakültəsi aparıcı rol oynayır. Fakültənin bu sahədə uğurları Avropa Şurası xətti ilə də təsbit olunmuşdur.

İndi Tarix fakültəsində müstəqil Azərbaycanımız üçün kamil mütəxəssislər hazırlanması və tədrisin keyfiyyətinin yüksəldilməsi, elmi araşdırmaları daha yüksək zirvələrə qaldırmaq istiqamətində məqsədyönlü iş aparılır.

Fakültənin Bolonya prosesinə keçməsi bu işin daha yüksək səviyyəyə qaldırılmasına şərait yaradacaqdır. Fakültədə çalışan professor-müəllim heyəti bu prosesin həm çətinliklərini, həm də vacibliyini tam aydınlığı ilə duyur, bütün qüvvələrini onların həllinə yönəldir. Baloniya təhsil prosesinə uyğun tədris planlarının tərtibində Tarix fakültəsinə öz

ənənəsinə sadıq qalaraq dünyanın bütün regionlarının tarixinin, qədim və müasir dillərin əks olunmasına çalışır.

Azərbaycan Respublikası hazırda böyük təbii zənginliklərinə, iqtisadi göstəricilərinə və yüksək mədəniyyətinə görə dünya dövlətləri sırasında layiqli yerlərdən birini tutur. Çoxsahəli sənayeyə, kənd təsərrüfatına, elm və mədəniyyətə malik olan Azərbaycan qazandığı bütün nailiyyətlərini özünün yüksək ixtisaslı kadrlarının səyi və əməyi nəticəsində əldə etmişdir. Bu nailiyyətlərdə Bakı Dövlət Universitetinin və onun ilk fakültəsi olan Tarix fakültəsinin də yetişdirdiyi kadrların özünəməxsus rolu, yeri və xidmətləri vardır.

Ədəbiyyat siyahısı

1. S.T.Hacıyev, R.C.Süleymanov. Tarix fakültəsinin tarixi. 1919-1920. Tarixi icmal. – Bakı, Nurlar nəşriyyatı, 2010.
2. Məhərrəmov A. Bakı Dövlət Universiteti. – Bakı, 2009.
3. Tarix fakültəsinin arxivi və cari sənədləri.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

10–11 мая 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»** (К-21-5-12).

15–16 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-12).

25–26 мая 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-12).

1–2 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-12).

3–4 июня 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-45-6-12).

5–6 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-12).

10–11 сентября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-12)

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них пуб-

ликаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источникную базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Наука, 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
р/с № 4070281000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 3010181090000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: ФИО автора

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosfera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Исторический факультет
Бакинского государственного университета
Факультет социальных наук и психологии
Бакинского государственного университета
Факультет управления
Белостокского технического университета
Пензенская государственная технологическая академия

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 апреля 2012 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 28.04.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 16,85 п. л.
Усл.-печ. л. 15,67 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 21/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09